

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

4

2021

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2021

Том 27

№ 4

Октябрь – Декабрь

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2021

Volume 27

№ 4

October – December

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК, ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ;
10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственный университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV
Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA
Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

7 Памяти учителя

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 10 **Пичугин А.Б.**
Неизвестные страницы историографии Волго-Камья:
Капитон Милькович
- 17 **Сараева Е.Л.**
Восприятие кадетами основных государственных законов в период работы Первой Государственной думы:
идеи В.А. Маклакова
- 27 **Громова А.И.**
«Перчатка» Б. Бьёрнсона и «Одна из многих» Б. Крис в контексте общественной дискуссии о мужском целомудрии и двойной морали в Российской империи конца XIX – начала XX в.
- 35 **Колесников В.А.**
Введение продразвёрстки в условиях кризиса снабжения накануне революции 1917 г.
(по материалам Костромской губернии)
- 39 **Хомяков С.В., Соболева А.Н.**
Новая жизнь старообрядцев Забайкалья:
навстречу «советскому человеку» (конец 1920-х гг.)
- 47 **Батунаев Э.В.**
Генезис монгольской революции 1921 г.:
методологические и теоретические аспекты
- 56 **Балахонова М.А., Околотин В.С.**
Деятельность Ивановского государственного медицинского института в военных условиях 1941–1942 гг.
- 63 **Лантухов С.С.**
Особенности подготовки летного состава истребительной авиации в авиашколах ВВС РККА во второй период Великой Отечественной войны
- 69 **Гехт А.Б.**
Шведская непубличная дипломатия во время Второй мировой войны на примере деятельности М. Валленберга-младшего
- 76 **Кометчиков И.В.**
Гражданское население в разминировании территорий на Западе РСФСР: правовая регламентация и административные практики региональной власти (1942–1946 гг.)
- 83 **Лапай Д.С.**
История городка Военного института (Железнодорожных войск и военных сообщений)
- 94 **Суверов Е.В., Грошева В.К., Красносонов Ю.Н.**
Подготовка кадров для органов внутренних дел в Донецкой области (вторая половина 60-х годов XX в.)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 100 **Патрикеева М.В.**
Русская драматургия периода Крымской войны 1853–1856 гг.
- 107 **Овчинина И.А., Виноградов А.А.**
Пьеса А.Н. Островского «Поздняя любовь»:
от замысла – к воплощению
- 113 **Тихомиров В.В.**
А.Н. Островский визави Ф.М. Достоевский:
комедия «Богатые невесты» и роман «Идиот»
- 120 **Ильина Н.К.**
Последние исправления в переводе комедии У. Шекспира «Усмирение своенравной»
- 125 **Лебедев Ю.В.**
Мотивы кризиса русской семьи и отечественной государственности в эпической трилогии Б.М. Маркевича («Четверть века назад», «Перелом», «Бездна»)
- 132 **Едوشина И.А.**
Петр Великий в историософии Василия Розанова

CONTENTS

7 In memoriam the Teacher

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 10 **A.B. Pichugin**
Unknown chapters of the Volga-Kama historiography:
Kapiton Mil'kovich
- 17 **E.L. Saraeva**
The perception of the basic state laws by the Constitutional Democrats during the work of the first State Duma:
the ideas of Vasily Maklakov
- 27 **A.I. Gromova**
“A Gauntlet” by Bjørnstjerne Martinius Bjørnson and “Vera: One for Many: From a Girl’s Diary” by Bettina Dorothea Kris in the context of a public discussion about male chastity and double morality in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries
- 35 **V.A. Kolesnikov**
Introduction of food distribution in the conditions of the supply crisis before the revolution of 1917 (based on the materials of Kostroma Province)
- 39 **S.V. Homyakov, A.N. Soboleva**
New life of the Old Believers of Transbaikalia:
towards the “Soviet person” (late 1920s)
- 47 **E.V. Batunaev**
The genesis of the Mongolian revolution of 1921:
methodological and theoretical aspects
- 56 **M.A. Balahonova, V.S. Okolotin**
The activities of Ivanovo State Medical Institute in the war conditions of 1941–1942
- 63 **S.S. Lantukhov**
Features of fighter aircraft staff training in the flight schools of the Red Army air force during the 2nd period of the Soviet-Axis war
- 69 **A.B. Gekht**
Swedish non-public diplomacy during World War II on the example of the activities of M. Wallenberg Jr.
- 76 **I.V. Kometchikov**
Civilians in demining territories in the West of the Russian Soviet Republic: legal regulation and administrative practices of regional authorities (1942–1946)
- 83 **D.S. Lapay**
History of camp of Military Institute (Railway troops and military communications)
- 94 **E.V. Suverov, V.K. Groshevaya, Yu.N. Krasnosonov**
Personnel training for the internal affairs in Donetsk Region (second half of the 1960s)

SCIENCE OF LITERATURE

- 100 **M.V. Patrikeeva**
Russian drama during the Crimean War of 1853–1856
- 107 **I.A. Ovchinina, A.A. Vinogradov**
Alexander Ostrovsky’s play “Late Love”:
from its conception to the implementation
- 113 **V.V. Tikhomirov**
Alexander Ostrovsky vis-a-vis Fyodor Dostoevsky:
the comedy “Rich Brides” and the novel “The Idiot”
- 120 **N.K. Ilyina**
The last corrections in the translation of the comedy “The Taming of the Shrew” by William Shakespeare
- 125 **Yu.V. Lebedev**
Motifs of the crisis of the Russian family and national statehood in the epic trilogy of Boleslav Markevich (“A Quarter of a Century Ago”, “The Turning Point” and “The Void”)
- 132 **I.A. Yedoshina**
Peter the Great in the historiography of Vasily Rozanov

138 Фивейская А.В.

Стадиальные различия в стиле «Гирлянды джатак» Харибхатты и «Авадана-шатаки» (на примере сюжета об олене)

144 Шишкова И.А.

Нравственные ценности в повести Сары Филдинг «Гувернантка, или Академия маленьких женщин»

151 Болдырева Е.М.

Хай Цзы – китайский Есенин: танатологическая поэтика и «роман со смертью»

162 Илунина А.А.

Интертекстуальность в романе Андреа Леви «Маленький остров»

168 Мыслина Ю.Н.

Джойсовский тип хронотопа в литературно-историческом путеводителе М. Шишкина «Русская Швейцария»

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**174 Винокуров В.А.**

Проблемы чрезмерного законотворчества в современной России

181 Бимбинов А.А.

Трансформация уголовного законодательства Германии об ответственности за сексуальные преступления

186 Демидович В.А.

Анализ уголовного законодательства Франции, Англии и Испании об ответственности за развратные действия

192 Бердинских С.В.

Защита прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий как комплексное направление прокурорской деятельности

198 Бриль Г.Г., Богданова Е.И.

Правовое регулирование деятельности ломбардов в дореволюционном и советском гражданском законодательстве

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**204 Белов А.М., Белова Н.А.**

К 77-летию воссоздания Костромской области (круглый стол в информационном центре Администрации Костромской области)

209 ТРЕБОВАНИЯ**К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ****138 A.V. Fiveyskaya**

Period-specific differences of style in Haribhātṭa's "Garland of Jātakas" and in the "Avadāna-śataka" (based on the deer jātaka)

144 I.A. Shishkova

Moral values in Sarah Fielding's novel "The Governess, or the Little Female Academy"

151 E.M. Boldyreva

Hai Zi – Chinese Sergei Yesenin: tanatological poetics and "romance with death"

162 A.A. Ilunina

Intertextuality in Andrea Levy's novel "Small Island"

168 Ju.N. Myslina

J.A.A. Joyce's type of chronotope in Mikhail Shishkin's non-fiction "Russian Switzerland"

JURAL SCIENCE**174 V.A. Vinokurov**

Problems of excessive lawmaking in modern Russia

181 A.A. Bimbinov

Transformation of German criminal legislation on responsibility for sexual crimes

186 V.A. Demidovich

Analysis of the criminal legislation of France, England and Spain about responsibility for lecherous actions

192 S.V. Berdinskikh

The prosecutor's judicial protection of public interests in the use and protection of specially protected natural territories as a complex area of prosecutorial activity

198 G.G. Bril', E.I. Bogdanova

Legal regulation of pawnshops in pre-revolutionary and Soviet civil legislation

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE**204 A.M. Belov, N.A. Belova**

On the 77th anniversary of Kostroma Region restoration (scientific discussion in the information centre of Kostroma Region administration)

209 REQUIREMENTS**TO REGISTRATION OF ARTICLES**

29 октября на 91-м году жизни скончался
Николай Николаевич Скатов,
выдающийся учёный, исследователь классической русской литературы, член-корреспондент РАН

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Николай Николаевич Скатов родился 2 мая 1931 г. Его детские и юношеские годы прошли в Костроме. По окончании средней школы № 30, он поступил на филологический факультет Костромского государственного педагогического института. Здесь, под влиянием профессора Д.Е. Тамарченко, он начал свои первые шаги в науке. С отличием окончив институт, он поступил в аспирантуру при кафедре литературы МГПИ, где под руководством профессора А.И. Ревякина подготовил и защитил кандидатскую диссертацию «В.Г. Белинский о критике. (Проблема критики в эстетике В.Г. Белинского)».

В 1956 г., по окончании аспирантуры, Николай Николаевич вернулся в Кострому. В родном для него институте он читал курсы введения в литературоведение, истории русской литературы XIX в. и спецкурс по творчеству В.Г. Белинского. Его лекции пользовались успехом не только у филологов, но и у студентов других факультетов, а также у многих костромичей – любителей русской литературы. Аудитория, в которой он читал лекции, была всегда переполнена слушателями.

Николай Николаевич умел пробуждать научную интуицию, развивать творческий потенциал, оценивать и воспитывать исследовательские умения и навыки студентов. В отличие от многих талантливых педагогов, у которых нам посчастливилось учиться,

Николай Николаевич пробуждал в нас не только любовь к литературе, но и живой интерес к литературоведению. В его лекциях открывался высокий гуманитарный смысл историко-литературной науки, имеющей прямое отношение к самим основам национальной жизни, к генетическим корням её. Это было литературоведение, адресованное всем и каждому, доступное и понятное, обладающее живым, образным, художественным языком.

Особое внимание он уделял не только разбору творчества отдельных писателей-классиков, но и анализу их окружения. Писатель у него погружался в литературный процесс, открывался перед нами как в творческой индивидуальности, так и в диалогической связи с общим движением отечественной литературы. Неслучайно, по-видимому, одну из первых своих книг Николай Николаевич назвал «Поэты некрасовской школы» (Л., 1968), а вторую – «Некрасов. Современники и продолжатели» (Л., 1973). Обращаясь к поэзии Некрасова, используя все достижения советского некрасоведения, он успешно преодолевал односторонне-социологическое прочтение поэта, в произведениях которого видели иллюстрацию основных положений революционно-демократической публицистики. В его лекциях Некрасов предстал как великий национальный поэт, в творчестве которого открывалась неисчерпаемая глубина народной жизни, национальная эпопея в новых формах литературы. В последней и беспор-

но лучшей биографии Некрасова Н.Н. Скатов убедительно показал огромное влияние Некрасова на творчество Достоевского («Некрасов». М., 2004).

Акцентируя внимание на своеобразии русско-го литературного процесса, наш учитель открывал любопытную связь в развитии русской литературы XIX в. между первой и второй его половинами. В творениях Пушкина Николай Николаевич видел истоки новой русской литературы. Он показывал, что все последующее ее развитие превращается в развертывание тех возможностей, которые явлены в Пушкине в виде ёмких эстетических формул. Как откровение и раскрытие художественных потенций, изначально намеченных в универсальном гении Пушкина, весь последующий литературный процесс оказывался соразмерным Пушкину и соотносимым с ним. Об этом писал Н.Н. Скатов впоследствии в книге «Пушкин. Русский гений» (М., 1999).

Уже тогда, в начале 1960-х гг., утверждался в лекциях этого замечательного ученого и педагога новый взгляд на основные вехи эволюции русской классической литературы. В первой половине XIX века она отличалась необыкновенной емкостью и универсальностью художественных обобщений. Лектор сравнивал их с зернами или с бутонами еще не распустившегося цветка. В это время закладывались первоосновы русской литературной классики, живые клетки ее, несущие в себе неповторимый «генетический код». Это литература кратких, но перспективных в своем дальнейшем развитии художественных формул, заключающих в себе мощную образную энергию, еще сжатую в них, еще пока не развернувшуюся.

Она развернется позднее в произведениях Тургенева, Толстого, Достоевского. Литература первой половины XIX в. – это литература художественных обобщений общенационального масштаба. Не случайно многие из них войдут в пословицы, станут фактом нашего повседневного языка, частью нашего духовного опыта: почти все басни Крылова, множество стихов и образов из «Горя от ума» и «Евгения Онегина», из «Мертвых душ» Гоголя.

Н.Н. Скатов показывал, что русская литература второй половины XIX в. отличается, напротив, своей аналитичностью: она как бы раскрывает скобки за теми сжатыми художественными формулами, которые были даны Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем. Из «Капитанской дочки» Пушкина, из «Бородино» Лермонтова, из «Тараса Бульбы» Гоголя и трех басен Крылова – произведений, кратких по форме и емких по содержанию, – вырастает, развертываясь на тысячи страниц, многотомное повествование «Войны и мира» Л.Н. Толстого.

В условиях второй половины XIX в. уже неповторим пушкинский универсализм. Даже русская поэзия этого времени разделяется на два враждующих друг

с другом направления: некрасовскую школу и школу поэтов «чистого искусства» – рядом с Некрасовым стоит Фет. Островский отдаст все силы драматургическому творчеству, Толстой и Достоевский – романам, юношеская драматургия и проза Некрасова несоизмеримы по значимости со стихами национального поэта, Чехов в прозе выступит мастером короткого рассказа, Салтыков-Щедрин будет «чистым» сатириком и т. д. Н.Н. Скатов писал об этом в книге «Литература великого синтеза» (М., 2011).

Николай Николаевич показывал нам, что то же самое происходило и в литературной критике. Если в первой половине века она осенялась одним именем Белинского, то во второй половине появлялось несколько критических школ: «реальная критика» революционеров-демократов, «эстетическая критика» либералов-западников, «почвенническая критика» соратников Ф.М. Достоевского.

Замечательно, что литературная критика в те годы еще не отпочковалась в особую дисциплину, и Николай Николаевич включал лекции о классиках русской критики в общий историко-литературный процесс. Более того, на четвертом курсе мы слушали теоретический спецкурс Николая Николаевича о литературной критике и эстетике В.Г. Белинского. В.В. Тихомиров вспоминает, что именно спецкурс о критике Белинского, прочитанный нам Н.Н. Скатовым, сыграл в будущем немалую роль в том, что он многие годы посвятил изучению и преподаванию истории русской литературной критики: «Тогда мы, студенты, впервые приобщились к глубинам философско-эстетических основ литературной критики, убедились в том, что критика – дело серьезное, важное и непростое. Николай Николаевич обратил наше внимание на то, что критическую деятельность Белинского нужно воспринимать с учетом развития его философско-эстетических взглядов, что Белинский-критик был разным на разных этапах жизни».

В своих лекциях Николай Николаевич стремился показать непреходящее значение тех художественных открытий, которые составляют душу нашей классики, которые сохраняют ее вечную актуальность. Не случайно одну из своих книг он назвал потом «Далекое и близкое» (М., 1981). От «далекого» мысль лектора устремлялась к «близкому»: раскрывая то, что сменяется, Н.Н. Скатов обращал внимание студентов на то, что стоит, что удерживается неизменным в глубинном существе русской жизни. Он доказывал, что классическая русская литература торжествует над течением времени: наше прошлое оказывалось в самом прямом смысле нам близким, а наша современность, по неумолимой логике органического роста жизни и литературы, напоминала о далеком, в новых исторических условиях заново воскрешая его.

В 1962 г. Н.Н. Скатов испытал незаслуженные гонения, организованные в институте его недоброжелателями, с недоверием и завистью относившимися к талантливому ученому и блестящему преподавателю – кумиру костромских студентов-филологов. Получив приглашение от заведующего кафедрой ЛГПИ им. А.И. Герцена А.И. Груздева, Н.Н. Скатов уехал в Ленинград. Здесь он защитил докторскую диссертацию, посвященную исследованию творчества Н.А. Некрасова и поэтов его школы. Вскоре он стал заведующим кафедрой русской литературы Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена.

В 1987 г. его назначили директором крупнейшего в нашей стране академического Института русской литературы (Пушкинского Дома), избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. Затем он стал членом президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, заместителем председателя экспертного совета ВАК РФ, главным редактором журнала «Русская литература». В течение восемнадцати лет Николай Николаевич возглавлял Пушкинский Дом, сохраняя его научный потенциал в самые тяжелые для нашей страны времена.

Но родную Кострому при этом Николай Николаевич никогда не забывал. Человек мудрый и душевно щедрый, он простил причиненные ему обиды. Связь с родным институтом, а потом и университетом он поддерживал всегда, причем, связь действенную и результативную. Целой плеяде костромичей он буквально открыл дорогу в науку. Среди них – Ю.В. Лебедев, В.В. Тихомиров, Б.М. Козлов, Л.Д. Волкова, А.М. Крупышев, А.В. Торопова, Е.Л. Мураткина... Именно он приложил максимум усилий к формиро-

ванию в Костроме научной литературоведческой школы, именно он участвовал в изданиях некрасовских сборников в качестве их редактора, именно он помогал костромичам в организации и проведении ежегодных литературоведческих конференций.

В своей книге о творчестве Кольцова («Кольцов». М., 1983) Николай Николаевич писал: «Отношение подлинного искусства к жизни, как известно, совсем неоднозначно. Жизнь и быт определенного склада уходят, а искусство остается. Ведь все мы помним замечание Маркса об искусстве древних греков как сохраняющем значение нормы и недостижимого образца. Важно понять, на какой социальной и национальной основе возник тот или иной тип искусства, почему он остается, что несет людям, даст ли что-либо будущим поколениям».

Старец Зосима в «Братьях Карамазовых Достоевского говорит: «Праведник отходит, а свет его остается». Все, созданное Николаем Николаевичем за его долгую жизнь, просится на рабочий стол преподавателя вуза, учителя литературы, любого человека, не равнодушного к судьбе своего отечества. Ведь греховным началом человеческой природы, которые захлестнули современное общество, потребуется активное духовное исцеление. Этим исцелением станет наша классическая литература, которую Томас Манн назвал «святой», а вместе с ней и работы Н.Н. Скатова, которые будут способствовать русскому оздоровлению и возрождению.

*Юрий Владимирович Лебедев
доктор филологических наук, профессор,
Кострома, Россия, y.v.lebedev@yandex.ru*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 10–16. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 10–16. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470)''18/19''

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-10-16>

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИОГРАФИИ ВОЛГО-КАМЬЯ: КАПИТОН МИЛЬКОВИЧ

Пичугин Андрей Борисович, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия, p_andre76@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается одна из важнейших проблем в историографии Волго-Камья: ввод в научный оборот неиспользуемых и забытых материалов, касающихся описания в конце XVIII – начале XIX в. средневековых болгарских археологических памятников. В региональной историографии конца XIX в. этот аспект выражен отсутствием использования таких археологических материалов. Рукопись статского советника, лесного стата землемера К.С. Мильковича в данном случае является ярким тому примером. В ходе ее исследования можно сделать вывод, что К.С. Милькович был первым, кто описал значительную долю археологических памятников Казанской губернии. Однако в известной отечественной историографии труд С.М. Шпилевского «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии» имя К.С. Мильковича не вошло, а открытые им археологические памятники в Чистопольском уезде были приписаны более позднему исследователю А.И. Артемьеву. Извлеченная из РНБ г. Санкт-Петербурга, исследованная и опубликованная нами рукопись указывает на необходимость исправить этот историографический пробел и включить в анналы историографии Волго-Камья имя этого замечательного исследователя.

Ключевые слова: народы России, перепись населения, Казанская губерния, Капитон Милькович, археология Волго-Камья, рукопись, биярское городище, история Казанского края, межевание Казанской губернии

Для цитирования: Пичугин А.Б. Неизвестные страницы историографии Волго-Камья: Капитон Милькович // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 10–16. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-10-16>

Research Article

UNKNOWN CHAPTERS OF THE VOLGA-KAMA HISTORIOGRAPHY: KAPITON MIL'KOVICH

Andrey B. Pichugin, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia, p_andre76@mail.ru

Abstract. The paper deals with one of the most crucial issues in the Volga-Kama historiography: introduction of previously unused and forgotten materials related to the description of archaeological sites of the late 18th – early 19th centuries. This element of the late-19th century regional historiography is marked by the absence of such archaeological resources. The manuscript by Kapiton Mil'kovich, state councilor and forestry surveyor, is a vivid example of this. In the course of her study, it can be concluded that Kapiton Mil'kovich was the first to describe a significant part of the archaeological sites of Kazan Province. However the work of Sergey Shpilevskiy, known in Russian historiography as Ancient Cities and other Bulghar-Tatar Monuments in Kazan Province did not mention the name of Kapiton Mil'kovich, and the archaeological sites discovered by him in Chistopol district were attributed to Aleksandr Artemyev, the later researcher. The manuscript, found by us in St. Petersburg National Library of Russia, was analysed and published, and it indicates the importance of the need to correct this historiographical gap, and include the name of the outstanding researcher in the annals of the Volga-Kama historiography.

Keywords: peoples of Russia, population census, Kazan Province, Kapiton Mil'kovich, Volga-Kama archaeology, manuscript, site of ancient settlement of Bilyar, history of Kazan land, land surveying of Kazan Province.

For citation: Pichugin A.B. Unknown chapters of the Volga-Kama historiography: Kapiton Mil'kovich. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 10–16 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-10-16>

В настоящее время проблема изучения региональной исторической науки в России находится на очень высоком уровне. Это связано прежде всего с благоприятным культурообразующим климатом в регионах и развитием в них различных исторических и этнографических обществ. Несомненно, такая тенденция была рождена не сегодня – она теплилась и развивалась с переменным успехом последние три столетия. И если взглянуть на историографию этой проблемы, то пик изучения народов России приходится на конец XVIII в. Это связано прежде всего с тем, что Российскому государству в этот период было необходимо как можно быстрее собрать пласт сведений об этнокультурных особенностях населяющих её народов. Увеличение народонаселения дало толчок для изучения как новых народностей, вошедших в состав России (крымские татары, народы Кавказа, Малороссии), так и давно проживающих в Волго-Камье коренных этносов [Пичугин 2011: 150] (башкиры, татары, чуваша, марийцы, мордва, вотяки, коми). В связи с этим стоит напомнить, какова была демографическая ситуация в начале и в конце XVIII в. Так, по первой ревизии 1724 г., предпринятой Петром I, население страны составляло около 13 млн человек, но уже к концу XVIII в., в правление Екатерины Великой, население составляло 36 млн человек [Рожков: 7]. Однако неудачи жесткой и неоднозначной христианизаторской политики Петра I и Анны Иоанновны [Крайсман: 98] требовали пересмотра её методов. Среднее Поволжье, населенное многочисленными этносами, не исповедующими православие, было все таким же большим «белым пятном» для православных миссионеров. Им нужна была информация, так сказать, из «первых рук»: о культуре, языке, традициях, верованиях. Так, Екатерининская эпоха для мусульман Поволжья стала благоприятной [Пичугин, Крайсман: 206], а терпимое отношение к их религии руководствовалось не только здравым смыслом, но и тем, что присоединенные территории Кавказа, Крыма и Средней Азии нужно было как-то удерживать в мире и согласии, в контексте русского православия.

Помимо историков В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, М.В. Ломоносова, Ф.М. Миллера, в числе исследователей российских инородцев выступали как сами миссионеры, так и чиновники, работающие по заданию правительства в качестве этнографов, лингвистов и географов. К их числу можно отнести естествоиспытателей и путешественников Н.Н. Лепехина [Лепехин], П.С. Палласа [Паллас], П.И. Рычкова [Рычков], И.Г. Георги [Георги], М.И. Невзорова [Невзоров]. И.Г. Георги, более того, был прусским подданным, доктором медицины и зоологом. Все они косвенно (сюжетно) или более подробно смогли дать описание обычаям, нравам, культурным и ре-

лигиозным особенностям народов Волго-Камья. Это были современники того времени, которые «вживую» соприкасались посредством этнографии с древней историей Российской империи.

Но были и такие исследователи, которые непосредственно жили и работали в среде народов, которых они изучали. К таким исследователям можно отнести К. Фукса – профессора естественной истории, ректора Казанского Императорского университета и врача. Большую часть жизни в России он посвятил именно изучению культуры народов Волго-Камья [Фукс, 1832; Фукс, 1834; Фукс, 1839]. Ряд этнографических поездок к мордве, чувашам, башкирам, марийцам К. Фукс предпринимает в 20-е гг. XIX в.

В числе исследователей народов Поволжья могли быть также межевальщики-землемеры, которые имели возможность описывать быт и нравы деревенских и сельских жителей закрепленной за ним области. Стоит упомянуть, что межевание в России уходит корнями в Средневековье. Еще княгиня Ольга для усмирения недовольства древлян, проезжая новгородскую окраину, разделила её на погосты и волости, наложив на них подать [Дементьев: 49]. При Владимире Мономахе в его Уставе можно выявить зачатки внутреннего регулирования земельных границ [Правда русская...: 72]. Иван III в 1499 г. предпринял перепись и передел пустующих земель [Васильев: 187]. Правительством Ивана IV в Судебнике были определены различные наказания за истребление или порчу межевых границ в государстве (деревья, овраги, большие камни, холмы и т. д.) [Васильев: 188]. Им была также заложена межевая реформа (Писцовый наказ 1556 г.), в которой впервые в России стали использовать карты и геометрические чертежи. В первой половине XVII в. Казанский край был частично размежеван и подсчитаны его боршневые угодья [Пичугин 2016: 65]. Правительство Петра I стало также задумываться и о целостности государственных лесных угодий. 19 июня 1719 г. был издан указ, в котором было строжайше запрещено рубить дубы и вязы любого размера, а также сосну до 30,5 см в диаметре [Германн: 272]. Конец XVIII – начало XIX вв. ознаменованы подъемом межевания в России. Это было прежде всего связано с увеличением народонаселения и некоторым подъемом промышленности. Нужна была новая перепись населения. Параллельно переписи и накоплению статистических сведений указом Екатерины II от 9 апреля 1771 г. было предписано «впредь в экономические журналы включать сведения о древних курганах и о древних же развалинах...» [Порфирьев: 1]. Таким образом, исследования городищ и курганов в России стало проводиться на начальном этапе сначала чиновниками на государственном уровне, а уже со временем различными

археологическими и этнографическими обществами [Пичугин 2009: 162]. Для этого правительством Екатерины II было привлечен большой штат землемеров-межевальщиков, которые были расквартированы по 24 губерниям Российской империи. Среди них числилась и Казанская, но она подверглась полному межеванию лишь в конце царствования Екатерины Великой. По одной версии, запоздалое межевание Казанского края было связано с трудностью передвижения ввиду непроходимых здесь дремучих дубовых лесов [Германн: 283]. Дубовые рощи были в Казанской губернии раскинуты по левому берегу Волжского бассейна на чувашской стороне. При Петре I это были особо охраняемые корабельные леса [Пичугин 2019].

Одним из недооцененных, по нашему мнению, ранних исследователей истории Казанского края является межевальщик и землемер Капитон Милькович. В отечественной историографии это имя почти нигде не упоминается [Шакиров: 276–283; Хузин: 34–35]. Помимо основной работы землемером и охранителем лесного хозяйства в чине статского советника, он написал целый ряд работ по этнографии чувашей. Собственно, это и понятно: ведь К. Милькович имел отношение к охране корабельных дубовых лесов в Казанской губернии от незаконных вырубок, в том числе на территории нынешней Чувашии. Впервые этнографические материалы К. Мильковича увидели свет лишь в 1827 г. Они вышли небольшой серией в историческом журнале «Северный архив» [Малькович 1827].

Однако исследованная и изданная нами неопубликованная рукопись К. Мильковича «Историографическое описание Казанской губернии...» [Пичугин 2019а] говорит о нем не только как об этнографе, но и как о естествоиспытателе-археологе.

Отдельный раздел своей рукописи «Примечанию подлежащие места» Капитон Милькович посвятил описанию археологических памятников Казанской губернии. В него вошли памятники Чистопольского, Спасского, Свияжского, Мамадышского и Казанского уездов. До К. Мильковича углубленным описанием памятников Поволжья никто не занимался. Исследователи Рычков, Паллас, Лепехин были в Казанской губернии проездом и смогли описать лишь самые известные болгарские города Биляр и Болгар. Так, естествоиспытатель П.И. Рычков первым описал в своих «дневных записках» небольшую часть археологических памятников в окрестностях Билярска [Шакиров: 276]. Во время своей экспедиции он ехал проездом из Симбирска через Чистопольский уезд в сторону г. Елабуги и, далее, на луговую сторону р. Ика. Его описанию подверглись древние города Балымер и Биляр с окрестностями [Рычков: 11], а также «Чертово городище» [Рычков: 44] близ г. Елабуги. Исследо-

ватель И.И. Лепехин проезжал этим же маршрутом, но собирал в основном сведения о флоре, фауне, нравах и обычаях живущих там народов. Лишь немецкий естествоиспытатель и энциклопедист С.С. Паллас, предпринявший длительную научную экспедицию в 1768–1774 гг. по Сибири и Южной России, проезжая через Казанскую губернию, помимо описания её почв, флоры и фауны, довольно подробно описал нравы и обычаи чувашей, исследовал древний город Болгар [Паллас].

Описание археологических памятников Капитон Милькович поместил в своей рукописи «Историографическое описание о Казанской губернии...» [Милькович: Фонд СПбДА № 315]. Она представляет собой сшитую в шелковый синий переплет тетрадь из плотной голубой бумаги verge («в четверку») на 127 листов. Весьма ровный каллиграфический почерк автора показывает всю красоту гражданской скорописи конца XVIII – начала XIX в. Как писалось в ее начале, рукопись предназначалась императрице Марии Федоровне в качестве подарка. Однако по каким-то причинам рукопись не была ей подарена, а осела в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии вплоть до Октябрьской революции. Потом следы ее затерялись из-за закрытия Духовной академии и закрытия ее библиотеки с рукописным фондом. К счастью, весь рукописный фонд академии (в описи которого нам и удалось найти рукопись Капитона Мильковича) был переведен в «Салтыковку», ныне – Российскую национальную библиотеку.

Рукопись затрагивает вопросы древней истории Казанского края, вопросы экономики, почвоведения, архитектуры, гидрологии, статистики, культуры, картографии конца XVIII в. В неё также входит подробная цветная, выполненная на плотной бумаге акварелью план-карта хода штурма древней Казани войсками Ивана Грозного 2 октября 1552 г. с разъяснениями и древней топографией города.

Раздел рукописи, где описываются археологические памятники – «Примечанию подлежащие места» – был напечатан исследователем В.Л. Борисовым в 1898 г. в «Известиях Казанского общества археологии и этнографии». Он критически отнесся к рукописи К. Мильковича, отметив основной ее недостаток: «...Краткость, доходящую в некоторых случаях до лаконичности» [Борисов: 505]. Рукопись действительно затрагивает очень обширный пласт событий и вопросов казанской истории в несколько сжатой форме. Однако этот недостаток компенсируется описательным анализом доселе неизвестных памятников археологии, которых до К.С. Мильковича никто не описывал.

Так, известный дореволюционный российский краевед и историк С.М. Шпилевский в своей фундаментальной работе «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии»

в библиографии описаний Булгарского городища в хронологическом порядке дает краткую информацию о естествоиспытателях и краеведах, имеющих отношение к исследованиям древнего Болгара [Шпилевский: 195–197]. В числе описателей-исследователей XVIII – начала XIX в. значится совсем небольшое число исследователей. Это в первую очередь дьяк Андрей Михайлов, сделавший описание древних развалин города в 1712 г. для планирования строительства на том месте мужского православного монастыря, немецкий исследователь и путешественник П.С. Паллас [Паллас: 185–195] и естествоиспытатель-энциклопедист И.И. Лепехин [Лепехин: 265–283]. Дальнейшее изучение и описание этого археологического памятника у С.М. Шпилевского происходит лишь в 20-х гг. XIX в. востоковедом и филологом Ф.И. Эрдманом и путешественником, издателем «Отечественных записок» П.П. Свиньным [Свиньин: 1–35]. В этом списке, естественно, нет нашего казанского исследователя – лесного статиста землемера К. Мильковича, хотя он в своей рукописи довольно подробно описывает древний Болгар, задолго до описания его Ф.И. Эрдманом и П.П. Свиньным – в конце XVIII в.¹

Чистопольский уезд на период конца XVIII – начала XIX в. был археологически описан упомянутым нами П.И. Рычковым. Он первым описал Билярское городище, городище Батынгус [Рычков: 2]. Согласно источникам С.М. Шпилевского, район Чистопольского уезда вновь был изучен на предмет наличия древних булгарских поселений и городов исследователями лишь в начале второй половины XIX в. Так, статист и историк А.И. Артемьев, занимаясь по службе библиографией и описанием рукописей библиотеки Казанского университета, предпринял поездку в Чистопольский уезд для поиска летописного булгарского города Жукотина. А.И. Артемьев после поездки написал статью соответствующего названия в «Казанских губернских ведомостях» [Артемьев]. В ней он упоминает, например, о местонахождении таких городищ и поселений, как Кыз-Кала (Девичий городок), «Хола-вырнь-кереметь», «Хир-Кала» (Береговой город), Городище «Кала-Тау» при д. Щербень, городище «Гирей-Кала» близ д. Нов. Альметьево, городища при деревнях Тарханки и Енарускиной. С.М. Шпилевский в своей монографии утверждал, что эти археологические памятники впервые были подробно описаны исследователем А.И. Артемьевым. В процессе исследования рукописи К.С. Мильковича удалось выяснить, что все археологические памятники, описанные А.И. Артемьевым, были уже исследованы и описаны Капитоном Мильковичем в своей рукописи. Нахождение правильного местоположения древнего города Жукотина также было по непонятным причинам приписано А.И. Артемьеву, хотя

первым, кто описал его местоположение верно, был К.С. Милькович [Пичугин 2019а: 94].

Возможно, что в то время (середина XIX в.) рукопись была недоступна казанским исследователям, так как хранилась в Санкт-Петербургской духовной академии. Однако сличённые нами некоторые фразы в статье А.И. Артемьева с фразами в рукописи могут говорить о том, что она была знакома А.И. Артемьеву². К тому же А.И. Артемьев был хорошим библиографом и не мог не исследовать акты межевания Казанской губернии перед своими исследованиями в Чистопольском уезде. Еще одно важное несоответствие находим у С.М. Шпилевского в его монографии, где он пишет об упоминании городища «Кыз-Кала» (Девичий городок) только А.И. Артемьевым [Шпилевский: 366], что не соответствует действительности, поскольку это городище было описано в рукописи К. Мильковича [Пичугин 2019а: 94].

Таким образом, к последней трети XIX в. в российской научной среде археологов и этнографов Казанского края были незаметно утрачены, забыты и не введены в научный оборот некоторые важные археологические и этнографические материалы XVIII – начала XIX вв. К их числу относится рукопись титулярного советника, землемера и межевальщика К.С. Мильковича. Думается, что с введением этого источника в научный оборот отечественная историография сможет восполниться новыми разъяснениями, проливающими свет на эволюцию развития региональной археологии и этнографии Волго-Камья.

Примечания

¹ Капитон Милькович служил в чине статского советника лесным землемером в Казанской губернии в конце XVIII в. В начале XIX в. был квартирован в г. Уфу, где продолжал службу. Свою рукопись он обозначил 1804 г. Таким образом, писал он ее, уже работая в г. Уфе.

² У А.И. Артемьева в статье «Древний город Жукотин» на с. 5. читаем: «А между-тем, в **40 верстах от нынешней Казани, в дачах деревни Князь-Камаевой**, есть урочище, обведенное рвом и валом, известное как русским, так и татарам под именем Старой-Казани (Иски-Казани)». У К.С. Мильковича находим в рукописи (с. 87): «**В 45 верстах от города, по Арской дороге, в даче деревни Князь Камаевой**, на нагароном берегу реки Казанки видны признаки бывшего в прежние времена земляного укрепления и жилища, уже заросшего лесом, которое по-татарски называется Искей-Казань, то есть старая Казань».

Список источников

Милькович К.С. Историографическое описание о Казанской губернии, что прежде было царство Болгарское, потом Казанское, о первобытном и нынеш-

нем ее состоянии, о городах и местностях в древности знаменитых и примечанию подлежащих, о царствовавших тамо в прежния времена Болгарских царей и Ханах, собранное из разных Татарских манускриптов, историй и словесных преданий, живущих в Казанской губернии народов от их предков им преданным, так же и о найденных во время межевания и описи корабельных лесов на местах в развалинах по ныне еще существующих остатках каменных зданий, о разных земляных укреплениях, и о подъятых подвигах в возведении наверх щастия и блаженства сей губернии, в прежния и новейшия времена, Российскими Монархами, а особливо в том участвовавшими в Боге почитающими Императорами Петром Великим и подражателем великих дел его премудрым Монархом Павлом Первым, сочиненное Уфимского лесного стага землемером титулярным советником Мильковичем, 1804 года, в свободныя часы от ево должности // Фонд СПбДА. № 315. 127 с. + 1 карта.

Правда русская или законы Великих князей Ярославла Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. Москва, 1792. 100 с.

Список литературы

- Артемьев А.И.* Описание некоторых замечательных селений Чистопольского уезда // Казанские губернские ведомости. Казань. 1855. № 45.
- Борисов В.Л.* Историографическое описание о Казанской губернии Капитона Мильковича // Известия Общества археологии, истории и этнографии (ИОА-ИЭ). СПб., 1898. Т. 14, вып. 4. С. 497–519.
- Васильев И.* О начале и успехах межевания в России // Вестник Европы. СПб., 1822. Ч. 122. С. 185–201.
- Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповедания и других достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 1. 75 с.
- Германн К.Т.* О нынешнем состоянии межевания в России // Вестник Европы. СПб., 1822. Ч. 122. С. 267–284.
- Дементьев В.С.* Историко-географический анализ внутренних и внешних границ Новгородской земли в средневековый период // Арктика. XXI век. Сер.: Гуманитарные науки. № 1 (7). 2016. С. 45–72.
- Крайсман Н.В.* Миссионерская политика Российского правительства в Среднем Поволжье в XVIII веке: историко-политический анализ: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 235 с.
- Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771. 555 с.
- Милькович К.С.* О чувашах // Северный архив. 1827. Ч. 27. № 9. С. 47–67.
- Милькович К.С.* О чувашах // Северный архив. 1827. Ч. 27. № 10. С. 120–139.
- Милькович К.С.* О чувашах // Северный архив. 1827. Ч. 27. № 11. С. 210–232.
- Невзоров М.И.* Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году. Москва, 1803. 270 с.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. 773 с.
- Пичугин А.Б.* Бортничество и земледелие Волжской Булгарии: к истории заимствований в материальной культуре // Вестник Костромского государственного университета. Кострома, 2016. Т. 22. № 3. С. 65–67.
- Пичугин А.Б.* В глазах Казани век Петра теплится // КНИТУ. 2019. Вып. 6. С. 10.
- Пичугин А.Б.* Ислам как фактор формирования государственности Волжской Булгарии // Вестник Казанского технологического университета. № 24. 2011. С. 150–152.
- Пичугин А.Б.* История Казанского края по материалам неопубликованных источников: монография. Казань: Изд-во КНИТУ, 2019а. 128 с.
- Пичугин А.Б., Крайсман Н.В.* Исторический опыт деятельности образовательных учреждений дореволюционной России в свете современных социокультурных условий формирования гражданской идентичности // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 206.
- Пичугин А.Б.* Археологические аспекты изучения проблемы этногенеза татар (середина XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-2 (64). С. 161–163.
- Порфирьев С.И.* Древности Казанского края в актах генерального межевания // ИОАИЭ. Казань, 1904. Т. 20. Вып. 1–3. С. 1–16.
- Рождков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Москва; Петроград, 1923. Т. 7. 273 с.
- Рычков П.И.* Журнал и дневные записки путешествия Капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 году. СПб., 1770. 189 с.
- Рычков П.И.* Опыт древней Казанской истории древних и средневековых времен, сочинен Петром Рычковым Статским советником, Санкт-Петербургской Императорской академии наук корреспондентом и Вольного экономического общества членом. СПб., 1767. 232 с.
- Свинын П.П.* Развалины г. Булгара // Отечественные записки. 1824. № 48. С. 1–35.
- Фукс К.* Путешествие по Башкирскому Уралу // Казанский вестник. Казань, 1832. Кн. 8.
- Фукс К.* Путешествие по Башкирскому Уралу // Казанский вестник. Казань, 1832. Кн. 9.
- Фукс К.* Поездка из Казани к Мордве Казанской губернии // Журнал министерства внутренних дел. СПб., 1839. № 10. С. 85–119.

Фукс К. Поездки из Казани в Чебоксары // Заволжский муравей. Казань, 1834, vol. 1–2.

Хузин Ф.Ш. Древняя Казань в документах и материалах // Эхо Веков. 1995. С. 34–35.

Шакиров З.Г. История изучения археологических памятников в округе Билярского городища // Труды КАЭЭ. Пермь, 2012. Вып. 8. С. 276–283.

Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. 585 с.

References

Artemyiev A.I. *Opisanyie nekotorykh zameshatelnykh seleniy Chistopolskogo uезда* [Description of some wonderful villages of the Chistopol district]. *Kazanskyie gubernskyie vedomosti* [Kazan Provincial Gazette], 1855, № 45. (In Russ.)

Borisov V.L. *Istoriograficheskoe opisanyie o Kazanskoj gubernyi Kapitona Milkovischa* [Historiographic description of the Kazan province of Kapiton Milkovich]. *IOAIE* [Proceedings of the Society of Archeology and Ethnography at the Kazan Imperial University], 1898, vol. XIV, issue 4, pp. 497–519. (In Russ.)

Vasilyev I.O. *O nachale I uspehah megevaniya v Rossii* [About the beginning and success of land surveying in Russia]. *Vestnyk Evropy* [Bulletin of Europe]. Petersburg, 1822, vol. 122, pp. 185–201. (In Russ.)

Georgy I.G. *Opisanyie vseh obitaiuschich v Rossijskom gosudarstve narodov I ih giteyskich obriadov, obyknovenyi, odejd, jilisch, upragneniy, zabav, veroispovedaniy i drugich dostopamyatnostei*. [Description of all the peoples living in the Russian state, and their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, fun, religion and other attractions]. Petersburg, 1799, vol. 1, 75 p. (In Russ.)

Demytyev V.S. *Istoriko-geograficheskyyi analiz vnutrennykh i vneschnih granitz Novgorodskoy zemly v srednevekoviy period* [Historical and geographical analysis of the internal and external borders of the Novgorod land in the medieval period]. *Arctica. XXI vek. Gumanitarnyye nauki* [Arctic. XXI Century. Humanitarian sciences], 2016, № 1 (7), pp. 45–72. (In Russ.)

Kraysman N.V. *Missionerskaiya politika Rossijskogo pravitelstva v Srednem Povolgiya v XVIII veke: istoriko-politicheskiy analiz. Dissertatsiya na soiskaniye uschonoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Missionary Policy of the Russian Government in the Middle Volga Region in the 18th Century: Historical and Political Analysis. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Kazan, 2006, 235 p. (In Russ.)

Lepekhin I.I. *Dnevnyye zapiski puteshestviya po raznym provintsiyam Rossijskogo gosudarstva* [Day notes of travel to different provinces of the Russian state 1768 and 1769]. Petersburg, 1771, 555 p. (In Russ.)

Milkovich K.S. *O chuvashakh* [About the Chuvashes]. *Severnuy arkhiv* [Northern archive], 1827, № 9, pp. 47–67.

Milkovich K.S. *O chuvashakh* [Milkovich K.S About the Chuvashes]. *Severnuy arkhiv* [Northern archive], 1827, № 10, pp. 120–139. (In Russ.)

Milkovich K.S. *O chuvashakh* [About the Chuvashes]. *Severnuy arkhiv* [Northern archive], 1827, № 11, pp. 210–232. (In Russ.)

Nevzorov M.I. *Puteshestviye v Kazan, Vyatku i Orenburg v 1800 godu* [Travel to Kazan, Vyatka and Orenburg in 1800]. Moscow, 1803, 270 p. (In Russ.)

Pallas P.S. *Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossijskoy imperii* [Travel to different provinces of the Russian Empire]. Petersburg, 1809, 773 p. (In Russ.)

Pichugin A.B. *Bortnichestvo i zemledeliye Volzhskoy Bulgarii: k istorii zaimstvovaniy v materialnoy culture* [Horticulture and agriculture of the Volga Bulgaria: to the history of borrowing in material culture] *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University]. Kostroma, 2016, vol. 22, № 3, pp. 65–67. (In Russ.)

Pichugin A.B. *V glazakh Kazani vek Petra teplitsa* [In the eyes of Kazan the century of Peter the greenhouse]. Kazan, KSTU Publ., 2019, vol. 6, p. 10. (In Russ.)

Pichugin A.B. *Islam kak factor formirovaniya gosudarstvennosti Volzhskoy Bulgarii* [Islam as a factor in the formation of the statehood of the Volga Bulgaria]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan Technological University], 2011, № 24, pp. 150–152. (In Russ.)

Pichugin A.B. *Istoriya Kazanskogo kraja po materialam neopublikovannykh istochnikov; monografiya* [History of the Kazan region based on unpublished sources: monography]. Kazan, KNITU Publ., 2019, 128 p. (In Russ.)

Pichugin A.B., Kraysman N.V. *Istoricheskiy opyt deyatelnosti obrazovatelnykh uchrezhdeniy dorevolucionnoy Rossii v svete sovremennykh sotsiokulturnykh usloviy formirovaniya grazhdanskoy identichnosti* [Historical experience of educational institutions in pre-revolutionary Russia in the light of modern socio-cultural conditions for the formation of civic identity]. *Sovremennyye problem nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2016, № 5, p. 206. (In Russ.)

Pichugin A.B. *Arkheologicheskiye aspekty izucheniya problem etnogeneza tatar (seredina XIX – nachalo XX v.)* [Archaeological aspects of studying the problem of the ethnogenesis of the Tatars (mid-19th – early 20th centuries)]. *Izvestiya Altaeskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Altai State University], 2009, № 4-2 (64), pp. 161–163. (In Russ.)

Porfiryev S.I. *Drevnosti Kazanskogo kraja v akhtah generalnogo mezhevaniya* [Antiquities of the Kazan Territory in the acts of general surveying]. IOAIE, 1904. Kazan, vol. XX, rel. 1–3, pp. 1–16. (In Russ.)

Rogkov N. *Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskoy osvveshenii (osnovy sotsialnoy dinamiki)* [Russian history in comparative historical light (foundations of social dynamics)], 1923, vol. 7. Moscow, Petrograd, 273 p. (In Russ.)

Rychkov P.I. *Zhurnal I dnevnyye zapiski puteshestviya Kapitana Rychkova po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva 1769 i 1770 godu* [Journal and day notes of Captain Rychkov's travels to different provinces of the Russian state in 1769 and 1770]. Petersburg, 1770, 189 p. (In Russ.)

Rychkov P.I. *Opyt drevney Kazanskoj istorii drevnikh i srednevekovykh vremyan, sochinen Petrom Rychkovym Statskim sovetnikom, Sanktpeterburgskoy Imperatorskoj Akademii Nauk Korrespondentom i Vol'nogo Ekonomicheskogo obshchestva Chlenom*. [Experience of the ancient Kazan history of ancient and medieval times, composed by Pyotr Rychkov State Councilor, St. Petersburg Imperial Academy of Sciences Correspondent and Free Economic Society Member]. Petersburg, 1767, 232 p. (In Russ.)

Svinin P.P. *Razvaliny g. Bulgara* [Ruins of Bulgar] *Otechestvennyye zapiski* [Domestic notes], № 48, pp. 1–35. (In Russ.)

Fuks K. *Puteshestviye po Bashkirskomu Uralu* [Travel in the Bashkir Urals]. *Kazanskiy vestnik* [Kazan Bulletin], 1832, vol. 8. (In Russ.)

Fuks K. *Puteshestviye po Bashkirskomu Uralu* [Travel in the Bashkir Urals] *Kazanskiy vestnik* [Kazan Bulletin], 1832, vol. 9. (In Russ.)

Fuks K. *Poyezdki iz Kazani v Cheboksary* [Trips from Kazan to Cheboksary]. *Zavolzhskiy muravey* [Zavolzhsky ant], 1834, vol. 1, 2. (In Russ.)

Fuks K. *Poyezdka iz Kazani k Mordve Kazanskoj gubernii* [Drive from Kazan to Mordve of Kazan province]. *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of the Interior]. Petersburg, 1839, № 10, pp. 85–119.

Huzin F.H. *Drevnyaya Kazan v dokumentah I materialakh* [Ancient Kazan in documents and materials]. *Eho vekov* [Echo of centuries], 1995, pp. 34–35. (In Russ.)

Shakirov Z.G. *Istoriya izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov v okruge Bilyarskogo gorodischa* [Shakirov Z.G. History of the study of archaeological sites in the area of the Bilyar settlement]. *Trudy KAEЕ* [Proceedings of the KAEЕ]. Perm, 2012, vol. 8, pp. 276–283. (In Russ.)

Shpilevskiy S.M. *Drevniye goroda I drugie bulgarsko-tatarskiye pamyatniki v Kazanskoj gubernii* [Shpilevskiy S.M. Ancient cities and other Bulgar-Tatar monuments in the Kazan province]. Kazan, 1877, 585 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.08.2021; одобрена после рецензирования 18.09.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 24.08.2021; approved after reviewing 18.09.2021; accepted for publication 15.11.2021

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 17–26. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 17–26. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470)“1906”

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-17-26>

ВОСПРИЯТИЕ КАДЕТАМИ ОСНОВНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ В ПЕРИОД РАБОТЫ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: ИДЕИ В.А. МАКЛАКОВА

Сараева Елена Леонидовна, доктор исторических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, els5656@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>

Аннотация. В статье дана интерпретация идей либерала В.А. Маклакова об Основных государственных законах 1906 г. Он оценивал эти законы как российскую конституцию 1906 г. Маклаков дал трактовку взаимоотношения кадетов с правительством в связи с ограничением прав Государственной думы. Новизна исследования заключается в анализе восприятия кадетами основных российских законов в редакции 23 апреля 1906 г. Источниками по теме являются тексты лидеров кадетской партии – воспоминания В.А. Маклакова и П.Н. Милюкова, М.М. Винавера, а также Основные государственные законы 1906 г., материалы III съезда партии кадетов. В статье раскрываются политические взгляды Маклакова, характеризуется его коммуникативная культура, представления юриста о причинах неправовых действий кадетов в I Государственной думе, истоках их конфликта с правительством. Дан анализ идей Маклакова о степени конституционности шагов правительства в отношении Думы в 1906 г., раскрыты его суждения о самодержавии, правопорядке, необходимости формирования парламентской культуры депутатов. Доказывается, что Маклаков критиковал тактику кадетов в I Государственной думе в контексте идеи законности. Основную ошибку своих однопартийцев он видел в игнорировании ими ряда правовых норм, прописанных в Основных законах.

Ключевые слова: кадеты, российский либерализм, В.А. Маклаков, П.Н. Милюков, М.М. Винавер, I Государственная дума, Основные законы 1906 г., российский парламентаризм, В.В. Шульгин, III съезд партии кадетов.

Для цитирования: Сараева Е.Л. Восприятие кадетами Основных законов в период работы I Государственной думы: идеи В.А. Маклакова // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 17–26. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-17-26>

Research Article

THE PERCEPTION OF THE BASIC STATE LAWS BY THE CONSTITUTIONAL DEMOCRATS DURING THE WORK OF THE FIRST STATE DUMA: THE IDEAS OF VASILY MAKLAKOV

Elena L. Saraeva, Doctor of Historical Sciences, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia, els5656@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>

Abstract. The article gives an interpretation of the ideas of the liberal politician Vasily Maklakov on the Basic State Laws of 1906. He assessed these laws as the Russian Constitution of 1906. Vasily Maklakov gave an interpretation of the relationship between the Constitutional Democrats and the government in connection with the restriction of the rights of the State Duma. The novelty of the research lies in the analysis of the perception by the Constitutional Democrats of the Basic Russian Laws as amended on April 23, 1906. Sources on the topic include the texts of the leaders of the K-D Party – the memoirs of Vasily Maklakov and Pavel Milyukov, Maxim Vinaver, as well as the Basic State Laws of 1906, materials of the III Congress of the K-D Party. The article reveals the political views of Vasily Maklakov, characterises his communicative culture, the views of the lawyer about the reasons for the illegal actions of the Constitutional Democrats in the First State Duma, the origins of their conflict with the government. An analysis of Vasily Maklakov's ideas about the degree of constitutionality of the government's steps towards the Duma in 1906 is given, his judgements about autocracy, law and order, the need to form a parliamentary culture of deputies are revealed. It is proved that Vasily Maklakov criticised the tactics of the Constitutional Democrats in the First State Duma in the context of the idea of legality. He saw the main mistake of his fellow party members in their ignoring of a number of legal norms prescribed in the Basic Laws.

Keywords: Constitutional Democrats, Russian liberalism, Vasily Maklakov, Pavel Milyukov, Maxim Vinaver, I State Duma, Basic laws of 1906, Russian parliamentarism, Vasily Shulgin, III Congress of Constitutional Democracy Party.

For citation: Saraeva E.L. The perception of the basic state laws by the Constitutional Democrats during the work of the first State Duma: the ideas of Vasily Maklakov. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 17–26 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-17-26>

Актуальность исследования заключается в важности анализа идей кадетов об Основных законах 1906 г. накануне и в дни работы I Государственной думы. По этой проблеме наименее изучены тексты одного из лидеров этой партии Василия Алексеевича Маклакова (1869–1957), юриста по профессии, либерала по взглядам, депутата Государственной думы II, III и IV созывов. Размышляя о взаимоотношениях государства и депутатов I Государственной думы в 1906 г., он выявил существенные, с его точки зрения, ошибки народных представителей в правовой области, прежде всего в восприятии Основных законов, которые вели к конфликту их с правительством. Мнение Маклакова о взаимодействии Думы и правительства в рамках конституции как условия успешного развития страны имеет общественную актуальность.

Друг Маклакова Г.В. Адамович издал книгу о нем, охарактеризовав его как блестящего адвоката, очаровательного человека, он воспроизвел основные его идеи по опубликованным воспоминаниям [Адамович 1959]. Адамович назвал оценку Маклаковым Основных законов 1906 г. его самыми блестящими страницами [Адамович 1959: 147]. Книга, изданная в Париже, оставалась долгое время недоступной российскому читателю.

В советский период развития исторической науки исследователи практически не интересовались идеями Маклакова, поскольку воспроизводили оценку Лениным партии кадетов как контрреволюционной силы, поэтому мнения лидеров российского либерализма оценивались как классово чуждые интересам пролетариата [Шелухаев 1983]. Этот идеологический подход отрицал либеральные ценности правопорядка и свободы личности как значимые для российского общества начала XX в.

Современные историки утверждают, что российский либерализм был ориентирован на защиту гражданских прав человека, преследовал цель создания конституционного государства и гражданского общества [Степанов 2006; Шелухаев 2019]. Рассматривая конфликт власти с либералами, В.В. Шелухаев пришел к выводу, что «мирный компромисс между старыми и новыми элитами в России оказался практически невозможен», так как обе силы отстаивали разные альтернативы исторического развития страны. Историк воспроизвел трактовку этой борьбы, данную П.Н. Милоковым [Шелухаев 2019: 425]. Тема борьбы кадетов за расширение законодательных прав Государственной думы рассматривается в ряде работ, однако в них не сопоставлены разные мнения лидеров партии об Основных законах [Аронов 2005; История деятельности первых Государственных дум 2013; Смирнов 1998; Соловьев 2019].

В работах О.В. Будницкого, Ф.А. Гайды, Н.И. Дедкова, Г.Н. Кочешкова и Е.Л. Сараевой интерпретиру-

ются политические идеи Маклакова, характеризуется его восприятие политики П.А. Столыпина, представления о причинах революционного кризиса в 1917 г., сравниваются отдельные идеи лидеров кадетской партии [Будницкий 1999а, 1999б, 1999в, 2012; Гайда 2016, Гайда 2019; Дедков 2005; Кочешков, Сараева 2018, Сараева 2019]. Анализ степени изученности темы позволяет сделать вывод, что недостаточно исследованы идеи Маклакова о культуре думских депутатов, основу которой должен был составить принцип правопорядка.

Новизна работы заключается в анализе идей В.А. Маклакова о восприятии кадетами Основных законов в редакции 1906 г., определявших юридическое поле деятельности народного представительства. Он утверждал, что восприятие ими Основных законов существенно повлияло на работу I Думы.

Основными источниками по теме стали тексты Маклакова, воспроизводившие не только черты его культурной памяти, но и документы, в том числе стенографические отчеты Думы, программу партии кадетов, статьи в партийной печати, воспоминания современников, что придает высокую степень достоверности представления им мнений депутатов и министров. Важнейшим мотивом написания Маклаковым воспоминаний о Думе было стремление помочь историкам понять процесс конституционного развития имперской России. Он назвал это время эпохой, когда страна постепенно выходила на правовой путь развития. В 1922 г. он просил В. В. Шульгина написать мемуары о Думе, чтобы представить различные мнения политических лидеров о работе народного представительства. «В истории России время Думы, то есть кратких восьми лет, отпущенных нам с тем, чтобы выправить Россию, останется как одна из самых интересных эпох, которые, если судить ее здраво, а не трафаретами, должна была ясно показать, что будет с Россией. Если бы Вы, не лентяй написали мемуары о Думе, начиная с Ваших правых и кончая прогрессивным блоком, то Вы очень помогли бы историкам. Меня самого подмывает иногда сделать это...» [Маклаков 2012г: 87]. Маклаков опасался искажения исследователями истории взаимодействия думских фракций, поэтому ответственно отнесся к точному воспроизведению мнений депутатов по вопросам, которые обсуждались в I и II Государственных думах.

Маклаков обладал высокой коммуникативной культурой: он доступно интерпретировал политико-правовые идеи; вел спор, уважая взгляды оппонента; имея твердые убеждения, излагал их без фанатизма. В.В. Шульгин, лидер фракции националистов во II, III, IV Государственной думе, оппонент Маклакова, ценил его как умного, порядочного человека, с которым были готовы работать и думские лиде-

ры, и министры. «Маклаков был самый умеренный из кадетов и самым умный» [Шульгин 1990: 432]. Порядочность, высокая образованность, способность понимать эпоху и людей в контексте гуманных ценностей и правовых идей – качества личности, важные для Маклакова-мемуариста, повышающие доверие к его интерпретации событий.

Кредо Маклакова как юриста и политика – нельзя вставать на путь беззакония [Маклаков 2005]. Он определял свое мировоззрение как либеральное, сутью которого считал отстаивание прав человека [Маклаков 2006а: 5]. В европейской цивилизации он ценил формирование самостоятельной личности, обеспечение судами защиты прав человека, его «ограждение» от государства. Достижение этих целей в социально-правовой сфере на Западе Маклаков считал прогрессом и желал, чтобы Россия смогла решить аналогичные задачи [Маклаков 2006а: 6]. Маклаков оценивал деятельность депутатов с точки зрения ее соответствия законодательным основам Государственной думы. Целью Думы, полагал Маклаков, было содействие созданию правового государства. Он воспринимал Думу как законодательный институт, способный обеспечивать «подъем России во всех отношениях» [Маклаков 2006б: 5]. По мнению Маклакова, конституционная альтернатива развития России была реальной, пока существовала Дума. Он рассматривал Думу как важнейший политический инструмент, способный трансформировать Россию. Однако, считал он, движение России по правовому пути было возможно, если депутаты сами действовали в рамках закона.

В период эмиграции Маклаков дал детальный анализ восприятия кадетами Основных государственных законов 1906 г. в период работы I Думы, но вступил в полемику по этому вопросу еще во время работы Думы, зная мнения многих однопартийцев, давление на депутатов слева и справа, мотивацию принятия депутатами того или иного решения. Думская тактика партии кадетов продумывалась в петербургском партийном клубе, многие речи депутатов публиковались в газетах, что позволяет утверждать, что Маклаков, лично знавший лидеров партии, внимательно следивший за работой I Думы, был осведомленным современником. Он излагал свой взгляд на Основные законы в публичных лекциях и печати с 1907 г. [Маклаков 1936: 559]. Его позиция определялась принципиальной установкой, что Основные законы создали новую политическую систему, согласовывали интересы власти и общественности, что беззаконие – это произвол, недопустимый для представителей законодательного учреждения.

В отличие от П.Н. Милюкова и М.М. Винаве-ра, Маклаков ответственность за конфликт I Думы с правительством возлагал не только на министров,

но и на депутатов. Размышляя над вопросом причин «массы ошибок» – неправовых действий думских деятелей, он полагал, что одной из них стала политическая неопытность депутатов, которым следовало пройти «конституционную выучку», сформировать культуру работы в Думе [Маклаков 2006б: 5]. Винавер утверждал, что многие кадеты воспринимали себя «врожденными парламентариями» [цит. по: Маклаков 2006б: 7]. Согласно Маклакову, они «волю народа» ставили выше «конституционных “формальностей”», что не соответствовало нормам работы в законодательном учреждении [Маклаков 2006б: 7–8]. Милюков и некоторые другие лидеры партии считали необходимым проведение новой политической реформы, и с этой целью они полагали возможным войти в союз с левыми фракциями в Думе, чтобы иметь большинство. С их точки зрения, важно было определить «тактику» давления на монархию, чтобы побудить ее расширить права Думы. Маклаков видел цель либералов после создания Думы в соглашении «общественности с исторической властью для либеральных реформ», а не в давлении на власть [Маклаков 2006а: 13]. Как видно, два лидера партии по-разному определяли цели деятельности кадетов в Думе. Стратегия Милюкова вела к конфликту с монархией, а Маклаков был сторонником соглашения с исторической властью.

Согласно Милюкову, ограничение прав Думы законом 20 февраля 1906 г. и Основными законами 23 апреля 1906 г. вызвало негодование кадетов. В его оценках, «конституция» наложила на «народное законодательство новые пути», правительство перешло под «чрезвычайную охрану неприкосновенных для Думы законодательных норм и тем перекрыло все, что ставит преграды выражению воли народных избранных». Он заявил на III съезде, проходившем 21–25 апреля 1906 г., что «теперь мы приобрели право быть резкими. <...> На этот обман народа мы должны отвечать немедленно» [Милюков 1990: 363].

Сам Милюков понимал, что для Думы «были обязательны ограничения, введенные Учреждением 20 февраля 1906 г.», что нужно руководствоваться законами. «Мы предлагали ввести нашу законодательную работу в рамки этого Учреждения» [Милюков 1990: 361–362]. Депутаты из провинции считали себя вправе выражать в Думе оппозиционные «настроения страны». Милюков считал, что лидеры партии пытались не допустить влияния настроений на действия кадетской фракции. Однако его анализ восприятия кадетами Основных законов имел противоречивые утверждения. Милюков заявлял, что в I Думе предстояли «в ближайшую очередь острые расчеты с правительством и столкновения из-за формальностей закона, ограничивавших права народных представителей» [Милюков 1990: 361]. Он был уверен

в том, что кадетская фракция в I Думе поведет борьбу против ограничения прав депутатов. Основанием для выбора такой тактики, по мнению Милюкова, высказанному на третьем съезде партии, который прошел 21–25 апреля 1906 г., являлось «яркое оппозиционное настроение общества». Этому настроению надо было дать «полное удовлетворение», «не считаясь с теми формальными пределами, в которые вообще поставлена деятельность народного представительства» [Съезды 1997: 216].

На III съезде партии в апреле 1906 г. кадеты обсудили вопрос отношения к Основным законам, определили «тактическую линию» в I Думе [Маклаков 1936: 543]. М.М. Винавер, как и Милюков, конфликт I Думы с властью считал неизбежным из-за «стеснений», «которые были созданы самим законом для самостоятельности Думы» [Винавер 1907: 67]. Ф.И. Родичев заверял делегатов съезда, что кадеты обязаны «предъявлять в Думе» требования народа, не ограничивая себя законом о полномочиях Думы. «...Государственная дума не может, не должна останавливаться перед мыслью о недостаточности своих полномочий». «Сталкивающийся с народом будет столкнут силой народа в бездну» [Съезды 1997: 230]. Маклаков обратил внимание на аплодисменты делегатов съезда Родичеву в знак поддержки этой мысли [Маклаков 1936: 547]. К.Ф. Некрасов на съезде призывал не мириться с законом о Государственной думе от 20 февраля 1906 г. [Съезды 1997: 221]. Ф.Я. Друцкой-Любецкий повторил мысль предыдущих ораторов, что конфликт Думы с правительством неизбежен [Съезды 1997: 225]. А.М. Коллюбакин утверждал, что недопустимы никакие компромиссы с правительством, партия должна твердо отстаивать народные требования, надо быть «неуклонными выразителями народной воли» [Съезды 1997: 227–228]. А.А. Кизеветтер, обобщая мнения делегатов, отметил, что они в своих речах развивали идеи доклада Милюкова, соглашались с тем, что надо готовиться к конфликту с правительством [Съезды 1997: 233–234]. Большинство делегатов настаивало на неуклонном следовании положениям программы партии [Съезды 1997: 236]. Депутаты были едины в своей решимости в Думе требовать проведения реформ, даже если их проекты приведут к открытому конфликту с правительством. В итоговом постановлении съезда Основные законы названы нарушением прав народа, данных ему Манифестом 17 октября 1905 г., «преградой», которая не удержит избранных народа [Съезды 1997: 349].

Как видно, большинство кадетов считали, что должны руководствоваться не «конституцией», а исполнять волю народа. Третий съезд партии в постановлении зафиксировал право кадетских депутатов не останавливаться даже «перед возможностью открытого разрыва с правительством» [Съезды 1997:

348]. Кадеты не собирались мириться с «формальностями» Основных законов 1906 г. На этом съезде партии Милюков не дал конкретных рекомендаций депутатам: работать в рамках законов или рассчитывать на революционный образ действий [Милюков 1990: 361].

Маклаков, ознакомившись с речами и текстами кадетов, раскрывавшими их восприятие Основных законов, пришел к выводу, что лидеры партии не просто пошли на поводу менее разбирающихся в политике делегатов, но и сами не изменили свое отношение к власти, упорно настаивая на необходимости реализации своей политической программы через Думу. Он обвинил их в негибкости политики, которая должна учитывать менявшиеся обстоятельства. Ориентация на настроения большинства делегатов съезда была, по сути, отказом от обязательного признания принципа законности. На эту «ошибку» и указал Маклаков. «Острые расчеты», «столкновения» Думы с правительством из-за Основных законов – так Милюков определял позицию кадетских депутатов. Их риторика была враждебной монархии, обозначала подготовку к конфликтам с исторической властью.

Согласно Маклакову, речи кадетов, рассуждавших об Основных законах 1906 г., формировали имидж монарха как врага народного представительства, что не соответствовало действительности, так как государь «стал конституционным монархом и пытался лояльно играть свою новую роль. <...> ...Обещал “непоколебимо охранять” новые Основные законы...» [Маклаков 2006б: 11]. Кадеты вместо благодарности монарху, сразу после открытия I Думы, начали «атаку на его власть», пренебрежительно оценивая Основные законы как «стеснения», желая подчинить власть народному представительству [Маклаков 2006б: 11].

Маклаков был убежден в том, что Основные законы были «настоящей» конституцией, поскольку государь «делил свою власть с представительством». «Конституция заключается в ограничении законом прав государя...» [Маклаков 1936: 448, 450, 563]. «Стоит Основные законы прочесть, чтобы убедиться, что они дали нам конституцию», они ставили монарха «в рамки закона» [Маклаков 1936: 563, 564]. Маклаков считал ошибкой кадетов прежнее восприятие монархии как врага конституционного развития России. Интересы России требовали «не разгрома монархии, а соглашения с ней» [Маклаков 1936: 451]. Он обратил внимание на тот факт, что кадеты не приняли во внимание острейшую борьбу во властных кругах по вопросу о форме монархии и политической системе. По его мнению, следовало высоко оценить решение Николая II, прислушаться к голосу сторонников создания выборного народного представительства и опубликования Основных законов. «Опуб-

ликование Основных законов ознаменовало победу именно *либеральных* элементов около трона» [Маклаков 1936: 546]. «...Государь сделал себя подзаконным, т. е. конституционным, монархом. Основные законы его прежние права *ограничивали*». Смысл конституции Маклаков выразил словами: «Воле монарха были поставлены пределы теми законами, изменять которые единолично он уже не мог. <...> Конституция в том, что без согласия представительства Государь изменять закон не может» [Маклаков 1936: 567, 568]. Нежелание кадетов принимать во внимание ограничение власти монарха Основными законами Маклаков назвал слепотой, а издание Основных законов победой либерализма.

Неизменное восприятие монархии, даже потерявшей неограниченность своей власти, Маклаков считал грубой политической ошибкой кадетов. Николай II создал Государственную думу с законодательными правами, у либералов появилась возможность парламентским путем преобразовывать Россию. «...Лояльное использование конституции было самым действенным средством в руках I-ой Государственной думы...» [Маклаков 1936: 550]. Маклаков многократно писал, что в стране был введен новый порядок законотворческой деятельности, но на этом не акцентировали внимание многие кадеты. Преимущество конституции было в том, что «она устанавливала наконец законный конституционный порядок» [Маклаков 1936: 554]. Если Маклаков опубликование Основных законов воспринял как счастье, то Миллюков, выразитель настроения кадетов на апрельском съезде, назвал безумным покушением на права народа [Маклаков 1936: 555]. «Негодование» и «обида» ослепили глаза кадетам, считал Маклаков.

Маклаков выявил принципиально различное отношение к Основным законам в кадетской партии. Он сам был убежден, что Думе следует сотрудничать с конституционным монархом в рамках Основных законов. Другое мнение, представленное Миллюковым, – нужно использовать Думу для «атаки» на власть, чтобы изменить Основные законы. «И Первая Дума вместо того, чтобы показать, как можно пользоваться конституционным порядком, оказалась самой яркой страницей нашей политической неумелости» [Маклаков 1936: 556].

Маклаков, как и другие кадеты, считал самодержавие одним из виновников трагедии России в «конституционную» эпоху, завершившуюся в 1917 г. крушением старой политической системы, так как монархия не осознала необходимости завершения реформ [Маклаков 2006а: 13]. Правительство И.Л. Горемыкина было «противником всяких либеральных реформ» [Маклаков, 1936: 545]. Но одну из причин неудачи в начальный период создания конституционного государства Маклаков видел и в непонима-

нии большинством кадетов важности соблюдения Основных законов. Знание и исполнение законов депутатами представительного учреждения, тем более кадетами, претендовавшими на руководство I Думой, Маклаков считал обязательной чертой их парламентской деятельности. С его точки зрения, депутаты от кадетской партии неверно определили задачу I Думы как борьбу «конституции» с «пережитками Самодержавия». Ошибка кадетов, утверждал Маклаков, заключалась в самом понимании «конституции» в России, поскольку кадеты воспринимали себя как борцов за конституцию, но в реальности они повели борьбу с подлинной конституцией – Основными законами Российской империи в редакции от 23 апреля 1906 г.

Анализ Основных законов 1906 г. позволил Маклакову прийти к выводу, что этот документ являлся конституционным актом. Называли эти законы конституцией Миллюков, Винавер, но брали этот термин в кавычки, что позволяет говорить о том, что они не рассматривали эти законы как подлинную конституцию. «...В тайниках правительства уже готовился не простой “закон”, а “конституционный акт”» [Миллюков 1990: 360]. Депутатам следовало признать Основные законы конституцией и действовать в ее рамках, полагал Маклаков. Однако, писал он, кадеты в Ответном адресе заявили о важности серьезного изменения Основных законов: ликвидировать Государственный совет, дать Думе право участвовать в формировании правительства. Маклаков отмечал, что думские депутаты имели правовое основание высказать императору пожелание изменить политическую систему. Но они были обязаны понимать, что государь, если бы хотел провести конституционную реформу, издал бы другие Основные законы. Маклаков обратил внимание на то, что кадеты не думали об опасных последствиях революционного пути в условиях, когда «власть была еще очень сильна, имела опору в стране» [Маклаков 2006а: 93].

Маклаков оценил отношение кадетов к Основным законам в 1906 г. как нелояльное, вызванное ограничением прав Думы. «Еще более зловеща была нелояльность Думы и к самой конституции» [Маклаков 2006а: 81]. В дискурсе кадетов встречалось определение Основных законов как «лжеконституции» [Маклаков 1936: 558]. Миллюков, по мнению Маклакова, совершал ошибку, не обращая внимания на то, что конституция ограничивала и права монарха, но император все же признавал, что надо защищать конституционные основы государственности. Маклаков писал, что самодержец подчеркивал свою готовность защищать Основные законы в тронной речи, а кадеты лишь подвергали их критике. Следовало менять конституцию законным порядком, утверждал Маклаков. «Но пока конституция законным

порядком не была изменена, Дума должна была считать своим долгом ей подчиняться. Дума была создана конституцией и не могла быть выше ее» [Маклаков 2006а: 82]. Он назвал Основные законы «хорошо продуманной и благодетельной для России» «конституцией» [Маклаков 1936: 561]. Но эта позиция принципиально расходилась с установками многих кадетов, утверждавших, что в стране сохранилось самодержавие.

Все кадеты считали, что надо укреплять основы конституционного строя в России. В отличие от своих оппонентов в партии, Маклаков настаивал на правовом пути решения этой задачи, обеспечивавшем соглашение с властью. Как видно, Маклаков искал тактические шаги в правовом пространстве, а не на пути конфликта Думы с правительством, как Милюков. Он отмечал, что кадеты, включая Милюкова, не заявляли в апреле – июле 1906 г., что будут действовать строго в конституционном русле. Это позволило Маклакову писать, что Милюков руководствовался «революционной идеологией» давления на власть, сутью которой было заявление о праве депутатов выражать «волю народа» [Маклаков 2006а: 82]. Опасность этой идейной установки он видел в разрушении правового поля взаимодействия государственных учреждений, в развитии конфликта между ними.

Маклаков, проанализировав шаги правительства в отношении Думы, пришел к выводу, что они были «конституционны» [Маклаков 2006б: 7]. Он видел парадокс в том, что министры были воспитаны «на Самодержавии», «никто из них о конституции не мечтал», но они не сделали «ни одного действия», «которое бы конституцию “нарушало”» [Маклаков 2006б: 7]. Он оценивал отношение правительства к Основным законам как лояльное. Как видно, Маклаков применял правовые критерии оценки действий депутатов и министров, считая, что, независимо от восприятия юридических норм, гражданин обязан их соблюдать. Согласно Маклакову, с правовой точки зрения министры были конституционалистами, а депутаты – противниками Основных законов, хотя в реальности правительство защищало сильное самодержавие, а думские деятели стремились к дальнейшим конституционным ограничениям власти.

Маклаков признавал, что Основные законы соответствовали интересам монарха и правительства. Несомненно, эти законы определяли исключительно широкие prerogatives императора, ограничивали законодательные права Думы. Они наделяли императора всей полнотой исполнительной власти и значительными законодательными правами, в том числе правом инициирования пересмотра Основных законов. «Единственно по его почину Основные государственные законы могут подлежать пересмотру в Государственном совете и Государственной

думе» [Основные российские законы 1994: 50–51]. Эта норма лишала Думу права инициировать политико-правовую реформу, что вызвало недовольство многих кадетов. Маклаков был сторонником конституционного развития России, признавал право государства бороться с революцией как проявлением беззакония. Он возлагал ответственность за неразрешенный в 1906 г. политический конфликт между правительством и народным представительством и на монархию, и на Думу. Одну из причин конфликта правительства и Думы он видел в непонимании императором и многими министрами, что надо усиливать правовые основы конституционализма в стране [Маклаков 2005].

«Бюрократия приспособилась к новым порядкам и выдвинула “парламентарных министров”...» [Маклаков 2006б: 7]. Полагаем, что Маклакову было очевидно, что власть защищала себя Основными законами, это сознавали кадеты, однако выводы из этого обстоятельства Маклаков и Милюков делали разные.

Милюков принял активное участие в написании Ответного адреса императору с пожеланиями закрыть Государственный совет и передать Думе право формирования правительства. Кадеты, подписавшие это обращение к государю, повели борьбу за пересмотр Основных законов, хотя и не имели на это права.

Для Маклакова непреложным фактом были сами Основные законы, к которым надо было приспособиться и власти, и обществу. По пути адаптации к новой политической ситуации пошли, по его мнению, министры, но кадеты предприняли попытку внести изменения в этот свод законов. Суть конфликта между правительством и I Думой Маклаков видел в восприятии конфликтующими сторонами Основных законов и новой политической системы, законодательно закрепленной в них.

Особенностью политического мышления Маклакова было убеждение, что, даже если есть теоретические конструкты идеального конституционного политического устройства, нельзя выходить за рамки законов, чтобы воплотить их на практике. Он занимал позицию: цель не оправдывает средства. Следует трансформировать реальную систему государственного управления только законодательными мерами. Эта принципиальная установка Маклакова отличала его от Милюкова, который считал, что можно использовать революционный кризис для давления на власть, что цель создания подлинной парламентской системы оправдывает игнорирование отдельных положений Основных законов.

Маклаков дал свое определение самодержавия как навязывание стране воли власти, не ограниченной законами, выделив два его проявления – самодержавие государя и самодержавие народа. Одну из причин внеправовой деятельности кадетов в I Думе

Маклаков видел в их самовосприятии как выразителей «воли народа», обязанных заставить власть учитывать требования социальных низов [Маклаков 2006б: 8]. С его точки зрения, кадеты руководствовались своими представлениями об идеальной политической модели и принимали во внимание революционную ситуацию в стране, когда можно было заставить «противника» пойти на новые уступки. Однако навязывание воли одной силы другой, когда тактика давления не соответствовала правовым нормам, Маклаковым оценивалась как «самодержавие» народа, стоящее выше закона. Он осуждал все проявления самодержавия как силы, находящейся за пределами права. «Но ведь то же самое было и при Самодержавии; и оно от других требовало, чтобы закон соблюдался; привилегия его нарушать принадлежала ему одному. Идеология Думы в этом совпадала с Самодержавием» [Маклаков 2006б: 8]. Аналогичную интерпретацию самодержавия в свое время дал М.М. Сперанский в работе 1802 г. «Еще нечто о свободе и рабстве». По его мнению, главная черта деспотизма – неограниченность власти законами, ее произвол, обязанность подданных подчиняться монаршей или чьей-то воле, не контролируемой правовыми нормами: «Рабство политическое есть когда воля одного или многих составляет закон всех» [Сперанский]. Более ста лет лучшие правоведы актуализировали в России идею ограничения власти законами, но она не стала аксиомой даже для многих депутатов I Думы.

Проблема идеальной модели власти и условий ее воплощения в жизни, раскрываемая в текстах Маклакова, является важнейшей составляющей программы и тактики деятельности партии. Ошибкой Милюкова Маклаков считал восприятие теоретических конструкций как высшей цели, для достижения которой можно использовать не только законные методы. «Кадетская партия, исходившая из этого идеала, полная веры в то, что демократия не ошибается, встретила Основные законы с негодованием» [Маклаков 1936: 558]. Подобные ориентиры деятельности Маклаков считал спорными и даже опасными для России.

Как видно, Маклаков настаивал на интерпретации событий и позиций различных политических сил в правовом контексте, особенно когда изучается взаимодействие государственных учреждений. Он применял к анализу деятельности кадетов в I Государственной думе критерий законности, поскольку был сторонником создания правового государства путем выработки юридических механизмов. Он понимал, что следует объяснять интересы участников политического процесса, однако анализ их деятельности не должен ограничиваться выявлением мотивации, целевых установок и тактики борьбы. Он убеждал оппонентов в том, что особенно в начальный пери-

од создания конституционного государства все обязаны руководствоваться не только представлениями об идейных основах трансформации общества, но и законодательными актами, четко определявшими правовое поле деятельности. Ориентация на законы будет способствовать выработке правовой культуры, обязательной составляющей конституционного процесса. Он развивал мысль о необходимости трактовать тактику партий и правительства в контексте их правовых возможностей. В представлении Маклакова Основные законы создавали пространство для взаимодействия Думы и министров. Предложенный Маклаковым подход к оценке парламентской работы кадетов в 1906 г. соответствовал задаче создания конституционного государства.

История I Государственной думы, отмечал Маклаков, выявила интересы правительства и партий: первый участник предполагал действовать в рамках Основных законов, а второй ориентировался на волю народа, программу партии. Как показал анализ Маклаковым конфликта кадетской фракции с правительством, существовало поле пересечения интересов этих сил – создание конституционного государства. Однако конфликтное пространство постоянно расширялось, поскольку кадеты в Ответном адресе определили задачи ожидаемой новой политической реформы – уничтожение Государственного совета, установление ответственности министерства. Думаю, правительство И.Л. Горемыкина не пожелало организовывать широкую совместную законотворческую деятельность с Думой. Маклаков был уверен, что кадеты в I Думе должны были искать возможности сотрудничества с министрами в рамках существовавших законов, а не обозначать программу изменения политической системы, на что они не имели юридических полномочий. Политическая доктрина кадетов была «спорной», а реализовывать ее через конфликт с властью было опасно для России. Негодование кадетов против Основных законов Маклаков объяснял их политическим идеалом. С его точки зрения, определять поле деятельности следовало анализом своих полномочий в Думе. Маклаков не был сторонником безответственных политических экспериментов.

По мнению Маклакова, I Дума недооценила свои законодательные права. Ошибку многих кадетов до открытия и в период работы I Думы он видел в непонимании, что надо выполнять все нормы Основных законов как конституции, равно обязательной для всех. Для Маклакова было очевидно, что нарушение закона следует оценивать как произвол. Он находил проявления произвола в тактике кадетов в I Думе, демонстрировавшей их стремление настоять на проведении более радикальных политических преобразований, программа которых была озвучена ими в Ответном адресе. Маклаков обратил внимание своих

оппонентов на то, что согласно Основным законам 1906 г. в повестке дня Думы не должен был стоять вопрос о перераспределении власти в пользу народного представительства. По мнению Маклакова, кадетские депутаты пошли в «атаку» на монархию с целью расширения прав Думы, которая, с их точки зрения, должна была стать единственным законодательным учреждением с большими полномочиями. Эта позиция кадетов в I Думе надолго определила взаимное восприятие Думы и монархии как противников. Согласно Маклакову, правительство в противостоянии кадетам в I Думе стало опираться на врагов конституционного строя.

Спасение России Маклаков видел в совместной работе власти и общества, Основные законы 1906 г. открывали возможность такой деятельности. Став депутатом Думы последующих созывов, Маклаков убеждал коллег по партии действовать в рамках законов, он снискал уважение многих политических деятелей. Самоограничение правовыми нормами, с его точки зрения, является важнейшим критерием законодательной деятельности депутатов.

Список литературы

- Адамович Г.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. 268 с.
- Аронов Д.В.* Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе в (1906–1917 гг.). М.: Издательская группа «Юрист», 2005. 413 с.
- Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999а. № 2. С. 12–26.
- Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999б. № 3. С. 64–80.
- Будницкий О.В.* Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм // Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. М., 1999в. С. 416–428.
- Будницкий О.В.* В.А. Маклаков и В.В. Шульгин: друзья-противники // Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2012. С. 5–42.
- Винавер М.М.* Конфликты в первой Думе. СПб.: Кн. скл. В.С. Соловьевой и В.Г. Никольской, 1907. 184 с.
- Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1907–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2016. 604 с.
- Гайда Ф.А.* В.А. Маклаков. Стандартная нестандартность // Полилог. 2019. Вып. 2. Т. 3.
- Дедков Н.И.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. М.: АИРО-XX, 2005. 223 с.
- История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций и творчества / К.А. Соловьев, В.В. Шелохаев. М.: Издание Государственной думы, 2013. 240 с.
- Кочешков Г.Н., Сараева Е.Л.* Историко-культурные истоки февральского революционного кризиса 1917 г.: идеи лидеров Прогрессивного блока // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 300–317.
- Кочешков Г.Н., Сараева Е.Л.* Февральский революционный кризис 1917 года в рефлексии лидеров Прогрессивного блока // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 301–317.
- Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М.: Центрполиграф, 2006а. 335 с.
- Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 3 июня 1907 г. М.: Центрполиграф, 2006б. 335 с.
- Маклаков В.А.* Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М.: Центрполиграф, 2006в. 97 с. URL: <https://statehistory.ru/books/Vospominaniya--Lider-moskovskikh-kadetov-o-russkoj-politike--1880-1917/>
- Маклаков В.А.* Власть и общественность на заре старой России (воспоминания современника). Париж: Изд-во журн. «Иллюстрированная Россия», 1936. Ч. 3, отд. 4. 617 с.
- Маклаков В.А.* Письмо В.В. Шульгину. Париж, 6 июня 1922 года // Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2012. С. 84–92.
- Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917): в 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 1. 446 с.
- Основные государственные законы // Российское законодательство X–XX вв. М.: Юридическая литература, 1994. Т. 9. С. 43–51.
- Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской Империи 1906–1917 гг.: историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. 624 с.
- Соловьев К.А.* Самодержавие и конституция: Политическая повседневность в России в 1906–1917 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
- Сперанский М.М.* Еще нечто о свободе и рабстве. URL: http://az.lib.ru/s/speranskij_m_m/text_1802_esche_nechto_o_svobode.shtml.
- Степанов С.А.* Кадеты (Конституционно-демократическая партия) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2006. № 8. С. 75–84.
- Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг.: в 3 т. Т. 1. 1905–1907 гг.* М.: РОССПЭН, 1997. 744 с.
- Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1983. 327 с.
- Шелохаев В. В.* Либерализм в России в начале XX в. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 503 с.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М.: Новости, 1990. 832 с.

References

Adamovich G. *Vasilii Alekseevich Maklakov. Politik, iurist, chelovek* [Vasilii Alekseevich Maklakov. Politician, lawyer, person]. Parizh, 1959, 268 p. (In Russ.)

Aronov D.V. *Zakonotvorcheskaia deiatel'nost' rossiiskikh liberalov v Gosudarstvennoi dume v (1906–1917 gg.)* [Legislative activity of Russian liberals in the State Duma (1906–1917)]. Moscow, Izdatel'skaia grupa "Iurist" Publ., 2005, 413 p. (In Russ.)

Budnitskii O.V. *Netipichnyi Maklakov* [Atypical Maklakov]. *Otechestvennaia istoriia* [Russian history], 1999a, № 2, pp. 12–26. (In Russ.)

Budnitskii O.V. *Netipichnyi Maklakov* [Atypical Maklakov]. *Otechestvennaia istoriia* [Russian history], 1999b, № 3, pp. 64–80. (In Russ.)

Budnitskii O.V. *Maklakov i Miliukov: dva vzgliada na russkii liberalizm* [Two views on Russian liberalism]. *Liberalizm v Rossii: istoricheskie sud'by i perspektivy* [Liberalism in Russia: historical destinies and prospects]. Moscow, 1999v, pp. 416–428. (In Russ.)

Budnitskii O.V. *V.A. Maklakov i V.V. Shul'gin: druz'ia-protivniki* [V.A. Maklakov and V.V. Shul'gin: friends-opponents]. *Spor o Rossii: V.A. Maklakov – V.V. Shul'gin. Perepiska 1919–1939 gg.* [Dispute about Russia: V.A. Maklakov – V.V. Shul'gin. Correspondence 1919–1939]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, pp. 5–42. (In Russ.)

Vinaver M.M. *Konflikty v pervoi Dume* [Conflicts in the first Duma]. SPb., Kn. skl. V.S. Solov'evoi i V.G. Nikol'skoi Publ., 1907, 184 p. (In Russ.)

Gaida F.A. *Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiia (1907–1917)* [Power and the public in Russia: dialogue on the path of political development]. Moscow, Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauki Publ., 2016, 604 p. (In Russ.)

Gaida F.A. *V.A. Maklakov. Standartnaia nestandardnost'* [Standard non-standard]. *Polilog* [Polylog], 2019, vol. 2, iss. 3. (In Russ.)

Dedkov N.I. *Konservativnyi liberalizm Vasiliia Maklakova* [The conservative liberalism of Vasily Maklakov]. Moscow, AIRO-KhKh Publ., 2005, 223 p. (In Russ.)

Istoriia deiatel'nosti pervykh Gosudarstvennykh dum dorevoliutsionnoi Rossii: sravnitel'nyi analiz traditsii i tvorchestva [The history of the activities of the first State dumas of pre-revolutionary Russia: a comparative analysis of traditions and creativity], K.A. Solov'ev, V.V. Shelokhaev. Moscow, Izdanie Gosudarstvennoi dumy Publ., 2013, 240 p. (In Russ.)

Kocheshkov G.N., Saraeva E.L. *Istoriko-kul'turnye istoki fevral'skogo revoliutsionnogo krizisa 1917 g.: idei liderov Progressivnogo bloka* [The historical and cultural origins of the February revolutionary crisis of 1917: the

ideas of the leaders of the Progressive Bloc]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2018, № 65, pp. 300–317. (In Russ.)

Kocheshkov G.N., Saraeva E.L. *Fevral'skii revoliutsionnyi krizis 1917 goda v refleksii liderov Progressivnogo bloka* [The February revolutionary crisis of 1917 in the reflection of the leaders of the Progressive Bloc]. *Dialog so vremenem*, 2019, № 68, pp. 301–317. (In Russ.)

Maklakov V.A. *Pervaia Gosudarstvennaia дума. Vospominaniia sovremennika 27 apreliia – 8 iul'ia 1906 g.* [The First State Duma. Memories of a contemporary 27 April – 8 July]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2006a, 335 p. (In Russ.)

Maklakov V.A. *Vtoraia Gosudarstvennaia дума. Vospominaniia sovremennika. 20 fevral'ia – 3 iun'ia 1907 g.* [The Second State Duma. Memories of a contemporary 20 February – 3 June]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2006b, 335 p. (In Russ.)

Maklakov V.A. *Vospominaniia. Lider moskovskikh kadetov o russkoi politike. 1880–1917* [Memories. The leader of the Moscow cadets about Russian politics. 1880–1917] Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2006v, 297 p. URL: <https://statehistory.ru/books/Vospominaniya--Lider-moskovskikh-kadetov-o-russkoy-politike--1880-1917> (In Russ.)

Maklakov V.A. *Vlast' i obshchestvennost' na zakate staroi Rossii (vospominaniia sovremennika)* [Power and the public at the sunset of old Russia (memories of a contemporary)]. Parizh, Izd. zhurn. Illiustrirovannaia Rossiia Publ., 1936, ch. 3, otd. 4, 617 p. (In Russ.)

Maklakov V.A. *Pis'mo V.V. Shul'ginu. Parizh, 6 iun'ia 1922 goda* [Letter to V.V. Shulgin. Paris. 6 June 1922]. *Spor o Rossii: V.A. Maklakov – V.V. Shul'gin. Perepiska 1919–1939 gg.* [Dispute over Russia: V.A. Maklakov – V.V. Shul'gin. Correspondence 1919–1939]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, pp. 84–92. (In Russ.)

Miliukov P.N. *Vospominaniia (1859–1917)* [Memories 1859–1917]: in 2 vols. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, vol. 1, 446 p. (In Russ.)

Osnovnye gosudarstvennye zakony [Basic state laws]. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* [Russian legislation of the X–XX centuries]. Moscow, Iuridicheskaia literatura Publ., 1994, vol. 9, pp. 43–51. (In Russ.)

Smirnov A.F. *Gosudarstvennaia дума Rossiiskoi Imperii 1906–1917 gg.* [State Duma of the Russian Empire 1906–1917]. *Istoriko-pravovoi ocherk* [Historical and legal essay]. Moscow, Kniga i biznes Publ., 1998, 624 p. (In Russ.)

Solov'ev K.A. *Samoderzhavie i konstitutsiia: Politicheskaiia povsednevnost' v Rossii v 1906–1917 gg.* [Autocracy and constitution: Political everyday life in Russia 1906–1917]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019, 352 p. (In Russ.)

Speranskii M.M. *Eshche nechto o svobode i rabstve* [Something else about freedom and slavery]. URL:

http://az.lib.ru/s/speranskij_m_m/text_1802_esche_nechto_o_svobode.shtml (In Russ.)

Stepanov S.A. *Kadety (Konstitutsionno-demokraticheskaia partiia)* [Cadets (Constitutional Democratic Party)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Politologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science], 2006, № 8, pp. 75–84. (In Russ.)

S'ezdy i konferentsii konstitutsionno-demokraticheskoi partii [Congresses and conferences of the constitutional democratic party], 1905–1920 gg.: in 3 vols. Vol. 1: 1905–1907 gg. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 744 p. (In Russ.)

Shelokhaev V.V. *Kadety – glavnaia partiia liberal'noi burzhuzii v bor'be s revoliutsiei 1905–1907 gg.* [The

Cadets are the main party of the liberal bourgeoisie in the struggle against the revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 327 p. (In Russ.)

Shelokhaev V.V. *Liberalizm v Rossii v nachale XX v.* [Liberalism at the beginning of the 20th century]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2019, 503 p. (In Russ.)

Shul'gin V.V. *Gody. Dni. 1920.* [Years. Days. 1920]. Moscow, Novosti Publ., 1990, 832 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.08.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 14.11.2021.

The article was submitted 16.08.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 14.11.2021.

**«ПЕРЧАТКА» Б. БЬЕРНСОНА И «ОДНА ИЗ МНОГИХ» Б. КРИС
В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИСКУССИИ О МУЖСКОМ ЦЕЛОМУДРИИ
И ДВОЙНОЙ МОРАЛИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.**

Громова Анна Игоревна, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, anna4gromova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5628-8750>

Аннотация. В статье рассматривается полемика, которая возникла в общественном пространстве Российской империи после публикации на русском языке пьесы «Перчатка» Бьернстjerne Бьернсона и драмы «Одна из многих» Бетти Крис и дала толчок к развитию транслируемых их авторами этических взглядов. В этих книгах, переведенных на русский язык с разницей почти в десять лет, выражены практически идентичные новаторские и, можно сказать, сенсационные для своего времени идеи: Свава и Вера, главные героини произведений, выступают за отмену «несправедливой двойственной морали» и ждут от мужчины той же добрачной «чистоты», сохранение которой традиционно требовалось исключительно от женщины в рамках патриархальной парадигмы брачно-семейных отношений. Призыв к отмене двойной морали, выраженный Бьернсоном и Крис (и воплощенный, что важно, именно посредством женщин, героинь их произведений), был напрямую связан с развивающимся в этот период женским движением. Противников транслируемых авторами идей, которые продолжали придерживаться традиционного взгляда на половую мораль и положение женщины в обществе, было несравненно больше, чем ее сторонников. Однако сам факт появления в публичном поле подобного рода дискуссии и то, что целый ряд представителей медицинского сообщества, общественных деятелей, литераторов и журналистов поддержали эти идеи, говорит об изменениях, которые уже начали происходить в общественном сознании.

Ключевые слова: Российская империя, интеллигенция, половая мораль, целомудрие, брачно-семейные отношения, женское движение, художественная литература.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00191

Для цитирования: «Перчатка» Б. Бьернсона и «Одна из многих» Б. Крис в контексте общественной дискуссии о мужском целомудрии и двойной морали в Российской империи конца XIX – начала XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 27–34. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-27-34>

Research Article

**“A GAUNTLET” BY BJØRNSTJERNE MARTINIUS BJØRNSON AND “VERA:
ONE FOR MANY: FROM A GIRL’S DIARY” BY BETTINA DOROTHEA KRIS
IN THE CONTEXT OF A PUBLIC DISCUSSION ABOUT MALE CHASTITY
AND DOUBLE MORALITY IN THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES**

Anna I. Gromova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, anna4gromova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5628-8750>

Abstract. The article examines the controversy that arose in the public space of the Russian Empire after the publication in Russian of two resonant works of fiction – “A Gauntlet” by Bjørnstjerne Bjørnson and “One for Many” by Betty Kris – and gave impetus to the development of ethical views broadcast by their authors. In these books, translated into Russian with a difference of almost ten years, practically identical innovative and, one might say, sensational ideas for their time are expressed – Svava and Vera, the main heroines of the works, advocate the abolition of “unjust dual morality” and expect from a man the same premarital “purity”, the preservation of which was traditionally required exclusively from a woman within the framework of the patriarchal paradigm of marriage and family relations. The call for the abolition of double standards, expressed by B.Bjørnson and B.Kris (and embodied, which is important, precisely through the women, the heroines of their works), was directly related to the women’s movement developing during this period. There were incomparably more opponents of the ideas broadcast by the authors, who continued to adhere to the traditional view of sexual morality and the position of women in society, than its supporters. However, the very fact that such a discussion appeared in the public field and the fact

that a number of representatives of the medical community, public figures, writers and journalists supported these ideas, speaks of the changes that have already begun to take place in the public consciousness.

Keywords: Russian empire, intelligentsia, sexual morality, chastity, marriage and family relations, women's movement, fiction.

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 19-09-00191

For citation: Gromova A.I. "A Gauntlet" by Bjørnstjerne Martinius Bjørnson and "Vera: One for Many: From a Girl's Diary" by Bettina Dorothea Kris in the context of a public discussion about male chastity and double morality in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, № 4, pp. 27–34 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-27-34>

Во второй половине XIX в. в Российской империи продолжали господствовать патриархальный гендерный порядок и традиционная, закреплённая христианскими догматами половая мораль [Пушкарева 2008; Пушкарева, Белова, Мицюк], в рамках которой в сфере семейно-брачных отношений женщине отводилось подчинённое положение. Двойная мораль, имевшая в индустриальной России практически то же содержание, что и в викторианской Англии, диктовала абсолютно разные нормы поведения в сексуальной сфере для женщин и для мужчин. До вступления в брак девушка (вне зависимости от сословной принадлежности) обязана была сохранять невинность («девичью честь» [Пушкарева 2011]), которая напрямую была связана с такими понятиями, как «добродетель», «порядочность», «целомудренность», «благовоспитанность». Утрата девственности до замужества для женщины означала утрату чести – в этом случае она, воспринимаемая в качестве объекта брачных отношений, теряла свою ценность (ее личные качества в подобной ситуации не имели значения), социальное положение и обрела клеймо «падшей». Огромная важность социально сконструированного концепта девства подтверждалась и закреплялась правом, религией, культурой, общественным мнением и в течение многих веков не подвергалась сомнению. В то же время мужчина не был скован подобными правилами и пользовался гораздо большей сексуальной свободой, чем женщина. Патриархальная двойная мораль легитимировала добрачные половые связи для мужчин; более того, подобная модель мужского поведения считалась нормой. Двойные стандарты в сфере семейно-брачных отношений закрепляли гендерную асимметрию и служили одним из источников сохранения гендерных иерархий в обществе.

Однако в последней четверти XIX в. (сначала в кругах европейской, а затем и российской интеллигенции) начинает зарождаться этическая концепция, впоследствии породившая своего рода «нравственное движение», последователи которого подняли вопрос о необходимости сохранять целомудрие до бра-

Только целомудренный и чистый юноша может без упрека самому себе приблизиться к своей невесте

Корниг Т.Г. Гигиена целомудрия

ка не только женщинами, но и мужчинами. Сам факт возникновения подобной дискуссии в публичном поле был в сущности беспрецедентным для русского общества, никак не соотносился с устоявшейся морально-нравственной парадигмой отношений между полами и, более того, вступал с ней в открытый конфликт.

Кратко характеризуя истоки возникновения подобных идей, можно сказать, что основными причинами были следующие: медицинские (эпидемия сифилиса, достигшая огромного размаха, остановить которую пытались в том числе при помощи пропаганды воздержания среди мужчин) и социальные (развитие женского и напрямую связанного с ним аболиционистского движения, вследствие которого в публичном пространстве появился запрос на «отмену» двойных стандартов в области половых отношений, установление «единой нравственности» для всех людей, вне зависимости от пола, а также требование закрытия домов терпимости, в существовании которых феминистки-аболиционистки винили именно мужскую половую распущенность).

Одними из основных инициаторов общественных дискуссий вокруг проблемы необходимости полового воздержания для мужчин стали авторы двух знаковых художественных произведений: норвежский новеллист и драматург Бьернстjerne Бьернсон и его пьеса «Перчатка» [Бьернсон], опубликованная в 1883 г. (в статье использован перевод на русский язык Т.А. Кузьминской, 1892 г.), и немецкая писательница Бетти Крис, автор драмы «Одна за многих: из дневника молодой девушки» [Крис], изданной под псевдонимом *Vera*. Обе эти резонансные книги ставят, по сути, один и тот же проблемный вопрос; после их публикации на русском языке в среде российской интеллигенции разразилась весьма оживлённая полемика.

Нужно отметить, что Т.А. Кузьминская выполнила перевод «Перчатки» по рекомендации Л.Н. Толстого; сам писатель за несколько десятилетий до публикации пьесы в России поднимал вопрос о важности целомудренного образа жизни для мужчины: и в «Юно-

сти» (1857), заключительной части трилогии, где описано «падение» молодого человека в публичном доме, и в романе «Анна Каренина» (1877), в котором Левин дает своей будущей жене Кити Щербацкой прочесть его «Дневник падения» [Гнедич: 194–195]. Повесть Толстого «Крейцерова соната» (1890) имела огромное влияние на молодых людей того времени (по данным половой переписи московского студенчества, проведенной в 1903–1904 гг. студенческим Пироговским медицинским обществом, среди книг по половому вопросу мужская учащаяся молодежь указывает на наиболее благотворное влияние «Крейцеровой сонаты»; и только один человек упомянул «Перчатку» и «Одну из многих» [Членов: 52]). В «Послесловии» к «Крейцеровой сонате» автор, объясняя свою позицию, хоть и пишет о важности целомудрия (проповедует половой аскетизм в духе христианской морали, а также критикует современное состояние брака и воспекает евангельский идеал безбрачия) для мужчин, имеет в виду не просто добрачное воздержание – он отрицает сексуальную жизнь вообще, для обоих полов и даже в браке, и допускает подобные отношения только для продолжения рода. Плотская любовь, по Толстому, – унижительное для человека, животное состояние: «воздержание, составляющее необходимое условие человеческого достоинства при безбрачном состоянии, еще более обязательно в браке» [Толстой 12: 199]. Кроме того, необходимо отметить, что повествование в рассказе ведется от лица мужчины, т. е. мы видим мужской взгляд на «половой вопрос». «Перчатка» же и «Одна из многих» вызвали настолько бурную реакцию именно по той причине, что в этих произведениях внимание сфокусировано на женщине, а последняя, как уже говорилось выше, даже написана женщиной. Тот факт, что именно женщина прямо и смело высказывает свою точку зрения на половую этику, при этом обличая традиционную мораль и – беспрецедентно! – требует от мужчины, чтобы он сохранял невинность до брака, и породил целый шквал негативных откликов. В центр своего произведения Бьернсон поставил именно женщину, и именно она явилась выразителем этических взглядов автора на половой вопрос. Можно сказать, что в общественном пространстве империи после публикации перевода пьесы «Перчатка» и ее постановки в Александринском театре впервые зазвучал голос женщины, высказывающей свое мнение на тему, о которой ранее могли говорить исключительно мужчины, и при этом транслирующей столь радикальные взгляды.

Главная героиня пьесы – Свава, «благородная молодая девица», занимавшаяся общественной деятельностью (она основала приюты для детей). Девушка обречена с Альфом, сыном знатных и богатых роди-

телей. Свава наперекор общественному мнению (согласно которому, как уже говорилось выше, только женщина обязана была «хранить честь» до свадьбы – к мужчине же это требование не предъявлялось) не приемлет двойных стандартов в сфере отношений между полами и твердо убеждена в том, что блюсти «чистоту» мужчина должен в точности так же, как и женщина. Нецеломудренные мужчины, которые вступали в сексуальные отношения до брака или же не были верны женам после его заключения, по ее мнению, теряют облик человека и становятся животными. Вступить в брак с таким человеком для нее значит – погрузиться в «пучину грязи». Однако же впоследствии она узнает, что и ее жених, которого она считала «чистым», до знакомства с ней вел далеко не целомудренный образ жизни: кроме всего прочего, до помолвки он имел связь с замужней компаньонкой своих родителей, которая умерла от чахотки. Девушке нанесена серьезная моральная травма: в ее сознании благородный принц обращается в дикого зверя. Однако отец Свавы называет взгляды дочери «фантастическими теориями»; он смеется над ее моральными принципами, иронически называя ее «воплощенной добродетелью», и просит быть снисходительной к тому, что ее жених имел «связь»: он считает непреложным фактом, что жена должна прощать мужу подобное поведение, а ее кротость и любовь «очищают» супруга (Свава же парирует, задавая отцу вопрос: ты думаешь, что «супружество – большая прачечная для мужчин, а мы девушки – прачки, каждая у своего корыта со своим куском мыла»? [Бьернсон: 31]). Ее отец называет высокомерием то, что Свава требует от мужчины придерживаться тех же нравственных норм, безусловного соблюдения которых общество ждет от женщины, – а женщина, по его мнению, вращивалась и дрессировалась только для одного – «чтобы быть собственностью одного человека» (супруга). Мужчины в пьесе называют нравственные убеждения Свавы дикими, глупыми теориями; мать Альфа считает, что лучше закрыть глаза на поведение жениха, чем упустить хорошую партию и остаться «озлобленной старой девой». Во время решающего объяснения Свавы и Альфа последний заявляет, что не считает себя виноватым ни в чем, ему не в чем себя упрекнуть и не за что просить прощения: более того, реакция невесты его оскорбляет. Сваву поражают двойные стандарты, которые транслируют окружающие ее мужчины в целом и ее жених в частности. В финале пьесы она говорит, что не может мириться с «двойственным» поведением Альфа, и бросает ему в лицо перчатку (она совершает поступок, характерный исключительно для мужских сообществ, тем самым показывая, что ее честь поругана и она вправе требовать ее удовлетворения от мужчины как полностью равная ему).

Фабула драмы «Одна из многих: из дневника молодой девушки» (в статье использован перевод с нем. яз. А.А. Малинина, 1902 г.) в целом схожа с основным содержанием пьесы «Перчатка», однако финал ее гораздо более трагичен. Незадолго до свадьбы главная героиня произведения Вера узнает, что у ее жениха Георга несколько лет назад была связь с женой его бывшего товарища (связь эта, как позже расскажет сам Георг, была далеко не единственной – в прошлом он имел множество других отношений, в том числе и с «продажными женщинами»). Эта новость потрясает девушку (до того момента она верила в чистоту своего жениха, «как в Евангелие») и вырывает из мира иллюзий. Вера шокирована, растоптана, она чувствует себя униженной и преданной. В финале пьесы девушка, не выдержав столь сильного удара, совершает самоубийство за день до свадьбы.

Вера (как указывает автор перевода драмы Малинин, и псевдоним автора, и имя героини написаны в оригинале на латыни – *Vera* (по-немецки это имя пишется как *Wera*), что означает «истинная», «правдивая» [Малинин: 3]), так же как и Свава, в книге выступает как образец целомудрия и не приемлет традиционной половой морали («господской морали мужчин»), в рамках которой к мужчинам и женщинам применяют разные этические критерии («разве, действительно, половая честь у мужчины другая, чем у женщины?»); она убеждена, что без достижения равных прав с мужчинами в сфере сексуальных отношений настоящее равноправие невозможно. К слову, российские женские журналы общественно-политической направленности впоследствии активно высказывали подобную точку зрения на добрачные половые связи: например, героиня рассказа «Женщина с прошлым» («Женский вестник»), скульпторша и та самая «новая женщина», воспетая Александрой Коллонтай [Осипович 1993], говорит: «В вопросах нравственности, чести нет и не может быть мужчины и женщины, есть – человек» [Громова: 184–185].

Вооружившись своим строгим этическим кодексом, девушка дает Георгу гневную отповедь. И здесь мы видим смену гендерных ролей: объясняясь с Георгом, Вера совершенно очевидно занимает мужскую позицию. Не прощая ему потерю «добрачной чистоты», она поступает так же, как поступил бы мужчина по отношению к утратившей «честь» невесте в патриархальной гендерной парадигме («...мы девушки должны обладать правом требовать от наших избранников такой же чистоты, таких же незапятнанных чувств, каких они, как строгие судьи, требуют от нас!»). Сначала жених не кажется смущенным – свои прошлые связи он считает «законным удовольствием» молодости, служащим для сохранения мужского здоровья и одобряемым врачами. Однако затем поведение Георга меняется: он умоляет Веру не дать

ему погибнуть, забыть о его прошлом (клеймо «человека с прошлым») общество ставило только на женщину, которая «запятнала» свою репутацию, применительно к мужчине это было невозможно; здесь же именно жених – «мужчина с прошлым», падший и лишившийся чистоты, строгим судьей которого выступает женщина, его невеста). На протяжении веков считалось непреложным фактом, что исключительно женщина, традиционно воспринимаемая в отрыве от собственной субъектности («Георгу хочется слить меня со своим “я”», сделать из меня свою вещь, орудие своей власти, обстановку своего комфорта), теряет ценность с утратой невинности: в рассказе же мы наблюдаем противоположную ситуацию («мужская чистота», сохранения которой требует Вера от мужчин, по сути, является абсолютно новым понятием). Само слово «падшая» использовалось только в женском роде («падших мужчин не бывает...») [Исполатова: 13] – по отношению к женщинам, лишившимся невинности до брака, проституткам и т. д. Вера же применяет его и к мужчинам, не придерживаясь тех нравственных норм, блюсти которые в рамках патриархальной модели семейно-брачных отношений должна была только женщина.

В своем дневнике Вера неоднократно сравнивает нецеломудренных мужчин с проститутками («и разве мужчина, предающийся разврату, не проститутует себя так же, как продажная женщина?»; «Все эти мужчины нисколько не лучше проститутки!»). В итоге, несмотря на униженные мольбы Георга о прощении, который винит в своей «гибели» общество, Вера отказывает ему в снисхождении: «Раскаяния не может быть, если чистота потеряна!» – говорит она, тем самым беря на себя роль строгого палача, которым в подобной ситуации всегда выступал мужчина. В итоге Вера как идеал отношений предлагает «чистый брак», заключенный в молодости; она верит в то, что мужчина со временем, в более просвещенном обществе будущего, осознает неоспоримую пользу воздержания, сможет прийти к необходимости сохранения чистоты, перестанет осквернять свою честь и выйдет из-под власти «низких половых инстинктов» («и если бы мне удалось положить хоть один камешек в дивное здание более чистого, целомудренного будущего... то я считаю, что не слишком дорого плачу за это ценой моей жизни»). Здесь ее взгляд на половые отношения аналогичен точке зрения на этот предмет первых русских феминисток. В статье «Будущая женщина» Покровская, которая была убеждена в том, что поведение женщины в сексуальной сфере гораздо благороднее, достойнее и гуманнее – она «не такая раба полового инстинкта, как мужчина», выражает свои надежды на то, что в перспективе женщина сможет, благодаря длительной работе и соответствующему воспитанию

подрастающего поколения, усовершенствовать половые отношения [Покровская 1912: 34].

Главные героини упомянутых выше произведений – идеалистки; они предстают перед читателями как новые образы, показаны своими создателями как образцы нравственности и целомудрия. Однако требование одинаковых этических прав, которое они озвучивают, современное им общество считает глупыми, пустыми фантазиями. Трагедия Свавы и Веры состоит среди прочего в том, что их взгляды на половую этику намного опережают свое время. Мужчины же в контексте обоих произведений – хищные звери, воплощение порока (и в «Перчатке», и в «Одной из многих»); их невинные невесты должны быть принесены в жертву Молоху (мужской безнравственности). Противопоставление «чистоты» и «грязи», «целомудрия» и «разврата», «воздержания» и «осквернения», «женского» и «мужского» рефреном проходит сквозь оба эти произведения; при этом, описывая «порочную» сексуальную жизнь мужчин, и Бьернсон, и Крис используют схожие эпитеты и метафоры (болото, пучина, низина, бездна разврата, бездна мерзости, навозная куча, каналы души, в которых скопилась грязь, и т. д.).

Как уже говорилось выше, после перевода на русский язык и «Перчатка», и «Одна из многих» вызвали оживленную (и даже ожесточенную) дискуссию. Как и следовало ожидать, противников выраженных в этих произведениях идей оказалось гораздо больше, чем их сторонников. Например, в рецензии под названием «Единобрачие и многобрачие» на пьесу «Перчатка» драматург П.П. Гнедич отмечает, что журналисты и критики отнеслись к «этической комедии» прохладно, а последние даже назвали идеи автора «институтски-наивными»; при этом сам Гнедич в целом высказывает к ней сочувственное отношение. Он приводит краткую характеристику этических взглядов Бьернсона, которые он частично выразил в «Перчатке»: по мнению норвежского писателя, главным критерием прогресса общества является единобрачие, то есть «союз одного мужчины и одной женщины» – при этом жена в таком союзе абсолютно равноправна с мужем. Бьернсон является сторонником добрачного воздержания и утверждает, что залог формирования здорового общества состоит в ранних помолвках. Гнедич в целом согласен с автором, однако в полном соответствии с господствующей патриархальной концепцией отмечает, что в падении взрослых мужчин всегда виноваты женщины, а в развращении юношей – прислуга женского пола. Что касается самой пьесы, то Гнедич хвалит первую ее редакцию (в которой автор оставляет надежду на то, что Свава «одумается») и свадьба все же состоится) и выступает с критикой второго варианта текста, опубликованного спустя 6 лет (в котором Свава категорически разрывает помолвку), и назы-

вает его замысел нелепым. Главную героиню второй редакции «этической комедии» автор рецензии характеризует как «невозможную куклу» и в ряде моментов выказывает очевидно большее сочувствие Альфу, чем Сваве [Гнедич].

В Европе этические взгляды Бьернсона вызвали также весьма противоречивую реакцию, по большей части негативную. Например, на родине автора его лекции «О моногамии и полигамии» женщины встретили с восторгом: даже начали организовываться женские союзы, которые распространяли идеи драматурга. В Германии же после постановки пьесы (1899 г., театр «Лессинга» в Берлине) пресса разразилась шквалом негативных отзывов, причем наиболее разгромную рецензию написал Пауль Линдау, журналист и театральный критик: если Гнедич назвал Сваву куклой, то Линдау – манекеном («живым человеком она быть не может, ибо ни одна умная интеллигентная девушка, узнавшая до свадьбы, что жених ее не вполне целомудрен, – не сделает из этого драмы и не разоидется с ним» [Корниг: 4–5]). Линдау утверждал, что невинность украшает девушку – для мужчины же она не имеет никакого значения.

Отечественные критики и журналисты наградили Веру еще более нелицеприятными эпитетами, чем Сваву: литературовед В.М. Фриче назвал ее «мещанкой с ног до головы», которая «отстала от жизни» [Малинин]; ее называли «психопаткой», «истеричной барышней» (здесь напомним, что клеймо «сумасшедшая» общество часто ставило на женщин, чье поведение выходило за рамки общепринятой нормы), «выродком», «дурой» и т. д. [Анохин: 6].

Сторонники же концепции мужского добрачного воздержания приводили не только этические, социологические или психологические доводы: они призывали на помощь современные им медицинские исследования. Например, студент-медик А. Анохин в «Открытом письме товарищам», посвященном поведению целомудренного образа жизни, полностью разделяет идеи Бьернсона и Крис и обильно цитирует оба произведения. Ссылаясь на научные работы неврологов, психиатров, венерологов (таких как Риббинг, Корниг, Крафт-Эббинг, Форель, Тарновский, Сикорский и др.), апологет нравственности доказывает, что воздержание не только не наносит вреда здоровью мужчин (точка зрения, господствовавшая во врачебном сообществе), но, более того, укрепляет организм и нервную систему («болезни от воздержания незнакомы научной медицине»). Упомянутым выше медицинским трудам он противопоставляет безусловно вредные, по его мнению, «научно-популярные брошюры», бывшие в ходу среди молодежи (напр., «Опытный друг и наставник в тайнах брака», «Чего хочет женщина», «Настольная книга секретных болезней» и др.) [Анохин].

После публикации перевода драмы вышел целый ряд «ответов» на нее: здесь приведем один из них, автор которого – поэт и писатель Л.О. Кармен (предисловие написал *Altalena* – псевдоним журналиста и переводчика В.Е. Жаботинского, – который высмеял «немецкую барышню Веру» и, вторя Фриче, назвал ее мещанкой; он прямо выражает свое несогласие с идеей дневника и утверждает, что именно мещанская закваска «приводит бедную барышню к требованию девственности от мужчины, вступающего в брак» [Кармен: 7]). Этот «ответ» был написан в форме рассказа под названием «Моя сестра»: в нем повествуется о том, как в минуту отчаяния, блуждая по улицам большого города, герой произведения встречает проститутку, светлую и добрую девушку, которая – единственная из всей огромной толпы – окликает его, тем самым, как выражается автор, проявив к нему сестринское сочувствие. Как выясняется впоследствии, девушку зовут Варя (можно предположить, что имя выбрано специально, благодаря созвучию с именем главной героини «Одной из многих»), она раньше работала горничной, но, соблазненная хозяином, вынуждена была искать заработок иного рода. Герой рассказа начал посещать ее постоянно; но однажды она бесследно пропадает. Полемизируя с Бетти Крис, Кармен дает понять, что такие девушки, как Вера, имеют возможность сохранять свою невинность только благодаря существованию таких девушек, как Варя («и растет количество их [публичных домов. – Авт.] не по дням, а по часам, “грудью” охраняя, как реликвию, целомудрие – этот “высший дар неба” – наших сестер и дочерей» [Кармен: 14]).

Яркий пример рассуждений молодой образованной девушки, жившей на рубеже веков, о необходимости сохранения добрачного целомудрия для обоих полов мы можем увидеть на страницах «Дневника русской женщины» Елизаветы Дьяконовой, выпускницы Высших женских курсов. После знакомства с «Крейцеровой сонатой» Толстого (страстной и преданной поклонницей которого она была) и этическими взглядами Бьернсона Елизавета приходит к выводу, идентичному позиции ряда русских феминисток первой волны, выступавших против двойных стандартов в области половых отношений: она твердо убеждена, что не только женщины, но и мужчины должны создавать супружеский союз, будучи душевно и телесно чистыми. По поводу «Перчатки» она делает эмоциональную запись в своем дневнике в июле 1893 г. (ей было тогда 19 лет):

С тех пор, как я прочла статью Гнедича в «Русском Вестнике» – «Вопрос о единобрачии мужчин», я уже не верю нынешним женихам и их любви. Меня возмутила не самая статья, а выписка из комедии «Перчатка» Бьернсона, где невеста возвращает жениху данное ему слово, потому что он знал до свадьбы дру-

гих женщин. И вот, вместо сочувствия несчастной невесте отовсюду поднимаются вопли негодования, и сам жених на вопрос возмущенной девушки – решил-ся бы он жениться на падшей до замужества – тоном оскорбленной добродетели, читает ей же (!) нотации, что всякий мужчина из его круга почел бы это за позор для себя... Им все можно, а женщинам они не прощают и еще считают позорным союз с подобной себе: они же ее развращают, и они же смеют отворачиваться от нее, делаясь впоследствии «образцовыми» мужьями и отцами семейств. И это везде, везде! и в России, и за границей! О, Боже мой, Боже мой! Точно что оторвалось у меня на сердце, я хотела плакать, но не могла... [Дьяконова: 82].

Для сравнения приведем цитату из дневника другой молодой девушки, Натальи Миротворской:

Читала «Обрыв» Гончарова и «Одна за многих» Веры <...> Разговор об этой книге зашел с Петром Николаевичем. Он меня спросил, поступила бы я так на Верином месте? Теперь – нет, потому что я хорошо знаю, что жизнь мужчины идет по иному руслу, чем наша. Но ведь было и у меня время (в пятом, шестом классе гимназии), когда этот вопрос во всей своей жестокости и откровенности стоял передо мной. После полного неведения и идеализации пришлось опуститься в какую-то зловонную яму. Если бы у меня в то время была любовь, как у Веры, я, может быть, поступила бы, как она.

Теперь я стала старше и гораздо опытней. Да и вообще «чистоте» как мужчин, так и женщин не придаю большого значения. Особенно возмущаюсь против нелогичного взгляда, что женщина должна беречь свою «чистоту», а мужчина – нет. Это абсурд последней крайности. Жизнью могут наравне пользоваться и мужчина, и женщина. Тем более этой «чистоты» не имеет нравственного права требовать мужчина, который большею частью узнает женщину раньше женитьбы. Это еще отголосок эпохи рабства жены и господства мужа, хотя эта эпоха продолжается и до сих пор. Становится горько, обидно и досадно за эту явную несправедливость. <...> А ведь такой взгляд на сохранение «чистоты» девушки до замужества до сих пор еще крепко держится во всех слоях общества. Этот предрассудок впитывается с молоком матери, и сколько горя приносит он! «А зачем, для чего?» – встает протестующий вопрос [Миротворская].

На примере дневника Миротворской, которая, как и Дьяконова, вела записи с ранних лет, мы можем проследить трансформацию женского взгляда на «половой вопрос». Схожесть жизненных установок обеих девушек очевидна – обе хотели вырваться из провинциальной обстановки, в которой родились, обе были эмансипированными и мыслили нешаблонно. Однако если Дьяконова утверждает, что вступать в брак

непорочными должны как мужчины, так и женщины, то Миротворская, которая сделала приведенную выше запись почти в том же возрасте, что и Лиза (но писала эти строки в 1920 г., почти на 30 лет позже Елизаветы, уже будучи замужней женщиной, – в отличие от Дьяконовой, которая не была знакома с этой стороной жизни), хоть и также выступает против патриархальной двойной морали, смотрит на это с противоположной точки зрения – она считает, что жизнью должны пользоваться и мужчины, и женщины.

Приведенная в статье дискуссия затронула очень узкую прослойку населения; однако даже вовлеченные в обсуждение возможности/необходимости соблюдения мужчинами доброго целомудрия образованные, просвещенные люди были категорически не согласны с позицией сторонников этой идеи. Противников концепции, согласно которой жених должен быть так же девственен, как и его невеста, было гораздо больше, чем сочувствующих этим взглядам; более того, многие даже не воспринимали подобные идеи всерьез, считая их нелепыми, утопичными и не стоящими внимания (уравнивание мужчины и женщины в половом отношении могло даже считаться противоестественным [см., напр.: Корниг: 21]). Здесь стоит отметить следующее важнейшее обстоятельство: в данную полемику были вовлечены в основном мужчины (они были как обвинителями, так и адвокатами этой этической концепции) – у женщин в этот период времени было гораздо меньше ресурсов и общественных площадок для прямого выражения своей позиции. Однако сам факт появления в публичном поле подобной дискуссии, к тому же инициированной посредством женских персонажей (авторы «Перчатки» и «Одной из многих» транслировали точку зрения на устоявшуюся в обществе двойную мораль именно через своих героинь – то есть давали возможность услышать женский голос), говорит о том, что в обществе начинали происходить перемены: жесткая патриархальная парадигма, хоть и очень медленно и постепенно, но все же подвергалась трансформации. «Этическое движение» (противники, к слову, называли его «психической эпидемией» [Корниг: 5]) получило свое развитие во многом благодаря общественным наукам, литературе и журналистике. Более того, российские и зарубежные писатели, ученые и общественные деятели, вовлеченные в данную дискуссию, именно в «установлении» общей для обоих полов «нравственной мерки» видели одно из условий прогресса общества: например, Бьернсон считал, что поднять общественную нравственность можно с помощью целомудренной жизни мужчин [Корниг 1900: 8], а историк П.В. Безобразов в своей книге, посвященной Московскому обществу улучшения участи женщин, писал следующее: «Целомудрию мужчин я придаю очень большую важность и жду от него

обновления общества» [Безобразов: 4]). Изменения, происходившие в общественном сознании, в том числе благодаря силе влияния художественных произведений, приводили к пониманию необходимости формирования новых моральных критериев и отмены двойных стандартов в области половых отношений, существование которых было напрямую связано с подчиненным положением женщины.

Список литературы

Анохин А.К. Воздержание или разврат? (Открытое письмо товарищам). Киев: Лито-тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1905. 20 с.

Безобразов П.В. О современном разврате. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1900. 90 с.

Бьернсон Б. Перчатка: норв. комедия: в 3 д. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1892. 60 с.

Гнедич П. Единобрачие и многобрачие // Русский вестник. 1893. Январь. Т. 224. С. 194–218.

Громова А.И. Женская сексуальность и половая мораль: различие интерпретаций в отечественной женской периодике начала XX в. // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: в 3 т.: материалы X Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г., Архангельск / отв. ред. Н.Л. Пушкирева, Т.И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 3. С. 182–185. 272 с.

Дьяконова Е.А. Дневник русской женщины. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. 672 с.

Исполатова И.К. Самосознание женщины как фактор обновления общественного строя // Союз женщин. 1908. № 12. С. 12–16.

Кармен Л.О. Ответ Вере: одна из многих. Одесса: Тип. Гальперина и Швейцера, 1903. 24 с.

Корниг Т.Г. Гигиена целомудрия. СПб.: А. Сухова, 1900. 47 с.

Крис Б. Одна за многих: из дневника молодой девушки. М.: Типо-лит. А.В. Васильева и К°, 1902. 109 с.

Малинин А.А. В защиту книги Вера «Одна из многих» против рецензии г. Фриче. М.: Тип. А.В. Васильева, 1903. 14 с.

Миротворская Н.А. Две тетради. Дневник Н.А. Миротворской // Lib.ru: «Современная литература». URL: http://lit.lib.ru/m/mirotworskaja_n_a/dve_tetrad_i.shtml (дата обращения: 22.10.2021).

Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // ОНС: Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 174–186.

Покровская М.И. Будущая женщина // Женский вестник. 1912. № 2. С. 33–35.

Пушкирева Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3–17.

Пушкарева Н.Л. Ценность добрачного целомудрия в традиционной русской культуре // Историческая психология и социология истории. 2011. № 1. С. 33–46.

Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты. Очерки русской сексуальной культуры XI–XX вв. М.: НЛЮ, 2020. 504 с.

Толстой Л.Н. Послесловие к «Крейцеровой сонате» // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 12. С. 197–210.

Членов М.А. Половая переписка московского студенчества и ее общественное значение. М.: Студ. мед. изд. комис., 1909. 104 с.

References

Anokhin A.K. *Vozderzhanie ili razvrat? (Otkrytoe pis'mo tovarishcham)* [Abstinence or debauchery? (Open letter to comrades)]. Kiev, lito-tip. t-va I.N. Kushnerev i K° Publ., 1905, 20 p. (In Russ.)

Bezobrazov P.V. *O sovremenom razvrate* [About modern debauchery]. Moscow, pech. A.I. Snegirevoj Publ., 1900, 90 p. (In Russ.)

B'ernson B. *Perchatka: norv. komediia: v 3 d.* [Glove: Norwegian comedy: in 3 d.]. St. Petersburg, tip. br. Pan-televykh Publ., 1892, 60 p. (In Russ.)

Chlenov M.A. *Polovaia perepis' moskovskogo studenchestva i ee obshchestvennoe znachenie* [Sex census of Moscow students and its social significance]. Moscow, Stud. med. izd. komis. Publ., 1909, 104 p. (In Russ.)

D'iakonova E.A. *Dnevnik russkoi zhenshchiny* [Diary of a Russian woman]. Moscow, Izdatel'skii dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve Publ., 2006, 672 p. (In Russ.)

Gnedich P. *Edinobrachie i mnogobrachie* [Monogamy and polygamy]. *Russkii vestnik* [Russian herald], 1893, Ianvar', vol. 224, pp. 194–218. (In Russ.)

Gromova A.I. *Zhenskaia seksual'nost' i polovaia moral': razlichie interpretatsii v otechestvennoi zhenskoj periodike nachala XX v.* [Women's sexuality and sexual morality: differences in interpretations in russian women's periodicals at the beginning of the 20th century]. *Sila slabykh: gendernye aspekty vzaimopomoshchi i liderstva v proshlom i nastoiashchem. Materialy Desiatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZH i IEA RAN, 7–10 sentiabria 201 g., Arkhangel'sk: v 3 t.* [Strength of the weak: gender aspects of mutual aid and leadership in the past and present. Materials of the tenth international scientific conference of RAIZH and IEA RAS, september 7–10, 2017, Arkhangel'sk: in 3 vols], ed. by N.L. Pushkareva, T.I. Troshina. Moscow, IEA RAN Publ., 2017, vol. 3, pp. 182–185, 272 p. (In Russ.)

Ispolatova I.K. *Samosoznanie zhenshchiny, kak faktor obnoveniia obshchestvennogo stroia* [Self-awareness of a woman as a factor in the renewal of the social system]. *Soiuz zhenshchin* [Union of women], 1908, № 12, pp. 12–16. (In Russ.)

Karmen L.O. *Otvet Vere: odna iz mnogikh* [Vera's answer: one of many]. Odessa, Tip. Gal'perina i Shveitsera Publ., 1903, 24 p. (In Russ.)

Kornig T.G. *Gigiiena tselomudriia* [Chastity hygiene]. St. Petersburg, A. Sukhova Publ., 1900, 47 p. (In Russ.)

Kris B. *Odna za mnogikh: iz dnevnika molodoi devushki* [One by many: from the diary of a young girl]. Moscow, tipo-lit. A.V. Vasil'eva i K° Publ., 1902, 109 p. (In Russ.)

Malinin A.A. *V zashchitu knigi Vera "Odna iz mnogikh" protiv retsenzii g. Friche* [In defense of the book Vera «One of the Many» against the review of Mr. Fritsche]. Moscow, tip. A.V. Vasil'eva Publ., 1903, 14 p. (In Russ.)

Mirotvorskaia N.A. *Dve tetradi. Dnevnik N.A. Mirotvorskoi* [Two notebooks. N.A. Mirotvorskaiia's diary]. *Lib.ru: "Sovremennaia literatura"* [Lib.ru: Modern literature]. URL: http://lit.lib.ru/m/mirotvorskaja_n_a/dve_tetradi.shtml (access date: 22.10.2021). (In Russ.)

Osipovich T. *Kommunizm, feminizm, osvobozhdenie zhenshchin i Aleksandra Kollontai* [Communism, feminism, women's liberation and Alexandra Kollontai]. *ONS: Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1993, № 1, pp. 174–186. (In Russ.)

Pokrovskaiia M.I. *Budushchaia zhenshchina* [Future woman]. *Zhenskii vestnik* [Women's herald], 1912, № 2, pp. 33–35. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Seksual'nost' v chastnoi zhizni russkoi zhenshchiny (XIX–XX vv.): vliianie pravoslavnogo i etakraticeskogo gendernykh poriadkov* [Sexuality in the private life of a Russian woman (10th – 20th centuries): the influence of Orthodox and statocratic gender orders]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Women in Russian society], 2008, № 2, pp. 3–17. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Cennost' dobrachnogo celomudriia v traditsionnoi russkoi kul'ture* [The value of premarital chastity in traditional Russian culture]. *Istoricheskaja psikhologija i sociologija istorii* [Historical Psychology & Sociology], 2011, № 1, pp. 33–46. (In Russ.)

Pushkareva N., Belova A., Mitsiuk N. *Smetaia zaprety. Ocherki russkoi seksual'noi kul'tury XI–XX vekov* [Sweeping away the prohibitions: Essays on Russian sexual culture of the 11th – 20th centuries], Moscow, NLO Publ., 2020, 504 p. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Posleslovie k «Kreitserovoi sonate»* [Afterword to the «Kreutzer Sonata»]. Tolstoi L.N. *Sobranie sochinenii: v 22 t.* [Collected works: in 22 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982, vol. 12, pp. 197–210. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.09.2021; одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 21.09.2021; approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 15.11.2021

ВВЕДЕНИЕ ПРОДРАЗВЁРСТКИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СНАБЖЕНИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. (по материалам Костромской губернии)

Колесников Владислав Александрович, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, vladkoles95@yandex.ru

Аннотация. К концу 1916 года в Российской империи обостряется продовольственный вопрос. Российское правительство оказалось перед необходимостью снабжать не только армию, но и потребляющие хлеб губернии, оказавшиеся заложниками транспортного кризиса. Твёрдые цены на хлеб, введённые в сентябре 1916 г., привели к ограничению рыночной торговли. Важным шагом государственного регулирования хлебного рынка стала развёрстка хлеба. В статье даётся анализ продовольственной политики перед введением развёрстки. Продовольственная развёрстка царского правительства стала попыткой мобилизовать хлебные ресурсы для нужд армии и государства. Особенностью развёрстки было совмещение принципа повинности и оплаты продукта по твёрдой цене. Развёрстка рассматривается как с общероссийских позиций, учитывая опыт хлеботорговых губерний, так и на примере Костромской губернии, которая не обладала развитым сельским хозяйством. Особое внимание в статье уделяется действиям местных властей. Губернатор, земство, волостные крестьянские сходы оказались не готовы выполнить поставленные задачи в полном объёме. В статье сформулирован вывод о том, что продовольственная развёрстка в потребляющей хлеб губернии, переживающей кризис планового снабжения, не могла закончиться успешно.

Ключевые слова: Первая мировая война, продовольственный вопрос, продразвёрстка, плановое снабжение, А.А. Риттих, земство, провинция, Костромская губерния.

Для цитирования: Колесников В.А. Введение продразвёрстки в условиях кризиса снабжения накануне революции 1917 г. (по материалам Костромской губернии) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 35–38. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-35-38>

Research Article

INTRODUCTION OF FOOD DISTRIBUTION IN THE CONDITIONS OF THE SUPPLY CRISIS BEFORE THE REVOLUTION OF 1917 (based on the materials of Kostroma Province)

Vladislav A. Kolesnikov, Kostroma State University, Kostroma, Russia, vladkoles95@yandex.ru

Abstract. By the end of 1916, the food issue had been escalating in the Russian Empire. The Russian government faced the need to supply not only the army, but also the provinces with consuming bread, and the civilians were hostages of the transport crisis. The fixed prices for bread introduced in September 1916 led to the restriction of market trade. An important step in the state regulation of the bread market was the unfolding of bread. The article provides an analysis of food policy before the introduction of the unfolding. The food distribution of the tsarist government was an attempt to mobilise grain resources for the needs of the army and the civilians. The peculiarity of the reform was the combination of the principle of duty and payment of the product at a fixed price. The expansion is considered both from the all-Russia positions, taking into account the experience of grain-producing provinces, and in terms of Kostroma Province, which had lack of developed agriculture. The article pays special attention to the measures of local authorities. The governor, the zemstvo, the volost peasant gatherings were not ready to complete the tasks in full. The article concludes that the food distribution in the bread-consuming province, experiencing a crisis of planned supply, could not end successfully.

Keywords: World War I, food issue, food distribution, planned supply, Alexander Rittich, zemstvo, province, Kostroma Province.

For citation: Kolesnikov V.A. Introduction of food distribution in the conditions of the supply crisis before the revolution of 1917 (based on the materials of Kostroma Province). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 35–38 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-35-38>

К началу третьего года Первой мировой войны в Российской империи происходят существенные изменения на хлебном рынке. С первых дней войны закупки хлеба для армии производились по твёрдым ценам, а в остальном торговля осуществлялась по законам рынка. 9 сентября 1916 г. министром земледелия А.А. Бобринским были введены твёрдые цены для всех торговых операций. Заготовка хлеба для городов вменялась уполномоченным Особого совещания по продовольствию. После закона 9 сентября отчётливо обрисовался кризис снабжения, связанный, в частности, и с ломкой рыночных отношений. Хлеб, закупленный на местах производства по ценам, превышающим твёрдые, мог быть реквизирован местным уполномоченным по продовольствию с понижением цены на 15 %. Потребляющие хлеб губернии оказались приписаны к производящим с установлением плановых перевозок. Царскому правительству необходимо было заготовить запасы провизии для потребностей армии и обороны.

Продовольственная развёрстка, введённая царским правительством в конце ноября 1916 г., представляла собой модифицированную систему хлебной повинности. Производитель был обязан поставить известное количество хлеба, оплачиваемого, правда, по твёрдым ценам.

Развёрстка, объявленная министром земледелия А.А. Риттихом в конце 1916 г., не получила однозначной оценки в исторической науке. Сам процесс проходил в спешке и учитывал не все факторы. Спектр оценок продрозвёрстки весьма широк. А.Л. Сидоров называл её общеимперской катастрофой [Сидоров: 493], Т.М. Китанина обращала внимание, что по развёрстке даже нуждавшиеся в хлебе губернии, подобно Вологодской, Новгородской, Костромской, вынуждены были отдавать его с ущербом для себя [Китанина: 256–259]. Распылённость крестьянского хлеба, по мнению М.В. Оськина, привела к провалу конечной цели из-за фактора времени – плоды заготовительной политики Риттиха достались уже Временному правительству [Оськин: 53–56]. Сам же Риттих полагал, что поставка по развёрстке – это долг каждого производителя во время войны, и в целом положительный сдвиг по поставке хлеба произошёл [Гальперина: 34–52]. Цифра развёрстываемого хлеба в 771 млн пудов была явно завышенной и способствовала «психологическому толчку» к продаже хлеба крестьянами. Более того, развёрстка стала защитой крестьян от тотальных реквизиций хлеба в пользу армии. Вплоть до вооружённой продрозвёрстки большевиков любой хлебозаготовительный процесс в России не достиг размеров риттиховской развёрстки [Мацузато: 167–183]. В целом развёрстка должна была стимулировать поступление хлеба для нужд государства без применения масовых реквизиций и вооружённой силы.

Слабое поступление хлебных продуктов на рынок осенью 1916 г., после установления твёрдых цен [Кондратьев] на все продовольственные операции, поставило в затруднительное положение российские столицы, города и армию. В этих условиях Особое совещание по продовольственному делу признало необходимым ввести обязательную поставку хлеба крестьянами и землевладельцами. Необычная для бюрократического режима стремительность подготовки и утверждения проекта свидетельствовала о быстро нарастающем продовольственном кризисе. 29 ноября 1916 г. министр земледелия Риттих подписал постановление о развёрстке. Предполагалось, что система принудительного отчуждения продукта исключит элемент случайности, вполне возможный при реквизициях, определит равномерность закупок, создаст возможность образования государственного запаса и осуществит плановость железнодорожных перевозок [Китанина: 256–259]. В норму развёрстки включалось количество хлеба, необходимое для армии и лиц, работающих на оборону [Гальперина: 34–52]. Ход развёрстки в рамках империи нельзя назвать однообразным. В Оренбургской, Вольнской, Воронежской и Тамбовской губерниях наблюдались факты отказа сельских сходов от развёрстки с крестьянскими приговорами о готовности добровольно поставить излишки хлеба уполномоченному. В целом продовольственная развёрстка по итогам урожая 1916 г. в производящих губерниях дала положительные результаты в сравнении с обычной закупочной кампанией. В Уфимской губернии поставка ржи по развёрстке составила 23,4 млн пудов при том, что было ранее закуплено 9,5 млн пудов. В Саратовской губернии разверстали 26,8 млн пудов ржи, закуплено ранее 12,6 млн. В Казанской губернии цифры развёрстки составляли 20,8 млн пудов ржи при закупке 3 млн [Мацузато: 167–183]. Разумеется, динамика развёрстки различалась по губерниям. Вместе с тем остаётся интересным ход продовольственной развёрстки в потребляющей хлеб губернии. В Костромской губернии по овсу четыре уезда – Варнавинский, Ветлужский, Галичский и Кологривский – были признаны производителями. Закупку овса для армии в этих уездах производил Вологодский уполномоченный по закупке фуража для армии Н.М. Дружинин¹.

2 декабря управляющий министерством земледелия телеграммой Губернской земской управе предложил разверстать в Костромской губернии 3 137 000 пудов овса. Окончательно разбросать сумму между уездами должно было губернское земство². Заместитель министра внутренних дел В.В. Ковалевский сообщал Риттиху на следующий день, что в Кологривском уезде Костромской губернии, по сведениям губернатора, ощущался недостаток овса даже для местного потребления при производящихся круп-

ных лесных заготовках, и просил приостановить здесь закупки овса для армии. Но 8 декабря Риттих известил Костромское губернское земство и губернатора, что в разверстываемое количества овса положены данные об уборке урожая хлебов в текущем году, данные посевных площадей по всероссийской сельскохозяйственной переписи лета 1916 г., сведения о продовольственной и семенной потребности местного населения³. В свою очередь Риттих просил временно принять на себя обязанности уполномоченного Министерства по закупке хлеба председателем губернского земства Б.Н. Зузина⁴.

13 декабря 1916 г. на совещании Костромской губернской земской управы по вопросу развёрстки 3,1 млн пудов овса было признано, что такого количества продукта нет⁵. Разверстать более 3 млн пудов было непосильным для губернии бременем. Раскладка между уездами выглядела следующим образом: Варнавинский – 395 тыс. пудов, Ветлужский – 426 тыс. пудов, Кологривский – 59 тыс. пудов, Макарьевский – 208 тыс. пудов⁶. Однако представители уездов заявили, что не принимают на себя ответственности за согласие уездных земств на раскладку овса⁷. 14 декабря в Петроград сообщалось, что развёрстано между уездами 1 088 тысяч пудов овса. 250 тыс. пудов планировалось разверстать среди оставшихся уездов на совещании 18 декабря⁸. Между тем от председателя Ветлужского уездного земского собрания и от уездного исправника поступали сведения о том, что реквизиция овса в уезде может вызвать осложнения, так как население отказывается сдавать овёс в виду его недостатка⁹. 22 декабря земство отправило в Петроград уточнение: Варнавинская управа – вместо 395 тысяч пудов могла разверстать 72 тысячи, Буйский уезд сумму в 34 тысячи пудов разверстать отказался в связи с отсутствием запасов¹⁰, Галичский уезд из 28 тысяч пудов собрал 10 038 пудов с крестьянских обществ¹¹. Днём ранее губернатор И.В. Хозиков сообщал в Министерство внутренних дел, что развёрстка Министерством земледелия 3 137 000 пудов «основана на статистических и других трудах губернского земства, не отвечающих действительности»¹². Однако Особоуполномоченный Гаврилов сообщал, что при введении развёрстки были исчислены местные потребности Костромской губернии в овсе. А оказавшиеся излишки и были назначены к поступлению по развёрстке¹³.

10 января 1917 г. Костромская губернская земская управа сообщала председателю Особого совещания, что овёс использовался для удовлетворения собственных нужд и не мог быть поставлен по развёрстке¹⁴. В Кинешемском уезде из 23 волостных сходоу 4 постановили произвести развёрстку между сельскими обществами, остальные 19 от поставки овса отказались, мотивируя это полным отсутствием его

у населения¹⁵. В Кологривском уезде было признано возможным разверстать 56 тысяч пудов овса. Руководство делом закупки хлебных продуктов в Костромской губернии поручено было непременно члену губернского присутствия д. с. с. И.А. Трухину¹⁶. 1 февраля 1917 г. губернское совещание вторично не признало возможным выполнить развёрстку в полном объёме и постановило возбудить ходатайство о совершенном освобождении губернии от поставки овса. Трухин же сообщал, что уездные земства от непосредственного участия в сборах отказываются. Вследствие чрезвычайно короткого срока санного пути (не более 6 недель), собрать даже развёрстанное количества овса было невозможно¹⁷. 22 февраля 1917 г. четыре волости Кологривского уезда категорически отказали поставить овёс¹⁸, несмотря даже на льготные условия, предоставленные до 1 марта по оплате подвоза, сбора и сушки хлебов¹⁹. Звучали предложения поставить вместо овса ячмень²⁰. «Кинешемская земская управа отказалась от участия в заготовке овса. Время уходит, сходоу развёрстку не делают. Крупных хозяйств в уезде нет, фабрики работают на оборону. Реквизиция невозможна. Получить назначенный развёрсткой губернского земства овёс невозможно», – сообщал в марте 1917 г. Трухин²¹. Развёрстка овса в Костромской губернии не достигла поставленных целей. Костромская губерния, потребляющая хлеб, во время Первой мировой войны перешла от ввоза хлебной продукции по водным путям к доставке железнодорожным транспортом. После введения твёрдых цен 9 сентября 1916 г. на все продовольственные операции с обозначением мест доставки Костромская губерния оказалась приписана к ряду производящих территорий. Продовольствие предполагалось доставлять по железной дороге.

Продовольственная развёрстка для Костромы стала непосильной повинностью, более того, овёс требовалось собрать с территорий, где шла тяжёлая работа по заготовке дров для отопления городов. Поэтому овёс был необходим для местных нужд. Недостаток ржаного хлеба во многих уездах Костромской губернии к февралю 1917 г. настолько обострился, что в Макарьевском уезде в пищу шла слежавшаяся кормовая мука, а в Кологривском – отруби. В Галиче муки не осталось вовсе, так как местные запасы иссякли²². К марту в некоторых уездах хлеба совсем не было²³.

Продовольственная развёрстка в Костромской губернии натолкнулась на ряд преград. Губернатор обращал внимание, что сумма развёрстки была основана на недостоверных статистических сведениях. В свою очередь, губернское земство стремилось сократить размер повинности, а уездное земство отказалось гарантировать поставку зерна. Волостные сходоу, низовые единицы за неимением овса также отказывались его поставлять. Малое количество со-

бранного продукта было затруднительно и вывезти. Заканчивалось время зимнего пути, наступала весенняя распутица. Продовольственная развёрстка в Костромской губернии показала просчёты в царской продовольственной политике и являла собой неудачную попытку сбора хлеба с потребляющей губернии в условиях мировой войны, а также продовольственного и транспортного кризиса.

Примечания

¹ Хлебная повинность в Костромской губ. // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 21. С. 8–9.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 456. Оп. 1. Д. 121. Л. 3.

³ РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 121. Л. 7.

⁴ РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 121. Л. 9.

⁵ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1042. Л. 29.

⁶ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1042. Л. 30 об.

⁷ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1042. Л. 31.

⁸ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1042. Л. 32.

⁹ РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 121. Л. 12, 12 об, 13.

¹⁰ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1042. Л. 34.

¹¹ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1042. Л. 44.

¹² РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 121. Л. 15.

¹³ РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 121. Л. 24.

¹⁴ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1042. Л. 55 об.

¹⁵ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1042. Л. 55.

¹⁶ РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 121. Л. 19.

¹⁷ РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 121. Л. 26.

¹⁸ РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 121. Л. 28.

¹⁹ РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 121. Л. 29.

²⁰ РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 121. Л. 37.

²¹ РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 121. Л. 25.

²² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6809. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 – 5 об.

²³ ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 264. Л. 61.

Список литературы

Гальперина Б.Д. IV Государственная Дума (пятая сессия) и последний министр земледелия // Вестник ТвГУ. Сер.: История. 2014. № 3. С. 34–52.

Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.) / под ред. С.И. Потолова. Ленинград: Наука, 1985. 384 с.

Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции // Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/25342> (дата обращения: 24.10.2021).

Мацузато Кимитакэ. Продразвёрстка А.А. Риттиха // Acta Slavica Iaponica. Sapporo. 1995. Т. 13. С. 167–183.

Оськин М.В. Продовольственная политика России накануне февраля 1917 г.: поиск выхода из кризиса // Российская история. 2011. № 3. С. 53–66.

Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 493 с.

References

Gal'perina B.D. *IV Gosudarstvennaja Duma (pjataja sessija) i poslednij ministr zemledelija* [IV State Duma (fifth session) and the last Minister of agriculture]. *Vestnik TvGU. Serija Istorija* [Herald Of Tver State University. History Series], 2014, № 3, pp. 34–52. (In Russ.)

Kitanina T.M. *Vojna, hleb i revoljucija (prodovol'stvennyj vopros v Rossii. 1914 – oktjabr' 1917 g.)* [War, bread and revolution (food issue in Russia. 1914–October 1917)]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, 384 p. (In Russ.)

Kondrat'ev N.D. *Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremja vojny i revoljucii*. [Bread Market and its regulation during the war and revolution]. *Istoricheskie materialy* [Historical materials]. URL: <http://istmat.info/node/25342> (access date: 24.10.2021). (In Russ.)

Macuzato Kimitaka. *Prodravyjorstka A.A. Rittikha* [A.A. Rittikh's food distribution]. *Acta Slavica Iaponica*. Sapporo, 1995, vol. 13, pp. 167–183. (In Russ.)

Os'kin M.V. *Prodovol'stvennaja politika Rossii nakanune fevralja 1917 goda: poisk vyhoda iz krizisa* [Food policy of Russia on the eve of February 1917: search for a way out of the crisis]. *Rossijskaja istorija* [Russian history], 2011, № 3, pp. 53–66. (In Russ.)

Sidorov A.L. *Jekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny* [The economic situation of Russia during the First World War]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 493 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.07.2021; одобрена после рецензирования 26.09.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 31.07.2021; approved after reviewing 26.09.2021; accepted for publication 15.11.2021.

**НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ:
НАВСТРЕЧУ «СОВЕТСКОМУ ЧЕЛОВЕКУ»
(конец 1920-х гг.)**

Хомяков Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), г. Улан-Удэ, Россия, khomyakov777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>

Соболева Анастасия Николаевна, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), г. Улан-Удэ, Россия, soboleva03_88@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9861-1162>

Аннотация. В 1920-е гг. на всей территории СССР шли известные процессы унификации разнородной социальной структуры, призванные в конечном счете создать единое советское общество. Отношение к происходящему со стороны старообрядцев Бурят-Монгольской АССР и Читинского округа Дальневосточного края стало в этот период одним из наиболее проблемных в плане внедрения коммунистических принципов. Это признавалось практически всеми местными партийными чиновниками и культработниками. Формально воспроизводя структуры советских политических и экономических институтов, принимая в свою жизнь технические новшества и специфику «культурной революции», в действительности старообрядцы-«семейские» зачастую не стремились к изменению своих воззрений на мир, религиозной идентичности ради складывания советского типа личности. Целью работы является анализ отношений власти и старообрядцев, а также бытового восприятия последними коммунистической идеологии. В статье рассматривается выявление реакции «семейских» (в том числе коммунистов) на усилившуюся в их среде к концу 1920-х гг. антирелигиозную пропаганду – главное условие для смены парадигмы мировоззрения, изучается идеологическая (воспитательная) сторона нового быта и отношения людей к ней. Авторы статьи приходят к выводу о том, что процесс формирования советского типа личности в старообрядческой среде Забайкалья к началу 1930-х гг. имел формальный характер развития: идеологизация населения вкупе с атенстической пропагандой не были строго привязаны в сознании людей как обязательное условие их новой культурной жизни.

Ключевые слова: отечественная история, Бурят-Монгольская АССР, Дальневосточный край, старообрядчество, уставщики, коммунистическая идеология, «советский человек», антирелигиозная пропаганда, комсомольцы, «культурная революция».

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект XII.191.1.1. «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5

Для цитирования: Хомяков С.В., Соболева А.Н. Новая жизнь старообрядцев Забайкалья: навстречу «советскому человеку» (конец 1920-х гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 39–46. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-39-46>

Research Article

**NEW LIFE OF THE OLD BELIEVERS OF TRANSBAIKALIA:
TOWARDS THE “SOVIET PERSON”
(late 1920s)**

Sergey V. Khomyakov, Candidate of Historical Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude, Russia, khomyakov777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>

Anastasia N. Soboleva, Candidate of Historical Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude, Russia, soboleva03_88@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9861-1162>

Abstract. In the 1920s, throughout the USSR, there were well-known processes of unification of a heterogeneous social structure, ultimately designed to create a unified Soviet society. The attitude of the Old Believers of Buryat-Mongol Autonomous

Soviet Socialist Republic and Chita District of the Far Eastern Territory to what was happening during this period became one of the most problematic in terms of the introduction of Communist principles. This was recognised by almost all local Party officials and cultural workers. Formally reproducing the structures of Soviet political and economic institutions, adopting technical innovations and the specifics of the «cultural revolution» in their lives – in reality, the Semeiskie Old Believers often did not seek to change their views on the world, religious identity for the sake of forming the Soviet type of personality. The purpose of the work is to analyse the relationship between the authorities and the Old Believers, as well as the everyday perception of the Communist ideology by the latter. Hence, the main problem can be considered the identification of the reaction of the Semeiskie (including the Communists) to the intensified in their community anti-religious propaganda by the late 1920s – the main condition for changing the paradigm of the worldview. Another problem is to research the ideological (educational) aspect of the new way of life and people's attitudes towards it. As a brief conclusion it should be noted that the process of the formation of the Soviet type of personality in the Old Believers' environment of Transbaikalia by the early 1930s had a formal character of development: the ideologisation of the population with atheistic propaganda were not tied in the minds of people as an indispensable prerequisite for their new cultural life.

Keywords: National history, Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic, Far Eastern Territory, Old Believers, confessor, Communist ideology, “Soviet person”, anti-religious propaganda, “Komsomol”, “cultural revolution”.

Acknowledgments. The research was carried out within the state assignment, project “Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th – 21st Centuries)”, № 121031000243-5

For citation: Homyakov S.V., Soboleva A.N. New life of the Old Believers of Transbaikalia: towards the “Soviet person” (late 1920s). *Vestnik of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, № 4, pp. 39–46 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-39-46>

Проблему утраты институционального характера религиозности (в первую очередь среди семейской молодежи) отмечал в своей работе «Старообрядцы Забайкалья» А.М. Селищев. В советский период об этом (как и о неразрывно связанных проблемах внедрения коммунистической идеологии) в виде инструкций для культработников и антирелигиозников писал А. Долотов. Ф.Ф. Болонев в своих многочисленных работах по местным старообрядцам указывал на итоговую устойчивость их религиозной идентичности, в результате которой коммунистическая идеология ее ослабила, но не преодолела в контексте исторической перспективы.

Ключевое значение для работы имели докладные записки, постановления, доклады, резолюции и стенограммы прений Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), этнографические очерки, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия, Государственном архиве Иркутской области, Государственном архиве Забайкальского края.

В исследовании были использованы элементы историко-сравнительного метода (который применялся при сопоставлении различной степени идеологизации в нескольких отдельно взятых старообрядческих поселениях) и историко-генетического метода (необходимого при сравнении политики власти по отношению к религиозности и бытовой стороне жизни старообрядцев в конце 1920-х гг. и в 1930-х гг.)

Старообрядцы («семейские»¹) проживали в селах Забайкальской губернии (по структуре одноверческих или смешанных с «сибирским»² старожильным населением) с 1760-х гг., после известных выгонок сюда из восточных областей Речи Посполитой. «Староверов, бежавших из России в Польшу, на Украи-

ну, в Белоруссию, Молдавию и Прибалтику в связи с Семилетней войной, а затем и разделами Польши, стремились поймать, используя царские войска, и выдворить в Сибирь. Их селили на Барабе, Алтае, в верховьях Иртыша, по его притокам (Убе, Ульбе, Глубокой) и в Забайкалье, в Селенгинской Даурии по притокам р. Селенги (Хилку, Куйтуну, Чикою, Уде, Тугную)» [Болонев: 6].

Можно определенно говорить о том, что к приходу сюда советской власти религиозность у старообрядцев оставалась ядром как для существующего уклада жизни, так и для преемственности поколенческих связей. Однако существование множества толков, появляющихся ответвлений от наиболее крупных старообрядческих согласий (признающих священство поповцев и не признающих его беспоповцев), отсутствие в жизни мирян грамотного священства и замена его на институт уставщиков (выбираемых из числа односельчан и часто индивидуально толковавших особенности вероучения) отрицательно сказывались на осознании людьми сущности различий древлеправославия от «никонианской ереси». ««Семейские» религиозны. Они чтут праздники, соблюдают посты, молятся при всяком случае: утром, вечером, перед принятием пищи, перед всяким делом. Молятся истово, двуперстно. Однако многое делается машинально, без понимания сущности совершаемого. “Так отцы и деды наши делали, так и нам велели”»³.

В итоге, по наблюдениям этнографов, религиозная идентичность у семейских к 1930-м гг. постепенно трансформировалась в комплекс отдельных традиций, более или менее развитых в той или иной местности (почитание наиболее известных святых, особенности похоронного обряда и т. д.), а также

в календарно-бытовую практику трудовой деятельности (с привязкой праздников и постов к хозяйственным работам при приоритете последних). «Иногда праздники нарушаются, например, во время страды. Чтобы оправдать такие нарушения, выработались пословицы и поговорки: “Сено да покойник не ждут”. Дело в том, что покойника стараются похоронить в тот же день или на завтра. Сено надо грести и метать, иначе может намокнуть. “Посты-то иногда нарушаем, особенно в поле – там далеко, бог-то не видит”»⁴.

Одной из причин признаваемых агитаторами трудностей антирелигиозной работы в семейских районах представляется как раз повседневная устойчивость культурной традиции – производная полузабытого сложного вероучения, обладающая похожими внешними атрибутами (терминология, обрядность, запреты). Кроме того, в отличие от «официального» православия старообрядческая традиция была обусловлена несистемным, неорганизованным характером своего распространения.

Необходимо также уточнить, что связующим элементом для всех забайкальских старообрядцев оставалось знание отрывков Священного писания, прежде всего Апокалипсиса Иоанна Богослова. Это объясняется тем, что «...литературы старообрядцы ниоткуда не получают. Почти в каждой старообрядческой семье имеется только священное писание на славянском языке»⁵. Происходившие со страной события 1910–1920-х гг. объяснялись взятием власти антихристом и наступлением «последних времен». «Уставщики агитируют население против Советской власти, пророчат скорый конец нашему строю»⁶. Этим также укреплялось внутреннее чувство верности выбора предками пути сопротивления как реформам первого «антихриста», патриарха Никона, так и политики советской власти.

С самого начала антирелигиозных мероприятий в среде старообрядцев в курирующих органах советской власти (Бурят-Монгольский обком ВКП(б)) уже существовало понимание тогдашнего состояния древлеправославия, хотя и представляющееся сейчас лишь частично верным: «Перед нашим совещанием встал вопрос “Религиозен ли старообрядец?”». Все же он не религиозен. Есть часть, которая верует искренне, но большая часть не верует, она верует только для показа»⁷. Также у антирелигиозников существовали и более приближенные к реальности точки зрения, хотя и ожидаемо ставящие религию первопричиной всех бедствий старообрядца: «Религиозен ли “семейский” крестьянин? По-моему, так ставить вопрос о всей массе населения нельзя. Тут есть глубокие исторические корни, зависящие от неграмотности, некультурности, привычек в быту отсталого «семейского» крестьянина. При наличии всех

этих прелестей почва для религии создана хорошая, и ясно, она развилась и укрепилась»⁸.

Постановления и резолюции по антирелигиозной работе от Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) приводились в действие на местах рядовыми коммунистами и культурными работниками, которые в большинстве своем сами являлись старообрядцами. Такая практика была продиктована обоснованной необходимостью доверия населения к партии и тем нововведениям быта, которые она декларировала (изменение отношения семейских к избам-читальням⁹). В контексте борьбы со старообрядческой религией происходила обратная ситуация: прочность религиозной традиции и патриархального менталитета, нежелание открыто прогивопоставлять себя сообществу видятся более существенной причиной адаптации новых статусов к повседневным реалиям, чем общая слабость антирелигиозной подготовки. «Нет со стороны местных коммунистов личного примера в деле введения безбожия в семье, есть случаи и очень нередки, когда коммунисты имеют у себя иконы, молятся богу для “показа”, не ведут никакой разъяснительной работы среди своей семьи и ближних родственников»¹⁰.

При этом нужно учитывать и аспект вполне объяснимой практической хватки активных людей, готовности управлять общественными процессами на селе и желанием при этом оставаться «своими». Все это пока еще не всегда увязывалось недавно образованными партийными ячейками с вышестоящими требованиями быть полноценно антирелигиозными. «Некоторые коммунисты, боясь недружелюбного отношения семьи, показно молятся богу, справляют религиозные праздники и т. д.»¹¹. В этой связи характерны случаи саботажа местными партийцами темпов атеизации старообрядцев (которые усилились к концу 1920-х гг. в плане увеличения критики уставщичества, что в дальнейшем привело к печально известным репрессиям старообрядческого духовенства практически во всех селах Тарбагатайского, Мухоршибирского, Бичурского аймаков Бурят-Монголии). «В Тарбагатае секретарь ячейки М. и комсомолец И. считают, что бояться влияния начетчиков и уставщиков не приходится, поэтому этот вопрос не заслуживает внимания. Следует заметить, что в Тарбагатае начетчиков и уставщиков более 30 человек и 13 зажиточно-кулацких хозяйств»¹².

Старообрядческая молодежь, желавшая изменить свой образ жизни, стремившаяся устранить зависимость от родителей и уставщиков, легитимизировать нарушения запретительных практик, часто становилась сельским комсомольским активом и совершенно искренне, по-своему боролась с устаревшей, уже давно непонятной и ограничивающей их действия верой предков. «Наиболее гибкой, поддающейся нашему влиянию является молодежь, она идет к нам в клуб,

обходя церкви. Комсомольцы антирелигиозную работу ведут, но ведут не систематически и не так, как нужно вести. Они, например, ругают матом начетчиков, в результате чего начетчики проклинаят их, зовут еретиками»¹³. Такой простоватый подход к антирелигиозной работе критиковал и бурятский антирелигиозник 1930-х гг. А. Долотов [Долотов: 49].

Кроме того, в конце 1920-х гг. у многих сельских комсомольцев (по примеру их старших наставников в ячейках в с. Тарбагатай, Куйтун и т. д.) прослеживалась не только общая инертность в вопросах распространения здесь элементов коммунистической идеологии, помощи культурной революции, но и формальное членство, нежелание отказываться от привычного для себя образа жизни. Обязательным его атрибутом продолжала оставаться бытовая религиозная привычка, а также практика гуляний в дни религиозных праздников (такие факты отмечали в этой местности в 1919 г. А.М. Селищев [Селищев: 16] и А.М. Попова [Попова: 52] в 1928 г.). «Факт первый – в Тарбагатае комсомолец Орлов оказался членом религиозной общины и на предложение порвать связь с попом ответил: “Лучше попу платить 3 коп., чем ячейке коп.”. Комсомолка Д. стала посещать церковь. Факт второй – в Куйтуне комсомолец С. во время пасхи полез на колокольню и стал звонить целый день. Комсомольцы С., Д., М. во время пасхи гуляли, пьянствовали. Факт третий – в Куналее 5 комсомольцев во время пасхи гуляли и молились»¹⁴.

Что же касается изб-читален и других культурных объектов в селах, то их растущая востребованность была продиктована сугубо практическими целями информирования по различным вопросам сельского хозяйства, медицины, политическими сводками. В плане атеистического «перевоспитания» к концу 1920-х гг. у избачей здесь не прослеживается интереса и вовлеченности в процесс. «В “семейских” изб-читальнях антирелигиозная работа отсутствует, нет антирелигиозной литературы, политпросветчики не имеют элементарных познаний по антирелигиозным вопросам»¹⁵.

Учитывая факты противоречивого характера социальной адаптации советских институтов в поселениях старообрядцев, слабую степень идеологизации у самого первичного звена политпросветителей, логично предположить и негативную реакцию большинства рядового старообрядческого населения к мероприятиям советской власти по атеизации. «У нас в наших условиях сваливать вину на партийную ячейку нельзя, так как коммунисты сами почти поголовно малограмотные, плохо разбираются во всех вопросах, культурных же сил помимо коммунистической ячейки раз, два и обчелся»¹⁶.

В целом большая часть населения семейских сел бывшего Верхнеудинского уезда (примирившись

с существованием рядом с собой партии и комсомола, состоящих из «одноплеменного» местного актива) продолжало отторгать наиболее радикальные установки коммунистической идеологии, в первую очередь – массовую атеизацию. Причем пассивная враждебность к советской власти усиливалась при появлении внешнего элемента (даже одноверца-чужака), изначально подозреваемого в стремлении переиначить их порядки по заказу коммунистов. «Петровско-Заводской уезд. Старообрядцы доверяют только своим руководителям, которых они знают. На приезжающее духовенство, даже старообрядцев, смотрят недоверчиво. Так, в 1924 г. приехавший из Москвы старообрядческий священник был встречен населением недоброжелательно, как зарегистрированный и работающий, по их мнению, по заданиям коммунистов, и вскоре вынужден был уехать обратно в Москву»¹⁷.

При попытках власти демонстративно изменить номинальный, вялотекущий характер борьбы с вероучением и «статусом-кво» в еще прочном положении уставщиков сразу происходила неизбежная эскалация конфликта (при котором проявляется основная причина твердой религиозности – незаменимость для семейских обрядовой составляющей жизни). Это видно, например, при аресте уставщиков и начетчиков, подозреваемых в поджоге дома коммуниста в с. Большой Куналей. «Напряжение извинченных “семейских” женщин (их было несколько сот человек) повысилось еще больше – они также в большинстве заплакали, запричитали и стали еще более настойчиво наступать на конвоиров с криками: “Зачем вы их арестовали?”, “Они нам нужны”, “Вы их за веру арестовали”, “Кто теперь будет крестить, кто будет нас хоронить – без них, наставников наших, мы пропали”, “Это их за веру – наших начетчиков взяли”, “Отдайте их нам – они невинны”»¹⁸.

Подобная тенденция вынуждала Бурят-Монгольский обком идти по пути наименьшего сопротивления, которое можно выразить в отрывке выступления на одном из собраний 1928 г., посвященном идеологической работе в старообрядческих районах: «Нужно взяться за дело воспитания молодого семейского поколения, со стариками ничего уже не сделаем»¹⁹.

Стоит отметить, что в многочисленных на момент 1920-х гг. общинах старообрядцев Забайкалья были и такие, в которых религиозный компонент проявлялся слабее даже среди старшего поколения, что может объясняться более ранними, чем в других местностях, процессами упадка запретительной и обрядовой функций древлеправославной традиции. Степень лояльности к советской власти и восприимчивости ее идеологии, соответственно, была сильнее, как, например, в с. Гашей Мухоршибирского аймака Бурят-Монгольской АССР. «Семьи, в которых есть дети-комму-

нисты, очень терпимо относятся к вопросам религии. Здесь нет того фанатизма, который существует в таких селах, как-то: Куналей, Куйтун, Новая Брянь и др. Табакокурение принято почти у всех. Уставщик гашейцев, происходящий из среды бедняков, отличается большой терпимостью в делах веры. Пропаганда против Советской власти не ведет не только явной, но и тайной. Дети гашейцев часто не крещены. Только одни старухи поварчивают на это, считая, что некрещеное дитя должно обязательно болеть. Некоторые из них еще придерживаются обычая предков: соблюдают посты и т. п. Но большинство из мужчин средних лет, а также вся молодежь уже довольно отстала от постов и моления»²⁰.

«Советский человек» в идеализированном представлении пропаганды 1920–1930-х гг. – личность прежде всего освобожденная в своем сознании от «религиозных предрассудков». «Самореализоваться он мог, только полностью пожертвовав собой, влившись в новый нарождающийся пролетариат, слившись воедино с этим сообществом, новым в мировой истории, и отбросив все старые образцы идентичности и ложные формы сознания» [Гества: 60–61]. Только при этом условии коммунистическая идеология могла восприниматься им как единственно верная основа мировоззрения. И в этой связи нужно учитывать проблему достижения подобных целей у старообрядцев Забайкалья в 1920-е гг., практически повсеместно выражающих негативную реакцию на попытки атеизации, безынициативность местных коммунистов и комсомольцев, сложность условий для деятельности агитаторов, выражающуюся в том, что они столкнулись не со строгой религиозной иерархией с установленными оппонентами, а с социокультурной совокупностью оторванных друг от друга, неявных, однако устойчивых конструкций.

Каково же было отношение людей к общему коммунистическому воспитанию в этот период (идеологизация на фоне приобщения к культурному строительству, к партийной, комсомольской и пионерской организациям)?

Учитывая факты роста лояльного отношения к образованию детей в гражданских школах и ликвидации собственной неграмотности у взрослых семейских (что характерно применительно к ним все же в 1930-е гг.), стоит отметить, что советская власть с середины 1920-х гг. начала работу в контексте улучшения как профессионализма культработников и учителей (приезжих и местных), так и навыков приобщения к существующему жизненному укладу. «Продуктивность работы культурно-социальных учреждений зависит от квалификации работников в той или иной области, необходимого такта у работника и безупречности его поведения – отзывчивости, умения приспособиваться к бытовым обычаям населе-

ния, не давать повода к разговорам в среде населения о своем нравственном поведении и прочее»²¹.

Соответственно, первичным вопросом для обкома партии объективно являлось создание условий для нового быта, материальных (культурные объекты) и кадровых. Осуществлять внедрение необходимых идеологием невозможно без наглядных примеров преимущества строящегося социалистического общества (появление в облике сел новых школ, избителен, домов культуры, приезд кинопередвижек), а также без адекватной передачи «темному» в политическом плане населению элементарных основ «завоеваний революции», с чем также были проблемы. «Имеющиеся в наличии школьные работники не принимают никакого участия в общественной работе, кроме того, они мало развиты, не имеют опыта в работе. У нас, в нашем селе, учительница, прослужив 3 года, не объяснила ученикам, кто такой был Ленин»²².

В конце 1920-х гг. эти процессы только начинают сдвигаться с места, отсюда и обоснованность применения властью адаптивных механизмов. Уступки перед существующей действительностью провоцировали равнодушное восприятие старообрядцами не только атеистической повестки, но и других форм советской инициации. Причем это касалось как демонстративной практики новых революционных праздников («Раньше из любопытства население принимало участие в празднествах, а теперь всем это надоело и население ходить не стало»²³), так и бытового восприятия идеологии. «Необходимо увеличить сеть культурных учреждений на селе, приспособить их. Очень часто красные уголки запущены, грязные, крестьяне не ходят туда»²⁴.

Как и при проведении антирелигиозной кампании, слабая степень сознательности, легкое отношение к работе, частое непонимание своих функций местными коммунистами сильнее всего укрепляли у людей чувство необязательности строительства «нового мира». Городской актив посещал старообрядцев редко, а местная власть была постоянно на виду. «Парторганизации должны усилить борьбу с болезненными явлениями в ячейках: пьянство, неисполнение партдиректив, непосещение партсобраний, совершение религиозных обрядов и прочее путем главным образом усиления воспитательной работы»²⁵. Аналогичная тенденция видна и у местных комсомольцев: «Прוצветает пьянка среди комсомольцев. Партийные ячейки на работу среди комсомола внимания не обращают»²⁶.

Такие факты (при наличии устойчивого, хотя и сложнообъяснимого для них самих религиозного мышления) показывали сельчанам формальный характер ненужной им идеологической добавки в традиционно привычную и понятную задачу много и ка-

чественно трудиться. «Факт второй, когда я ставил в каждой партийной ячейке вопрос – почему у вас плохо с комсомолом, то получал обычно один ответ: “Не до комсомола, товарищ, у нас была ударная работа по хлебозаготовкам и посевкампании”»²⁷.

Стоит уточнить, что при этом по мере распространения социально-экономических установок партии (классовая борьба против кулаков, вступление семейских в колхозы и т. д.) наличие у семейских «своих» местных ячеек несло для власти и положительные эффекты (в случаях отсутствия распространенных в это время конфликтов большинства населения с коммунистами). «Связь с массами наших коммунистов нужно разделить на положительную – повседневная, совместная с беспартийными работа на поле, общественная работа, рациональное использование праздничного времяпровождения (беседы дома, на завалинках, избах-читальнях и т. д. И отрицательную – совместные попойки, гулянки в праздник, свадьбы и другие бытовые случаи»²⁸.

Наконец, что касается детских пионерских организаций, то, учитывая постепенное распространение массового обучения детей в школах и их вступление в пионеры, отношение со стороны семейских здесь становилось более терпимым. Однако еще фиксируются отдельные примеры враждебности со стороны пожилых людей, основанной на подспудном для них неприятии конкурирующего элемента во влиянии на детей (способного поменять идентичность с воспитываемой религиозной на «антихристову» советскую). «Новая Брянь. Особенно яростно настроены старухи. Они при виде красного знамени и пионерских галстуков падают ниц лицом в землю. Одна из них при виде пионера схватила внука за голову, пригнула к земле, говоря: “лежи и не гляди, антихристы идут”»²⁹.

Опять же, и в конце 1920-х гг. были исключения среди семейских в плане отношения к детским и молодежным организациям (что, однако, не сводится к мысли искреннего принятия ими идеологии, скорее говорит о социально одобряемом поведении). «Среди жителей Мухор-Талы редко встретишь яростных фанатиков старого быта, каких встречаешь еще в селе Новая Брянь. Здешние крестьяне гораздо дружнее живут между собой. Они не относятся с ненавистью к коммунистам, позволяя своим детям вступать в комсомол»³⁰.

В итоге в конце 1920-х гг. в старообрядческих селах бывшего Верхнеудинского уезда наблюдается компромиссная направленность по вопросу идеологизации общества, основанная на индифферентной позиции семейского населения (в том числе части местных коммунистов и комсомольцев) и адаптивной стратегии поведения республиканской партийной организации, направленной на создание в первую оче-

редь материальной и кадровой базы культурной революции как решающего условия для воспитания «советского человека».

1920-е годы еще не становятся временем, когда старообрядцы Забайкалья активно вливаются в практику общесоюзного строительства социализма, открывая в своих селах колхозы и «освободившись от религиозного дурмана» (существующая в 1930-е гг. тенденция публикаций в газете преимущественно позитивной картины новой жизни). Первое десятилетие советской власти здесь можно охарактеризовать как не особо успешные попытки партийного чиновничества распространить у семейских политику атеизации и элементы коммунистического воспитания.

Акцентированная на отношении к семейской религиозности как мнимой и формальной, позиция обкома партии не воспринимала значение каждодневной бытовой традиции верования. Необходимость в преемственности религиозного образа жизни «отцов и дедов» (даже при постепенной утрате точных истолкований структуры древлеправославия) оказалась намного более устойчивой, чем предполагала советская власть, вынужденная при этом делать ставку в вопросе формирования новой личности на молодежь и местный актив коммунистов. Партийная же ячейка в конце 1920-х гг., критикуя деятельность уставщиков, в целом приспособливалась к привычной среде одноверцев и сама часто не спешила отказываться даже от внешней демонстрации своей религиозности.

Учитывая эти условия, а также логичную обоснованность в создании материальных условий нового быта семейских при последующем усилении идеологизации, можно говорить о ее пока еще декларативном характере. Он был вызван как слабой кадровой базой культурной революции, так и нейтральном либо практичном отношении населения к атрибутам внедряемой идеологии (революционному празднику, красным уголкам, избам-читальням).

Охарактеризованное своеобразие общественной жизни старообрядцев Забайкалья в конце 1920-х гг. не позволяло пока что говорить о начале успешного процесса появления у них «советского человека».

Примечания

¹ Этноним «семейские», «поляки» был получен переселившимися из Речи Посполитой старообрядцами от местных жителей Забайкалья, ввиду их прихода сюда большими семьями.

² «Сибиряки» – в данном контексте: субэтническая группа русского населения появившегося в Забайкалье до прихода старообрядцев.

³ А. Добромыслов «У “семейских”»: Из фонда научных работ Восточно-Сибирского отдела Всесоюзного географического общества СССР, 1929 г. // Го-

сударственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.-Р. 565. Оп. 2. Д. 34. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Из доклада Забайкальского губернского комитета РКП(б) о старообрядцах, 1925 // Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.-П. 81. Оп. 1. Д. 1318. Л. 8.

⁶ Прения по докладу Копылова «Партийное строительство в “семейских” районах», 17 июля 1928 г.: Из протокола вечернего заседания совещания партийных работников в “семейских” районах // Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 65.

⁷ Прения по докладу Петрова «Антирелигиозная работа в “семейских” районах», 19 июля 1928 г.: Из протокола вечернего заседания партийного совещания работников «семейских» районов БМАССР // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 78.

⁸ Там же. Л. 78.

⁹ Старообрядческое население осознало пользу избы-читальни // Бурят-Монгольская правда. 1926. 18 фев. С. 3.

¹⁰ Доклад Петрова на совещании работников «семейских» районов об антирелигиозной работе, 19 июля 1928 г. // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 76.

¹¹ Прения по докладу Петрова «Антирелигиозная работа в “семейских” районах»: Из протокола вечернего заседания партийного совещания работников «семейских» районов БМАССР // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 78.

¹² О состоянии комсомольских ячеек в “семейских” районах: Докладная записка, подготовленная на заседание бюро Бурят-Монгольского обкома ВЛКСМ, 13 июня 1929 г. // ГАРБ. Ф.-П. 36. Оп. 1. Д. 542. Л. 102.

¹³ Прения по докладу Петрова «Антирелигиозная работа в “семейских” районах»: Из протокола вечернего заседания партийного совещания работников «семейских» районов БМАССР // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 78.

¹⁴ О состоянии комсомольских ячеек в “семейских” районах: Докладная записка, подготовленная на заседание бюро Бурят-Монгольского обкома ВЛКСМ // ГАРБ. Ф.-П. 36. Оп. 1. Д. 542. Л. 101.

¹⁵ Резолюция партийного совещания работников “семейских” районов БМАССР по докладу Петрова «Антирелигиозная работа в семейских районах», 19 июля 1928 г. // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 100.

¹⁶ Прения по докладу Данилова «Культурно-бытовая работа в “семейских” районах», 18 июля 1928 г.: Протокол вечернего совещания работников Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 73.

¹⁷ Из доклада Забайкальского губернского комитета РКП(б) о старообрядцах, 1925 г. // ГАЗК. Ф.-П. 81. Оп. 1. Д. 1318. Л. 6.

¹⁸ Из информационной сводки Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) о кулацких действиях в с. Большой Куналей Верхнеудинского района, 25 мая 1929 г. // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1355. Л. 24.

¹⁹ Прения по докладу Данилова «Культурно-бытовая работа в “семейских” районах», 18 июля 1928 г.: Протокол вечернего совещания работников Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 73.

²⁰ О быте и экономическом состоянии «семейских» с. Гашей, с приложением таблиц, 1926 г.: Из очерка «Быт и экономическое состояние старообрядческо-семейского населения республики» // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 961. Л. 31.

²¹ Доклад Данилова на совещании партийных работников «семейских» районов о культурно-бытовой работе, 18 июля 1928 г. // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 66.

²² Прения по докладу Данилова «Культурно-бытовая работа в “семейских” районах», 18 июля 1928 г.: Протокол вечернего совещания работников Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 73.

²³ Доклад Копылова о партийном строительстве в «семейских» районах, 17 июля 1928 г.: Из протокола совещания партийных работников «семейских» районов // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 61.

²⁴ Прения по докладу Данилова «Культурно-бытовая работа в “семейских” районах»: Протокол вечернего совещания работников Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 74.

²⁵ Резолюция совещания партийных работников «семейских» районов по докладу «Партийное строительство в “семейских” районах», 17 июля 1928 г. // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 91.

²⁶ Прения по докладу Копылова «Партийное строительство в “семейских” районах», 17 июля 1928 г.: Из протокола вечернего заседания совещания партийных работников в «семейских» районах // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 66.

²⁷ Докладная записка «О состоянии комсомольских ячеек в “семейских” районах», подготовленная на заседание бюро Бурят-Монгольского обкома ВЛКСМ // ГАРБ. Ф.-П. 36. Оп. 1. Д. 542. Л. 103.

²⁸ Доклад Копылова о партийном строительстве в «семейских» районах: Из протокола совещания партийных работников «семейских» районов // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 1420. Л. 62.

²⁹ О быте и экономическом состоянии «семейских» с. Новая Брянь, 1926 г.: Из очерка «Быт и экономическое состояние старообрядческо-семейского населения республики» // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 961. Л. 48.

³⁰ О быте и экономическом состоянии «семейских» с. Мухор-Тала, с приложением таблиц, 1926 г.: Из очерка «Быт и экономическое состояние старо-

обрядческо-семейского населения республики» // ГАРБ. Ф.-П. 1. Оп. 1. Д. 961. Л. 26.

Список литературы

Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск: Февраль, 1994. 148 с.

Гества Клаус. Советский человек. История одного собирательного понятия // Вестник общественно-го мнения. 2018. № 1–2. С. 58–75.

Долотов А.А. Старообрядчество в Бурятии. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1931. 52 с.

Попова А.М. Забайкальские старообрядцы // Бурятияведение. 1928. № 1–2. 38 с.

Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1920. 81 с.

References

Bolonev F.F. *Staroobryadcy Zabajkal'ja v XVIII–XX vv.* [Old believers of Transbaikalia in the 18th and 20th centuries]. Novosibirsk, Fevral' Publ., 1994, 148 p. (In Russ.)

Gestva Klaus. *Sovetskij chelovek. Istorija odnogo sobiratel'nogo ponyatiya* [Soviet man. The history of one collective concept]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of Public Opinion], 2018, № 1–2, pp. 58–75. (In Russ.)

Dolotov A.A. *Staroobryadchestvo v Burjatii* [Old believers in Buryatia]. Verkhneudinsk, Burgosizdat Publ., 1931, 52 p. (In Russ.)

Popova A.M. *Zabajkal'skie staroobryadcy* [Transbaikal Old believers]. *Burjatievedenie* [Buryat studies], 1928, № 1–2, 38 p. (In Russ.)

Selishhev A.M. *Zabajkal'skie staroobryadcy* [Transbaikal Old believers]. Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo gos. unta Publ., 1920, 81 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.09.2021; одобрена после рецензирования 11.10.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 04.09.2021; approved after reviewing 11.10.2021; accepted for publication 15.11.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 47–55. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 47–55. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(517.3)''1921''

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-47-55>

ГЕНЕЗИС МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 Г.: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Батунаев Эдуард Владимирович, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, Batunaeveduard@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные и узловые вопросы отечественной историографии, теоретических и методологических аспектов Монгольской революции 1921 г. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время в научном дискурсе уделяется большое внимание изучению революционных процессов в более широком историческом контексте, с привлечением новых методологических подходов, ранее неизученных материалов. Монгольская революция 1921 г. стала поворотным моментом на пути социалистического переустройства традиционного кочевого общества, проведения коренных политических, социально-экономических изменений в рамках молодого Монгольского государства. Особое внимание уделено эволюции взглядов в отечественной, монгольской и западной историографии, исторических подходов, методологии в исследовании рассматриваемой проблематики, выявлены новые дискуссионные аспекты по проблемам политической истории Монголии и российско (советско)-монгольских отношений. Анализ исторической литературы показал, что Монгольская революция 1921 г. в транснациональной истории представляла собой сложное и многофакторное явление, включавшее в себя как внутренние, так и внешние факторы: движение самих монголов к независимости и суверенитету, продвижение революционных идей Коминтерна на Востоке, обеспечение безопасности восточных рубежей со стороны СССР. Автор приходит к выводу, что Монгольская революция 1921 г. стала масштабным событием во всей ее многовековой истории, привела к колоссальным изменениям в политической, экономической, социальной и культурной жизни монгольского общества.

Ключевые слова: Монгольская революция 1921 г., советско-монгольское соглашение 1921 г., Коминтерн, Монгольская народная партия (МНП), Монгольская народно-революционная армия (МНРА), политическая программа, историография.

Благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания, проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1

Для цитирования: Батунаев Э.В. Генезис монгольской революции 1921 г.: методологические и теоретические аспекты // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 47–55. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-47-55>

Research Article

THE GENESIS OF THE MONGOLIAN REVOLUTION OF 1921: METHODOLOGICAL AND THEORETICAL ASPECTS

Eduard V. Batunaev, Candidate of Historical Sciences, Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russia, Batunaeveduard@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>

Abstract. The article examines the problematic and key issues of Russian historiography, theoretical and methodological aspects of the Mongolian revolution of 1921. Topicality of the study is due to the fact that the current scientific discourse pays great attention to the study of revolutionary processes in a broader historical context, with the involvement of new methodological approaches, previously unexplored materials. The Mongolian revolution of 1921 became a turning point on the path of the socialist reorganisation of the traditional nomadic society, carrying out radical political, socio-economic changes within the framework of the young Mongolian state. Particular attention is paid to the evolution of views in Russian, Mongolian and Western historiography, historical approaches, methodology in the study of the problem under consideration, new controversial aspects of the problems of the political history of Mongolia and Russian (Soviet)-Mongolian relations are revealed. The novelty of the research is seen in the fact that the analysis of historical literature showed that the Mongolian Revolution of 1921 in transnational history was a complex and multifactorial phenomenon that included both internal and external factors: the movement of the Mongols themselves towards independence and sovereignty, the advancement of revolutionary ideas Comintern in the East, ensuring the security of the eastern borders from the USSR. The author comes to the conclusion that the Mongolian Revolution of 1921 became a large-scale event in its entire centuries-old history, led to colossal changes in the political, economic, social and cultural life of Mongolian society.

Keywords: Mongolian revolution of 1921, Soviet-Mongol agreement of 1921, Comintern, Mongolian People's Party, Mongolian People's Revolutionary Army, political programme, historiography.

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of a state assignment, project "Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states", № 121031000241-1

For citation: Batunaev E.V. The genesis of the Mongolian revolution of 1921: methodological and theoretical aspects. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 47–55 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-47-55>

Россия и Монголия имеют давнюю многовековую историю, верные союзнические и добрососедские отношения. В 2021 г. отмечается знаменательное событие в научном и общественном сообществе – 100-летие Монгольской революции 1921 г. и подписания первого советско-монгольского соглашения об установлении дружественных отношений между РСФСР и Монголией. Это важное историческое событие в российско (советско)-монгольских отношениях. За истекшее время было издано большое количество сборников документов, книг, сборников статей, написаны сотни исследований, мемуаров непосредственных участников событий Монгольской революции 1921 г. в отечественной, монгольской и западной исторической литературе. Революционные процессы, происходившие в недалеком прошлом, в XX столетии, и имевшие масштабные последствия для судеб многих стран и народов Востока, продолжают привлекать пристальное внимание научного сообщества и общественности в оценке их предпосылок, сравнительных характеристик, движущих сил и итогов [Ширендыб 1971; Жабаева 2000; Железняков 2000; Курас 2011; Лузянин 2003; Хишигт 2011; Михалев 2006].

На волне демократических преобразований 90-х гг. и смены исторической парадигмы в истории Монголии возобладала концепция о «трех революциях»: национально-освободительной (1911 г.), национально-демократической (1921 г.) и мирной демократической (1990 г.) [Грайворонский 2001; Дашдаваа 2015; Монгол улсын 2003; Лхамсурэн 1988]. Большое значение в последнее время монгольскими исследователями уделяется событиям национально-освободительного движения 1911 г., демократическим преобразованиям 90-х гг., на фоне которых идет некоторый спад значения Монгольской революции 1921 г. Однако события Монгольской революции 1921 г., на наш взгляд, имели ключевое значение в национально-освободительном движении и сохранении суверенитета Монгольского государства вне зависимости от смены исторической парадигмы и методологии. Важнейшей задачей нового монгольского правительства на данном историческом этапе стало укрепление государственности, достижение национального суверенитета и независимости. Одним из первых шагов революционного правительства стала попытка завязать международные контакты, добиться признания и суверенитета [Рошин: 137].

Советская историография Монгольской революции 1921 г: основные этапы и направления. В советский период в исторической науке огромное значение уделялось изучению предпосылок, характера, движущей силы, участников Монгольской революции 1921 г. и руководящей роли МНРП. В первом совместном фундаментальном труде ученых МНР и СССР «История МНР», охватившем всю многовековую историю монгольского народа, было дано определение Монгольской революции 1921 г. как «народно-демократическая революция», возникшая под влиянием Великой Октябрьской революции 1917 г. [История 1983: 297].

Известный монгольский ученый, историк, государственный и общественный деятель Б. Ширендыб в своей фундаментальной работе «История Монгольской Народной революции 1921 г.» на обширном историческом материале охарактеризовал значение этого события как важного поворотного пункта во всей многовековой истории страны. При этом автор рассматривал весь комплекс вопросов данной проблемы в тесной связи с внутренними и внешними факторами [Ширендыб: 8]. Позже в коллективном труде «История Монголии. Век XX», написанной группой ведущих монголоведов Института Востоковедения РАН Монгольскую революцию 1921 г. называют «национально-демократической революцией» – как общенационального освободительного движения, главной целью которого было национальное возрождение, восстановление государственности. В этом смысле авторы работы считают ее прямым продолжением движения 1911 г. [История 2007: 64].

Историки рассматриваемого периода – как советские, так и монгольские, – как правило, основное внимание уделяли проблематике мировой революции, перехода к некапиталистическому пути, пролетарского интернационализма, нерушимой братской дружбы. В целом вся проблематика советского востоковедения была подчинена национально-освободительному движению, которое было одним из потоков мирового революционного процесса. Вместе с тем в советский период прослеживается эволюция исторических исследований, при этом рубежным стал 1934 г., XVII съезд ВКП(б), положивший конец внутривластной борьбе и дискуссиям развития мирового революционного процесса. Большую роль в развитии советской историографии имел выход «Краткого курса истории ВКП(б), окончательно

определивший утверждение новой марксистской науки в гуманитарных исследованиях.

В эти годы вышло в свет большое количество совместных монографий, статей и очерков, посвящённых образованию МНР, роли Монгольской народной революции 1921 г., боевого содружества, преимуществам некапиталистического пути развития, успехам демократического и социалистического строительства в МНР, развитию культуры и науки [Иваненко 1981; Калинин 1926; Майский 1959; Революционные мероприятия 1960; Улымжиев 1987; Чойболсан 1952; 50 лет 1972; Очерки 1971]. В этот период были опубликованы многочисленные протоколы съездов, партконференций, пленумов ЦК и другие партийные документы, которые носили отпечаток своего времени. Несмотря на то, что работы содержат в большей степени идеологическую окраску и одностороннюю трактовку, которая была характерна для всего советского периода, все же они имеют важную значимость в изучении роли и значения Монгольской революции 1921 г.

Среди работ, рассматривавших проблемы революционного и национально-освободительного движения, в том числе касающихся Монгольской революции 1921 г., необходимо отметить труды представителей бурятской национальной интеллигенции: Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, С. Нацова, О. Дашидондобэ, Д. Жамбалона, которые были репрессированы и в дальнейшем реабилитированы. Их политические взгляды в чем-то совпадали, но по большей части были диаметрально противоположными и превращались в острую дискуссию на страницах советской печати. Необходимо учитывать, что советские и монгольские ученые в своих трудах основывались на материалистическом понимании истории, больше известной как «исторический материализм», господствовавшем в этот период в марксистской науке. Тематика исследований в какой-то степени могла меняться в зависимости от смены политической конъюнктуры периода «оттепели», но в строго ограниченных рамках партийных установок.

Вместе с тем советской и монгольской историографии были присущи одни и те же черты, такие как жесткий идеологический диктат, замалчивание негативных сторон советско-монгольских отношений, обход неудобных вопросов, связанных с панмонголизмом и видными общественными и политическими деятелями, подвергшимися репрессиям в 1920–40-е гг., односторонняя приоритетная значимость классовой борьбы и революционной тематики в изучении истории.

Теоретические подходы западных исследователей Монгольской революции 1921 г. Что касается работ западных историков в этот период, необходимо отметить, что в большинстве своем они считали

монгольскую революцию 1921 г. «экспортом революции», навязанной советским руководством и Коминтерном. Это жесткое противостояние между СССР и США, западными странами шло в русле холодной войны на всех фронтах – военном, экономическом и идеологическом. Советские и западные ученые обоюдно критиковали работы друг друга, основываясь на противопоставлении двух мировых систем: капиталистической и коммунистической. В этой связи в западной историографии советскими учеными в изучении истории Монголии выделялись два подхода: объективистское и фальсификаторское [Гольман 1974:24; Lattimor 1955; Rupen 1979; Bawden 1968; Friters 1951; Murphy 1968]. В современных западных работах на основе применения новых методов и подходов исторического исследования: «истории памяти», политической и социальной антропологии – авторами делается попытка реконструировать политическую историю Монголии [Kaplonski, 2002; Atwood, 1999].

Вместе с тем необходимо с осторожностью относиться к таким проблемным, на наш взгляд, вопросам, как «экспорт революции», «концепция сателлитизма», политические репрессии, порой односторонне трактованными в западной историографии. Монгольские партийные руководители, на наш взгляд, не были простыми марионетками, как принято было считать в западных работах, полностью подчинявшимися воле советских партийных и коминтерновских органов, а имели свое видение, отражавшее внутренние факторы, национальные и государственные интересы.

В этой связи необходимо отметить, что в этом важном регионе в самом сердце евразийского континента переплетались геополитические интересы ведущих держав мира, связанные с борьбой с империализмом, продвижением идей мировой революции, антиколониальными и национально-освободительными движениями народов Востока, и собственно монгольскими интересами создания независимого и объединенного Монгольского государства. На наш взгляд, сводить все к внешнему фактору было бы неверным, поскольку были свои, более глубокие внутренние причины оказания помощи со стороны советского государства, обусловленные прежде всего стремлением самого монгольского народа к независимости, международному признанию и сохранению суверенитета Монголии.

Современная историография Монгольской революции 1921 г. С началом 90-х гг. произошли коренные изменения, связанные с демократизацией всех сфер жизни, плюрализмом взглядов, деидеологизацией научных исследований, открытием ранее недоступных архивов. В ходе так называемой архивной революции ученые получили возможность работать с ранее недоступными архивными мате-

риалами, носящими гриф секретности. В этот период исследователи, что называется, «без купюр», без какой-либо идеологической окраски стали освещать ранее закрытые темы, касающиеся таких проблемных аспектов советско-монгольских отношений, как панмонголизм, политические репрессии видных политических деятелей, антирелигиозная политика в отношении ламства, роль и влияние Коминтерна и советских представителей в Монголии.

Не умаляя заслуг исследователей предшествующего поколения, хотелось бы отметить, что их работы в оценке ключевых событий внутриполитической истории Монголии в большей степени носили односторонний характер, вытекавший из общей идеологической парадигмы. В частности, не были до конца рассмотрены различные аспекты деятельности Коминтерна в Монголии, организации военной помощи, решении кадровых вопросов в Монгольской народной партии, возникавших во внутрипартийной борьбе между «левыми» и «правыми», антирелигиозной кампании, борьбе сторонников радикальных преобразований и национально-демократического пути развития.

На наш взгляд, не получили в истории полного освещения репрессии против ведущих монгольских и бурятских партийно-государственных деятелей, национальных демократов, принимавших активное участие в Монгольской революции 1921 г. и государственном строительстве молодого Монгольского государства: Д. Бодо, С. Данзана, Б. Цэрэндоржа, А. Амара, Ц. Дамбадоржа, Н. Жадамбы, П. Гэндэна, Ц. Жамцарано (Бегзеева), Э.Д. Ринчино, Б. Барадина, Д. Санпилона, Д. Цэдэн-Иша, Ц. Баламсу, Ц.-Е. Цыдыпова и многих других [Базаров, 2002; Рошин 1999а; Рошин 1999 б; Рошин 2001].

Один из признанных специалистов по политической истории Монголии первой половины XX века С.К. Рошин в своей фундаментальной работе «Политическая история Монголии (1921–1940 гг.)», основанной на ранее неизученных архивных материалах, через судьбы монгольских политических деятелей смог точно уловить весь ход исторического процесса, все перипетии острой внутриполитической борьбы того сложного и драматического времени. Особое значение С.К. Рошин в своем исследовании уделил ключевым событиям монгольской истории XX в.: Монгольской революции 1921 г и заключению советско-монгольского соглашения 1921 г.

Кроме того, С.К. Рошин детально проанализировал весь подготовительный этап Монгольской революции 1921 г., от встреч монгольской и советской делегаций, обсуждения спорных вопросов, смены настроений, возникавших в ходе подготовки, до окончательного подписания советско-монгольского соглашения. Характеризуя революционные события,

он справедливо отмечает, что «Монгольская революция была закономерна... В начале XX в. Монголия оказалась в своего рода тупике, вывести из которого могли только события такого масштаба, которые произошли в 1921... Фактически речь шла о существовании монголов как нации, о возможности возрождения монгольской государственности» [Рошин 1999: 257]. Автором проанализированы контакты монгольских революционеров с советскими партийными и коминтерновскими организациями, с Секцией восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) (Секвостнар), Монголо-тибетским отделом, Дальневосточным секретариатом (ДВС) Коминтерна, которые оказывали не только практическую помощь, но также давали советы по различным политическим и тактическим вопросам революционной борьбы.

Особого внимания заслуживает работа известного специалиста по внешнеполитической истории России, Китая, Монголии С.Г. Лузянина «Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.: Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.». На основе широкого круга ранее неизученных архивных материалов автор рассматривает внешнеполитические аспекты в треугольнике Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Автор на новом методологическом уровне касается проблемных и узловых вопросов, которые ранее широко еще не рассматривались: политика Коминтерна, логика подписания советско-монгольских, советско-китайских соглашений, взаимосвязь революционных событий в Китае, России, Монголии. Автор справедливо считает, что Монголия не была только объектом внешней политики своих соседей, а также проводила свою этнорегиональную политику в отношении соседних Бурятии и Тувы.

Известный общественный деятель, публицист, один из лидеров демократического крыла Бат-Эрдэний Батбаяр (Баабар) опубликовал в 90-х гг. серию книг под названием «Бүү март! Мартвал сөнөнө» (Не забудь! Иначе гибель), «XX зууны Монгол нүүдэл, суудал, гарз олз» (Монголы в XX веке. Кочевье. Оседлость), которые пользовались большой популярностью, вышли огромным тиражом и были переведены на многие иностранные языки. Эта серия книг стала своего рода предвестником демократических перемен в Монголии. Автор представил свою историческую концепцию монгольской истории во всемирно-историческом контексте, сделал акцент на ранее малоизученных и проблемных вопросах политической истории Монголии XX в., остро стоящих в монгольском обществе в период демократизации [Баабар 1990; Баабар 1995]. Появившиеся на волне демократических преобразований произведения Б. Баабара подвергали критике советско-монгольские отношения и все то, что было связано в истории Монголии XX в. с советским пе-

приодом, носившее, на наш взгляд, в большей степени идеологический характер.

Заслуживает особого внимания работа известного монгольского ученого, дипломата, академика МАН Ц. Батбаяра, посвященные проблемам взаимоотношений Японии и Монголии в первой половине XX в. Автор прекрасно владеет несколькими иностранными языками: английским, японским, русским, китайским, что позволило ему привлечь серьезную источниковую и документальную базу в своих исследованиях [Батбаяр 2002].

Концептуальные подходы современной монгольской историографии изложены в книге Б. Лхамсурэна. «Монголын гадаад орчин, төрийн тусгаар тогтнол» (Внешняя среда и государственная независимость Монголии). На основе использования широкого источникового материала автор рассматривает влияние международного фактора, соседних государств царской России, постсоветской России, Китая на формирование независимости Монгольского государства. Особое внимание он уделяет подписанию соглашений и договоров между Монголией и Россией (СССР). Автор определяет народную революцию 1921 г. как новый импульс и этап в борьбе за независимость.

Результатом многолетней кропотливой работы известного монгольского историка Н. Хишигт стала работа «Монголын хувьсгал: 1921» (Монгольская революция 1921 г.). Автором была опубликована серия работ, посвященных Монгольской революции 1921 г., которая получила высокую оценку и признание. На основе обширного архивного материала и литературы на монгольском, русском, английском, немецком, японском и китайском языках Н. Хишигт провела комплексное исследование по выявлению и анализу глубинных предпосылок, хода, движущих сил, значения Монгольской революции 1921 г. с учетом внутривосточной ситуации и влияния международного фактора.

В настоящее время в монгольской историографии все больше внимания уделяется объективному изучению персоналий видных государственных общественных деятелей Монголии: Д. Бодо, С. Данзана, А. Амара, Ц. Жамцарано, Д. Дамбадоржа, П. Гэндэна Х. Чойболсана, многие из которых были репрессированы в 1920–40-е гг. [Dash 1990; Болдбаатар 1993; Рощин 1999б; Цэцэгма 2006; Бат-Очир 1996].

В 1983 г. в «Вестнике Ленинградского университета» была опубликована статья известного иркутского монголоведа, доктора исторических наук Ю.В. Кузьмина «Монгольские историки об антифеодалных преобразованиях МНР на демократическом этапе революции 1921–1940 гг.», в котором автор провел детальный историографический обзор основных работ, посвященных Монгольской революции

1921 г., рассмотрел этапы и современное состояние развития изучаемой проблематики [Кузьмин 1986].

Необходимо отметить работу известного специалиста в области политических процессов во Внутренней Азии А.В. Михалева «Монгольская революция 1921 г. в советской и отечественной историографии», в которой автор на основе работ советских и российских исследователей подробно рассмотрел смену исторической парадигмы, эволюции взглядов в изучении Монгольской революции 1921 г. в разные периоды развития исторической науки. Автор сумел тонко показать взгляды представителей бурятской национальной интеллигенции в борьбе политических взглядов относительно Монгольской революции 1921 г. и ее перспектив, в дальнейшем сыгравших важную роль в создании монгольской государственности [Михалев 2005].

Вместе с тем в настоящее время в политической истории Монголии первой половины XX в. осталось довольно много неизученных вопросов, требующих дальнейшего исследования, прежде всего касающихся ранее неизвестных широкому кругу персоналий, активных деятелей Коминтерна, революционного движения, военных и партийных кадров Дальневосточной Республики (ДВР), стоявших у истоков и сыгравших заметную роль в Монгольской революции 1921 г., через призму транснациональной истории [Курас, Цыбенков 2020; Курас, Норовсамбуу, Цыбенков 2020].

Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные роли бурятских национальных деятелей в Монгольской революции и строительстве Монгольского государства. На наш взгляд, необходимо более детально на основе архивных материалов исследовать их роль в революционных процессах. Требуется выяснить, только ли коминтерновскими установками и революционной целесообразностью они руководствовались или были более глубокие внутренние мотивы [Хишигт 2015; Цэцэгма 2006; Жабаяева 2002; Железняков 2000; Чимитдоржиев 2004; Чимитдоржиев, Доржиев 2003].

В последнее время совместными усилиями российских историков и архивистов вышли в свет фундаментальные работы, касающиеся советско-монгольских отношений, Коминтерна и Монголии: «Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946)», «Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)», «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)», ранее недоступные широкому кругу исследователей, содержащие важнейшие материалы по внутривосточной и внешнеполитической истории Монголии первой половины XX в. и дающие ответы на многие вопросы того сложного времени [Монголия в документах... 2019]. В юбилейный год совместными усилиями российских и монгольских исследователей готовится также к выпуску ра-

бота, посвященная библиографии Монгольской революции 1921 г.

Таким образом, революционные процессы, связанные с национально-освободительным и антиколониальным движением, охватившие в первой четверти XX в. большую часть мира, имели колоссальные последствия для исторического процесса. Монгольская революция 1921 г. как одна из составных частей этого движения представляла собой сложное и многофакторное явление, рожденное как внутренними, так и внешними обстоятельствами. Специфика монгольской революции 1921 г., на наш взгляд, заключалась в том, что на данном этапе истории тесным образом переплелись внутренние и внешние интересы монголов в борьбе за независимость и суверенитет с идеями мировой революции Коминтерна и сохранения безопасности на дальневосточных рубежах СССР. Вместе с тем все еще остается немало узловых проблем и «белых пятен» в понимании глубинных революционных процессов в рамках транснациональной истории. Необходимо с учетом введенных в оборот новых источников, сборников документов, привлечения новых методологических методов и теоретических подходов, таких как междисциплинарного, социальной и политической антропологии, в более широком историческом контексте исследовать узловые проблемы Монгольской революции 1921 г.

Список литературы

- Базаров Б.В.* Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 67 с.
- Батбаяр Ц.* Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002. 229 с.
- Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Ин-т востоковедения, 1999. 238 с.
- Гольман М.И.* Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США. М.: Наука, 1970. 178 с.
- Грайворонский В.В.* О новых подходах к изучению российско-монгольских отношений в XX веке // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: сб. ст. М., 2001. С. 8–16.
- Даидаваа Ч.* К вопросу о характере Монгольской революции 1921 года // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сб. ст. Иркутск, 2015. С. 60–62.
- Жабаева Л.Б.* Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2000. 334 с.
- Железняков А.С.* Рождение монгольского коммунизма: 1920 год // Вестник Московского ун-та. 2000. № 1. С. 46–63.
- Иваненко В.И.* Годы, равные векам: К 60-летию МНР: к шестидесятилетию Монгольской народной революции. М.: Междунар. отношения, 1981. 160 с.
- История Монголии: Век XX: монография / отв. ред. Г.С. Яскина. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2007. 448 с.
- История Монгольской народной республики: монография. М.: Наука, 1983. 601 с.
- Каллиников А.* Национально-революционное движение в Монголии. М.; Л.: Московский рабочий, 1926. 120 с.
- Кузьмин Ю.В.* Монгольские историки об антифеодальных преобразованиях в МНР на демократическом этапе революции 1921–1940 гг. // Вестник ЛГУ. 1983. № 20. С. 25–30.
- Кузьмин Ю.В., Суходолов А.П., Болдбаатар Б.* Российско-монгольские отношения в начале XX века (1900–1921 гг.) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6. С. 92–99.
- Курас Л.В., Норовсамбуу Х., Цыбенев Б.Д.* Отто Иванович Макстенек: у истоков Монгольской революции 1921 г. // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 2. С. 305–317.
- Курас Л.В., Цыбенев Б.Д.* 90 лет Монгольской революции 1921 г. Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921. Улаанбаатар: Бэмби Сан хэвлэлийн газар, 2011 // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 4. С. 235–238.
- Курас Л.В., Цыбенев Б.Д.* Дальневосточная республика: от конспиративной квартиры до «колыбели» Монгольской революции // Россия и АТР. 2021. № 1 (111). С. 194–208.
- Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.: Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Огни, 2003. 319 с.
- Майский И.М.* Монголия накануне революции М.: Вост. лит., 1959. 310 с.
- Михалев А.В.* Монгольская революция 1921 г. в советской и российской историографии. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2006. 129 с.
- Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) / науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. Ч. 1. 527 с.
- Монголия в документах Коминтерна (1929–1934) / науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. 2. 480 с.
- Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сборник документов / науч. ред. В.В. Наумкин, отв. ред. К.В. Орлова, В.В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.
- Очерки истории Монгольской народно-революционной партии. Москва: Политиздат, 1971. 346 с.
- Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 212 с.
- Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сборник документов: в 2 ч. М.;

Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. Ч. 1. 349 с.

Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сборник документов: в 2 ч. М., Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. Ч. 2. 326 с.

Роцин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: Ин-т востоковедения, 1999. 325 с.

Роцин С. К. Пэлжидийн Гэндэн, монгольский премьер // Восток=Oriens. 1999. № 5. С. 116–125.

Роцин С.К. Национальные демократы 20-х годов о монгольском традиционном обществе и его эволюции // Dialogue among Civilizations: Interaction between Nomadic and Other Cultures of Central Asia: International Symposium. Ulaanbaatar, Mongolia, August 15-16, 2001, pp. 358–362.

Улымжиев Д.Б. Монгольская народная республика строит социализм. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 110 с.

Улымжиев Д.Б. Путь монгольского аратства к социализму. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. 288 с.

Хишигт Н. Участие Батухана в Монгольской революции 1921 года // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура). Иркутск, 2015. С. 259–262.

Хишигт Н. К вопросу о монголо-российских отношениях периода монгольской революции 1921 года // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: матер. междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2000. Т. 4: История. Философия. Социология. Филология. Искусство. С. 151–156.

Хишигт Н. Участие Ц. Жамцарано в монгольской революции 1921 г. // История и культура народов Центральной Азии: наследие и современность. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Ч. 1: История, источниковедение, историография, культура и образование. С. 21–25.

Цэцэгма Ж. Бурятская научная интеллигенция в становлении монгольского государства в первой трети XX в. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2006. 231 с.

Чимитдоржиев Ш.Б. Соглашение об установлении дружественных отношений (1921 г.) и российско-монгольские отношения на рубеже XX–XXI вв. // Монголоведческие исследования: сб. ст. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2003. С. 6–16.

Чимитдоржиев Ш.Б. Бурятские деятели – участники революции 1921 г. и демократических преобразований в Монголии // Выдающиеся бурятские деятели. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2004. Вып. 5. С. 175–182.

Чойболсан Х. Краткий очерк истории монгольской народной революции. М.: Изд-во иностр. лит., 1952. 79 с.

Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 года. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1971. 400 с.

50 лет народной Монголии: полвека борьбы и труда / гл. ред. Ц. Пунцагноров. Улан-Батор: Гос. изд-во МНР, 1972. 167 с.

Баабар Б. Бүү март! Мартвал сөнөнө. Улаанбаатар, 1990. 121 х.

Баабар Б. XX зууны Монгол нүүдэл, суудал, гарз олз. Улаанбаатар, 1995. Боть 1. 531 х.

Болдбаатар Х. Амар Сайд. Х. Болдбаатар. Улаанбаатар, 1993. 98 х.

Бат-Очир Л. Чойболсан. Улаанбаатар, 1996. 122 х.

Лхамсурэн Б. Монголын гадаад орчин, төрийн тусгаар тогтнол. Улаанбаатар, 1995. 121 х.

Монгол улсын түүх (XX зуун). Улан-Батор, 2003. Т. 5. 403 х.

Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үнэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). Улаанбаатар: Бэмби - Сан хэвлэлийн газар, 2011. 400 х.

Atwood C.P. Sino-Soviet Diplomacy and the Second Partition of Mongolia, 1945–1946. Journal Title: Mongolia in the Twentieth, 1999, vol. 75, pp. 653.

Bawden Ch.R. The Modern History of Mongoli. L, 1968, 615 p.

Dash D. Soliin Danzan. U-B, 1990.

Kaplonski K. Thirty Thousand Bullets. Remembering Political Repression in Mongolia. Historical Injustice and Democratic Transition in East Asia and North ern Europe: Ghosts at the Table of Democracy. London, Routledge Curzon, 2002, pp. 155–168.

Lattimore O. Nationalism and Revolution in Mongolia. New York, Oxford University Press, 1955, pp. 186.

Murphy G. Soviet Mongolia: A Study of the Oldest Political Satellite. Los Angeles, 1968, 249 p.

Rupen R. How Mongolia Is Really Ruled: A Political History of the Mongolian People's Republic, 1900–1978. (Histories of Ruling Communist Parties; Hoover Institution Publication, number 212). Stanford, Hoover Institution Press, 1979, pp. 225.

Friters G. Outer Mongolia and its International Position. Baltimore, The J.H. Press, 1951, 358 p.

References

Bazarov B.V. *Neizvestnoe iz istorii panmongolizma* [Unknown from the history of Pan-Mongolism]. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 2002, 67 p. (In Russ.)

Batbajar Ts. *Mongoliia i Iaponiia v pervoi polovine XX veka* [Mongolia and Japan in the first half of the XX century]. Ulan-Ude, IPK VSGAKI Publ., 229 p. (In Russ.)

Belov E.A. *Rossia i Mongoliia* (1911-1919) [Russia and Mongolia (1911-1919)]. Moscow, Institut vostokovedeniya Publ., 1999, 238 p. (In Russ.)

Golman M.I. *Problemy noveishei istorii MNR v burzhuaznoi istoriografii SShA* [Problems of the modern history of the Mongolian People's Republic in the bourgeois historiography of the United States]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 178 p. (In Russ.)

Graivoronskiy V.V. *O novykh podkhodakh k izucheniiu rossiisko-mongol'skikh otnoshenii v XX veke* [On new approaches to the study of Russian-Mongolian relations in the XX century]. *Rossiiia i Mongoliia: novyi vzgliad na istoriiu vzaimootnoshenii v XX veke* [Russia and Mongolia: a new look at the history of relations in the XX century]. Moscow, 2001, pp. 8–16. (In Russ.)

Dashdavaa Ch. *K voprosu o kharaktere Mongol'skoi revoliutsii 1921 goda* [On the nature of the Mongolian revolution of 1921]. *Rossiiia i Mongoliia: novyi vzgliad na istoriiu vzaimootnoshenii v XX veke* [Russia and Mongolia: a new look at history (diplomacy, economics, culture)]. Irkutsk, 2015, pp. 60–62. (In Russ.)

Zhabaeva L.B. *Elbek-Dorzhi Rinchino i natsional'no-demokraticheskoe dvizhenie mongol'skikh narodov* [Elbek-Dorzhi Rinchino and the National Democratic Movement of the Mongolian Peoples]. Ulan-Ude, VSGTU Publ., 2000, 334 p. (In Russ.)

Zheleznyakov A.S. *Rozhdenie mongol'skogo kommunizma: 1920 god* [The birth of Mongolian communism: 1920]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Bulletin], 2000, № 1, pp. 46–63. (In Russ.)

Ivanenko V.I. *Gody, ravnye vekam: K 60-letiiu MNR: k shestidesiatiletiiu Mong. Narodn. Revoliutsii* [Years equal to centuries: To the 60th anniversary of the Mongolian People's Republic]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1981, 160 p. (In Russ.)

Istoriia Mongolii: Vek XX [History of Mongolia XX century]: monograph; resp. ed. G.S. Yaskina. Moscow, Institut vostokovedeniia RAS Publ., 2007, 448 p. (In Russ.)

Kallinikov A. *Natsional'no-revoliutsionnoe dvizhenie v Mongolii* [National Revolutionary Movement in Mongolia]. Moscow, Leningrad, Moskovskij rabochij Publ., 1926, 120 p. (In Russ.)

Kuzmin Yu.V. *Mongol'skie istoriki ob antifeodal'nykh preobrazovaniiah v MNR na demokraticheskoi etape revoliutsii 1921-1940 gg.* [Mongolian historians on antifeudal transformations in the Mongolian People's Republic at the democratic stage of the 1921-1940 revolution]. *Vestnik LSU* [Leningrad State University Bulletin], 1983, № 20, pp. 25–30. (In Russ.)

Kuzmin Yu.V., Sukhodolov A.P., Boldbaatar B. *Rossiisko-mongol'skie otnosheniia v nachale XX veka (1900-1921 gg.)* [Russian-Mongolian relations at the beginning of the 20th century (1900-1921)]. *Bjuleten' irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoi akademii* [Bulletin of the Irkutsk State Economic Academy], 2013, № 6, pp. 92–99. (In Russ.)

Kuras L.V., Norovsambuu H., Tsybenov B.D. *Otto Ivanovich Makstenek: u istokov Mongol'skoi revoliutsii*

1921 g. [Otto Ivanovich Makstenek: At the Origins of the Mongolian Revolution of 1921]. *Oriental Studies*, 2020, vol. 13, № 2, pp. 305–317. (In Russ.)

Kuras L.V., Tsybenov B.D. *90 let Mongol'skoi revoliutsii 1921 g.* [90 years of the Mongolian revolution of 1921]. Ulaanbaatar, Bambi-San hevlelyin gazar. Publ., 2011. *Vestnik BNC SO RAN* [Bulletin of BNTS SO RAS], 2011, № 4, pp. 235–238. (In Russ.)

Kuras L.V., Tsybenov B.D. *Dal'nevostochnaia respublika: ot konspirativnoi kvartiry do «kolybeli» Mongol'skoi revoliutsii* [Far Eastern Republic: from a safe house to the “cradle” of the Mongolian revolution]. *Rossija i ATR* [Russia and ATR], 2021, № 1 (111), pp. 194–208. (In Russ.)

Luzyanin S.G. *Rossiiia-Mongoliia-Kitai v pervoi polovine XX v.: Politicheskie vzaimootnosheniia v 1911-1946 gg.* [Russia-Mongolia-China in the first half of the twentieth century: Political relations in 1911-1946]. Moscow, Ogni Publ., 2003, 319 p. (In Russ.)

Mikhalev A.V. *Mongol'skaia revoliutsiiia 1921 v sovetskoi istoriografii* [The Mongolian Revolution of 1921 in Soviet historiography]. Ulan-Ude Izdatel'stvo BGU Publ., 2006, 129 p. (In Russ.)

Maisky I.M. *Mongoliia nakanune revoliutsii* [Mongolia on the eve of the revolution]. Moscow, Vostochnaja literature Publ., 1959, 310 p. (In Russ.)

Mongoliia v dokumentakh Komintern (1919-1934). [Mongolia in the documents of the Comintern (1919-1934)], ed. B.V. Bazarov. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 2012, part 1: Scientific, 527 p. (In Russ.)

Mongoliia v dokumentakh Komintern (1919-1934) [Mongolia in the documents of the Comintern (1929-1934)], ed. B.V. Bazarov. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 2012, part 2: Scientific, 480 p. (In Russ.)

Mongoliia v dokumentakh iz arkhivov FSB Rossii (1922-1936 gg.) [Mongolia in documents from the archives of the FSB of Russia (1922–1936)]: (Collection of documents); sci. ed. V.V. Naumkin, otv. ed. K.V. Orlova, V.V. Grayvoronsky. Moscow, IV RAN Publ., 2019, 528 p. (In Russ.)

Ocherki istorii Mongol'skoi narodno-revoliutsionnoi partii [Essays on the history of the Mongolian People's Revolutionary Party]. Moscow, Politizdat Publ., 1971, 346 p. (In Russ.)

Revoliutsionnye meropriiatiia narodnogo pravitel'stva Mongolii v 1921-1924 gg. [Revolutionary measures of the people's government of Mongolia in 1921-1924]. M., Vostochnaja literature Publ., 1960, 212 p. (In Russ.)

Rossiisko-Mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo (1911-1946) [Russian-Mongolian military cooperation (1911-1946) collection of documents]: in 2 parts. Moscow, Ulan-Ude, FGOU VPO VSGAKI Publ., 2008, part 1, 2008, 349 p. (In Russ.)

Rossiisko-Mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo (1911-1946) [Russian-Mongolian military cooperation (1911-

1946) collection of documents]: in 2 parts. Moscow, Ulan-Ude, FGOU VPO VSGAKI Publ., 2008, part 2, 2008, 326 p. (In Russ.)

Roshchin S.K. *Politicheskaia istoriia Mongolii (1921-1940 gg.)* [Political history of Mongolia (1921-1940)]. Moscow, IV RAN Publ., 1999, 325 p. (In Russ.)

Roshchin S.K. *Natsional'nye demokraty 20-kh godov o mongol'skom traditsionnom obshchestve i ego evoliutsii* [National Democrats of the 1920s on Mongolian Traditional Society and Its Evolution]. Dialogue among Civilizations: Interaction between Nomadic and Other Cultures of Central Asia: International Symposium. Ulaanbaatar, Mongolia, August 15-16, 2001, pp. 358-362. (In Russ.)

Ulymzhiev D.B. *Put' mongol'skogo aratstva k sotsializmu* [The path of the Mongol aratism to socialism]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 288 p. (In Russ.)

Ulymzhiev D.B. *Mongol'skaia Narodnaia Respublika stroit sotsializm* [The Mongolian People's Republic is building socialism]. Ulan-Ude, Burjatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1959, 110 p. (In Russ.)

Khishigt N. *K voprosu o mongolo-rossiiskikh otnosheniakh perioda mongol'skoi revoliutsii 1921 goda* [On the issue of Mongolian-Russian relations during the Mongolian revolution of 1921]. *Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsii Tsentral'noi Azii* [Problems of the history and culture of nomadic civilizations in Central Asia]: mater. int. scientific. conf. Ulan-Ude, 2000, vol. 4: [History. Philosophy. Sociology. Philology], pp. 151-156. (In Russ.)

Khishigt N. *Uchastie Ts. Zhamtsarano v mongol'skoi revoliutsii 1921 g.* [Participation of Ts. Zhamtsarano in the Mongolian revolution of 1921]. *Istoriia i kul'tura narodov Tsentral'noi Azii: nasledie i sovremennost'* [History and culture of the peoples of Central Asia: heritage and modernity]. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 2008, part 1: [History, source studies, historiography, culture and education], pp. 21-25. (In Russ.)

Khishigt N. *Uchastie Batukhana v Mongol'skoi revoliutsii 1921 goda* [Batukhan's participation in the Mongolian revolution of 1921]. *Istoriia, istochnikovedenie, istoriografiia, kul'tura i obrazovanie* [Russia and Mongolia: a new look at history (diplomacy, economics, culture)]. Irkutsk, 2015, pp. 259-262. (In Russ.)

Tsetsegma J. *Buriatskaia nauchnaia intelligentsiia v stanovlenii mongol'skogo gosudarstva v pervoi treti XX v.* [Buryat scientific intelligentsia in the formation of the Mongolian state in the first third of the XX century]. Ulan-Ude, Izd.-poligraf. kompleks VSGAKI Publ., 2006, 231 p. (In Russ.)

Chimitdorzhiev Sh.B. *Buriatskie deiateli - uchastniki revoliutsii 1921 g. i demokraticeskikh preobrazovaniy v Mongolii* [Buryat leaders - participants in the 1921 revolution and democratic reforms in Mongolia. Outstanding Buryat leaders]. Ulan-Ude, Burjatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2004, issue. 5, pp. 175-182 (In Russ.)

Chimitdorzhiev Sh.B. *Soglashenie ob ustanovlenii družestvennykh otnoshenii (1921 g.) i rossiisko-mongol'skie otnosheniia na rubezhe XX-XXI vv.* [Agreement on the establishment of friendly relations (1921) and Russian-Mongolian relations at the turn of the XX-XXI centuries]. *Mongolovednye issledovaniia* [Mongolian studies]. Ulan-Ude, Institut mongolovedeniia buddologii i tebetologii SO RAN Publ., 2003, pp. 6-16. (In Russ.)

Choibolsan H. *Kratkii ocherk istorii mongol'skoi narodnoi revoliutsii* [Brief outline of the history of the Mongolian people's revolution]. Moscow, Inostrannaja literatura Publ., 1952, 79 p. (In Russ.)

Shirendyb B. *Istoriia Mongol'skoi narodnoi revoliutsii 1921 goda.* [History of the Mongolian People's Revolution of 1921]. Moscow, Nauka, Vostochnaja literatura Publ., 1971, 400 p. (In Russ.)

50 let 1972 - 50 let narodnoi Mongolii: polveka bor'by i truda. [50 years of people's Mongolia: half a century of struggle and labor], ch. ed. Ts. Puntsagnorov. Ulan Bator, Gosudarstvennoe MNR Publ., 1972, 167 p. (In Russ.)

Baabar B. *Ne zabud'! inache pogibel'!* [Do not forget! Otherwise, death]. Ulaanbaatar, 1990, 121 p. (In Mong.)

Baabar B. *Kochev'e, osedlost'* [Nomad, settled, territory]. Ulaanbaatar, 1995, pp. 1, 531 p. (In Mong.)

Boldbaatar H. *Ministr Amar* [Minister Amar]. Ulaanbaatar, 1993, 98 p. (In Mong.)

Bat-Ochir L. *Choibolsan* [Choibolsan]. Ulaanbaatar, 1996, 122 p. (In Mong.)

Lhamsuren B. *Mongol'skaia vneshniaia sreda i nezavisimost'* [External environment and state independence of Mongolia]. Ulaanbaatar, 1995, 121 p. (In Mong.)

Khishigt N. *Mongol'skaia revoliutsiia 1921* [The Mongolian Revolution: 1921 (A Review of the History of the Cellular Democratic Revolution in Mongolia)]. Ulaanbaatar, Bambi Foundation Publ., 2011, 400 p. (In Mong.)

Istoriia Mongolii: 20 vek [History of Mongolia (XX century)]. Ulaanbaatar, 2003, vol. 5, 403 p. (In Mong.)

Статья поступила в редакцию 26.07.2021; одобрена после рецензирования 11.09.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 26.07.2021; approved after reviewing 11.09.2021; accepted for publication 15.11.2021

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА В ВОЕННЫХ УСЛОВИЯХ 1941–1942 ГГ.

Балахонова Мария Андреевна, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, mary.1995@yandex.ru

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. Великая Отечественная война намного изменила жизнь страны. Деятельность высших учебных заведений Ивановской области в 1941–1942 гг. была осложнена рядом обстоятельств: передачей учебных корпусов под нужды госпиталей, мобилизацией профессорско-преподавательского состава и студентов в Красную армию. В данной статье рассматривается деятельность одного из ведущих высших учебных заведений области – Ивановского государственного медицинского института (ИГМИ) в 1941–1942 гг. Отдельное внимание уделяется правовой регламентации деятельности института, а также его административной работе. Помимо этого, в статье затронута проблема вклада вуза в развитие жизни фронта и тыла в военных условиях. В работе впервые проанализированы документы из Государственного архива Ивановской области, в которых представлены сведения об организации учебного процесса, хозяйственном состоянии вуза, работе профессорско-преподавательского состава и студентов в госпиталях, участии их в научных исследованиях. Также обобщены данные воспоминаний сотрудников ИГМИ, касающиеся помощи жителям Ленинграда, службе переливания крови и др. Исследование основано на архивных документах (постановлениях обкома ВКП(б), отчётах об учебной и внеучебной деятельности вуза и др.), вводимых в научный оборот впервые. Также привлекаются воспоминания профессорско-преподавательского состава и студентов, придающих статье особенный интерес.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, госпитали, Ивановский государственный медицинский институт (ИГМИ), «ленинградцы», научные исследования, служба крови.

Для цитирования: Балахонова М.А., Околотин В.С. Деятельность Ивановского государственного медицинского института в военных условиях 1941–1942 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 56–62. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-56-62>

Research Article

THE ACTIVITIES OF IVANOVO STATE MEDICAL INSTITUTE IN THE WAR CONDITIONS OF 1941–1942

Maria A. Balahonova, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, mary.1995@yandex.ru

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Abstract. The Axis aggression greatly changed the life of the USSR. Activities of higher educational institutions of Ivanovo Region in 1941–1942 was complicated by a number of circumstances: the transfer of educational buildings for the needs of hospitals, the mobilisation of faculty staff and students to the Red Army. This article examines the activities of one of the leading higher educational institutions of the region – Ivanovo State Medical Institute in 1941–1942. Special attention is paid to the legal regulation of the institute’s activities, as well as its administrative work. In addition, the article touches upon the problem of the institute’s contribution to the development of life at the front and rear in war conditions. For the first time, the paper analyses documents from the State Archives of Ivanovo Region, which provide information about the organisation of the educational process, the economic state of the institute, the work of the teaching staff and students in hospitals and scientific research. It also summarises the data from the memoirs of Ivanovo Medical Institute employees concerning assistance to those displaced from Leningrad, the blood transfusion service, etc. The work is based on archival documents (resolutions of the regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, reports on educational and extracurricular activities of the institute, etc.), introduced into scientific circulation for the first time. The memoirs of the faculty and students are also involved, giving the article a special interest.

Keywords: World War II East Front, hospitals, Ivanovo State Medical Institute, “Leningrad displaced”, scientific research, blood service.

For citation: Balahonova M.A., Okolotin V.S. The activities of Ivanovo State Medical Institute in the war conditions of 1941–1942. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 56–62 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-56-62>

Деятельность высших учебных заведений страны в годы Великой Отечественной войны, в том числе расположенных на территории Ивановской области, продолжает привлекать внимание исследователей. Это связано не только с их стремлением путем использования новых архивных материалов расширить имеющееся представление о роли вузов в чрезвычайных военных условиях, но и желанием противостоять усиливающейся фальсификации отечественной истории. В современной обстановке любые ее «белые пятна» могут быть сознательно искажены и представлены обществу в ложной интерпретации. Этому процессу можно успешно противостоять через тщательную работу в столичных, региональных и ведомственных архивах, осуществляя поиск новых источников личного происхождения, изучая законодательство, в том числе постановления центрального и местного комитетов ВКП(б). На решение этих задач и нацелена данная статья, посвященная деятельности Ивановского государственного медицинского института (далее ИГМИ) в сложнейших военных условиях 1941–1942 гг. Выбор данных хронологических рамок аргументируется напряженной военной обстановкой в Центральной России, острой потребностью в выпускниках института на фронте и в тылу, необходимостью организации медицинской помощи местному и эвакуированному населению, научному обеспечению лечения раненых и больных в госпиталях Ивановской области, борьбе с эпидемиями и т. д.

Источниковую базу исследования составляют делопроизводственные документы из фондов Государственного архива Ивановской области (Ф. П-327, Р-2101), часть из которых впервые вводится в научный оборот. К ним относятся постановления обкома ВКП(б) об организации деятельности вузов, в том числе и Ивановского государственного медицинского института, а также его отчеты об учебной и внеучебной деятельности в указанный период. Важное значение для данного исследования представляют источники личного происхождения в виде воспоминаний бывших преподавателей и студентов института, бережно хранящиеся в его музее.

Методологическую основу работы составляют историко-правовой, историко-генетический, типологический и идеографический методы. Первый из них, являющийся также основным, позволяет получить представление об управлении деятельностью института в решении поставленных перед ним в военных условиях задач, оказании ему помощи в преодолении хозяйственных проблем, улучшении продовольствен-

ного обеспечения его преподавателей и студентов. Другие методы, применяемые в данном исследовании, помогают отразить характерные черты деятельности института, на основании общих признаков систематизировать привлекаемый для исследования материал, проводить анализ биографических сведений и т. д.

Важно отметить, что деятельность ИГМИ в годы Великой Отечественной войны отчасти уже нашла отражение в региональных исследованиях. К ним следует отнести труды советского периода (В.Н. Майн), а также работы О.В. Евстафьевой, В.А. Лукина, П.М. Максимова, опубликованные в 1990 гг. К числу исследований, изданных в 2010–2020 гг., следует отнести коллективную монографию под руководством профессора О.В. Тюриной и сборник статей под редакцией профессоров В.В. Чемоданова и Е.В. Шнитковой. Деятельность ИГМИ в 1941–1942 гг. также нашла отражение в монографиях В.С. Околотина.

Итак, ИГМИ – высшее учебное заведение города Иваново, основанное в 1930 г. с целью выпуска врачебных кадров. К началу Великой Отечественной войны в вузе действовало 2 факультета: лечебный и педиатрический. На базе этих факультетов действовали 36 кафедр: 18 теоретических, 18 клинических и 3 доцентских курса: рентгенологии, стоматологии и туберкулёза [Лукин: 47]. Профессорско-преподавательский состав включал 175 человек. Кафедры возглавляли 20 профессоров и 14 доцентов. По числу научно-педагогических кадров ИГМИ в военные годы находился на первом месте по области и на пятом – в РСФСР. Контингент студенчества составлял 2 030 человек. Структурно ИГМИ подчинялся Наркомату здравоохранения СССР, который определял порядок и количество набора абитуриентов, выпуск врачей-специалистов и их распределение по медицинским учреждениям страны.

Правовая регламентация деятельности института. В 1941–1942 гг. деятельность ИГМИ, его профессорско-преподавательского состава, сотрудников и студентов регламентировалась указами Президиума Верховного Совета СССР, постановлениями СНК СССР и Наркомата здравоохранения СССР, а также решениями исполкома Ивановского областного совета депутатов трудящихся и областного комитета ВКП(б). Они носили как общий характер, так и касались деятельности вуза. Так, согласно указу ВС СССР от 23 июня 1941 г. «О мобилизации» начался призыв в действующую армию военнообязанных призывных возрастов – с 1905 по 1918 г. р. Позднее постановлениями Государственного комитета обороны

данные возрастные границы были расширены и достигли к концу 1942 г. 38 призывных возрастов. В результате добровольно и по мобилизации из института на фронт ушли более 100 преподавателей и свыше 1 500 студентов [Лукин: 47].

В связи с отнесением Ивановской области к госпитальной базе Западного фронта на ее территории с конца июня 1941 г. началось развертывание госпиталей, штаты которых в основном формировались за счет медиков из числа ивановцев. Подтверждением тому являются постановления исполкома облсовета «О руководстве подготовкой и работе госпиталей», принятое 27 июня 1941 г. В результате к августу 1941 г. в Ивановской области были развернуты эвакуационные госпитали на 23 725 коек [Околотин 2016: 67–68]. 27 сентября 1941 г. ГКО принял постановление № 70 сс «Об улучшении медицинского обслуживания раненых бойцов и командиров Красной Армии». В прилагаемом перечне территорий значилась и Ивановская область. 10 октября 1941 г. на основании постановления ЦК ВКП(б) от 8 октября 1941 г. «Об организации Комитета по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии» в области был организован комитет с указанным названием. Члены комитета с привлечением специалистов из ИГМИ провели ряд обследований госпиталей, благодаря чему в Государственном архиве Ивановской области сохранились документы о состоянии госпиталей осенью 1941 г. Всего к концу этого года число госпиталей в области варьировалось от 60 до 67. В период сражения под Москвой, наступления Красной армии и открытия новых фронтов приток раненых и больных в область резко усилился. На оказание им квалифицированной помощи были направлены все усилия со стороны профессорско-преподавательского состава, сотрудников и студентов ИГМИ.

1942 г. также был насыщен различными постановлениями, регламентирующими деятельность системы вузов Ивановской области и ИГМИ. В частности, согласно указанию Наркомздрава СССР студенты 5-го курса мединститута были выпущены раньше срока, то есть не 1 июля, а 1 января 1942 г. Все врачи данного выпуска были распределены по Ивановской и Ярославской областям. Ярославский облздравотдел получил в свое распоряжение 140 молодых врачей, которых в дальнейшем направил в медицинские учреждения области¹. Тогда же в целях удовлетворения потребностей фронта педиатрический факультет был перепрофилирован в хирургически-терапевтический, занятия на котором стали проводиться в 2 смены [Далёкое и близкое: 16].

В течение всего 1942 г. на заседаниях бюро обкома ВКП(б) неоднократно рассматривался вопрос об улучшении питания научных работников и прини-

мались соответствующие решения. В ходе их реализации для преподавателей вузов и членов их семей был организован специальный закрытый магазин. В нем по карточкам отпускались хлеб, крупы, жиры, мясо-рыба и сахар. Кроме того, дополнительно они могли получить в месяц 2 кг квашеной капусты, 6 кг картофеля, 1 кг рыбы (из вылова в местных водоемах), 1 кг мяса, 2 банки консервов, 0,5 кг сыра, 1 кг колбасы и 2 куски хозяйственного мыла². 18 ноября 1942 г. в преддверии зимы бюро обкома ВКП(б) приняло постановление «О хозяйственном состоянии и бытовом обслуживании в институтах и техникумах города Иванова», которое предусматривало целый комплекс первоочередных мероприятий, направленных на преодоление возникших проблем.

Совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 5 мая 1942 г. «О плане приема в вузы в 1942 г. и мероприятиях по укреплению высших учебных заведений» определило порядок общего приема в вузы и их распределение по наркоматам. Важное внимание в постановлении было уделено приему в вузы фронтовиков после ранения, контузии, увечья или болезни. Они принимались без экзаменов и освобождались от платы за обучение. Более того, им полагалась выплата стипендии независимо от получаемых оценок. Этим постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) также обязали Наркомторг СССР организовать при вузах «студенческие столовые закрытого типа» и т. д.³

Административная работа. Все профессора клинических кафедр с первых дней войны включились в работу по обслуживанию госпиталей. По состоянию на март 1942 г. свыше 80 врачей и научных работников и более 800 студентов института работали в госпиталях⁴.

Летом 1942 г., после переподчинения госпиталей из Наркомата обороны в ведение Наркомата здравоохранения, многие научные работники ИГМИ были назначены на административные должности в облздравотдел и другие медицинские учреждения области. Так, доцент Г.Н. Смирнов стал начальником отдела эвакуационных госпиталей облздравотдела, профессор М.А. Кимбаровский – главным хирургом, профессор А.М. Предтеченский – главным терапевтом, профессор Р.А. Ткачев – инспектором невропатического отдела, доцент П.М. Максимов, как и в 1941 г., продолжил занимать должность начальника станции переливания крови, доцент Е.А. Кириллов – заведующего донорским отделом переливания крови, ассистенты Е.И. Кремер, Б.В. Лирин, доцент Г.Д. Сперанский и профессор Г.Я. Хволес являлись начальниками эвакуационных госпиталей⁵.

Среди них следует отметить работников, имевших особые заслуги перед отечественным здравоохранением в военные годы. Профессор М.А. Кимбаров-

ский оперировал наиболее трудные случаи во всех госпиталях. За время войны им проведено 218 операций по аневризмам, 1 000 операций – по септическим заражениям и др. Профессор С.А. Якобсон проводил большую оперативную работу, регулярно совершал выезды в города области, где были сосредоточены госпитали. Профессор Л.И. Виленский кроме консультативной работы в госпиталях выезжал по вызовам командования на фронт, а также выполнял ряд специальных поручений. Профессор А.М. Предтеченский оказывал консультативную помощь по плану, активно выезжал в районы, участвовал в передаче действующей армии самолетов, построенных на средства ивановцев. Профессор Р.А. Ткачёв ежедневно консультировал по 15–20 раненых, являлся постоянным руководителем нейро-хирургической помощи раненым⁶.

Бригады врачей из числа сотрудников ИГМИ обслуживали оборонные предприятия области, проводили мероприятия по организации медсанчастей, профилактике заболеваний и т. д. Здесь важно отметить деятельность профессоров Л.И. Виленского, М.М. Левита и др.⁷

За 1941–1942 гг. коллективом ИГМИ дано 2 000 консультаций, проведено свыше 7 000 операций, сделано около 200 докладов на госпитальных конференциях. Под руководством профессоров ИГМИ осуществляли научные работы 36 аспирантов⁸.

В вузе также были организованы 22 сандружины, состоявшие из 650 человек. Они оказывали помощь раненым в госпиталях: ухаживали за ними, читали газеты и журналы, художественную литературу, письма от родных, помогали писать свои, устраивали концерты художественной самодеятельности [Лукин: 61].

За работу в госпиталях получили благодарность облздравотдела профессора Л.И. Виленский, М.А. Кимбаровский, А.М. Предтеченский, Р.А. Ткачёв и др. Орденом Красной Звезды был награждён доцент М.П. Жаков, а ассистент Б.В. Лиринов – орденом «Знак Почёта»⁹.

То есть война не только расширила сферу деятельности вуза, но и привела его к установлению отношений чрезвычайного характера с органами здравоохранения, военными частями (госпиталями), предприятиями, местным и эвакуированным населением. Профессорско-преподавательский состав ИГМИ не только внес существенный вклад в отечественное здравоохранение, но и добился заслуженного признания своих достижений, отмеченных правительственными наградами.

Оказание медицинской помощи ленинградцам. В 1941–1942 гг. через территорию Ивановской области проследовали три потока жителей, эвакуированных из Ленинграда. Это август 1941 г., зима –

весна, а также лето 1942 г. Наиболее сложная и трагическая оказалась эвакуация зимой и весной 1942 г. В этот период через территорию области проследовали 272,5 тыс. ленинградцев, которые обеспечивались горячим питанием и медицинской помощью. Из них 1 029 человек умерли в пути, а также в больницах области. Однако медицинская помощь ленинградцам оказывалась не только на территории области: выпускники ИГМИ по решению Наркомздрава СССР были направлены для работы в Ленинград. Это были добровольцы во главе с комсоргом курса Мишей Святкиным: «Коллектив встретил этот приказ как задание особой государственной важности. Медлить с его выполнением было нельзя: приближалась весна, распутица, попасть в Ленинград по “дороге жизни” – льду Ладожского озера – можно не успеть. Был проведен экстренный выпуск, сформирован и подготовлен к отправке отряд из 100 молодых врачей-комсомольцев, который через две недели в полном составе добрался до места назначения. Путь оказался нелегким, но основные тяготы ожидали впереди – предстояло вжиться во фронтовую обстановку блокадного города» [История здравоохранения Ивановской области: 108].

Однако, согласно архивным документам, 16 человек отказались от поездки в Ленинград, что послужило основанием обкому ВКП(б) признать работу института по подготовке специалистов неудовлетворительной. Тем не менее участие выпускников ИГМИ в обороне Ленинграда своей патриотической значимостью во многом превзошло малодушие их бывших сокурсников, а время стерло данное событие из исторической памяти вуза. По воспоминаниям О.С. Евстафьевой, выпускницы ИГМИ 1942 г., можно узнать о работе врачом в блокадном городе: «...Вместе с подругами я начала работать в поликлинике № 6 на пр. Елизарова участковым врачом-терапевтом. Приём мы вели по двое, так как не везде имелись “печки-буржуйки”. Сидели в кабинетах в пальто. На приёмы к нам приходили по 70 человек в день. Кроме того, надо было обойти 20–25 квартирных вызовов. Болезни почти у всех были одинаковые: дистрофия и цинга» [Евстафьева: 119].

Также автор мемуаров рассказывает о том, что кроме медицинской помощи врачи стремились внести лепту в общее дело, помогая жителям во всём: «...Очищали улицы от снега, льда и грязи, пилили дрова, они ездили в лес за хвоей для настоя, дежурили на чердаках и крышах во время воздушных тревог и др.» [Евстафьева: 119]. «Трудились все, надо сказать, самоотверженно, не считаясь со временем, невероятной усталостью, с тяжёлыми условиями. Набирались опыта – жизненного и профессионального. Было трудно, но мы никогда не сомневались в нашей победе. Это было главное» [Евстафьева: 120].

Служба переливания крови. Яркой страницей в истории ИГМИ была служба переливания крови. 9 июля 1941 г. по приказу директора ИГМИ на центральную станцию переливания крови в Иванове было отправлено 15 человек. Среди них профессор А.Д. Бернштейн, доценты С.В. Захаров, Т.В. Фетилов, Н.В. Хелевин и др. [Лукин: 58].

Количество доноров очень быстро росло. Если до войны на учёте станции переливания крови стояло около 100 человек, то в 1941 г. их количество увеличилось до 20 тыс. человек. Ими было сдано более 2 000 литров крови. Только Е.И. Бутузов, преподаватель кафедры марксизма-ленинизма ИГМИ, сдал 12,5 литров крови, за что ему было присвоено звание почётного донора СССР. А по количеству заготовленной крови Ивановская областная станция занимала второе место в СССР [Лукин: 59]. П.М. Максимов, начальник Ивановской станции переливания крови, вспоминал: «Заботясь о выполнении плана по снабжению действующей армии и эвакуогоспиталей кровью, мы ставили задачей получение высокого качества самого препарата консервированной крови. Хорошие отзывы врачей с фронта были лучшей благодарностью за это» [Максимов: 80].

За отличную работу по организации донорского движения правительственных наград были удостоены доцент П.М. Максимов, руководитель военной и гражданской службы крови; ассистент Е.А. Кириллов; заведующий донорским отделом С.И. Чистяков и др.

В итоге благодаря инициативе и энтузиазму работников службы переливания крови доноры не только «отдавали свою кровь, но вместе с ней возвращали жизнь солдатам и офицерам». Такие отзывы можно было прочесть в сборниках воспоминаний, на страницах газет и др.

Научные исследования. Несмотря на занятость профессорско-преподавательского состава, в кабинетах и лабораториях активно протекала научная жизнь, которая была направлена на решение следующих проблем.

В первую очередь – это лечение военного травматизма. Требовалась точная диагностика военнотравматических повреждений у военнослужащих, раннее выявление осложнений, изыскание наиболее эффективных методов лечения в целях скорейшего восстановления боеспособности раненого. При этом вопросы качества лечебной работы в эвакуогоспиталях составляли основную часть таких исследований¹⁰. Так, доценты С.К. Понятовская, Р.А. Ткачёв, Л.М. Шендерович работали над клиникой и лечением осложнений при огнестрельной травме черепа и травматических повреждениях периферической нервной системы [Лукин: 68]. Важное внимание уделялось борьбе с инфекционными заболеваниями

ми не только среди жителей Ивановской области и транзитных потоков эвакуированного населения, но и среди раненых и больных военнотравматических Красной армии, находившихся в госпиталях региона. Вопросы ранней диагностики лечения и профилактики инфекционных заболеваний, разработка более совершенных противоэпидемических и профилактических мероприятий – таковы были основные направления научных поисков¹¹. Профессора Э.Р. Геллер, П.В. Скворский, Г.Я. Хволев и ассистент Н.В. Хелевин исследовали способы борьбы и профилактики таких заболеваний, как малярия, столбняк, сыпной тиф. Доцент А.И. Берлин трудился над терапией и лечением туберкулёза лёгких [Лукин: 68].

Борьба с детской заболеваемостью и смертностью стала не менее приоритетным направлением в практической и научной деятельности профессорско-преподавательского состава ИГМИ. Усилилось внимание к лечению и профилактике детских инфекций, вопросам питания в детском возрасте, поиску наиболее эффективных мер в борьбе со смертностью новорождённых¹². Профессор С.И. Игнатов, доценты М.М. Левит и С.Д. Носов, ассистент М.Ф. Вассерман разрабатывали вопросы, касающиеся детских воздушно-капельных инфекций: дифтерии, кори, цереброспинального менингита [Лукин: 68].

В условиях войны пристальное внимание уделялось здоровью рабочих для обеспечения бесперебойной работы предприятий различных отраслей промышленности. Именно поэтому многие исследования были направлены на преодоление промышленного травматизма и промышленной интоксикации. Так, разработки профессора С.С. Мазеля и доцента А.В. Глико касались проблемы заболеваемости, травматизма и пути их снижения среди рабочих предприятий хлопчатобумажной промышленности. Доцент И.М. Соболев изучал влияние санитарно-гигиенических условий ткацкого производства на верхние дыхательные пути [Лукин: 68]. Все это в конечном счёте способствовало разгрому врага¹³.

Одна из общих оценок деятельности ИГМИ дана в постановлении бюро обкома ВКП(б) «О работе Ивановского медицинского института» от 24 марта 1942 г. В его констатирующей части о достижениях вуза говорилось следующее: «...Ивановский медицинский институт в основном перестроил свою работу в соответствии с задачами, выдвинутыми войной. За последние месяцы институт дал стране 880 врачей, из них 480 человек досрочного выпуска. Кафедры института ведут большую научно-исследовательскую работу. Профессор М.А. Кимбаровский написал книгу «Раннее вставание послеоперационного периода», профессор А.М. Предтеченский заканчивает научную работу по лечению суставных повреждений, профессор Л.И. Виленский подготовил к печатанию

ти книгу о лечении огнестрельных ранений плевры и легкого» [Лукин: 68].

В целом в рассматриваемый период сотрудниками ИГМИ было выполнено свыше 200 научных исследований, из которых больше половины имело оборонное значение. Труды Л.И. Виленского, М.П. Жакова, П.М. Максимова, Г.Д. Сперанского, Л.С. Хавкина и др. были удостоены профессиональных премий. Своей активной научной работой сотрудники ИГМИ не только способствовали улучшению качества медицинской помощи, но также решали ряд важных задач, связанных с лечением раненых, военных травм, инфекций и т. д.

Таким образом, рассматриваемый период из истории Великой Отечественной войны стал для вуза тяжёлым испытанием, но вместе с тем славным временем напряженной работы, отличавшейся общим подъёмом и бесценной общественной деятельностью каждого преподавателя и студента. Несмотря на сокращение численности профессорско-преподавательского состава, связанное с мобилизацией в Красную Армию, занятостью сотрудников вуза в госпиталях, тяжёлые социально-бытовые условия, Ивановский государственный медицинский институт не только продолжал осуществлять свою учебную и научно-исследовательскую деятельность, но и вносил бесценный вклад в развитие жизни фронта и тыла (помощь раненым, служба переливания крови, помощь жителям Ленинграда и др.). Результатом общих усилий преподавателей и студентов стала бесперебойная работа предприятий области, эффективная работа с эпидемическими заболеваниями, успешное лечение раненых и больных военнослужащих Красной армии, их своевременное возвращение в строй, а также сохранение жизни детям войны.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-327. Оп. 7. Д. 567. Л. 1.
- ² ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 388. Л. 173–174.
- ³ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 475. Л. 34.
- ⁴ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 372. Л. 185.
- ⁵ ГАИО. Ф. Р-2101. Оп. 5. Д. 91. Л. 38.
- ⁶ ГАИО. Ф. Р-2101. Оп. 5. Д. 91. Л. 38.
- ⁷ ГАИО. Ф. Р-2101. Оп. 5. Д. 91. Л. 40.
- ⁸ ГАИО. Ф. Р-2101. Оп. 5. Д. 91. Л. 39.
- ⁹ ГАИО. Ф. Р-2101. Оп. 5. Д. 91. Л. 39.
- ¹⁰ ГАИО. Ф. Р-2101. Оп. 5. Д. 74. Л. 23.
- ¹¹ ГАИО. Ф. Р-2101. Оп. 5. Д. 74. Л. 23.
- ¹² ГАИО. Ф. Р-2101. Оп. 5. Д. 74. Л. 23.
- ¹³ ГАИО. Ф. Р-2101. Оп. 5. Д. 74. Л. 23.

Список литературы

Далёкое и близкое: к 90-летию образования лечебного факультета ИГМИ / под ред. проф. В.В. Че-

моданова, проф. Е.В. Шнитковой. Иваново: ИвГМА Минздрава России, 2020. 544 с.

Евстафьева О.В. Место назначения – блокадный Ленинград // Врачи в шинелях фронтовых: Воспоминания выпускников и сотрудников ИГМИ о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Иваново: ИГМА, 1995. С. 118–120.

Лукин В.А. Очерки истории Ивановского государственного медицинского института им. А.С. Бубнова. Иваново: Ивановский гос. мед. акад., 1997. 236 с.

Максимов П.М. С благодарностью переливали вашу кровь // Врачи в шинелях фронтовых: Воспоминания выпускников и сотрудников ИГМИ о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Иваново: ИГМА, 1995. С. 80–81.

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Иваново: А-Гриф, 2016. Кн. 1. 343 с.

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Иваново: А-Гриф, 2019. Кн. 2. 623 с.

Тюрина О.В., Балдин К.Е., Баклушина Е.К., Каушманова Г.Н., Поляков В.А., Околотин В.С., Корсун В.П. История здравоохранения Ивановской области. Иваново: ИвГМА: ПресСто, 2010. 208 с.

References

Daljokoe I blizkoe: k 90-letiju obrazovanija leceb-nogo fakul'teta IGMI [Distant and close: to the 90th anniversary of the formation of the medical faculty of Institute of Medical Sciences], ed. by prof. V.V. Chemo-danova, prof. E.V. Shnitkovej. Ivanovo, IvGMA, 2020, 544 p. (In Russ.)

Evstafjeva O.V. Mesto naznachenija – blokadnyj Le-ninograd [Destination – besieged Leningrad]. *Vrachi v shine-ljah frontovyh: Vospominanija vypusknikov i sotrud-nikov IGMI o Velikoj Otechestvenno jvojne 1941–1945 gg.* Ivanovo, IGMA Publ., 1995, pp. 118–120. (In Russ.)

Lukin V.A. Oчерки istorii Ivanovskogo gosudarst-vennogo medicinskogo institute im. A.S. Bubnova [Es-says on the history of Ivanovo State Medical Institute. A.S. Bubnova]. Ivanovo, Ivan. gos. med. akad. Publ., 1997, 236 p. (In Russ.)

Maksimov P.M. S blagodarnost'ju perelivali vashu krov' [Transfused your blood gratefully]. *Vrachi v shine-ljah frontovyh: Vospominanija vypusknikov I sotrudni-kov IGMI o Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* Ivanovo, IGMA Publ., 1995, pp. 80–81. (In Russ.)

Okolotin V.S. Ivanovskaja oblast' v gody Velikoj Ote-chestvennoj vojny [Ivanovo region during the Great Patriotic War]. Ivanovo, A-Grif Publ., 2016, iss. 1, 343 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. Ivanovskaja oblast' v gody Velikoj Ote-chestvenno jvojny [Ivanovo region during the Great Patri-otic War]. Ivanovo, A-Grif Publ., 2019, iss. 2, 623 p. (In Russ.)

Tjurina O.V., Baldin K.E., Baklushina E.K., Kashmanova G.N., Poljakov V.A., Okolotin V.S., Korsun V.P. *Istorija zdravoohranjenja Ivanovskoj oblasti* [The history of healthcare in the Ivanovo region]. Ivanovo, IvGMA Publ., PresSto Publ., 2010, 208 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.08.2021; одобрена после рецензирования 13.09.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 10.08.2021; approved after reviewing 13.09.2021; accepted for publication 15.11.2021.

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ЛЕТНОГО СОСТАВА ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ АВИАЦИИ В АВИАШКОЛАХ ВВС РККА ВО ВТОРОЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Лантухов Сергей Сергеевич, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, 89150869555@mail.ru

Аннотация. Статья освещает основные особенности подготовки лётного состава в истребительных авиационных школах в период коренного перелома в Великой Отечественной войне. Рассмотрены и проанализированы основные составляющие подготовки лётчиков, такие как система комплектования преподавательским и инструкторским составом, статистика авиационных происшествий, состояние аэродромной сети и материально-технической базы учебных заведений истребительной авиации и т. п. Выявлены общие закономерности истребительных авиационных школ, проявившиеся в потере учебного времени, затраченного на преодоление бытовых трудностей в местах эвакуации. Установлены факторы, негативно влиявшие на подготовку летного состава во втором периоде Великой Отечественной войны, и способы их преодоления силами личного состава авиационных школ. Сделан вывод о необходимости своевременного устранения наиболее существенных недостатков: перебоев в снабжении горючим, запасными частями и агрегатами, несвоевременным обновлением самолетного парка, несовершенства организационно-штатной структуры.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Военно-воздушные силы, военно-учебные заведения, подготовка лётных кадров, учебные аэродромы, статистика авиационных происшествий.

Для цитирования: Лантухов С.С. Особенности подготовки летного состава истребительной авиации в авиашколах ВВС РККА во второй период Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 63–68. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-63-68>

Research Article

FEATURES OF FIGHTER AIRCRAFT STAFF TRAINING IN THE FLIGHT SCHOOLS OF THE RED ARMY AIR FORCE DURING THE 2ND PERIOD OF THE SOVIET-AXIS WAR

Sergey S. Lantukhov, the Military University, Moscow, Russia, 89150869555@mail.ru

Abstract. The article highlights the main features of the training of flight personnel in fighter aviation schools during the period of radical change in the World War II East Front. The main components of the training of pilots are considered and analysed, such as – the system of recruiting the teaching and instructor staff, statistics of aviation accidents, the state of the airfield network and the material and technical base of educational institutions of fighter aviation, etc. The general patterns of fighter aviation schools were revealed, which manifested themselves in the loss of training time spent on overcoming everyday difficulties in places of evacuation. The factors that negatively influenced the training of flight personnel in the second period of the Soviet-Axis war and the methods of overcoming them by the personnel of aviation schools are established. It is concluded that it was necessary to timely eliminate the most significant shortcomings – interruptions in the supply of fuel, spare parts and assemblies, untimely renewal of the aircraft fleet, imperfections in the organisational and staff structure.

Keywords: World War II East Front, Air Force, military educational institutions, training of flight personnel, training airfields, statistics of aviation accidents.

For citation: Lantukhov S.S. Features of fighter aircraft staff training in the flight schools of the Red Army air force during the 2nd period of the Soviet-Axis war. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 63–68 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-63-68>

22 июня 2021 г. исполнилось ровно 80 лет, как основные советские аэродромы, расположенные на западных рубежах советской страны, подверглись внезапной атаке Люфтваффе, послужившей началом Отечественной войны нашего народа против немецко-фашистских захватчиков и по праву заслужившей названия Великой.

Стремление Гитлера в первые часы войны уничтожить авиационную инфраструктуру и большую часть самолетного парка Советского Союза было талантливо спланировано опытными военными теоретиками фашистской Германии. Нападение Германии на СССР было обусловлено в том числе и преимуществом Люфтваффе над советскими Военно-воздушными силами (ВВС), однако состояние самолетного парка обеих держав могло являться решающим фактором только в комплексе с уровнем подготовки и профессионализмом, с которым немецкие летчики-асы, имевшие огромный опыт воздушных боев в Европе, вторглись в воздушное пространство СССР [Семенов: 19].

В силу того, что выполнение такой задачи, как завоевание господства в воздухе, стояло преимущественно перед истребительной авиацией, ее развитие в годы Великой Отечественной войны имело преобладающее значение и позволило занять положение элиты ВВС [Усиков: 112].

На протяжении истории Советского Союза и современной России подготовка летного состава всегда оставалась и остается одной из самых важных составляющих строительства Военно-воздушных сил. Недоступность архивных материалов по изучаемой тематике вплоть до 2000-х годов во многом определила период Великой Отечественной войны как наименее изученный и наиболее противоречивый.

Особый интерес данный этап жизни советской авиации вызван тем, что в сжатые сроки, испытывая дефицит материальных, энергетических и людских ресурсов, будучи эвакуированной с мест постоянной дислокации, она смогла превзойти авиацию противника по основным направлениям, к числу которых можно отнести: подготовку авиационных кадров, обеспечение авиационной техникой, боевую подготовку и др. В рамках данной публикации, в силу обширности рассматриваемого материала, автор считает целесообразным остановиться на вопросе подготовки летных кадров для истребительной авиации.

Временные рамки в контексте данного исследования предлагается ограничить вторым периодом Великой Отечественной войны (19.11.1942 – 1943 гг.), исходя из общепринятой периодизации Великой Отечественной войны, что обусловлено наиболее значимыми событиями, происходившими в системе подготовки кадров ВВС. Научный интерес изучения затронутой тематики обусловлен, в частности, особым местом, которое занимают Воздушно-космические

силы России и Военно-воздушные силы в их составе на театрах боевых действий. Углубленное изучение данной проблематики, в свою очередь, позволит установить характерные факторы, повлиявшие на успех нашей авиации в борьбе с авиацией противника.

Изучаемая тематика не раз находила свое отражение в научных трудах многих исследователей. Например, в статье А.В. Карташева «Подготовка летных кадров в СССР в ходе коренного перелома в Великой Отечественной войне» автором был проведен качественный анализ источниковой базы на момент написания научной статьи, изучены основные составляющие учебного процесса в военно-учебных заведениях ВВС, отмечены некоторые недостатки бытового и материально-технического обеспечения [Карташев: 85]. Однако характерными особенностями большинства публикаций является достаточно широкая предметная область исследования, охватывающая все учебные заведения Военно-воздушных сил [Набоков: 137–154].

В рамках данной статьи, исходя из степени изученности темы, рассмотрены отдельные особенности процесса организации подготовки летного состава для истребительной авиации в военных авиационных школах, выделены их сильные и слабые стороны во втором периоде Великой Отечественной войны. Основное внимание сконцентрировано на анализе следующих составляющих подготовки летчиков для истребительной авиации:

- системы комплектования авиашкол летно-инструкторским и преподавательским составом;
- состояния материально-технической базы учебных заведений истребительной авиации и обеспеченности учебного процесса;
- состояния сети учебных аэродромов;
- официальной статистики авиационных происшествий;
- особенностей внеполетной подготовки с потерей учебного времени.

Воздушное противоборство, разразившееся в ходе Великой Отечественной войны, предъявило кардинально новые требования к профессионализму летного состава, участвующего в воздушных сражениях [Карташев: 83]. Со стороны советского руководства основным требованием к авиационным школам было обеспечение последними регулярного выпуска летного состава, что было обусловлено сложившейся в 1943 году ситуации на театре боевых действий в воздухе и необходимостью захвата и удержания стратегического господства в воздухе. Увеличение количества выпускаемых летчиков достигалось переходом на конвейерную систему подготовки курсантов. С одной стороны, данная система позволяла выдавать фронту определенное число подготовленных выпускников-летчиков, с другой стороны, обладала негативными

особенностями, перегружала учебный процесс и снижала текущую успеваемость курсантов¹.

Острой проблемой, стоявшей перед истребительными авиашколами, являлась нехватка летно-инструкторского состава, образовавшаяся в результате ухода опытных инструкторов в действующие авиационные полки. Авиашколы испытывали потребность как в рядовых летчиках-инструкторах, так и в командирах отрядов и звеньев. Данное обстоятельство вызывало необходимость перемещения летчиков-инструкторов на руководящие должности (командиров звеньев и отрядов), а наиболее способных курсантов – на должности инструкторов [Аллахвердянц: 16].

Спецификой авиационных школ, в том числе и истребительной авиации, являлось то, что при массовом перевооружении ВВС РККА на новые образцы авиационной техники наряду с подготовкой переменного состава в течение всего времени осуществлялась и подготовка летно-инструкторского состава, его тренировка в полетах, ввод в строй на новой материальной части.

Так, за 1943 г. по Батайской авиационной школе пилотов количество молодых летчиков-инструкторов, подготовленных на самолетах УТИ-4, и допущенных к обучению курсантов составило 28 человек, на самолетах ЛА-5 – 90 человек, на самолетах ЛАГГ-3 – 9 человек².

Необходимо отметить, что выпускаемые в 1943 году курсанты готовились сначала на учебно-тренировочных самолетах (УТИ-4), где овладевали основной программой, включая самостоятельный налет, осваивая штурманскую подготовку, а затем на боевых самолетах (ЛА-5, ЛАГГ-3 и ЯК-7), где изучалась программа как с боевым применением, так и без такового.

С ноября 1942 г. в авиашколах вновь приступили к обучению курсантов фигурам высшего пилотажа, что в последующем позволило молодым лётчикам легче справляться с трудностями воздушного боя с хорошо подготовленным противником и снизить неоправданные потери при завоевании господства в воздухе.

Неопровержимым остаётся тот факт, что уровень подготовки военных кадров, в том числе и авиационных, напрямую зависит от состояния материально-технической базы учебных заведений, а также обеспеченности учебного процесса.

Эвакуированные на начальном этапе войны вглубь страны авиационные школы пилотов испытывали множественные трудности с обеспечением материальной частью и горюче-смазочными материалами, отсутствием аэродромов и т. п.³

В наиболее тяжелом положении находились авиашколы, эвакуированные в Среднюю Азию, поскольку климатические условия региона не могли способствовать работе в привычном для учебных заведений режиме: личный состав и техника испытывали огромные нагрузки при обеспечении функционирования авиашкол.

Недостаточная обеспеченность горюче-смазочными материалами, авиабензином в частности, останавливала летную работу. Например, в Армавирскую авиационную школу авиатоплива поступило всего 36 % от положенной нормы⁴.

Авиашколы сталкивались с некомплектом исправными самолетами. Так, в Армавирской авиашколе по состоянию на январь 1943 г. в исправном состоянии находилось чуть более половины самолетного парка (55 %). По самолетам ЛАГГ-3 отсутствовали авиационные двигатели М-105п, винты ВИШ-61, масляные радиаторы, подъемники шасси. Ресурс имевшихся авиационных двигателей использовался практически до полной выработки. [Карташев: 84]. Самолеты ЯК-7 испытывали острую нехватку в авиационных двигателях М-105 ПА, винтах ВИШ-61, амортизационных стойках, шкворнях, ломающихся подкосах, костыльных установках, бензобаках⁵.

Поступление данных агрегатов осуществлялось с огромными трудностями. Примером может служить Батайская авиационная школа пилотов им. А.К. Серова, которая не получила ни одного винта и ни одного авиационного двигателя к самолету ЯК-7. Из 18 самолетов ЯК-7, поступивших в Батайскую авиашколу, 15 были получены без усиленных шкворней, выходящих из строя вместе с винтами при обычной эксплуатации⁶.

Руководство авиашкол сталкивалось с трудностями несвоевременного поступления новых самолетов, а также поступления их в разукomплектованном состоянии: без инструмента и запасных частей. Зачастую отсутствовал оборотный фонд авиационных двигателей, винтов и прочих агрегатов, что затрудняло выполнение полетов.

Важной составляющей работы авиашкол военного периода было обеспечение учебного процесса. Зачастую передислоцированным истребительным авиашколам приходилось сталкиваться с отсутствием помещений под учебные классы, для которых использовались различные сооружения от землянок до сборных щитовых домиков, не позволяющих поддерживать необходимую температуру в помещениях. Учебные классы обычно были слабо оборудованы мебелью, часть которой составляли ученические парты, часть была представлена самодельными скамейками.

Выход из сложившейся ситуации личный состав авиашкол находил в самостоятельном изготовлении различных наглядных пособий, схем, макетов и силуэтов немецких истребителей, применяемых для воздушно-стрелковой тренировки.

Например, в Батайской авиационной школе пилотов за 1943 г. силами персонала авиашколы было изготовлено 175 различных схем, 115 макетов иностранных и отечественных самолетов, 6 фанерных силуэтов немецких самолетов, раскрашенных в цвета фашист-

ской авиации, 1 макет немецкого истребителя Me-109 в натуральную величину. Вместо непоступающих централизованным порядком самостоятельно изготовленные наглядные пособия активно применялись как в учебных классах, так и в эскадрильях, позволяя демонстрировать маскировку, стрелковую тренировку и воздушный бой⁷.

Однако проблемы, связанные с обеспечением таких необходимых для учебных заведений ресурсов, как канцелярские принадлежности (бумага, простые и цветные карандаши, краски, тушь) не только затрудняли изготовление наглядных пособий, но и становились причиной срыва занятий, поскольку лекции переменным составом зачастую не конспектировались, задания на карте по тактике не могли выполняться по объективным причинам.

Серьезным недостатком, притормаживающим успешную летную работу в истребительных авиационных школах, являлось состояние аэродромной сети большинства авиашкол, ставшее следствием их перемещения на новые места. Отсутствие необходимого количества исправных аэродромов вынуждало осуществлять полеты в две смены, одновременно двумя эскадрильями, что существенно снижало качество подготовки курсантов. Выбор и подготовка территорий под учебные аэродромы, их оборудование и обеспечение непрерывной работы полностью осуществлялось силами личного состава авиашкол [Карташев: 88].

Многие авиационные школы имели в своем распоряжении аэродромы с полным или частичным отсутствием травяного покрова, что затрудняло выполнение полетов, особенно в осенне-весенний период⁸. В то же время общее качество аэродромов, эксплуатируемых авиационными школами истребительной авиации, наряду с их разбросанностью, серьезно препятствовало успешному освоению плана летной подготовки. Например, в Батайской школе пилотов состояние дел на всех аэродромах было примерно одинаковым, с характерными общими недостатками. Так, аэродромы Евлах, Герань, Шихлы, Гасанская (территория современного Азербайджана) были ограниченно годными для полетов на истребителях того времени, поскольку, находясь в удовлетворительном состоянии, позволяли выполнять полеты только в двух направлениях, ввиду конструктивных особенностей. Отсутствие растительного покрова затрудняло использование взлетно-посадочных полос после дождя. Вследствие распутицы обеспечение горюче-смазочными материалами и продовольствием могло осуществляться только гужевым транспортом или тракторами. В то же время в сухую погоду производство полетов обычно затруднялось тем, что грунтовые аэродромы зачастую были пыльными. Расположенные в предгорьях аэродромы (аэродром Гасанская) в осенне-зимний период часто были затянuty густыми туманами.

Показателем эффективности работы авиашколы является состояние аварийности, количества летных происшествий, зарегистрированных за определенный промежуток времени. Авиационные происшествия, в том числе и авиакатастрофы, повлекшие за собой утрату личного состава и материальной части, служили сигнализатором при определении степени профессионализма, с которым подходило руководство авиашколы к подготовке летного состава. Изучаемый период отмечается высоким уровнем аварийности в учебных авиационных заведениях. Упомянутая выше конвейерная система подготовки курсантов-летчиков привела к росту авиационных происшествий. Причиной этого стало сокращение сроков обучения и высокая динамика летной работы. Во второй период Великой Отечественной войны из первого периода перешли такие общие недостатки, характерные для всех авиационных школ военного периода, как слабая личная дисциплинированность и нетребовательность к подчиненному личному составу, недостаточная подготовленность отдельной части летно-технического состава к воспитанию курсантов, слабые теоретические и практические знания материальной части самолетов и авиационных двигателей.

Проводимая с личным составом воспитательная работа, сводившаяся к повышению знаний и укреплению дисциплины, своего эффекта не имела.

Также во втором периоде Великой Отечественной войны наблюдается некоторое общее увеличение количества летных происшествий с тяжелыми последствиями по сравнению с первым периодом. Анализ аварийности данного периода следует рассматривать применительно к различным видам техники и вооружения. Конец первого периода и весь второй период войны отмечается активной деятельностью советского государства по перевооружению и переоснащению РККА на новые образцы техники.

Примечательно, что анализ 1943 г. показывает снижение по сравнению с 1942 г. общего количества авиационных инцидентов в истребительных авиационных школах, использующих хорошо изученную материальную часть (самолеты, И-16, УТИ-4, ЯК-7). И наоборот, техника, находящаяся в освоении летно-инструкторским и техническим персоналом авиашколы (ЛАГГ-3), чаще, по сравнению с 1942 г., участвует в авиационных происшествиях. Косвенно это подтверждается также тем, что второй период войны характеризуется резким сокращением количества летных происшествий, допускаемых по вине инструкторского состава истребительных авиационных школ. Так, проанализировав аварийность Батайской истребительной авиационной школы пилотов, следует отметить, что количество летных происшествий, допущенных летчиками-инструкторами в 1942 г., составляло 49, в 1943 г. – 18 происшествий. Обратная ситуация складывалась с переменным

составом: количество авиационных инцидентов, допущенных курсантами в 1942 г., составляло 42 происшествия, в 1943 г. – 60 происшествий. Аналогичная ситуация наблюдалась и по тяжести последствий авиационных происшествий: если в 1942 г. летчиками-инструкторами совершено 7 авиакатастроф, то в 1943 г. их количество снизилось до 2. По вине курсантов в 1942 г. авиакатастроф зарегистрировано не было, в 1943 г. их количество резко возросло до 7. Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что, наряду с повышением личной дисциплинированности, профессионализма и техники пилотирования поступивших на вооружение новых самолетов, уровень владения методикой обучения курсантов оставался в 1943 г. на прежнем недостаточном уровне⁹.

Резкий рост крупных авиационных происшествий показывает значительное увеличение общей доли производственных дефектов материальной части. Так, производственные дефекты поставляемых новых образцов авиационной техники стали причиной 18 авиационных инцидентов, произошедших в Батайской истребительной авиационной школе пилотов в 1943 г., из которых авиационных катастроф – 4, аварий самолетов – 4, прочих поломок – 10¹⁰.

Отводимое время на внеполетную подготовку далеко не всегда использовалось переменным составом истребительных авиашкол по назначению.

Курсанты зачастую были задействованы во всех работах по обеспечению деятельности авиашкол: несение службы в суточных нарядах, сопровождение различных грузов, запасных частей, командировки на железнодорожном транспорте для сопровождения самолетов, направляемых на авиаремонтные заводы и возвращаемых с них [Кочнев, Шенбергер: 10–11]. Данное обстоятельство существенно сокращало время, отводимое прежде всего на внеполетную подготовку, и снижало качество усвоения учебной программы, что, в свою очередь, становилось причиной продолжительного нахождения курсантов в авиашколах, иногда до 2–3 лет.

Общей закономерностью истребительных авиационных школ являлся высокий показатель потери учебного времени, которая происходила в основном за счет бытовых трудностей, с которыми сталкивались авиашколы до периода перебазирования на места постоянной дислокации. Зачастую они дислоцировались в населенных пунктах, где представляли собой либо единственную воинскую часть, либо крупнейшее воинское образование на территории, вследствие чего весь гарнизонный и комендантский наряд или его большая часть возлагалась на переменный состав авиашкол. Непригодность базирования во многих населенных пунктах наряду с отсутствием специально возведенных военных городков не способствовали компактному размещению штаба и всех служб авиаш-

кол, что влекло за собой разбросанность управления авиашкол по всему населенному пункту и увеличению суточного наряда, назначенного для обеспечения безопасности военной службы. Такой же была ситуация и в подразделениях истребительных авиашкол, базировавшихся на удаленных аэродромах.

Анализируя потерю учебного времени, затрачиваемого на обеспечение гарнизонной и комендантской службы, можно прийти к выводу, что решением данной проблемы, с которой сталкивались все начальники авиационных школ, в том числе и истребительных, во втором периоде войны могло стать введение в штат авиашкол роты охраны для несения гарнизонного наряда. Данное изменение организационно-штатной структуры могло бы позволить курсантскому составу использовать все время пребывания в авиашколах для усвоения учебного процесса.

Проблемы, с которыми сталкивалось командование авиашкол в годы Великой Отечественной войны, находясь вдали от мест постоянной дислокации, зачастую остаются актуальными и в наши дни для современного руководства авиационных училищ, находящихся на своих местах.

В ходе данного исследования установлено, что трудности военного времени, с которыми столкнулась отечественная авиация в начале войны, оказывали негативное влияние на подготовку летного состава и во втором периоде Великой Отечественной войны. К таковым относились: нехватка летно-инструкторского и преподавательского состава, неудовлетворительное состояние материально-технической базы и учебных аэродромов, отсутствие регулярных поставок авиационного топлива, высокий уровень аварийности на новых образцах техники и др. Однако общая картина успеха обучения летчиков-истребителей может быть сложена только из всех факторов, повлиявших на результат данной подготовки. Это позволяет сделать вывод о количестве необходимых ресурсов для перевода учебных заведений Военно-воздушных сил с мирного времени на военное. Своевременное устранение недостатков, выявленных в работе авиационных школ, таких как перебои в снабжении горючим и смазочными материалами, нехватка оборотных запасных частей и агрегатов, несвоевременное обновление самолетного парка, отсутствие в штате авиашкол роты охраны для несения гарнизонного наряда и др., позволило бы Советскому Союзу превзойти систему подготовки летного состава фашистской Германии на раннем этапе войны.

Объективным отражением истинного положения дел подготовки авиационных специалистов во втором периоде Великой Отечественной войны могут стать отзывы командиров воинских частей, принимавших выпускников истребительных авиационных школ.

В служебном отзыве от 5 декабря 1943 г. № ОК/512, написанном командиром 26-го запасного авиацион-

ного полка на молодых летчиков, окончивших Батайскую авиашколу имени Серова, написано: «Летный состав, окончивший авиашколу им. Серова в 1943 году на самолете ЛАГГ-3, является лучшей продукцией как по технике пилотирования, так и по общему уровню теоретической подготовки и дисциплине»¹¹.

Советский Союз стал получать качественно подготовленных авиаторов, однако за каждым выпускником-истребителем с отличной техникой пилотирования и теоретической подготовкой стоял огромный труд как преподавательского, так и летно-инструкторского состава, со всеми присущими особенностями подготовки летного состава.

Примечания

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 60377. Оп. 35809. Д. 12. С. 9–11.

² ЦАМО РФ. Ф. 60329. Оп. 35729. Д. 37. С. 37.

³ ЦАМО РФ. Ф. 60329. Оп. 35729. Д. 37. С. 41.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11284. Д. 363. С. 54.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 60329. Оп. 35729. Д. 37. С. 6–7.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 60329. Оп. 35729. Д. 38. С. 55–56.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 60329. Оп. 35729. Д. 38. С. 73.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 60329. Оп. 35729. Д. 38. С. 36.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 60329. Оп. 35729. Д. 38. С. 37.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 60329. Оп. 35729. Д. 37. С. 42.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 60329. Оп. 35729. Д. 38. С. 123.

Список литературы

Аллахвердяну В.Г. Подготовка авиационных кадров отечественных Военно-воздушных сил: на примере деятельности Севастопольской (Качинской) летной школы в 1910–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2008. 217 с.

Усиков А.В. [и др.]. Великая Отечественная война: в 12 т. Москва: Кучково поле, 2015. Т. 11. 864 с.

Семёнов В.А. [и др.]. История Военно-воздушных сил Советской Армии: От начала зарождения воздухоплавания и авиации в России до Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: учеб. пособие для воен.-учеб. заведений ВВС / Упр. Главнокомандующего ВВС. Москва: Воениздат, 1954. 455 с.

Карташев А.В. Подготовка летных кадров в СССР в ходе коренного перелома в Великой Отечественной войне // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12 (227). С. 83–89.

Кочнев Д.В., Шенбергер А.Ю., Ланай Д.С. Подготовка специалистов железнодорожных войск в годы Великой Отечественной войны // Вклад железнодорожных войск в победу над фашистской Германией: сборник. СПб.: Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева, 2020. С. 6–14.

Набоков В.И. Подготовка летных кадров истребительной авиации ВВС Красной армии в авиационных училищах и школах накануне и в ходе Великой Отечественной войны.: дис. ... канд. ист. наук. Монино, 1994. 246 с.

References

Allakhverdians V.G. *Podgotovka aviatsionnykh kadrov otechestvennykh Voенно-Vozdushnykh sil: na primere deiatel'nosti Sevastopol'skoi (Kachinskoi) letnoi shkoly v 1910–1945 gg.* [Training of aviation personnel of the domestic Air Force: on the example of the activities of the Sevastopol (Kachin) flight school in 1910–1945]: PhD thesis. Volgograd, 2008, 217 p. (In Russ.)

Usikov A.V. [et al.]. *Velikaia Otechestvennaia voina: v 12 t.* [The Great Patriotic War: in 12 vols.]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2015, vol. 11, 864 p. (In Russ.)

Semenov V.A. [et al.]. *Istoriia Voенно-Vozdushnykh Sil Sovetskoi Armii: Ot nachala zarozhdeniia vozdukhoplavaniia i aviatsii v Rossii do Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soiuzа 1941–1945 gg.: ucheb. posobie dlia voen.-ucheb. zavedenii VVS* [History of the Air Force of the Soviet Army: From the beginning of the birth of aeronautics and aviation in Russia to the Great Patriotic War of the Soviet Union of 1941–1945: textbook. manual for military.-textbook. establishments of the Air Force, Ex. Commander-in-Chief of the Air Force]. Moscow, Voenizdat Publ., 1954, 455 p. (In Russ.)

Kartashev A.V. *Podgotovka letnykh kadrov v SSSR v khode korenного pereloma v Velikoi Otechestvennoi voine* [Training of flight personnel in the USSR during a radical change in the Great Patriotic War]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2011, № 12 (227), pp. 83–89. (In Russ.)

Kochnev D.V., Shenberger A.Yu., Lanai D.S. *Podgotovka spetsialistov zheleznodorozhnykh voisk v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: sbornik* [Training of specialists of railway troops during the Great Patriotic War]. *Vklad zheleznodorozhnykh voisk v pobedu nad fashistskoi Germaniei: materialy zaochnoi otraslevoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The contribution of railway troops to the victory over Nazi Germany: collection]. Sankt-Peterburg, Voennaia akademiia material'no-tekhnicheskogo obespecheniia imeni generala armii A.V. Khruleva Publ., 2020, pp. 6–14. (In Russ.)

Nabokov V.I. *Podgotovka letnykh kadrov istrebitel'noi aviatsii VVS Krasnoi armii v aviatsionnykh uchilishchakh i shkolakh nakanune i v khode Velikoi Otechestvennoi voiny* [Training of flight personnel of fighter aviation of the Red Army Air Force in aviation schools and schools on the eve and during the Great Patriotic War]: PhD thesis, 1994, 246 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.07.2021; одобрена после рецензирования 29.08.2021; принята к публикации 12.12.2021.

The article was submitted 11.07.2021; approved after reviewing 29.08.2021; accepted for publication 12.12.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 69–75. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 69–75. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(485)“1939/1945”

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-69-75>

ШВЕДСКАЯ НЕПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. ВАЛЛЕНБЕРГА-МЛАДШЕГО

Гехт Антон Борисович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича, a.geht@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6917-1161>

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению роли, сыгранной крупным финансистом и промышленником, одним из руководителей финансово-промышленной группы семьи Валленберг, Маркусом-младшим, во внешнеполитической деятельности Швеции накануне и во время Второй мировой войны. Сконцентрировав в своих руках действенные рычаги влияния на промышленность и сферу финансов королевства, Маркус Валленберг оказался неофициально вовлечен в выработку внешнеполитического курса королевства, стремившегося сохранить свой традиционный нейтральный статус и не вступить в войну. В статье рассматривается взаимодействие с представителями противоположных сторон, осуществлявшееся при активном участии этого банкира и промышленника как в составе официальных делегаций, так и в качестве частного лица: основной акцент сделан на установлении взаимодействия между СССР и Финляндией в 1943–1944 гг., а также сотрудничестве со странами-союзниками по антигитлеровской коалиции, Британией и США. Также в работе анализируются не только неинституализированные контакты М. Валленберга-младшего с политическим руководством Швеции, носившие накануне и во время Второй мировой войны постоянный характер, но и трудности, с которыми столкнулась подконтрольная ему финансово-промышленная группа в период непосредственно после завершения Второй мировой войны.

Ключевые слова: Швеция, Германия, Третий рейх, СССР, Финляндия, Вторая мировая война, династия Валленберг, финансово-промышленная группа Валленбергов, «Стокгольмс Эншильда банкен», Маркус Валленберг.

Для цитирования: Гехт А.Б. Шведская непубличная дипломатия во время Второй мировой войны на примере деятельности М. Валленберга-младшего // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 69–75. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-69-75>

Research Article

SWEDISH NON-PUBLIC DIPLOMACY DURING WORLD WAR II ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF M. WALLEMBERG JR.

Anton B. Gekht, Candidate of Historical Sciences, Bonch-Bruyevich St. Petersburg State University of Telecommunications, a.geht@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6917-1161>

Abstract. This article examines the role of Marcus Wallenberg Jr., a prominent financier and industrialist, one of the leaders of the financial and industrial group of the Wallenberg family, in the foreign policy of Sweden on the eve of and during World War II. Having concentrated in his hands the main threads of influence on the industry and the financial sphere of the kingdom, Marcus Wallenberg was unofficially involved in the development of the foreign policy of the kingdom, which sought to be out of direct involvement in the war. The article examines various contacts with representatives of the opposing sides, carries out with the active participation of this banker and industrialist, both as part of official delegations and as individuals – the main focus is on establishing interaction between the USSR and Finland in 1943-1944, as well as cooperation with the Allies – Britain and the United States. The article also analyses the non-institutionalised regular contacts of Marcus Wallenberg Jr. with the political leadership of Sweden during 1938-1945, including the difficulties faced by the financial and industrial group under his control in the period immediately after the end of World War II.

Keywords: Sweden, Germany, Third Reich, USSR, Finland, World War II, Wallenberg dynasty, Wallenberg financial and industrial group, Stockholms Enskilda Bank, Marcus Wallenberg.

For citation: Gekht A.B. Swedish non-public diplomacy during World War II on the example of the activities of Marcus Wallenberg Jr. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 69–75 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-69-75>

Грандиозная война, развернувшаяся сначала в Западной Европе, а вскоре и за её пределами, блокада морских путей, оккупация соседних Дании и Норвегии, а затем и вновь разгоревшееся противостояние Финляндии и СССР в кратчайшие сроки весьма заметным образом нарушили привычные экономические связи Швеции, формально сохранившей нейтральный статус. В немалой степени утратив прежние характер и масштабы экспортных отраслей, а также стремясь продемонстрировать лояльность руководству Третьего рейха, шведское политическое руководство было вынуждено переориентировать экономику королевства к нуждам военной экономики Германии. Как известно, ещё весной 1940 г. официальный Стокгольм не без оснований занял вполне прогерманские позиции. На период 1939–1941 гг. главной задачей руководителей правящей социал-демократической партии Швеции было уберечь страну и народ от войны любыми методами: от программы межклассового мира внутри страны до поиска внешнеполитических компромиссов с Германией.

В то же время шведское политическое руководство осознавало, что в случае втягивания королевства в противостояние великих держав моментально обнаружится неподготовленность страны к крупной войне и нехватка современной военной техники. Было решено восполнить недостаток за счёт военных заказов в США, и первая крупная партия американской военной техники была импортирована в мае – июне 1940 г. [Forster: 112]. Однако со 2 июля 1940 г. начал действовать запрет на дальнейший экспорт военной техники из Соединенных Штатов. Надежды шведского руководства на быстрое укрепление обороны королевства за счет импорта вооружений рухнули [История Швеции: 495–496].

Вульмар Бустрём, шведский посланник в Вашингтоне, несмотря на опыт работы с 1925 г., не пользовался высоким доверием в Стокгольме, в политических кругах которого существовали подозрения, что способности дипломата не вполне соответствуют уровню сложности поставленных задач. Хорошо зарекомендовавший себя в качестве участника официальных и неофициальных переговоров в Великобритании накануне разгоревшейся войны, не только в совершенстве владевший английским языком, но также обладавший рядом ценных знакомств в деловых и политических кругах США, один из руководителей крупнейшей в королевстве финансово-промышленной группы, сконцентрированной вокруг подконтрольного их семье «Стокгольмс Эншильда банкен», Маркус Валленберг-младший получил предложение отправиться в США с дипломатической миссией, которую он мог бы сочетать со своими деловыми интересами в этой стране [Ollson: 231].

Фактические задачи, стоявшие перед финансистом, в октябре 1940 г. отправившимся в США, можно охарактеризовать следующим образом:

1. Предоставить В. Бустрёму подробную информацию о текущем положении в Европе и о политике правительства Швеции;

2. Помочь В. Бустрёму в прекращении контрактов на покупку стратегического оборудования в Соединенных Штатах и любых других связанных с этим вопросах;

3. Содействовать лучшему пониманию ситуации в Швеции за счёт общения с представителями американских деловых и правительственных кругов.

В Нью-Йорке амбициозный и деятельный финансист активно взялся за дело установления контактов с представителями элиты США и формирования положительного образа Швеции в глазах американской общественности. Можно предположить, что ему было несложно найти общий язык с В. Бустрёмом: оба в прошлом были профессиональными теннисистами, выходцами из привилегированных слоёв и, как представители одного поколения, нашли друг с другом общий язык. Среди наиболее заметных контактов, установленных М. Валленбергом, следует выделить Аверелла Гарримана, Джеймса Форрестала, а также заместителя госсекретаря США Самнера Уэллеса.

18 декабря 1940 г. шведская торговая палата в Нью-Йорке организовала обед, на котором М. Валленберг стал почетным гостем. В своей речи банкир коснулся политики нейтралитета королевства и независимости торговой политики Швеции от Германии, подчеркивая демократическую форму правления своей родины, ее свободную прессу, а также результаты последних парламентских выборов, показавших отсутствие сколько-либо заметной поддержки нацистов. Проведя в США три месяца и став свидетелем президентских выборов, по результатам которых Ф.Д. Рузвельта переизбрали на пост президента на второй срок, М. Валленберг вернулся на родину в уверенности, что вступление США в войну с Германией неизбежно.

Пребывание в США руководитель «Стокгольмс Эншильда банкен» сочетал с коммерческими интересами своей семьи. В первую очередь они касались управления международными активами финансово-промышленной группы семьи Валленберг. В мае 1940 г. ценные бумаги, имеющие отношение к экономике США, были заблокированы наряду с активами норвежских и датских компаний: данные действия были призваны помешать Германии использовать эти финансовые ресурсы [Samuelson: 32–37]. Семья Валленберг, быстро перерегистрировав свои люксембургские компании в Швеции, могла получить разрешение на использование своих американских активов. Этот вопрос, наряду с обсуждением действий в случае оккупации Швеции, обсуждался М. Вал-

ленбергом с Джоном Фостером Даллесом, крупным юристом в коммерческой сфере и экспертом в области международного права.

Вскоре все европейские активы семьи Валленберг оказались собраны непосредственно под эгидой «Стокгольмс Эншильда банкен», а их активы в Западном полушарии были переведены под управление «Pollux Inc.» – компании, зарегистрированной в Панаме. В США были созданы компании «Providentia Ltd», «Insof Inc.» и «Nineteen Corporation», получившие совокупное название «PIN». В 1941 г. они управляли ценными бумагами ряда предприятий, функционирующих в Северной и Южной Америке, на общую сумму более 21 миллиона крон [Samuelsson: 49–54]. Так семья Валленберг, не без некоторых сложностей, но благодаря умелому подстраиванию под правовые требования американского законодательства, смогла избежать конфискации ценных бумаг во время войны.

Занимался М. Валленберг и рядом вопросов, связанных с деловыми интересами финансово-промышленной группы своей семьи в Германии, а именно в качестве посредника приобретал указанные братом Якобом ценные бумаги немецких фирм и банков, которые потом за вознаграждение в виде комиссии уступал непосредственно банкам в Германии [Lindgren: 344–348].

Несомненно, установленные в ходе длительного пребывания в США контакты положительно отразились на репутации М. Валленберга в англосаксонском мире, что ещё не раз пригодилось семье Валленберг в последующие годы. Но пока значительная часть внимания политического руководства и Швеции, и США была сконцентрирована на событиях, разворачивавшихся на Востоке Европы.

Нападение Германии и её союзников на СССР повлекло за собой новые отступления Швеции от нейтралитета. 25 июня 1941 г. шведское правительство дало разовое согласие на пропуск по железной дороге 163-й германской дивизии из Осло в Финляндию. Тем не менее в тот же день премьер-министр П.А. Ханссон заявил о сохранении Швецией своей самостоятельности и ее неучастии в советско-германской войне [История Швеции: 438–439].

Пропуск германской дивизии был самым грубым, но отнюдь не единственным нарушением Швецией своего нейтралитета. Шведские железные дороги широко использовались для германских военных перевозок, у финляндско-шведской границы были расположены транзитные склады немецкой армии; шведские территориальные воды до 22 июня предоставляли проход германским транспортным судам с оружием и войсками, через шведское воздушное пространство курсировали немецкие самолеты [Håstad: 199–200]. В это время правящие круги Швеции были склонны полагать, что гитлеровская Германия одержит бы-

струю победу над СССР, а значит, следует сохранять ориентацию на победителя, что вызвало серьёзное неодобрение на Британских островах.

Летом – осенью 1941 года британская сторона потребовала, чтобы Швеция ограничивала импорт металлов и продуктов питания, а норвежские суда должны были покинуть порты западного побережья Швеции [Ристе: 238–241]. И вновь, как и накануне войны, М. Валленберг провел осень в Лондоне, участвуя в переговорах о внесении поправок в соглашение 1939 года. 16 декабря 1941 г. шведы заключили новое торговое соглашение с англичанами, в котором пошли на определенные уступки союзникам. Швеция признала Финляндию воюющей стороной, что обязывало ее отказаться от продажи финнам военных материалов и стратегически важных товаров в соответствии с британскими корректировками. В том же месяце шведская сторона отказала представителям Германии в продлении государственных кредитов, что привело к заметному ухудшению шведско-германских отношений.

С весны 1942 г. шведское правительство попыталось улучшить свои отношения с западными союзниками. В сентябре 1942 г. статс-секретарь Министерства иностранных дел Швеции Э. Бухеман предпринял официальную поездку в Лондон и Вашингтон, стремясь добиться сохранения лицензионной торговли, против которой выступили США и в деле восстановления которой М. Валленберг преуспеть не смог. Миссия также не достигла успеха, но благодаря предварительной работе руководителя «Стокгольмс Эншильда банкен» способствовала установлению официальных контактов с политическим истеблишментом США [Boheman: 237–238].

Параллельно на постоянной основе продолжалось и участие М. Валленберга во взаимодействии между Швецией и Финляндией. С одной стороны, новый внешнеполитический курс Финляндии, направленный на тесное сотрудничество с Третьим рейхом, омрачал отношения с формально нейтральной Швецией [Гехт: 121–143]. В то же время Финляндия была заинтересована как в кредитах со стороны Швеции, так и в доступе к шведскому рынку, ставшему едва ли не единственной альтернативой немецкому импорту, покрывавшему до 90 % потребностей Финляндии в товарах [Krosby: 232]. С сентября 1940 г. банкир стал участником постоянно действующей комиссии, ответственной за наблюдение за развитием шведско-финляндской торговли и условий оплаты за поставленные товары [Upton: 160–164]. В его зону ответственности попадали вопросы предоставления займов, в которых было крайне заинтересовано правительство Финляндии.

В этот же период глава «Стокгольмс Эншильда банкен» стал примерять на себя и роль посредника

в возможных будущих переговорах между Финляндией и СССР. Воспользовавшись тем, что видный финляндский политический деятель Ю.К. Паасикиви находился в Стокгольме с конца 1941 г. по начало 1942 г., в канун Нового года банкир посетил его в номере отеля, где они имели беседу о текущей международной политической ситуации [Ollson: 209]. Заметим, что в данном случае нам неизвестно – действовал ли М. Валленберг по просьбе МИД Швеции или это была его личная инициатива. Финансист подробно изложил свой взгляд, который показался Ю.К. Паасикиви весьма пессимистичным с немецко-финской точки зрения [Паасикиви: 424].

Вновь, как и в начале 1940 г., в период предыдущей Советско-финляндской войны, начался сложный процесс поиска возможностей для установления контактов между представителями СССР и Финляндии. Вновь, как и в случае с переговорами с представителями британских и американских правительственных кругов, МИД Швеции решил прибегнуть к помощи М. Валленберга в качестве неофициального дипломата для установления контактов между советским посланником в Стокгольме А.М. Коллонтай и представителями правительства Финляндии. Встреча банкира и президента Финляндии Р. Рюти, произошедшая в Хельсинки 17 января 1942 г. [Ollson], успехом не увенчалась. Уместно предположить, что в видении Р. Рюти Финляндия рисковала скомпрометировать себя по отношению к Германии, не получив ничего от контактов с СССР. Лишь на рубеже 1943–1944 гг., в свете очевидных побед Красной Армии над вооружёнными силами Третьего рейха, в правительстве Финляндии пришли к выводу о необходимости поиска мирного урегулирования.

16, 19 и 21 февраля 1944 г. на территории Швеции состоялись строго секретные переговоры представителей обеих сторон, на которых рассматривались условия достижения возможного перемирия. Главными фигурами являлись Ю.К. Паасикиви, во многом разделявший взгляды так называемой «мирной оппозиции» [Барышников: 59–60], требовавшей скорейшего выхода Финляндии из войны, и А.М. Коллонтай. Саму же встречу, по всей видимости, организовал Маркус Валленберг, вновь выступавший в качестве неофициального представителя шведского МИД.

Особых сведений, которые бы раскрывали подробности организации данной встречи, в распоряжении исследователей нет. Опубликован лишь ряд воспоминаний тех, кто был связан с работой в советском представительстве в Стокгольме [Александров-Агентов] и Министерства иностранных дел Швеции [Boheman], воспоминания внука А.М. Коллонтай – В.М. Коллонтай [Коллонтай], проживавшего в рассматриваемый период в Швеции, а также дневники непосредственного участника этих пере-

говоров Ю.К. Паасикиви [Паасикиви], переведённые на русский язык Санкт-Петербургским историком, доктором исторических наук А.И. Рупасовым.

Начало активных обсуждений по вопросу об урегулировании советско-финляндских отношений можно отнести к 13 ноября 1943 г., когда А.М. Коллонтай встретила с секретарем шведского министерства иностранных дел Э. Бухеманом для того, чтобы обсудить шведско-советско-финляндские отношения. А.М. Коллонтай была крайне обеспокоена тем, что шведско-советские отношения могут пострадать от «проблемы Финляндии» [Calgren: 180]. Э. Бухеман ответил, что этого можно избежать, если советское правительство объявит о своем намерении уважать независимость Финляндии; в свою очередь, Финляндия готова обсудить подписание мирного договора, однако прежде необходимо ознакомиться с его условиями [Boheman: 248–249]. 29 ноября 1943 г. в Стокгольме финляндские условия были переданы А.М. Коллонтай. К.Э. Гюнтер и Э. Бухеман настоятельно советовали финляндской стороне воспользоваться возможностью проведения переговоров с Советским Союзом [Boheman: 250].

Э. Бухеман признается в своих воспоминаниях, что у него не было надежды на то, что данный вопрос может быть урегулирован в ближайшее время; это было очевидно и для А.М. Коллонтай, вследствие чего были предприняты установления «неофициальных контактов» [Лоренсон: 110]. Несомненно, что в этом вопросе было сложно обойтись без контактов с представителями семьи Валленберг.

После встречи А.М. Коллонтай и М. Валленберга банкир отправился в Финляндию для переговоров с президентом Финляндии Р. Рюти и министром иностранных дел К. Рамсаем, чтобы уже они направили в Стокгольм Ю.К. Паасикиви, который имел в прошлом большой опыт ведения переговоров с СССР. Предполагалось, что он мог рассчитывать на благожелательное отношение с советской стороны [Boheman: 253]. Кроме того, по свидетельству З.И. Воскресенской, в то время, когда Ю.К. Паасикиви был посланником Финляндии в Швеции, у него с «М. Валленбергом» установились доверительные отношения» [Semjonow].

Переговоры А.М. Коллонтай и Ю.К. Паасикиви состоялись в феврале 1944 г. в гостинице «Гранд-отель» в Салтшёбадене, хозяином которой был сам М. Валленберг и где советский полпред проходила курс лечения. Переговоры осуществлялись в условиях строгой секретности. Существует мнение, что в отеле находились работники внешней разведки НКВД Е.Т. Сеницын и З.И. Воскресенская, которые затем оставили свои мемуарные оценки произошедшей тогда встречи. Наиболее точное описание встреч оставил Е.Т. Сеницын. О предстоящих переговорах разведчик узнал 10 февраля 1944 г., когда А.М. Кол-

лонтай пригласила его к себе на квартиру. Е.Т. Синицын упоминает и дату первой встречи Ю.К. Паасикиви и А.М. Коллонтай: 16 февраля. Во время этой встречи, по его воспоминаниям, Ю.К. Паасикиви заявил, что он официально уполномочен финляндским правительством выяснить условия советского правительства относительно прекращения Финляндией военных действий и выхода ее из войны. По словам Е.Т. Синицына, в разговоре Паасикиви крайне отрицательно отзывался о немцах, которые втянули Финляндию в войну против СССР без согласия большинства финнов [Синицын: 187–188].

Вторая встреча состоялась 19 февраля, когда была назначена дата передачи ответа советского правительства об условиях перемирия. Условия предусматривали разрыв отношений с Германией и интернирование немецких войск, находившихся в Финляндии. Подчеркивалось, что если Финляндия считает эту задачу для себя непосильной, то Советский Союз готов оказать ей необходимую помощь. Одним из условий являлось восстановление мирного договора 1940 г. и отвод финских войск за установленную им границу [Барышников: 231–232].

Получив эти условия, финляндское правительство не стало возобновлять переговоры в Стокгольме. О разрыве отношений с Германией Финляндия заявила только 2 сентября 1944 г. Перемирие же было заключено 19 сентября, после успешного наступления Красной Армии на Карельском перешейке [Юссила: 264]. Тем не менее самое главное, как подчеркивает Э. Бухеман, «переговорам о перемирии был дан ход» [Boheman: 253]. Благодаря усилиям самых разных людей, задействованных в установлении советско-финляндско-шведских контактов и проведении секретных переговоров, цель по передаче условий будущего договора была достигнута.

Наряду с участием в переговорном процессе между представителями СССР и Финляндии, в рассматриваемый период Швеция начала снижать и масштабы торговли с нацистской Германией [Montgomery: 90–91]. Шведская сторона фактически постепенно отказывалась от своих обязательств перед немцами, выступая на переговорах в роли «более сильного» партнера по сравнению со слабевшей Германией, по-прежнему заинтересованной в поставках шведского сырья и промышленной продукции. С весны 1944 г. основное внимание в ходе переговоров представителей западных союзников и Швеции было обращено на экспорт шарикоподшипников в Германию [Montgomery: 92–93], продукции, традиционно связанной со сферой интересов финансово-промышленной группы семьи Валленберг, участвовавшей в основании концерна «SKF» и плотно занимавшейся его развитием.

Согласно соглашению 1943 г. шведская сторона обещала вдвое сократить экспорт этой продук-

ции в течение следующего года, что было включено в аналогичное соглашение с немцами. Тем не менее 13 апреля 1944 г. США потребовали немедленно прекратить весь экспорт шарикоподшипников в Германию [Hägglöf: 178]. В результате фабрика «SKF» в США вскоре столкнулась с трудностями со стороны властей на фоне обвинений в сотрудничестве концерна с Германией¹. В то же время было озвучено предложение о компенсации «SKF» за потери доходов от свёртывания поставок в Германию и в те нейтральные государства, которым немцы могли прекратить поставки. Опасаясь реакции со стороны Германии, правительство Швеции отклонило требования повлиять на руководство предприятия. Вскоре в стокгольмской штаб-квартире «Стокгольмс Эншилда банкен» в присутствии М. Валленберга начались переговоры между представителями США и руководством «SKF» [Ollson: 151–152]. Первым результатом стало приостановление поставок шарикоподшипников в Германию сроком на 4 месяца. Несмотря на то, что компании угрожали попаданием в «черный список» и конфискацией ее активов во всех странах за пределами Германии², руководство концерна полностью прекратило поставки в Германию лишь в октябре 1944 г., при этом выполнив всю доступную квоту на этот год за счёт интенсификации поставок, а также предоставив немецкой стороне в качестве компенсации поставки шариковой стали [Fritz: 118–121].

Непосредственно после завершения Второй мировой войны руководство крупнейшей в Швеции финансово-промышленной группы оказалось вовлечено в резонансное разбирательство, связанное с контактами семьи Валленберг с руководством немецкого концерна «Bosch», прочно вовлеченного в экономическую структуру национал-социалистического режима [Гехт: 116–132]. Несмотря на все заслуги владельцев «Стокгольмс Эншилда банкен» в годы минувшей войны, социал-демократическое руководство королевства не стало поддерживать крупнейших в стране капиталистов подобным образом, опасаясь подорвать свои позиции в глазах избирателей.

Тем не менее на братьев Валленберг всё равно эффективно работало реноме, сложившееся за время войны в первую очередь вокруг Маркуса, получившего репутацию верного сторонника англосаксонских ценностей и человека, который с самого начала верил в победу союзников в войне. Дипломатическая деятельность банкира в годы войны высоко оценивалась высокопоставленными представителями британского эстеблишмента. Более того, после завершения войны банкир был рекомендован к получению почётной британской награды – креста Св. Михаила и Св. Георгия, но из-за шумихи вокруг «дела Bosch» так и не получил награду. На родине также подчёркивали значение деятельности финансиста в годы

войны. В частном письме министр иностранных дел поблагодарил банкира за его вклад в военное время, высоко оценив участие банкира в различных сторонах внешней политики королевства [Ollson: 247–249].

Подводя итоги настоящей статьи, необходимо отметить, что, будучи фактическим главой финансово-промышленной группы своей семьи, в многочисленных зарубежных командировках и переговорах М. Валленберг-младший не стеснялся продвигать свои коммерческие интересы, одновременно выступая и как неофициальный представитель своей страны, и в качестве официального представителя таких предприятий, как «Scania», «Ericsson», «SKF» и «Saab».

Справедливо утверждать, что М. Валленберг абсолютно искренне полагал, что «благо Швеции» и «благо семьи Валленберг» – понятия тождественные, и граница между целями дипломатических миссий и интересами бизнеса за годы войны в его понимании практически стёрлась. В свою очередь, до окончания войны социал-демократы не спешили в жёсткой форме обозначать эту границу, предпочитая закрывать глаза на сомнительные эпизоды и довольствуясь очевидными достижениями банкира, которые можно было толковать в свою пользу, в то время как порочащие финансово-промышленную группу семьи Валленберг экономические связи с Третьим рейхом всегда можно было списать на их частную коммерческую деятельность. Однако новые фигуры, пришедшие в шведский МИД к концу войны, не были столь лояльны к крупнейшему капиталисту королевства.

Прежнее чувство всеобщего общественного сближения, возникшее на почве защиты национальных интересов Швеции в годы войны, постепенно сменялось растущими идеологическими противоречиями и расхождениями в видении будущего развития страны. Полуофициальная, неинституализированная роль, которую сыграли ведущие представители деловых кругов государства в военное время, подошла к концу. Теперь перед М. Валленбергом-младшим, во многом сохранившем лицо лишь за счёт стечения обстоятельств и подрыва репутации своего старшего брата Якоба, стояла непростая задача – восстановить не только свое доброе имя в Швеции и за её пределами, но и международную репутацию семейного банка, находящегося в центре продолжавшей активно развиваться финансово-промышленной группы.

Примечания

¹ АВ SKF. Режим доступа: <http://www.skf.com/ru/index.html> (дата обращения: 06.07.2021).

² Внешняя торговля Швеции во время Второй мировой войны // Электронная энциклопедия и библиотека Руниверс. URL: <http://svspb.net/sverige/export-import-shvecii-vtoroj-mirovoj.php>. (дата обращения: 27.09.2021).

Список литературы

- Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. 299 с.
- Барышников В.Н.* Возникновение и характер деятельности «мирной оппозиции» в Финляндии в период 1943–1944 гг. // Скандинавский сборник. Вып. XXIX. Таллинн, 1985. С. 59–60.
- Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г.* Финляндия во второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 336 с.
- Гехт А.Б.* Финансово-промышленная группа семьи Валленберг в системе внешнеполитических связей Швеции в период Второй мировой войны // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3 (31). С. 116–132.
- Гехт А.Б.* Шведский фактор в советско-финляндских отношениях накануне и во время Второй мировой войны (1938–1943) // История России и Финляндии в современных исследованиях / под ред. Н.В. Дунаевой, С.Г. Кашенко. СПб.: Изд-во Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, 2021. С. 121–143.
- История Швеции* / под ред. А.С. Кана. М.: Наука, 1974. 719 с.
- Коллонтай В.М.* Воспоминание внука об Александре Михайловне Коллонтай. М.: Аспект-Пресс, 2019. 192 с.
- Лоренсон Э.Г.* Коллонтай в Швеции // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 110–111.
- Паасикиви Ю.-К.* Дневники. Война-продолжение / пер. с фин. А.И. Рупасова. СПб.: Европейский дом, 2004. 424 с.
- Ристе У.* История внешней политики Норвегии. М.: Весь мир, 2003. 410 с.
- Синицын Е.Т.* Резидент свидетельствует. М.: Гей, 1996. 287 с.
- Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–2009. М.: Весь мир, 2010. 471 с.
- Boheman E.* På vakt. Stockholm, 1964, 317 s.
- Calgren W.M.* Svensk utrikespolitik, 1939–1954. Stockholm, 1973, 612 p.
- Forster K.* Finland's Foreign Policy 1940–1941: An Ongoing Historiographic Controversy. London, 1979, 236 p.
- Fritz M., Karlsson B.* SKF A Global Story: 1907–2007. Stockholm, Department of Economic History, 2006.
- Hägglöf G.* Svensk krigshandelspolitik under andra världskriget. Stockholm, 1958.
- Håstad E.* Sveriges historia under 1900-talet. Stockholm, 1959, 268 s.
- Krosby H.* Finland, Germany and the USSR, 1940–1941. London, 1968, 276 p.
- Lindgren H.* Jacob Wallenberg 1892–1980. Stockholm, Bokförlaget Atlantis, 2007, 557 s.
- Montgomery V.* The dynamics of British policy towards Sweden, 1942–1945, London, 1989, 444 p.

Ollson O. *Furthering a fortune. Marcus Wallenberg: Swedish banker and industrialist 1899–1982*. Gothenburg, Ekerlids Förlag, 2001, 487 p.

Samuelson K. *From Great power to welfare state*. London, Allen and Unwin, 1972.

Samuelsson K. *Hur vår moderna industri vuxit fram*. Stockholm, Prisma, 1967, 121 s.

Semjonow W.S. *Von Stalin bis Gorbatschow. Eines halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991*.

Upton A. *Finland in crisis 1940–1941*. London, 1964, pp. 160–164.

References

Aleksandrov-Agentov A.M. *Ot Kollontai do Gorbacheva* [From Kollontai to Gorbachev]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1994, 299 p. (In Russ.)

Baryshnikov V.N. *Vozniknovenie i kharakter deiatel'nosti "mirnoi oppozitsii" v Finliandii v period 1943–1944 gg.* [The emergence and nature of the "peaceful opposition" in Finland in the period 1943–1944]. *Skandinavskii sbornik* [Scandinavian collection. Issue XXIX]. Tallinn, 1985, vol. XXIX, pp. 59–60. (In Russ.)

Baryshnikov N.I., Baryshnikov V.N., Fedorov V.G. *Finliandiia vo vtoroi mirovoi voine* [Finland in the second world war]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989, 336 p. (In Russ.)

Gekht A.B. *Finansovo-promyshlennaia gruppа sem'i Vallenberg v sisteme vneshnepoliticheskikh sviazei Shvetsii v period Vtoroi mirovoi voiny* [Financial and industrial group of the Wallenberg family in the system of foreign policy relations of Sweden during the Second World War]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal], 2021, № 3 (31), pp. 116–132. (In Russ.)

Gekht A.B. *Shvedskii faktor v sovetsko-finliandskikh otnosheniakh nakanune i vo vremia Vtoroi mi-*

rovoy voiny (1938–1943) [The Swedish factor in Soviet-Finnish relations on the eve and during the Second World War (1938–1943)]. *Istoriia Rossii i Finliandii v sovremennykh issledovaniakh, pod red. N.V. Dunaevoi, S.G. Kashchenko* [History of Russia and Finland in modern research, ed. N.V. Dunaeva, S.G. Kashchenko]. SPb, Izdatel'stvo Prezidentskoi biblioteki im. B.N. El'tsina Publ., 2021, pp. 121–143. (In Russ.)

Istoriia Shvetsii, pod red. A.S. Kana [History of Sweden]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 719 p. (In Russ.)

Kollontai V.M. *Vospominanie vnuka ob Aleksandre Mikhailovne Kollontai* [Memories of the grandson of Alexander Mikhailovna Kollontai]. M., Aspekt-Press Publ., 2019, 192 p. (In Russ.)

Lorenson E.G. *Kollontai v Shvetsii* [Kollontai in Sweden]. *Novaia i noveishaia istoriia* [New and Contemporary History], 1996, № 1, pp. 110–111. (In Russ.)

Paasikivi Iu.-K. *Dnevnik. Voina-prodolzhenie, per. s fin. A.I. Rupasova* [Diaries. Continuation war, lane. with fin. A.I. Rupasov]. SPb., Evropeiskii dom Publ., 2004, 424 p. (In Russ.)

Riste U. *Istoriia vneshnei politiki Norvegii* [History of Norwegian Foreign Policy]. Moscow, Ves' mir Publ., 2003, 410 p. (In Russ.)

Sinitsyn E.T. *Rezident svidetel'stvuet* [The resident testifies]. Moscow, Geia Publ., 1996, 287 p. (In Russ.)

Iussila O., Khentilia S., Nevakivi Iu. *Politicheskaia istoriia Finliandii 1809–2009* [The political history of Finland 1809–2009]. Moscow, Ves' mir Publ., 2010, 471 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.08.2021; одобрена после рецензирования 07.09.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 13.08.2021; approved after reviewing 07.09.2021; accepted for publication 15.11.2021

ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В РАЗМИНИРОВАНИИ ТЕРРИТОРИЙ НА ЗАПАДЕ РСФСР: ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ (1942–1946 ГГ.)

Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия, kometcchikov.igor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2814-835X>

Аннотация. В статье на основе архивных источников, в большинстве впервые вводимых в научный оборот, рассматривается правовая регламентация и реалии привлечения гражданского населения к разминированию территорий на Западе РСФСР в 1942–1946 гг. Разминирование явилось важнейшим мероприятием власти, условием налаживания мирной жизни, возрождения экономики, выполнения государственных планов. Скудость материальных и кадровых ресурсов, которыми располагало государство, обусловило мобилизацию на решение этой задачи гражданского населения, прежде всего – молодежи допризывных возрастов. Несмотря на добровольность участия в разминировании, региональная и районная власть широко использовала свой административный ресурс как при комплектовании команд по разминированию через низовые структуры Осоавиахима и военкоматы, так и для содействия их работе. Столкнувшись с неспособностью районных команд Осоавиахима в одиночку закончить разминирование, руководство областей Запады РСФСР настояло на привлечении к очистке наиболее сложных участков саперных частей РККА. К концу 1946 г. совместным трудом разминеров-осоавиахимовцев и военных саперов сплошное разминирование территорий Запады РСФСР было в основном закончено.

Ключевые слова: сплошное разминирование, Запад РСФСР, Осоавиахим СССР, разминеры, обком, райком ВКП(б), административный ресурс

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00031 «Региональное чиновничество в процессе капиталистической трансформации Советского государства (конец 1920-х – 1960-е гг.)»

Для цитирования: Кометчиков И.В. Гражданское население в разминировании территорий на Западе РСФСР: правовая регламентация и административные практики региональной власти (1942–1946 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 76–82. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-76-82>

Research Article

CIVILIANS IN DEMINING TERRITORIES IN THE WEST OF THE RUSSIAN SOVIET REPUBLIC: LEGAL REGULATION AND ADMINISTRATIVE PRACTICES OF REGIONAL AUTHORITIES (1942–1946)

Igor V. Kometchikov, Candidate of Historical Sciences, Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia, kometcchikov.igor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2814-835X>

Abstract. The article on the basis of archival sources, most of them introduced into scientific turnover for the first time, examines the legal regulation and realities of involvement of civilian population in demining of territories in the West of the Russian Soviet Republic in 1942–1946. Demining was the most important measure of the authorities, a condition for the establishment of peaceful life, the revival of the economy, the implementation of state plans. The scarcity of material and human resources available to the state led to the mobilisation of civilians for this task, especially – young people of pre-conscription age. Despite the voluntary participation in demining, regional and district authorities widely used their administrative resources both in the recruitment of demining teams through the Osoviakhim grassroots structures and military enlistment offices, and to facilitate their work. Faced with the inability of district teams of the Society for the Assistance of Defence, Aircraft and Chemical Construction (Osoviakhim) to complete demining alone, the leadership of the western regions of the Russian Soviet Republic insisted that the most difficult areas be cleared by sapper units of the Red Army. By the end of 1946, the joint work of Osoviakhim deminers and military sappers had completed the clearance of the territories of the West of the Russian Soviet Republic.

Keywords: solid demining, Russian Soviet Republic West, USSR Osoviakhim, deminers, Communist Party regional committee, Communist Party district committee, administrative resource

Acknowledgements. This article was prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-09-00031 “Regional Officialdom in the Process of Capitalist Transformation of the Soviet State (late 1920s–1960s)”

For citation: Kometchikov I.V. Civilians in demining territories in the West of the Russian Soviet Republic: legal regulation and administrative practices of regional authorities (1942–1946). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 76–82 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-76-82>

Освобождение от оккупации Брянской, Калужской, Московской, Смоленской и Орловской областей РСФСР обусловило необходимость их очистки от мин, других боеприпасов. Все это представляло серьезную угрозу для населения, препятствовало хозяйственному возрождению, выполнению государственных планов. Занятость большинства инженерно-саперных частей на фронте, нехватка централизованно выделяемых кадровых и материальных ресурсов подтолкнули власть к привлечению для разминирования гражданского населения. Правовая регламентация и реалии этого мероприятия на Западе РСФСР в 1942–1946 гг., когда был проделан основной объем работы по очистке территорий от взрывоопасных предметов, пока не получили в литературе достаточного освещения [Когда бушуют грозы: 323–324; Комаров: 501–502; Гусев; Гущина, Дроздов: 61–64; Писаренко: 68–69], хотя их изучение важно не только само по себе, но и для понимания механизма региональной власти, ее взаимоотношений с населением.

По мере освобождения оккупированных территорий военные советы фронтов, военных округов, региональные власти принимали директивы о привлечении к работам по разминированию местного населения, возлагая ответственность за организацию этих работ прежде всего на партийные и советские структуры¹. Речь в них шла о мобилизации молодежи, комсомольцев, инженерно-технических работников, личного состава пожарных команд при подчинении их командирам истребительных батальонов РО НКВД для сбора боеприпасов, вооружения и разминирования. Смоленский обком ВКП(б) и облисполком приняли по этому поводу в 1943 г. два постановления, в 1945 г. – два, Орловский обком ВКП(б) и облисполком – одно постановление в 1942 г., два – в 1943 г., четыре – в 1944 г., два – в 1945 г., Калужский обком ВКП(б) и облисполком – по три постановления и распоряжения в 1944 и 1945 гг., Московский обком ВКП(б) – одно постановление в 1942 г., одно – в 1944 г., не считая решений о сборе оружия, боеприпасов, военного имущества, лома черных и цветных металлов, стреляных гильз, стальных шлемов и т. п.

Еще до издания известных постановлений ГКО о разминировании 1944 г. Военные советы фронтов, обкомы ВКП(б) принимали решения об организации краткосрочных курсов по подготовке разминеров. Однако количество подготовленных было невелико и не обеспечивало даже минимальные потребности в очистке территории. Так, в 1942–1943 гг. в Смоленской области было подготовлено 996 разминеров, в Орловской – 237². В Тульской области в 1942–

1943 гг. курсы минеров организовывались трижды, однако руководство области сочло, что даже с учетом этого они не готовы к разминированию ввиду сложности этой работы³.

По мере продвижения Красной армии на запад задача разминирования становилась все более насущной. Однако директивой Штаба инженерных войск Красной армии за № 1234852-с от 9 ноября 1943 г. инженерным частям и отрядам разграждения предписывалось прекратить работы по разминированию районов бывших боевых действий⁴. 19 февраля 1944 г. ГКО СССР издало постановление, которым разминирование районов бывших боевых действий возлагалось на организации Осоавиахима СССР. Согласно ему инструкторов и бойцов-минеров следовало готовить в добровольном порядке преимущественно из членов Осоавиахима не моложе 15 лет, способных выполнить эту работу без отрыва от производства⁵.

Организационная слабость, техническая и кадровая неготовность региональных структур Осоавиахима к работе по разминированию, нехватка материальных и кадровых ресурсов у региональной власти обусловили ее подход к проблеме разминирования, состоявший в использовании административного ресурса как напрямую, посредством применения чрезвычайных мобилизационных методов, так и косвенно, путем ходатайств перед ЦК ВКП(б) и военным командованием о привлечении инженерно-саперных подразделений.

Восприятие разминирования как государственной повинности проявлялось в директивах обкомов ВКП(б) и облисполкомов, конкретизировавших постановления военных структур и ГКО. Формальное руководство структур Осоавиахима комплектованием команд разминеров сопровождалось в них множеством оговорок о «помощи» им со стороны областных и районных военкоматов, военных отделов обкомов и райкомов ВКП(б), обл- и райисполкомов и других структур, ведавших выполнением деревней повинностей перед государством. Такой подход был вполне логичен: Осоавиахим был организацией с ослабленным за годы войны материально-техническим и кадровым потенциалом, явно недостаточным для выполнения новой для него задачи.

Первые шаги по формированию команд разминеров выявили разноречивость в понимании представителями власти способов их комплектования. Председатели районных Советов Осоавиахима жаловались на уклонение многих «выделенных» на курсы минеров от занятий. Не имея возможности мобилизовать нужные контингенты, они просили содействия

у обкома и райкомов ВКП(б), райисполкомов, райвоенкоматов⁶. Откликаясь, обкомы ВКП(б) обязывали районную власть содействовать в подборе, комплектовании, обучении команд. В Орловской области в апреле 1944 г. эту работу вели два ведомства: облвоенкомат (через райвоенкоматы) и облсовет Осоавиахима (через свои райсоветы). Так как райвоенкоматы располагали большими возможностями по контролю за контингентами допризывников, им удалось сформировать команды в 49 районах численностью 1 245 чел. Райсоветы Осоавиахима сформировали команды в 23 районах в составе 582 бойцов-минеров⁷. В Смоленской области в решении облисполкома от 1 марта 1944 г. было указано, что разминеров следует подбирать на местах на добровольных началах и преимущественно из женщин. Однако райисполкомы и райкомы ВКП(б) поручили это райвоенкоматам, а те укомплектовали команды допризывниками 1927 года рождения. Когда же руководители предприятий и учреждений, где были заняты разминеры, узнали о добровольности этой работы, то не стали их отпускать. К моменту очередного призыва в РККА команды практически распались⁸. Там, где не имелось минных полей, районные команды вообще не создавались (например, в Тульской области, где разминирование возлагалось на инженерные части МВО⁹). Власти ограничивались подготовкой некоторого количества инструкторов для обезвреживания отдельных мин и взрывоопасных предметов¹⁰.

Привлечение к работам по разминированию преимущественно молодежи объяснялось балансом трудовых ресурсов. В регионах Запада РСФСР рассматриваемого периода он был крайне напряженным. Практически все трудоспособное мужское население было мобилизовано в армию или на трудовой фронт. Значительное количество людей было угнано немцами. Рабочих рук не хватало, и областное руководство порой вынуждено было просить военных сокращать заявки на контингенты рабочей силы вследствие ее отсутствия, ссылаться на то, что отвлечение существенной части населения на работы оборонного значения поставит под угрозу срыва сельскохозяйственные работы¹¹.

Одной из немногих категорий, которую можно было привлечь к разминированию, стали допризывники 1927–1928 годов рождения, девушки, инвалиды войны с легкими ранениями, немногочисленные мужчины, имевшие бронь от призыва и работавшие в тылу. Комплектование команд прежде всего из допризывников, возрасты которых сменяли друг друга по мере призыва в армию, хорошо видно при анализе их возрастного состава. Так, в 1944 г. в районных командах Осоавиахима Орловской области состояло 1 315 чел., в том числе 27 чел. – 1926 года рождения, 1 074 чел. – 1927 г. р., 115 чел. – 1928 г. р.,

99 чел. – 1925 г. р. и старше. В 1945 г. возрастной состав районных команд изменился следующим образом: из 1 100 минеров 2 чел. были 1926 года рождения, 70 чел. – 1927 г. р., 950 – 1928 г. р., 74 чел. – 1925 г. р. и старше¹². Такой способ комплектования команд был понятен многим работникам рай- и облвоенкоматов, военных отделов РК и ОК ВКП(б), районных и областных Советов Осоавиахима, так как позволял опереться на опыт реализации закона о всеобщем обучении.

Другой актуальной проблемой стала организация обучения саперному делу привлеченных к разминированию. Еще до издания постановлений ГКО 1944 г. о разминировании военные советы фронтов, обкомы ВКП(б) и облисполкомы принимали решения об организации соответствующих курсов. Учесть курсантов и обеспечить их пособиями должны были военные¹³. С 1944 г. формируется централизованная система подготовки и переподготовки минеров Осоавиахима, включавшая курсовые мероприятия республиканского, областного и районного уровней. Инструкторов разминирования готовили на мероприятиях первых двух уровней, а бойцов-минеров – в районе.

Какие знания и навыки давало прохождение курсов разминеров? Руководство Смоленского обкома ВКП(б) полагало, что их достаточно для обезвреживания случайных мин и простых минных полей. Для очистки же площадей сложного минирования требовалась помощь военных¹⁴. Настойчиво требовали ее секретари РК ВКП(б) районов, позже вошедших в Калужскую область.

Еще более актуальной была проблема выбора подходящих для разминеров-осоавиахимовцев способов разминирования. Инженерные части сухопутных войск Красной армии вели эту работу на основе боевого опыта и наставлений довоенных и военных лет. Основные из них предполагали снятие мин большинства конструкций отечественного и немецкого производства посредством извлечения взрывателей для повторного использования [Инструкция: 19; Краткие указания по минированию: 74–85; Краткие указания по организации: 10–13; Минно-подрывные: 34–36, 55–67, 71–75, 98–102, 121–122; Минно-подрывные средства противника. Дополнение первое: 5–9, 13–17; Наставление: 165–168; Руководство: 57, 61, 64–65, 94, 95, 100, 109]. По этим указаниям инженерно-саперные части к началу 1944 г. сняли большое количество мин в Орловской и Смоленской областях.

Минеры-осоавиахимовцы в большинстве не обладали сопоставимым с военными саперами уровнем подготовки и оснащения. Пункт 27 «Инструкции районным командам Осоавиахима по разминированию, сбору трофейного вооружения, имущества и боеприпасов», впервые изданной в 1944 г., рекомендовал при обезвреживании мин следовать правилам из «Руководства по средствам минирования и разминирова-

ния» и брошюры «Минно-подрывные средства противника». Эта брошюра допускала снятие мин типа SMi-35, TMi-35, TMiZ-42, ПТМ в деревянных корпусах при соблюдении ряда условий [Минно-подрывные: 34–36, 55–67, 71–75, 98–102, 121–122], а «Руководством» однозначно запрещалось снятие вручную лишь мин типа ПМД. Советские мины TM-35 и TM-41 допускалось снимать путем извлечения взрывателя и капсюля-детонатора, ПОМЗ-2 и ЯМ-5 – то же самое после сдергивания с места кошкой, ОЗМ-152 – посредством отключения мины от источника тока или перерезания одного из идущих от нее проводов [Руководство: 57, 61, 64–65, 94, 95, 100, 109]. В пункте 28 «Инструкции» указывалось, что мины, представляющие опасность при обезвреживании, неразорвавшиеся боеприпасы должны уничтожаться подрывом. Минные поля из противопехотных мин нажимного действия (типа ПМД-6) следовало уничтожать при помощи зарядов взрывчатого вещества или ручных самодельных тралов. Не допускалось обезвреживание неисправных (с дефектами) мин, снарядов и других боеприпасов, мин и установок неизвестной конструкции. Извлечение мин из грунта рекомендовалось производить только из укрытия кошкой с длиной веревки не менее 50 метров, а извлечение взрывателя – только у исправных мин после установки их на предохранитель. Мины с повреждениями корпуса, дефектами должны были уничтожаться на месте¹⁵.

С начала 1944 г. рекомендации разминерам-осоавиахимовцам по снятию мин замещались указаниями по их обезвреживанию посредством подрыва на месте установки. В течение 1944 г. начальник отдела разминирования и сбора трофеев ЦС Осоавиахима полковник И.И. Савицкий подписал 34 посвященных этому директивы¹⁶. Ряд подобных директив был издан в 1944–1945 гг. Штабом инженерных войск Красной армии и облвоенкоматами [Львов, Подовинников: 19–32; Минно-подрывные средства противника. Дополнение первое: 5–9, 13–17]¹⁷. В изданиях 1946–1947 гг., ориентированных на команды Осоавиахима, наиболее безопасным способом уничтожения мин при сплошном разминировании называлось их подрыв на месте. Однако на практике такой способ стал доминировать с конца 1944 – начала 1945 гг.¹⁸

Столкнувшись с большой текучестью кадров разминеров, уклонением их части от работы, высокими потерями в командах, сложностью их комплектования многие районные руководители саботировали указания об их подготовке, давая понять начальству, что разминирование – прежде всего дело армии. Военные же требовали полного выхода на работы подготовленных Осоавиахимом минеров, предлагая мобилизовать население для разминирования сильно засоренных взрывоопасными предметами территорий и обещая его подготовить¹⁹.

Все это, а также низкие темпы разминирования обусловили корректировку задач по разминированию, поставленную пред Осоавиахимом постановлением ГКО № ГОКО-5216. Согласно постановлению ГКО № 6564 от 19 сентября 1944 г. общее руководство работой по разминированию было возложено на ЦС Осоавиахима и облисполкомы, а практическое руководство – на председателей региональных Советов Осоавиахима. Разминированием бывших оборонительных рубежей, сложных минных полей должны были заниматься инженерные части Красной армии. Было повторено указание Осоавиахимом создать на бывшей оккупированной территории команды по разминированию на добровольных началах и без отрыва от производства²⁰. Таким образом, фактически верховная власть признала неспособность Осоавиахима своими силами обеспечить сплошное разминирование.

Важную роль в этом сыграла позиция партийного и советского руководства западнорусских областей, заинтересованного в скорейшей очистке подведомственной территории. Весной 1944 г. председатель Смоленского облисполкома Р.Е. Мельников обратился напрямую к начальнику инженерных войск РККА маршалу инженерных войск М.П. Воробьеву с просьбой «оказать реальную помощь в быстрейшем разминировании полей и населенных пунктов Смоленской области», так как, несмотря на обращения к военным советам БелВО, 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов, «работа по разминированию до сих пор по-настоящему не проводится»²¹. В начале 1946 г. первый секретарь Смоленского обкома ВКП(б) Д.М. Попов ходатайствовал перед И.В. Сталиным о выделении для завершения разминирования территории области инженерных частей и материально-технических средств²².

В результате при выполнении постановления ГКО № 6564 засоренные минами и снарядами территории каждого региона были поделены на районы со сложным минированием, за очистку которых отвечали военные, и прочие территории, проверкой которых занимались команды Осоавиахима. Именно инженерными частями на Западе РСФСР была проделана самая сложная работа по разминированию бывших рубежей обороны. Минеры Осоавиахима сосредоточились на очистке прочей территорий, сборе разбросанных на местности взрывоопасных предметов. Однако были примеры и того, когда минеры-осоавиахимовцы разминировали участки со сложным минированием. Если в 1944 г., по неполным данным, в разминировании Брянской, Калужской, Орловской и Смоленской областей принимало участие 3 425 разминеров-осоавиахимовцев и более 3,5 тыс. военных саперов, то в 1945 г. – 4 140 и 5 268, а в 1946 г. – 1 998 и 4 774 чел. соответственно.

Повинностный принцип привлечения населения к разминированию, проводившийся в 1942–1945 гг., нашел отражение и в финансировании работ районных команд. Согласно постановлению ГКО № 6564 расходы на питание разминеров Осоавиахима относились на его бюджет, а командированных в организации Осоавиахима офицеров – на тыл Красной армии²³. Распоряжением Наркомфина РСФСР № м-65/87сс от 14 декабря 1944 г. расходы по разминированию территорий, на которых велись боевые действия, производились за счет средств Осоавиахима²⁴. На деле разминирование велось также и за счет колхозов и организаций, за которыми была закреплена заминированная территория. Бюро обкомов ВКП(б) и облисполкомами западнорусских областей принимали решения о начислении минерам-колхозникам из районных команд Осоавиахима трудодней за работу по разминированию. Местные власти требовали от колхозов размещения разминеров на постой, дополнительного обеспечения их и военных питанием. Но из-за нехватки продовольствия, длительных задержек его выдачи разминеры часто вынуждены были либо вовсе прекращать работу, либо уходить за продуктами домой за несколько десятков километров от места работ. Важным мотивом участия в разминировании, особенно в период действия постановлений ГКО 1944 г., было стремление получить полагавшийся продовольственный паек.

С начала 1946 г. привлечение населения к разминированию через структуры Осоавиахима становится более дифференцированным. 6 февраля 1946 г. ЦС Осоавиахима направил на места директиву о формировании в районах, закончивших сплошное разминирование, взводов минеров, которые надлежало комплектовать на добровольных началах из членов Осоавиахима, прежде всего уже работавших в командах, а также из демобилизованных, знающих минно-подрывное дело, и только при их отсутствии – из членов Осоавиахима, впервые прошедших подготовку²⁵. Постановлением СМ СССР № 1225-502с от 12 июня 1946 г. ответственность за окончание разминирования силами организаций Осоавиахима территории Запада РСФСР кроме его Центрального совета возлагалась также и на СМ РСФСР. При отсутствии «в силу местных условий» добровольных команд минеров Смоленскому облисполкому разрешалось привлекать их из других районов за плату. СМ РСФСР, облисполкомам регионов, освобожденных от оккупации, а также предприятиям союзного подчинения предписывалось создавать в строительных организациях и организациях, ведущих земляные работы, команды из рабочих, которые должны были совмещать основные обязанности с поиском и уничтожением взрывоопасных предметов на участках работ²⁶.

Таким образом, в 1942–1946 гг. привлечение гражданского населения при проведении разминирования территорий на Западе РСФСР производилось региональными и районными партийными и советскими органами, преимущественно административными мерами через военкоматы и структуры Осоавиахима (с 1944 г.) Повинностный принцип комплектования районных команд обусловил высокий уровень текучести их состава, относительно низкие темпы работ, что предопределило привлечение к разминированию военных. Тем не менее совместным трудом разминеров Осоавиахима и военных саперов в 1942–1946 гг. было проверено наибольшее количество засоренной площади и, по далеко не полным данным, обезврежено около 12,5 млн взрывоопасных предметов²⁷, что по праву позволяет считать эту работу настоящим подвигом. К концу 1946 г. ее результаты были утверждены актами об окончательном разминировании территорий. Дальнейшая очистка Запада РСФСР от мин и снарядов проводилась военными при участии подготовленных минеров-общественников, работавших за плату.

Примечание

¹ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 52. Оп. 2. Д. 492. Л. 87–88; Д. 498. Л. 71–72; Д. 518. Л. 26; Ф. Р-1591. Оп. 8. Д. 27. Л. 271. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1110. Л. 26–27; Д. 1119. Л. 26; Д. 1484. Л. 50. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-2272. Оп. 3. Д. 1. Л. 31. Центральный государственный архив Москвы. Ф. П-3. Оп. 52. Д. 133. Л. 1, 8; Д. 150. Л. 53, 54, 63.

² ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 932. Л. 19. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1484. Л. 297.

³ Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. П-177. Оп. 9. Д. 112. Л. 71, 72.

⁴ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 518. Л. 24.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 287. Л. 39.

⁶ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 932. Л. 115. Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. Р-2361. Оп. 5. Д. 130. Л. 10 – 10 об.

⁷ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 932. Л. 98.

⁸ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1685. Л. 39 об.

⁹ ГАТО. Ф. П-177. Оп. 9. Д. 113. Л. 71 – 71 об.

¹⁰ Государственный архив новейшей истории Калужской области (далее – ГАДНИКО). Ф. 55. Оп. 8. Д. 53. Л. 45.

¹¹ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 517. Л. 43.

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 233. Л. 17, 29.

- ¹³ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 489. Л. 60, 70. ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 492. Л. 87–88. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1100. Д. 26–27. Д. 1119. Л. 26. ГАСО. Ф. Р-2272. Оп. 3. Д. 1. Л. 31.
- ¹⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1695. Л. 173 об.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. Р-2272. Оп. 1. Д. 10. Л. 40 об., 41, 42 об.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 221. Л. 37, 37 об., 38.
- ¹⁷ ГАОО. Ф. Р-1691. Оп. 1. Д. 19. Л. 33; Д. 42. Л. 11. ГАСО. Ф. Р-2272. Оп. 3. Д. 10. Л. 27, 47, 91.
- ¹⁸ ГАОО. Ф. Р-1691. Оп. 1. Д. 19. Л. 44.
- ¹⁹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1484. Л. 192.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 384. Л. 65.
- ²¹ ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 5. Д. 115. Л. 67, 68, 69.
- ²² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 205. Л. 79, 79 об.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 384. Л. 65, 66.
- ²⁴ ГАОО. Ф. Р-1591. Оп. 8. Д. 52. Л. 52.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 221. Л. 2, 3 об.
- ²⁶ Там же. Д. 213. Л. 206, 207.
- ²⁷ Подсчитано: ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 231. Л. 26, 28; Д. 233. Л. 47, 50, 51, 54; Д. 303. Л. 68, 70. ГАДНИКО. Ф. П-7713. Оп. 2. Д. 54, 106 об., 107 об. Государственный архив Калужской области. Ф. Р-883. Оп. 19. Д. 154. Л. 7, 8, 96а; Д. 175. Л. 3; Д. 203. Л. 20. ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 518. Л. 23. ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 5. Д. 151. Л. 56; Д. 168. Л. 27.

Список литературы

- Гусев А.В. Разминирование территорий и объектов пиротехническими подразделениями МПВО и группами Осоавиахима в годы войны (1941–1945 гг.) / науч. ред. Е.Ю. Волкова. Кострома: Изд-во Костромского гос. технол. ун-та, 2012. 123 с.
- Гущина Н.В., Дроздов В.Н. 90 лет на службе Отечеству. История Калужской оборонной организации / гл. ред. А.Б. Капустин. Калуга: Акватинта, 2017. 192 с.
- Инструкция по сплошному разминированию местности (для инженерных частей и отрядов разграждения управлений оборонительного строительства). М.: Воениздат НКО СССР, 1944. 44 с.
- Когда бушуют грозы. Калужская область в Великой Отечественной войне / В.Д. Белов, Н.Н. Гусев, В.Ф. Гусев и др.; под общ. ред. А.П. Бекасова. Тула: Приокское кн. изд-во, 1970. 344 с.
- Комаров Д.Е. Великая Отечественная война на Вяземской земле. Смоленск: Универсум, 2009. 556 с.
- Краткие указания по минированию, разведке и разминированию. М.: Воениздат НКО СССР, 1942. 111 с.
- Краткие указания по организации работ инженерной части при сплошном разминировании местности (из опыта работы инженерных частей). М.: Воениздат НКО СССР, 1943. 16 с.
- Львов Ф.Н., Подовинников А.М. Как искать и обезвреживать мины (для районных команд Осоавиахима по разминированию и сбору трофеев) / под ред.

С.Е. Гербановского. М.: Изд-во ЦС Союза Осоавиахим СССР, 1944. 40 с.

Минно-подрывные средства противника. М.: Воениздат НКО СССР, 1943. 152 с.

Минно-подрывные средства противника. Дополнение первое. М.: Воениздат НКО СССР, 1944. 36 с.

Наставление по инженерному делу для пехоты (Инж. П-43): Проект. М.: Воениздат НКО СССР, 1943. 248 с.

Писаренко И.С. Тыл Калужской области в годы Великой Отечественной войны. Калуга, ЦНТИ Калужской области, 1998. 118 с.

Руководство по средствам минирования и разминирования. М.: Воениздат НКО СССР, 1943. 256 с.

References

- Gusev A.V. *Razminirovanie territorii i ob'ektov pirotekhnicheskimi podrazdeleniiami MPVO i gruppami Osoaviakhima v gody voiny (1941–1945 gg.)* [Demining of Territories and Objects by Pyrotechnic Units of the Ministry of Defense and Osoaviakhim Groups during the War (1941–1945)], ed. by E.Iu. Volkov. Kostroma, Kostrom. gosud. tekhnol. univers. Publ., 2012, 123 p. (In Russ.)
- Gushchina N.V., Drozdov V.N. *90 let na sluzhbe Otechestvu. Istoriia Kaluzhskoi oboronnoi organizatsii* [90 years of serving the Fatherland. History of Kaluga defense organization], ed. by A.B. Kapustin. Kaluga, Akvatinta Publ., 2017, 192 p.
- Instruktsiia po sploshnomu razminirovaniuu mestnosti (dlia inzhenernykh chastei i otriadov razgrazhdeniia upravlenii oboronitel'nogo stroitel'stva)* [Instruction on solid mine clearance (for engineering units and demolition detachments of defensive construction directorates)]. Moscow, Voениzdat NKO SSSR Publ., 1944, 44 p. (In Russ.)
- Kogda bushuiut grozy. Kaluzhskaa oblast' v Velikoi Otechestvennoi voine* [When thunderstorms are raging. Kaluga region in the Great Patriotic War], V.D. Belov, N.N. Gusev, V.F. Gusev et al., ed. by A.P. Bekasov. Tula, Prioksk. Publ., 1970, 344 p. (In Russ.)
- Komarov D.E. *Velikaia Otechestvennaia voina na Viazemskoi zemle* [The Great Patriotic War on Vyazemsky land]. Smolensk, Universum Publ., 2009, 556 p. (In Russ.)
- Kratkie ukazaniia po minirovaniuu, razvedke i razminirovaniuu* [Brief instructions for mines, reconnaissance and mine clearance]. Moscow, NKO SSSR Publ., 1942, 111 p. (In Russ.)
- Kratkie ukazaniia po organizatsii rabot inzhenernoi chasti pri sploshnom razminirovanii mestnosti (iz opyta raboty inzhenernykh chastei)* [Brief instructions on the organization of the work of the engineering unit during the clearance of the terrain (from the experience of engineering units)]. Moscow, NKO SSSR Publ., 1943, 16 p. (In Russ.)

L'vov F.N., Podovinnikov A.M. *Kak iskat' i obezvrezhivat' miny (dlia raionnykh komand Osoaviakhima po razminirovaniu i sboru trofeev)* [How to search for and defuse mines (for Osoaviachim District Mine Clearance and Trophy Collection Teams)], ed. by S.E. Gerbanovsky. Moscow, TsS Soiuza Osoaviakhim SSSR Publ., 1944, 40 p. (In Russ.)

Minno-podryvnye sredstva protivnika [Enemy explosive ordnance]. Moscow, NKO SSSR Publ., 1943, 152 p. (In Russ.)

Minno-podryvnye sredstva protivnika. Dopolnenie pervoe [Enemy explosive ordnance. Addendum one]. Moscow, NKO SSSR Publ., 1944, 36 p. (In Russ.)

Nastavlenie po inzhenernomu delu dlia pekhoty (Inzh. P-43): Proekt [infantry engineering manual (Ing. P-43).

Draft]. Moscow, NKO SSSR Publ., 1943, 248 p. (In Russ.)

Pisarenko I.S. *Tyl Kaluzhskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Kaluga region during the Great Patriotic War]. Kaluga, TsNTI Kaluzhskoi oblasti Publ., 1998, 118 p. (In Russ.)

Rukovodstvo po sredstvam minirovaniia i razminirovaniia [Manual on means of mines and mine clearance]. Moscow, NKO SSSR Publ., 1943, 256 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.07.2021; одобрена после рецензирования 08.09.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 11.07.2021; approved after reviewing 08.09.2021; accepted for publication 15.11.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 83–93. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 83–93. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(47).084.6

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-83-93>

ИСТОРИЯ ГОРОДКА ВОЕННОГО ИНСТИТУТА (Железнодорожных войск и военных сообщений)

Лапай Денис Сергеевич, Военный университет Министерства обороны имени князя Александра Невского, Москва, Россия, denis_lapay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6717-4193>

Аннотация. Используя историко-генетический метод, автор обобщает сведения по организационному строительству различных воинских частей и учреждений, размещавшихся на территории городка Военного института (Железнодорожных войск и военных сообщений) на протяжении всего периода его существования. В статье проводится анализ изменений в застройке и архитектуре городка в зависимости от исторических условий. Исследуется опыт развития учебно-материальной базы для разных родов войск. Определяется роль и значение городка в локальной истории и истории подготовки офицерского состава и военных специалистов в целом. Делается вывод о том, что события Великой Отечественной войны послужили основным фактором к переустройству инфраструктуры городка и приданию ей современного облика, а также обусловили передачу его в подведомственность железнодорожным войскам, не утратившую своей силы и по сей день.

Ключевые слова: армия, Петергоф, железнодорожные войска, военный городок, традиции, военное обучение

Для цитирования: Лапай Д.С. История городка Военного института (Железнодорожных войск и военных сообщений) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 83–93. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-83-93>

Research Article

HISTORY OF CAMP OF MILITARY INSTITUTE (Railway troops and military communications)

Denis S. Lapay, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia, denis_lapay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6717-4193>

Abstract. Applying the historical-genetic method, the author attempts to summarise the history data of organisational development of various military units and institutions being stationed in the territory of camp of Military Institute (railway troops and military communications) throughout the chronological period of its existence. The article analyses changes in the development of architecture of the Camp depending on historical conditions. The experience of the development of the training base for different branches of service is investigated. The role and significance of the Camp in the local history and history of the training of military personnel is determined. It is concluded that the events of the World War II served as the main factor in the reconstruction of the infrastructure of the Camp and giving it a modern look, and also that caused its transfer to the jurisdiction of the Railway troops, which has not invalidated to this day.

Keywords: army, Petergof, Railway troops, military camp, traditions, military training

For citation: Lapay D.S. History of camp of Military Institute (railway troops and military communications). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 83–93 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-83-93>

История Военного института (Железнодорожных войск и военных сообщений) (далее – ВИ (ЖДВ и ВОСО)), отметившего 28 марта 2021 г. свою 103-ю годовщину со дня образования, тесно связана с историей железнодорожных войск, органов военных сообщений и всей системой военного строительства отечественных вооружённых сил. А изучение и пропаганда лучших воинских традиций является важнейшим функциональным звеном подготовки военных специалистов, обеспечивающим преемственность учебно-воспитательного процесса. Вместе с тем исследование генезиса системы боевой подготовки заключается не только в рассмотрении различных аспектов деятельности собственно самого военного учреждения, но и в последовательной реконструкции событий, связанных с его территориальной локацией. С постепенным формированием массива информации по истории воинских частей, вузов, учреждений происходит накопление материала по их организационному развитию, но при этом история военных городков, поселений, а также организаций-предшественников, как правило, остаётся вне поля исследовательской деятельности. И в этом смысле изучение истории городка ВИ (ЖДВ и ВОСО), расположенного в Старом Петергофе, не является исключением. Ведь специальных доскональных исследований по этому вопросу нет.

Будучи основанным в начале XX столетия в рамках консолидации в столичном регионе гвардейских частей и получив уже при советской власти в 1930-х гг. условный порядковый номер «7-й», городок и его архитектурный комплекс и по сей день являются важной частью локальной истории Петергофа. Для армейских же структур, в свою очередь, 7-й военный городок стал своеобразным военным центром, гарантом безопасности и мобилизационной базой местного значения, а также пунктом дислокации единственного в стране военно-учебного заведения железнодорожных войск. Совокупностью этих факторов определяется особая значимость обобщения исторического опыта по организационному и капитальному строительству на территории 7-го военного городка для современного этапа развития подготовки офицерских кадров.

В пользу необходимости проведения исследования в данной предметной области указывает и анализ историографии. Он подтверждает факт того, что история 7-го военного городка освещена в отечественной литературе непоследовательно, фрагментарно, со множеством опущений и фактологических неточностей. В первую очередь это характерно для периодов Гражданской и Великой Отечественной войн, межвоенного периода и первых послевоенных лет. Более того, можно констатировать, что эти вопросы не получили корректного научного осмысления. Во многом это объяс-

няется тем, что основное внимание ученых, краеведов и общественности было приковано к служебной деятельности собственно ВИ (ЖДВ и ВОСО). Ввиду этого, в различных информационных ресурсах ошибочно укоренилась точка зрения, что училище железнодорожных войск было расквартировано на территории городка чуть ли не с начала 1920-х гг. На самом же деле в указанные временные отрезки 7-й военный городок не являлся пунктом его дислокации [Когатко: 275–279; Кочнев: 296]. Вместе с тем большое количество публикаций, преимущественно литературного и публицистического характера, посвящены «первооснователю» городка – лейб-гвардии Драгунскому полку [Маркианов: 72–78; Лукичева: 280–285]. Это, с одной стороны, вполне естественно объясняется именитостью и, следовательно, репрезентативностью последнего в историческом дискурсе, а с другой – наметившимся в постсоветское время всплеском творческой активности по дореволюционному периоду вообще.

В этой связи автор на основе рассмотрения в основном открытых и частично архивных источников предпринял попытку заполнить образовавшиеся хронологические лакуны и решить комплексную научную задачу: проанализировать основные этапы организационного строительства воинских частей (учреждений) и застройки территории 7-го военного городка, увязав их в целом с военной историей России.

Дореволюционный период

Необходимо отметить, что с момента своего основания в XVIII в. Петергоф становится не только резиденцией российских монархов и придворных сановников, но и точкой притяжения элитных гвардейских подразделений Российской императорской армии. Поэтому на протяжении этого времени и вплоть до начала XX в. город и его западная часть, Старый Петергоф, являлись объектом пристального внимания военного ведомства. Под гвардейские полки и другие формирования выделялись самые удобные земельные участки, ассигновались необходимые средства под застройку, а для строительства и обустройства городков привлекались квалифицированные специалисты и талантливые архитекторы.

В рамках этих военно-политических тенденций, а также в связи с чисто практическими обстоятельствами – возможностью быть ближе к учреждениям Петербургского военного округа и членам семей офицеров – в конце 1890-х гг. принимается решение о передислокации из Новгородской губернии в Старый Петергоф лейб-гвардии Драгунского полка [Перевод Лейб-гвардии: 127–128]. Полк был сформирован в 1814 г. в г. Париже как лейб-гвардии Конно-егерский полк и имел богатые воинские традиции. Отличился в Русско-турецкую войну 1828–1829 гг., при подавлении польского восстания 1830–1831 гг., а также в ходе

Рис. 1. Местность военного городка на карте 1868 г.¹

Рис. 2. Торжественное построение чинов лейб-гвардии Драгунского полка в военном городке по случаю прибытия шефа полка, 1910-е гг.⁴

Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [Маркитанов: 74–76]. Для расквартирования полка в период 1900–1902 гг. на участке, обозначенном на карте Петергофа 1868 г. (рис. 1) как огород лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, производится строительство нового военного городка со всей необходимой инфраструктурой (казармами, манежем, учебным полем, полковым храмом и т. д.)².

С сентября 1902 г. по июль 1914 г. полк находился в составе 2-й дивизии гвардейского корпуса и вплоть до начала Первой мировой войны дислоцировался на территории городка в Старом Петергофе. После убытия на фронт на старые квартиры полк больше никогда не вернулся и был расформирован в феврале 1918 г. Среди командиров полка того периода – генералы граф Ф.А. Келлер, граф Ф.М. Нирод, И.Е. Эрдели, С.С. Джунковский³, а шефами полка были великий князь Владимир Александрович и великая княгиня Мария Павловна (рис. 2).

Первая мировая война

С началом Первой мировой войны территория 7-го военного городка становится своеобразным военным лагерем для развёртывания новых маршевых и запасных подразделений, учебных команд и военно-

учебных заведений. Этому способствует развитость объектов инфраструктуры городка, насыщенность железнодорожной сети губернии, а также большая прослойка подготовленного офицерского и технического состава гарнизона Санкт-Петербурга.

В июле – октябре 1914 г., с убытием из казарм лейб-драгунов, на территории городка происходит формирование и слаживание 296-го Грязовецкого пехотного полка, образованного из кадра 148-го пехотного Каспийского полка⁵. Командиром полка был генерал-майор С.П. Наставин. Впоследствии полк направляется на фронт, участвует в ряде крупных операций и расформируется в начале 1918 г.⁶ В городке остаются только полковая учебная команда лейб-драгунов для обучения новобранцев.

В сентябре 1914 г. по инициативе последнего коменданта Петергофа князя А.Г. Вачнадзе в домах офицерского состава был развернут Петергофский лазарет «Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам» на 100 коек для нижних чинов⁷. К его работе в качестве сестер милосердия были привлечены жёны офицеров лейб-гвардии Драгунского полка.

С зимы 1915 г. манеж городка был отведён под проживание нижних чинов 1-го и 2-го петергоф-

Рис. 3. Нижние чины 2-го сводно-гвардейского запасного батальона у цейхгауза военного городка, 1916 г.⁹

ских отделений конского запаса⁸. Эти запасные части осуществляли восполнение убыли лошадей для действующей армии, поэтому их дислокация на территории кавалерийского полка представляется весьма закономерной. В это же самое время в городке формируется 2-й сводно-гвардейский запасный батальон. Данный исторический факт удалось установить, в частности, благодаря изучению документов личного характера его чинов и членов их семей (рис. 3).

С выбытием значительного процента кадрового офицерского состава в ходе боёв в военном ведомстве получает развитие тенденция на подготовку младших офицеров в рамках краткосрочных школ прапорщиков военного времени. Несколько таких школ образуются в Петергофе и Ораниенбауме. Острая нехватка кадров вынуждает постоянно увеличивать ёмкость контингента этих вузов. Скорее всего, в этой связи и в целях улучшения жилищно-бытовых условий 31 января 1917 г. на территорию 7-го военного городка из г. Ораниенбаума переводится 1-я Ораниенбаумская школа прапорщиков пехоты¹⁰ [Пятилетняя годовщина: 41].

Однако в скором времени революционные события февраля 1917 г. раскололи петергофский гарни-

зон и повлекли за собой вооружённое противостояние среди его воинских частей. Так, например, в ночь с 27 на 28 февраля 1917 г. заслоны из юнкеров школы, оставшихся верными присяге царю, участвовали в бою у д. Бобьльская и у Собственной дачи с оставшими солдатами 1-го пулемётного полка, наступавшего из Ораниенбаума на Петроград¹¹.

Гражданская война

Октябрьская революция 1917 г. и приход к власти большевиков ещё больше обострили внутривнутриполитическую борьбу. Начиная Гражданская война и военная интервенция вынуждали советское правительство перейти от комплектуемой на добровольных началах Красной Гвардии к созданию регулярной Красной Армии. Но для управления первыми частями красной пехоты, кавалерии и артиллерии требовались подготовленные командиры. Классовый принцип организации РККА требовал создать самостоятельную сеть военно-учебных заведений взамен упразднённых дореволюционных вузов.

Сообразно этим положениям и на основании приказа Наркомвоена РСФСР № 130 от 14 февраля 1918 г. на территории городка формируются 1-е Ораниенба-

Рис. 4. Курсанты петергофских командных курсов на территории военного городка. 1919 г.¹²

умские пехотные курсы, ставшие одним из первых вузов в Красной Армии. Ядром формирования выступила размещавшаяся здесь 1-я Ораниенбаумская школа прапорщиков царской армии. С 1 марта 1918 г. курсы были переименованы в 1-е Советские петергофские командные курсы (рис. 4), с 6 ноября 1918 г. – во 2-е Петергофские командные курсы, а с 1 сентября 1920 г. они стали называться 5-ми Петергофскими командными курсами. На протяжении всей Гражданской войны курсанты непосредственно участвовали в боевых действиях как на подступах к Петрограду, так и на других фронтах. [Пятилетняя годовщина: 41].

Межвоенный период

Демобилизация Красной Армии после окончания Гражданской войны и начавшаяся военная реформа (1924–1928) привели к оптимизации и значительному сокращению различных командных курсов и школ. Так, в августе 1923 г. петергофские курсы переименовываются во 2-е Петергофско-Смольнинские пехотные командные курсы с передислокацией в г. Петроград. А уже в марте 1924 г. был произведен

досрочный выпуск командиров, и курсы были расформированы [Соловьёв: 3]. Имущество, командный и преподавательский состав были частично направлены на доукомплектование 1-й Советской объединенной военной школы РККА (ныне – МосВОКУ)¹³ и Ленинградской пехотной школы (впоследствии – ЛенВОКУ)¹⁴. Красные пехотные курсанты оставили глубокий след в историко-культурном наследии Петергофа: в их честь был переименован соседствующий с военным городком бульвар Юркевича (ныне – бульвар Красных курсантов).

С убытием последних на новое место учёбы, с августа 1923 г. территория 7-го военного городка вновь становится «кавалерийским форпостом» Старого Петергофа. Сюда из Северо-Кавказского военного округа передислоцируется управление 4-й Ленинградской кавалерийской дивизии и её 20-й Сальский Краснознамённый кавалерийский полк¹⁶ (рис. 5). Их эскадроны были укомплектованы преимущественно красными казаками. По признанию современников, это была одна из наиболее боеспособных кавдивизий 1-й Конной Армии С.М. Будённого и всей РККА. Среди

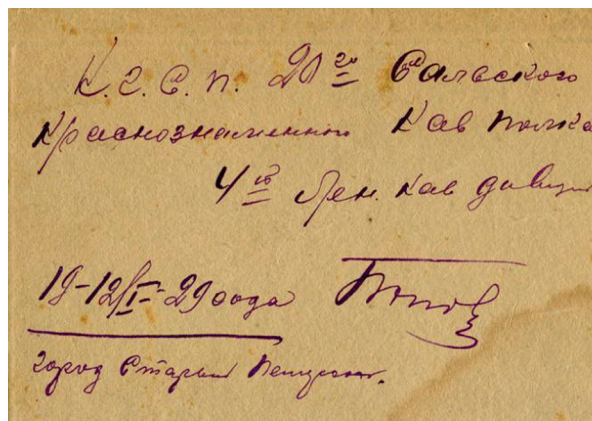

Рис. 5. Комначсостав 20-го Сальского кавалерийского полка. Старый Петергоф, 1929 г.¹⁵

Рис. 6. Зампотех 7-го мехкорпуса, интендант 1-го ранга И.И. Бальжак (репрессирован) среди танкистов. Петергоф, 1936–1937 гг.¹⁸

командиров дивизии того периода были такие видные военные деятели, как будущие маршал С.К. Тимошенко, генерал армии И.Р. Апанасенко, комкор С.А. Зотов, а уже в 1930-е гг. – будущий маршал Г.К. Жуков¹⁷. Впоследствии в мае 1932 г. части дивизии были спешно передислоцированы в г. Слуцк Белорусского военного округа [Жуков: 117–118].

Нарастание военной угрозы у границ СССР, в том числе на его северо-западных рубежах, увеличение удельной доли тяжёлой промышленности в народном хозяйстве, происходящие на фоне наращивания темпов технического перевооружения и разработки теории глубокой наступательной операции, обусловили значительное увеличение танковых, механизированных и вообще технических соединений в РККА в начале 1930-х гг. В этой связи уже в мае – сентябре 1932 г. 7-й военный городок становится одной из баз формирования 31-й механизированной бригады им. М.С. Урицкого, ядром которой был 32-й стрелковый полк им. В. Володарского. Бригада входила в состав 11-го, а затем 7-го мехкорпусов ЛенВО. Почётное наименование присвоено приказом РВС СССР № 08 от 16 января 1934 г. Экипажи бригады принимали участие в боях в Испании. В дальнейшем вплоть до мая 1938 г. на территории городка размещается и проходит обучение ряд её воинских частей. Здесь же значительный процент комначсостава попадает под «каток» необоснованных репрессий (1937–1938 гг.) (рис. 6).

Впоследствии бригада была переведена в г. Порхов Псковской области и переформирована в 13-ю лёгкую танковую бригаду, принявшую участие в боях на Карельском перешейке (1939–1940 гг.) и присоединении Прибалтики (1940 г.)¹⁹. Кроме того, в это время в 7-м военном городке проживал комначсостав 2-го отдельного танкового полка (г. Стрельна) и управления 7-го мехкорпуса (Новый Петергоф)²⁰.

Великая Отечественная война

С началом Великой Отечественной войны к Петергофу стягивались отступающие из Прибалтики различные воинские формирования РККА, а сам город становится ареной ожесточённых боёв. К 23 сентября 1941 г. немецкие части захватывают Новый Петергоф. Линия фронта в этом районе проходила по Английскому парку и далее по Троицкому ручью к Финскому заливу (рис. 7). Старый Петергоф и 7-й военный городок, ставшие восточной оконечностью Ораниенбаумского плацдарма, оставались под контролем советских войск на протяжении всей войны²¹. Однако территория городка фактически соприкасалась с передовыми позициями, как в Английском парке, так и возле железнодорожной станции Старый Петергоф. Поэтому она подвергалась мощным авиационным и артиллерийским ударам, а также

Рис. 7. Линия фронта в Петергофе вблизи 7-го военного городка. Октябрь 1941 г.²⁶

Рис. 8. Разрушения в 7-м военном городке. 1944 г.²⁷

ружейно-пулемётному огню, вследствие чего была практически полностью разрушена. За время боёв сохранились остовы и развалины едва ли 10–15 сооружений (казарм, домов офицеров, офицерского собрания и манежа)²² (рис. 8).

В 1941 г. в районе городка оборонялись, неся тяжёлые потери, части 10-й, 11-й стрелковых дивизий и 264-й отдельный пулемётно-артиллерийский батальон. В ноябре 1941 г. части 10-й и 11-й стрелковой дивизий были переброшены в г. Ленинград²³. Их сменила 48-я стрелковая дивизия им. М.И. Калинина, оборонявшаяся на участке Финский залив – Порожки до мая 1943 г.²⁴ С мая 1943 г. эти позиции заняли части 168-й стрелковой дивизии и 338-й отдельный пулемётно-артиллерийский батальон. Они же и освободили город в январе 1944 г. в ходе операции «Январский гром»²⁵.

Послевоенные годы

В послевоенные годы с реализацией мероприятий правительства по восстановлению разрушенной вой-

Рис. 9. Солдаты 30 оуждп у стенда истории полка. Конец 1970-х гг.³¹

Рис. 10. Личный состав ЛВУ ЖДВ и ВОСО на плацу городка. Начало 1980-х гг.³²

Рис. 11. Одна из казарм 30 оуждп и ЛВУ ЖДВ и ВОСО (ныне - СпбКВК). Начало 1980-х гг.³³

ной инфраструктуры и народного хозяйства оккупированных территорий 7-й военный городок в г. Петродворец (город переименован в 1944 г.) становится объектом подчинения железнодорожных войск. Возрождение городка из руин было начато в конце 1940-х – начале 1950-х гг. силами подразделений 10-й отдельной железнодорожной бригады, оперировавшими на ораниенбаумском железнодорожном направлении [Когатько: 12, 30–32].

С 1954 г. эта задача была возложена на 30-й отдельный учебный железнодорожный полк (30 оуждп), передислоцированный для этого из г. Ярославля [Аношкин: 24, 202, 204]. По всей видимости, это было обусловлено возможностью задействования техники и материальных ресурсов полка для производства строительных работ, а также уже имевшимся опытом размещения железнодорожной воинской части на территории Петергофа: в начале 1920-х гг. в находящихся рядом конногвардейских казармах дислоцировался 1-й железнодорожный полк²⁸ (ныне – 857-й учебный центр Железнодорожных войск)²⁹. По воспоминаниям ветеранов 30 оуждп был сформирован в 1941 г. в г. Харькове, прошёл дорогами войны и несколько раз менял места дислокации, прежде чем на четверть века (1954–1979 гг.) разместиться на объектах военного городка³⁰.

По мере восстановления учебно-материальной базы силами полка в соответствии с приказом начальника Железнодорожных войск № 007 от 9 января 1957 г. на территории 7-го военного городка формируются Курсы усовершенствования офицерского состава железнодорожных войск (КУОС ЖДВ). В 1965 г., согласно директиве ГШ ВС СССР от 7 октября 1965 г., курсы получают наименование Центральных офицерских курсов железнодорожных войск (ЦОК ЖДВ), а 21 декабря 1989 г., в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР, становятся 9-ми Высшими центральными офицерскими курсами железнодорожных войск (9 ВЦОК ЖДВ) [Аношкин: 24, 202, 204].

Во второй половине 1970-х гг. городок подвергается масштабной реконструкции: сносятся целый ряд старых, пришедших в аварийное состояние зданий, а на их месте строятся новые учебные корпуса, создаются современные учебные классы, лекционные аудитории и кабинеты, учебный полигон (ныне – жилой комплекс в районе Генеральского пруда) [Аношкин: 165, 171].

В дальнейшем эти мероприятия стали весьма актуальными в свете того, что в 1979 г. в целях увеличения ёмкости Ленинградского высшего ордена Ленина Краснознамённого училища железнодорожных войск

и военных сообщений им. М.В. Фрунзе (ЛВУ ЖДВ и ВОСО) в 7-й военной городок были передислоцированы его инженерный факультет и факультет механизации, а также ряд отделов, служб и подразделений обеспечения. Для этого в короткие сроки на территории городка были дополнительно возведены две благоустроенные казармы, новая курсантская столовая на 2 500 мест, автопарк, продовольственный склад, проведена реконструкция спортивного комплекса, клуба, строевого плаца, учебных корпусов. 30-й отдельный учебный железнодорожный полк к этому времени был переведён в район строительства Байкало-Амурской магистрали [Кочнев: 87].

Постсоветский период

В течение 1990-х гг., в сложное для страны социально-политическое и экономическое время, после ряда реорганизаций ЛВУ ЖДВ и ВОСО было преобразовано в Военно-транспортный университет железнодорожных войск РФ (ВТУ ЖДВ РФ). В 7-м военном городке размещался ряд кафедр, два факультета и другие подразделения университета и продолжалась наращиваться учебно-материальная база: были введены в эксплуатацию учебный корпус, казарма курсантов факультета механизации, 4 жилых дома для военнослужащих и членов их семей по ул. Бобыльская дорога, новый курсантский клуб на 1 200 мест [Кочнев: 97, 100].

1 сентября 1999 г. в бывшей казарме лейб-гвардии Драгунского полка был открыт Кадетский корпус железнодорожных войск РФ (КК ЖДВ РФ), в котором обучались кадеты 8–11 классов. Впоследствии на базе КК ЖДВ РФ в августе 2011 г. был развёрнут Санкт-Петербургский кадетский военный корпус им. князя Александра Невского (СпбКВК) [Маяренко: 7].

Важной вехой в развитии 7-го военного городка стала окончательная передислокация на его объекты осенью 2007 г. всех структурных подразделений и материальной части ВТУ ЖДВ РФ из г. Санкт-Петербурга, для чего были построены новые казармы и учебный корпус для курсантского состава и кафедр, что позволило сконцентрировать все ресурсы вуза в одной локации.

В дальнейшем в начале 2009 г., в ходе военной реформы и оптимизации сети военно-учебных заведений ВС РФ, университет был включён в состав Военной академии тыла и транспорта им. генерала армии А.В. Хрулёва (ныне – Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва, ВА МТО) на правах сначала филиала, а затем структурного подразделения академии, а 9 ВЦОК ЖДВ были расформированы [Кочнев: 75, 108]. В 2010 г. на территорию городка из Красного Села была переведена учебная рота ВА МТО. С 2014

по 2018 гг. на её базе и базе роты подготовки младших специалистов ВИ (ЖДВ и ВОСО) был сформирован и осуществлял обучение личного состава учебный батальон младших специалистов ВА МТО, впоследствии переведённый в пгт. Приветненский Ленинградской обл. Последним воинским формированием, передислоцированным на территорию городка, стал командно-инженерный (автомобильно-дорожный) факультет ВА МТО с рядом профильных кафедр. Эти мероприятия были осуществлены в 2012 г.³⁴

На сегодняшний момент 7-й военный городок является уникальным пространством, нуждающимся в системном изучении. На его территории, несмотря на серьёзную перестройку, сохранился массив объектов, представляющих большую историческую ценность и обладающих охранным статусом государства. Это в значительной степени обеспечивает бережение культурного наследия городка, не идя вразрез, а, скорее наоборот, способствуя наращиванию учебно-материальной базы ВИ (ЖДВ и ВОСО). Так, например, к 100-летию института в 2018 г. была завершена реконструкция нескольких исторических зданий военного городка, в которых были оборудованы современная библиотека, музейный комплекс лейб-гвардии Драгунского полка, концертный зал, офицерское собрание и т. д. [Кочнев: 301]. А заслуги железнодорожных войск в деле развития военного дела в г. Петергофе были отмечены переименованием прилегающего к городку безымянного сквера в «Сквер военных железнодорожников».

Таким образом, удобство размещения, благоустроенность жилищно-казарменного фонда, близость военно-промышленного и культурного центра, развитость транспортных коммуникаций Петербуржья обусловили то, что в течение всей своей истории 7-й военный городок сохраняет востребованность для отечественных вооружённых сил, а его локальная история отражает все социально-политические и экономические реалии государства в XX – начале XXI вв. На территории городка в разное время дислоцировались воинские части самых различных родов войск: от кавалерии и пехоты до танковых и железнодорожных частей. Это свидетельствует о том, что инфраструктура городка, его учебно-материальный и мобилизационный потенциал умело задействовались и трансформировались сообразно изменениям организационных основ, теории боевого применения, подготовки и военно-технического потенциала армии. Благодаря этим мерам размещавшиеся на территории городка военные контингенты проходили квалифицированную подготовку и внесли свой определённый, а зачастую весьма серьёзный вклад в дело укрепления обороноспособности нашей страны.

Боевые действия периода Великой Отечественной войны стали базовым объективным фактором изменения облика 7-го военного городка. Катастрофические разрушения объектов привели к фактически полной перестройке инфраструктуры и детерминировали необходимость переброски сюда строительно-восстановительных частей в первые послевоенные годы. Именно эти события стали отправной точкой к закреплению городка за железнодорожными войсками.

Исходя из этого, автором представляется весьма полезным использование указанного материала при разработке нормативно-правовых локальных актов и организации научно-методической работы в вузе. А сохранение исторической памяти о 7-м военном городке, популяризация и пропаганда воинских традиций рассмотренных воинских частей и учреждений является одной из приоритетных задач военно-политической работы соответствующих органов военного управления в условиях нарастания внешнеполитической угрозы.

Примечания

¹ Старые карты Петергофа и Ленинградской области. URL: <http://retromap.ru/select.html?t> (дата обращения: 24.08.2021).

² Генеральный план военного городка Лейб-гвардии Драгунского полка, 1902 г. // Архив ВИ (ЖДВ и ВОСО) ВА МТО им. А.В. Хрулёва.

³ Лейб-гвардии драгунский полк // Сергиевка и окрестности. URL: <http://www.purlieus.ru/Dragoons.htm> (дата обращения: 24.08.2021).

⁴ Источник: текущий архив ВИ (ЖДВ и ВОСО).

⁵ Разовые справки // 1914 год: форум: Первая мировая и Гражданские войны. URL: <https://1914.borda.ru/?1-0-0-00001559-000-280-0-1555312690> (дата обращения: 24.08.2021).

⁶ 296-й пехотный Грязовецкий полк // Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов: портал. URL: <https://gwar.mil.ru/army/386/#:~:text=296й%20пехотный%20Грязовецкий%20полк.%20Годы,в%20состав%2058-й%20пехотной%20дивизии> (дата обращения: 30.08.2021).

⁷ *Абасалиев Р.* Военные коменданты Петергофа // Нева. 2007. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2007/4/voennye-komendanty-petergofa.html> (дата обращения: 30.08.2021).

⁸ Отчёт об осмотре отделений конского запаса Петроградского и Одесского военных округов генералом от кавалерии бароном Каульбарсом № 101 от 9 августа 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 519. Л. 22.

⁹ Подразделение Второго сводно-гвардейского запасного батальона. Место дислокации – Старый Петергоф. URL: https://vk.com/photo-800272_415881949 (дата обращения: 24.08.2021).

¹⁰ Разовые справки // Форум «1914 год»: Первая мировая и Гражданские войны. URL: <https://1914.borda.ru/?1-0-0-00001559-000-280-0-1555312690> (дата обращения: 30.08.2021).

¹¹ *Черняев В.* Ораниенбаумское восстание: великое и забытое // Звезда. 2017. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/2/oranienbaumskoe-vosstanie-velikoe-i-zabytoe.html> (дата обращения: 30.08.2021).

¹² Первые Петергофские командные курсы РККА. URL: <https://pastvu.com/p/572879> (дата обращения: 30.08.2021).

¹³ *Волков В.А.* Московское высшее военное командное училище – предыстория и 90 славных лет. М., 2007. URL: https://www.portalslovo.ru/history/39059.php?ELEMENT_ID=39059&SHOWALL_2=1 (дата обращения: 29.08.2021).

¹⁴ Схема создания Ленинградского ВОКУ им. С.М. Кирова // Сайт поискового отряда «ЛЕНПЕХ. ЛПКУ». URL: <https://lenpexlpku.ru/p15aa1.html> (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁵ Комначсостав 20-го Сальского кавалерийского полка, Старый Петергоф, 1929 г. URL: https://vk.com/id444838?z=photo444838_457243785%2Fwa1444838_1393 (дата обращения: 29.08.2021).

¹⁶ Список ед и кд РККА на 1931 год, с указанием дислокации // Livejournal: сайт. URL: <https://eugend.livejournal.com/93187.html> (дата обращения: 30.08.2021).

¹⁷ Командный состав кавалерийских соединений и объединений // Кавалерийские корпуса РККА: сайт. URL: http://www.rkka.ru/cavalry/30/004_kd.html (дата обращения: 30.08.2021).

¹⁸ Государственный исторический музей, инв. И IX 4537.

¹⁹ 31-я механизированная бригада (СССР) // Единая и неделимая: сайт. URL: <http://www.edinainedelima.ru/sssrbbrigady/31-ya-mexanizirovannaya-brigada-f-1932-g-sssrb/> (дата обращения: 30.08.2021).

²⁰ Брилевский Андрей Матвеевич // Проект «Открытый список». URL: [https://ru.openlist.wiki/Брилевский_Андрей_Матвеевич_\(1905\)](https://ru.openlist.wiki/Брилевский_Андрей_Матвеевич_(1905)) (дата обращения: 30.08.2021).

²¹ *Грабова Л.В.* Петергоф в оккупации (23 сентября 1941 г. – 19 января 1944 г.) // Проект «Архивы Санкт-Петербурга». URL: <https://spbarchives.ru/-/petergof-v-okkupacii-23-sentabra-1941-g-19-anvara-1944-g-> (дата обращения: 30.08.2021).

²² *Иванов А.П.* Адрес новый: Старый Петергоф, Суворовская, д. 1 // Санкт-Петербургский вестник высшей школы. URL: https://nstar-spb.ru/higher_school/print/article/adres-novyuy-staryy-petergof-suvorovskaya-d-1/ (дата обращения: 25.08.2021).

²³ *Грабова Л.В.* Петергоф в оккупации (23 сентября 1941 г. – 19 января 1944 г.) // Проект «Архивы Санкт-Петербурга». URL: <https://spbarchives.ru/-/>

petergof-v-okkupacii-23-sentabra-1941-g-19-anvara-1944-g- (дата обращения: 30.08.2021).

²⁴ Действия флота и моряков в обороне плацдарма. URL: <http://parkschool.narod.ru/texts/flot.htm> (дата обращения: 30.08.2021).

²⁵ 168-я стрелковая Рижская дивизия // Соединения РККА в годы ВОВ: сайт. URL: <https://www.rkkawwii.ru/division/168sdf1> (дата обращения: 25.08.2021).

²⁶ Линия фронта в Петергофе вблизи 7-го военного городка, октябрь 1941 г. // Кольцов Ю.В. Петергофский десант. URL: <http://centralsector.narod.ru/misc/desc/desc5.htm> (дата обращения: 25.08.2021).

²⁷ Разрушения в 7-м военном городке, 1944 г. URL: https://vk.com/photo-174592706_457274930?z=photo-174592706_457274946%2Falbum-174592706_282858608 (дата обращения: 25.08.2021).

²⁸ Письмо в Уисполком гор. Петергофа от 4 октября 1922 г. № 163/с // Архив ВИ (ЖДВ и ВОСО) ВА МТО им. А.В. Хрулёва.

²⁹ Подмосковный учебный центр железнодорожных войск отметил своё 95-летие // Сайт Министерства обороны РФ. URL: https://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=11853255%40egNews (дата обращения: 25.08.2021).

³⁰ ЛВУ ЖДВ и ВОСО им. М.В. Фрунзе. URL: <https://ok.ru/lvuzhdvivo/topic/153424967443258> (дата обращения: 25.08.2021).

³¹ ЛВУ ЖДВ и ВОСО им. М.В. Фрунзе. URL: <https://ok.ru/lvuzhdvivo/topic/153424967443258> (дата обращения: 25.08.2021).

³² ЛВУ ЖДВ и ВОСО им. М.В. Фрунзе. URL: <https://ok.ru/group/48508123480122/album/58215330807866/864849882682> (дата обращения: 25.08.2021).

³³ ЛВУ ЖДВ и ВОСО им. М.В. Фрунзе. URL: <https://ok.ru/group/48508123480122/album/57208798380090/816766965306> (дата обращения: 25.08.2021).

³⁴ Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва // Сайт Министерства обороны РФ. URL: <https://vamto.mil.ru/> (дата обращения: 25.08.2021).

Список литературы

Аношкин Э.В., Алферов В.Н., Дедловский В.А., Колтаков С.М. 50 лет на службе Отечеству: документальный научно-исторический очерк о 9-х Высших центральных офицерских курсах Железнодорожных войск (1957–2007) / под ред. Н.П. Данько, Э.В. Егорова и др. Петергоф, 2007. 211 с.

Железнодорожные войска России / под ред. Г.И. Когатько. М.: ООО «Русь-Стиль XXI век», 2002. Кн. 4: В период мирного строительства: 1945–1991. 352 с.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 2 т. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 415 с.

Кочнев Д.В., Ланай Д.С. Военный институт (Железнодорожных войск и военных сообщений): 100 лет на страже Отечества / под ред. А.В. Топорова, А.А. Целыковских, И.О. Горяинова. Воронеж: ООО «Издатель-Принт», 2017. 319 с.

Лукичева А.О., Рябова Т.В. Предстоящие памятные даты Лейб-гвардии Драгунского полка и подготовка к ним в Военном институте (ЖДВ и ВОСО) // Специальная техника и технологии транспорта. 2020. № 8 (46). С. 280–285.

Маляренко С.А. Невидимая нить... Суворовцы и кадеты в Петергофе: страницы истории // Красная звезда. 2021. 1 сентября. С. 7.

Маркитанов Ю.А., Хохлов И.В. К истории лейб-гвардии Драгунского полка // Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 72–78.

Перевод Лейб-гвардии Драгунского полка из кречевецких казарм в Старый Петергоф // Лейб-драгуны дома и на войне. Париж, 1931 (1 августа). Вып. 4. С. 125–136.

Пятилетняя годовщина 5-х Петергофских пехурцов // Военное знание. 1923. № 1-2. С. 41–44.

Соловьев Д.А. Командиры дивизий Красной Армии 1941–1945 гг.: Военный биографический справочник. М., 2020. Т. 76. 130 с.

References

Anoshkin E.V., Alferov V.N., Dedlovsky V.A., Koltakov S.M. *50 let na sluzhbe Otechestvu* [50 years in the service of the Fatherland: documentary scientific and historical essay of the 9th Higher Central Officer Courses of the Railway Troops (1957–2007)]. Peterhof, 2007, 211 p. (In Russ.).

Zheleznodorozhnye vojska Rossii [Railway troops of Russia], ed. by G.I. Kogat'ko. Moscow, LLC "Rus-Style XXI century" Publ., 2002. Kn. 4. *V period mirnogo stroitel'stva: 1945–1991* [Vol. 4: During the period of peaceful construction: 1945–1991], 352 p. (In Russ.).

Zhukov G.K. *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memories and reflections]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002, vol. 1, 415 p. (In Russ.).

Kochnev D.V., Lapay D.S., Solov'yov S.N. *Voennyj institut (Zheleznodorozhnyh vojsk i voennyh soobshchenij): 100 let na strazhe Otechestva* [Military Institute of Railway troops and Military communication service: 100 years on guard of the Fatherland]. Voronezh, Izdat-Print Publ., 2017, 319 p. (In Russ.).

Lukeyeva A.O., Ryabova T.V. *Predstoyashchie pamyatnye daty Lejb-gvardii Dragunskogo polka i podgotovka k nim v Voennom institute (ZHDV i VOSO)* [Upcoming memorable dates of the Lifeguards Dragoon Regiment and preparation for them in Military Institute (Railway troops and Military communications)]. *Special'naya tekhnika i tekhnologii transporta* [Special equipment and transport technologies], 2020, № 8 (46), pp. 280–285. (In Russ.).

Malyarenko S.A. *Nevidimaya nit'... Suvorovcy i kadety v Petergofe: stranicy istorii* [An invisible thread ... Suvorovites and cadets in Peterhof: pages of history]. *Krasnaya Zvezda* [Red Star], 2021 (1 Sep.), p. 7. (In Russ.).

Markitanov Yu.A., Hohlov I.V. *K istorii Lejb-gvardii Dragunskogo polka* [To the history of the Lifeguards Dragoon Regiment]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal], 2008, № 8, pp. 72–78. (In Russ.).

Perevod Lejb-gvardii dragunskogo polka iz krecheveckih kazarm v Staryj Petergof [Redeployment of the Lifeguards Dragoon Regiment from the Krechevets Barracks to Stary Peterhof]. *Lejb-draguny doma i na vojne* [Lifeguards Dragoons at home and at war], 1931, № 4, pp. 125–136. (In Russ.).

Pyatiletnyaya godovshchina 5-h Petergofskih pekhtursov [5th Anniversary of the 5th Peterhof Infantry Courses]. *Voенное знание* [Military knowledge], 1923, № 1–2, pp. 41–44. (In Russ.).

Solov'ev D.A. *Komandiry divizij Krasnoj Armii 1941–1945 gg.* [Division commanders of the Red Army 1941–1945: Military biographical directory]. Moscow, 2020, vol. 76, 130 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.09.2021; одобрена после рецензирования 11.10.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 04.09.2021; approved after reviewing 11.10.2021; accepted for publication 15.11.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 94–99. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 94–99. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 351.74

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-94-99>

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ (вторая половина 60-х годов XX в.)

Суверов Евгений Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, suverovev69@mail.ru

Грошева Виктория Константиновна, кандидат юридических наук, Академия управления МВД России, Москва, Россия, vik-groshevaya@mail.ru

Краснонос Юри Николаевич, кандидат исторических наук, Донецкий национальный университет, ur.kr@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям подготовки кадров для органов внутренних дел Донецкой области во второй половине 60-х годов XX в. Авторами освещаются вопросы организации учебного процесса в специальных ведомственных учебных заведениях, а именно: функционирование коллегиальных органов управления в учебных заведениях, специфика набора абитуриентов, практического обучения, а также особенности воспитательной работы среди личного состава, основанной на марксистско-ленинской идеологии. В статье исследуются вопросы осуществления служебной профессиональной подготовки, стажировки, проведения курсов повышения квалификации, раскрываются источники и формы пополнения милицейских подразделений региона.

Ключевые слова: учебное заведение, специальная школа, кадровый состав, милиция, Донецкая область, учебный процесс, курсант.

Для цитирования: Суверов Е.В., Грошева В.К., Краснонос Ю.Н. Подготовка кадров для органов внутренних дел в Донецкой области (вторая половина 60-х годов XX в.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 94–99. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-94-99>

Research Article

PERSONNEL TRAINING FOR THE INTERNAL AFFAIRS IN DONETSK REGION (second half of the 1960s)

Evgeniy V. Suverov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, suverovev69@mail.ru

Victoria K. Groshevaya, Candidate of Legal Sciences, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, vik-groshevaya@mail.ru

Yuriy N. Krasnosov, Candidate of Historical Sciences, Donetsk University, ur.kr@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of training personnel for the internal affairs bodies of Donetsk Region in the second half of the 1960s. The authors highlight the issues of organising the educational process in special departmental educational institutions, namely, the functioning of collegial governing bodies in educational institutions, the specifics of recruiting applicants, practical training, as well as the features of educational work among personnel based on Marxist-Leninist ideology. The article also examines the issues of the implementation of professional training, internships, training courses, discloses the sources and forms of replenishment of militia units in the region.

Keywords: educational institution, special school, personnel, Soviet Militia, Donetsk Region, educational process, cadet.

For citation: Suverov E.V., Groshevaya V.K., Krasnosov Y.N. Personnel training for the internal affairs in Donetsk Region (second half of the 1960s). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 94–99 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-94-99>

На рубеже 1950–60-х гг. в СССР наблюдается обострение кадровой ситуации в органах внутренних дел, что обусловило процесс расширения соответствующей сети ведомственных учебных заведений. Только за период с 1956 г. по 1958 г. в СССР было открыто 12 средних специальных школ милиции. Начиная с 1965 г. во всех органах милиции страны для лиц, претендующих на должности милиционеров, командиров взводов, участковых уполномоченных и дежурных по органам милиции, была введена первоначальная подготовка на 3-месячные курсы [История: 191].

В Донецкой области в апреле 1961 г. в поселке Новождановка Харцызского района Сталинской области начинает функционировать Сталинская (Донецкая – с октября 1961 г.) специальная средняя школа милиции Министерства внутренних дел (МВД) Украинской Советской Социалистической Республики (УССР) (начальник – гвардии полковник внутренней службы В.А. Чекин). 1 октября 1961 г. в милицеской школе начинается учебный процесс, а в августе 1962 г. осуществляется первый выпуск 130 курсантов дневной формы обучения с присвоением квалификации «юрист» [Красноносков: 21].

С 1964 по 1977 гг. Донецкой специальной средней школой милиции (ДССШМ) успешно руководил полковник милиции И.Г. Свистыч, по инициативе которого, при поддержке милицеского областного руководства, учебное заведение в 1965 г. было передислоцировано в областной центр и разместилось по адресу: г. Донецк, Куйбышевский (ныне Киевский) район, улица Машиностроителей (ныне Засядько), дом 13. Именно здесь под руководством И.Г. Свистыча фактически началось подлинное становление ведомственного учебного заведения региона. В течение нескольких лет были построены гараж, контрольно-пропускной пункт (КПП), три общежития, клуб, учебный корпус, стрелковый тир, начато строительство спортивного зала. Прилегающая территория спецшколы была озеленена, оборудована, стала уютной и комфортной для учебы и отдыха [Донецкий юридический институт: 17].

Донецкая школа милиции стала настоящей кузницей милицеских кадров для органов внутренних дел не только Донбасса, но и УССР, СССР. С целью улучшения качества обучения в ДССШМ в 1967 г. был образован педагогический совет с привлечением практических работников: заместителя начальника отдела уголовного розыска, подполковника милиции В.М. Давыденко; заместителя начальника следственного отдела, подполковника милиции В.К. Зонса; начальника отдела БХСС Управления милиции (УМ) города Донецка, полковника милиции Н.М. Лесного; начальника отделения подготовки отдела кадров (ОК) Управления охраны обществен-

ного порядка (УООП) Донецкой области, майора Н.И. Егорченкова¹.

Набор абитуриентов в ведомственные учебные заведения производился в плановом порядке. Обязательным условием для будущих курсантов являлось соответствующее направление из локальных милицеских подразделений, прохождение службы в рядах Вооруженных Сил СССР либо в органах правопорядка. При комплектации учитывался культурно-образовательный уровень и общественно-политическая активность претендентов на поступление. К примеру, в 1968 г. из отобранных кандидатов 78 % являлись коммунистами и комсомольцами.

Для организации и контроля приемной кампании в учебных заведениях Министерства охраны общественного порядка (МООП) СССР в 1967–1968 гг. при УООП Донецкой области была создана отборочная комиссия (приказ начальника УООП исполкома Донецкого областного Совета депутатов трудящихся генерал-майора М.С. Попереки № 144 от 11 апреля 1967 г.) в составе: председателя – заместителя начальника УООП, полковника А.П. Ломако; членов комиссии – начальника уголовного розыска УООП, подполковника И.В. Котелевского, начальника отдела БХСС УООП, полковник М.А. Анчугов, начальник следственного отдела УООП полковника П.А. Петухова, начальника отдела исправительно-трудовых учреждений УООП, подполковника А.С. Тулякова, начальника управления пожарной охраны УООП, подполковника В.У. Конкина, начальника отдела службы УООП, подполковник В.М. Матвеева, начальника отдела государственной автомобильной инспекции УООП, полковника В.Г. Минина, начальника финансового отдела УООП, полковника М.М. Далькевича, начальника отдела криминалистических исследований УООП, подполковника И.Т. Корниенко. Секретарем был назначен начальник отделения подготовки ОК УООП, капитан Н.И. Егорченков².

Для координации обучения была создана учебно-методическая комиссия УООП Донецкой области (приказ № 449 от 23 сентября 1967 г. начальника УООП Донецкой области, генерал-майора милиции М.С. Поперека) в составе: председателя – заместителя начальника УООП полковника А.П. Ломако, заместителя председателя – начальника контрольно-инспекторского отдела УООП, полковника И.Н. Скорохода, секретаря комиссии – начальника отделения подготовки ОК УООП, капитана Н.И. Егорченкова. В члены комиссии вошли: начальник следственного отдела УООП, полковник П.А. Петухов, начальник отдела уголовного розыска, подполковник И.В. Котелевский, начальник отдела БХСС, полковник М.А. Анчугов, начальник отдела службы УООП, подполковник В.Н. Матвеев, начальник отдела криминалистических исследований УООП, подполковник И.Т. Кор-

ниенко, заместитель начальника отдела ГАИ УООП, подполковник В.Я. Мамин, начальник финансового отдела УООП, полковник М.М. Далькевич, начальник отдела ИТУ УООП, полковник А.С. Туляков, начальник отдела службы и подготовки УПО УООП, майор И.И. Кочерга, начальник Донецкой специальной средней школы милиции МООП СССР, полковник И.Г. Свитыч, начальник специального цикла Донецкой специальной средней школы милиции, подполковник В.Д. Митяев, начальник Донецкой УПК Киевской ВШМ СССР, подполковник Н.Н. Владимиров, инструктор по политико-воспитательной работы УООП, капитан В.А. Галкин³.

Так, была рассмотрена информация «О состоянии обучения личного состава в заочных высших, средних специальных учебных заведениях и общеобразовательных школах». В справке отмечалось, что без отрыва от службы обучалось: в Высшей школе МООП – 241 человек, в других вузах – 371 человек, в средних специальных учебных заведениях – 308 человек, в вечерних общеобразовательных школах – 428 человек. Общее число слушателей выросло по сравнению с прошлым годом на 10 %. Были отмечены недостатки в образовательном процессе: некоторые слушатели занимались на одном курсе 2 года. Также в 1964/65 учебном году из заочных высших и средних учебных заведений было отчислено 46 работников, что обуславливало необходимость усиления контроля за процессом обучения⁴.

План набора слушателей и курсантов в учебные заведения МООП на 1966–1967 гг. органами и подразделениями УООП Донецкой области был следующим: Киевская Высшая школа милиции – 26 стационарных мест и 57 заочных; Донецкая специальная средняя школа милиции – 184 стационарных места; Харьковское военное училище, профиль ГАИ – 9 мест; Львовская специальная средняя школа подготовки начсостава – 16 стационарных мест и 10 заочных⁵.

При плане набора в учебные заведения МООП СССР в 1967 г. в 424 человека, было отправлено 514 абитуриентов, что составило 121 %. Только на заочное отделение Киевской высшей школы милиции было направлено 79 кандидатов (при плане в 60), в Донецкую специальную среднюю школу милиции – 145 кандидатов (при плане в 120). Недостатки: отдельные структуры МООП Донецкой области – УМ городов Донецка, Горловки, Великоновоселковский районный отдел милиции (РОМ) – направляли в ОК УООП Донецкой области недооформленные документы: без ходатайства руководителя подразделения, без рапортов и характеристик, анкет и других сопутствующих документов. Материалы в Киевскую высшую школу милиции требовалось представлять в отдел кадров УООП до 15 марта 1968 г., а на кан-

дидатов в Донецкую среднюю специальную школу милиции – до 1 июня 1968 г.⁶.

План набора кандидатов в учебные заведения МООП СССР на 1968–1969 гг. по органам и подразделениям УООП Донецкой области составил:

1) в УМ города Донецка: в Киевскую высшую школу милиции – 3 стационарных места и 7 заочных, в Донецкую специальную среднюю школу милиции – 30 стационарных мест и 15 заочных, во Львовскую школу подготовки начсостава – 1 стационарное место, в Харьковское военное училище (профиль ГАИ) – 3 стационарных места, в Волгоградскую высшую следственную школу – 2 стационарных места, в Ленинградскую военно-политическую школу МООП СССР – 1 стационарное место.

2) в УМ города Горловки: в Киевскую высшую школу милиции – 2 стационарных места и 7 заочных, в Донецкую специальную среднюю школу милиции – 20 стационарных мест и 10 заочных, во Львовскую школу подготовки начсостава – 1 стационарное место, в Харьковское военное училище (профиль ГАИ) – 2 стационарных места, в Волгоградскую высшую следственную школу – 1 стационарное место, в Ленинградскую военно-политическую школу МООП СССР – 1 стационарное место.

3) в УМ города Макеевки: в Киевскую высшую школу милиции – 2 стационарных места и 6 заочных, в Донецкую среднюю специальную школу милиции – 20 стационарных мест и 15 заочных, во Львовскую школу подготовки начсостава – 1 стационарное место, в Харьковское военное училище (профиль ГАИ) – 2 стационарных места, в Волгоградскую высшую следственную школу – 1 стационарное место, в Ленинградскую военно-политическую школу МООП СССР – 1 стационарное место⁷.

Личную ответственность несли руководители, «провалившие» план комплектования в учебные заведения. Боясь взыскания, они нередко направляли на учебу лиц, не склонных к обучению, не имевших желания и слабо подготовленных. Ряд абитуриентов рассматривали сдачу экзаменов как своеобразный «отпуск» с отрывом от своих непосредственных обязанностей.

Не выполнили разрядку на 1967/68 учебный год кадровые органы Управления милиции города Донецка (вместо 15 кандидатов отобрали 12), отдельные органы и подразделения (УМ городов Донецка, Горловки) направили недооформленные пакеты документов: без ходатайства начальника подразделения, без рапорта или характеристики и других документов. Иногда с целью реализации поставленных задач некоторые руководители заставляли своих подчиненных поступать в учебные заведения помимо их желания и возможностей. В результате они просто не являлись на вступительные экзамены⁸.

Важным этапом закрепления теоретических знаний непосредственно в практической деятельности являлась стажировка курсантов и слушателей различных ведомственных учебных заведений в территориальных подразделениях органов внутренних дел, в том числе и в Донецкой области. Так, стажировка курсантов Харьковского военного училища МООП УССР проходила с 4 мая по 24 июня 1966 г. в Управлении милиции (УМ) городов Макеевки, Горловки, Жданова. С 24 мая по 31 августа 1966 г. проходили стажировку курсанты 1-го и 2-го (выпускного) курса Донецкой спецшколы милиции в Торезском, Краматорском, Харцызском отделах милиции, Калининском, Кировском, Пролетарском райотделах УМ милиции города Донецка, Центрально-городском и Кировском районных отделах милиции (РОМ) г. Макеевки. Прохождение стажировки выявило определенные недостатки в ее организации и проведении. В ряде случаев курсантам поручали второстепенную работу: вызов граждан в органы милиции, подшивку дел. Также были зафиксированы случаи, когда некоторые руководители, прикрываясь необходимостью соблюдать конспирацию, не объясняли курсантам особенности оперативной работы⁹.

В соответствии с приказом МООП УССР № 161 1967 г. с 26 мая по 3 августа 1967 г. проходили стажировку по линии уголовного розыска и борьбы с хищениями социалистической собственности (БХСС) курсанты выпускного курса Донецкой специальной средней школы милиции¹⁰.

Стажировка курсантов профиля ГАИ Харьковского военного училища МООП СССР в органах милиции Донецкой области происходила с 3 мая по 27 июня 1967 г. в УМ городов Макеевки, Горловки и Жданова. Ими была проведена большая работа среди водителей и населения по соблюдению правил дорожного

движения. Стажеры участвовали в проведении годового технического осмотра автотранспорта, оказывали практическую помощь руководителям автохозяйств по улучшению технического состояния транспорта¹¹.

Определенные сложности возникали в процессе заочного обучения, они были связаны с тем, что слушателям непросто было совмещать служебную деятельность и учебный процесс. Проходили плановые заседания учебно-методической комиссии о состоянии дел в заочном обучении в УООП Донецкой области, где рассматривались отстающие слушатели. Так, в 1967 г. не выполнили учебный план и имели академическую задолженность ряд сотрудников (Н.Р. Ворон, старший оперуполномоченный ОБХСС УМ города Макеевки, Э.П. Будянский, старший оперуполномоченный ОУР города Жданова и др.). Комиссия приняла решение усилить контроль, а неспособных к обучению – рекомендовать к отчислению¹².

В подразделениях УВД Донецкой области в 1969 г. без отрыва от практической деятельности проходили обучение 1 549 человек, из них в вузах – 666 человек, в специальных средних учебных заведениях – 486 человек, в вечерних школах – 397 человек¹³.

Весомый вклад в подготовку милицейских кадров обеспечивало проведение служебной подготовки в локальных подразделениях. Обучение стрельбе, развитие физической силы, выносливости и ловкости сотрудников правоохранительных органов всегда являлось наиболее важной стороной профессиональной компетенции сотрудников. Особое место в системе профессиональной подготовки сотрудников подразделений силового блока занимало обучение борьбе – самбо (самозащита без оружия). Занятие этим видом спорта способствовало развитию не только бойцовских и профессиональных качеств у сотрудников милиции, но и формировало морально-волевые качества и чувство патриотизма [Семенов: 24].

Среди сотрудников донецкой милиции регулярно проводились спортивные мероприятия. В целях улучшения физической подготовки отделение подготовки ОК УООП и Донецкий областной совет «Динамо» организовали соревнования по борьбе самбо 11 и 12 мая 1966 г. в городе Донецке. Участники мероприятия были обеспечены бесплатным жильем и питанием из расчета 2 рубля в день. С 16 по 25 мая 1966 г. на базе Ждановского учебного пункта милиции были проведены 10-дневные учебно-тренировочные сборы по подготовке к республиканским соревнованиям по борьбе самбо, участие в которых приняли 15 сотрудников¹⁴.

Служебная подготовка личного состава УООП Донецкой области проходила с начала октября до конца июня¹⁵. В первом летнем месяце сотрудники сдавали зачеты по огневой, строевой и физической подготовке. Принятие зачетов в системе служебной подготовки

Таблица 1

№	Подразделение	Количество
1	УМ города Донецка	24 курсанта
2	УМ города Горловки	6 курсантов
3	УМ города Жданова	7 курсантов
4	Артемовский ГОМ	4 курсанта
5	Константиновский ГОМ	2 курсанта
6	Славянский ГОМ	7 курсантов
7	Ясиноватский РОМ	5 курсантов
8	Енакиевский ГОМ	2 курсанта
9	Краматорский ГОМ	3 курсанта
10	Торезский ГОМ	3 курсанта
11	Красноармейский ГОМ	4 курсанта
12	Селидовский ГОМ	1 курсант
13	Харцызский ГОМ	5 курсантов
14	Шахтерский ГОМ	1 курсант

личного состава УООП Донецкой области осуществляли сотрудники отделов кадров совместно с другими подразделениями.

Важным направлением профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел являлось проведение курсов повышения квалификации. Так, во исполнение решения коллегии МООП УССР № 212с от 20 сентября 1965 г. в целях повышения служебной квалификации в марте 1966 г. были приняты зачеты у заместителей начальников городских и районных отделов милиции по оперативной работе и по службе¹⁶.

Воспитательная работа среди личного состава была неотъемлемой частью политической пропаганды, основанной на марксистско-ленинской идеологии. Среди сотрудников органов внутренних дел была организована плановая политическая учеба. В октябре 1965 г. в органах милиции, насчитывающих более 50 человек, были введены должности заместителей начальников по воспитательной работе (политработников), главной обязанностью которых являлась мобилизация личного состава на успешное выполнение поставленных перед милицией задач [История: 120]. Аппараты по политико-воспитательной работе проводили большую работу среди сотрудников органов внутренних дел по воспитанию таких качеств, как честность, справедливость, законность, вежливость, культурность [Суверов: 191–192].

На занятиях по политической подготовке приводились примеры бескомпромиссной борьбы сотрудников милиции Донецкой области с антиобщественными, криминальными деяниями (даже вне осуществления служебных обязанностей). Так, в сентябре 1965 г. на берегу водохранилища у поселка Каменск Ильичевского района г. Жданова 2 преступника нанесли гражданину И.И. Семетренникову удар камнем в затылок, забрав велосипед с мотором. Потерпевший, придя в сознание, поднял тревогу и обратился за помощью к подъехавшему на личном мотоцикле на отдых с семьей командиру взвода Ждановского межобластного пункта А.К. Горскому. Сотрудник милиции на мотоцикле догнал и задержал преступников А.П. Баранникова и А.И. Ткаченко, которые создали преступную группу из числа несовершеннолетних и на протяжении 5 месяцев совершили 10 грабежей и разбойных нападений¹⁷.

Курсанты Донецкой специальной средней школы милиции М.И. Гармаш и Н.С. Неледва, будучи в отпуске, 30 апреля 1969 г. в 16 часов получили от граждан сообщение, что в сквере на Киевском проспекте неизвестные грабят граждан. Немедленно они поспешили на помощь, задержали и передали в Киевский РОВД города Донецка предполагаемых преступников. Грабителями оказались ранее судимые Горбин и Долбачев. Курсанты были награждены почетной

грамотой УВД исполкома Донецкого областного Совета депутатов трудящихся¹⁸.

Таким образом, в Донецкой области во второй половине 1960-х гг. сформировалась многоуровневая система профессиональной подготовки кадров для органов внутренних дел. Абитуриенты из Донецкой области направлялись на учебу в различные ведомственные учебные заведения Советского Союза: Киевскую высшую школу милиции, Донецкую специальную среднюю школу милиции, Львовскую школу подготовки начсостава, Харьковское военное училище (профиль ГАИ), Волгоградскую высшую следственную школу, Ленинградскую военно-политическую школу. Курсанты и слушатели в подразделениях донецкой милиции проходили стажировку, впервые поступившие на милицескую службу сотрудники направлялись на курсы первоначальной подготовки, для них организовывались курсы повышения квалификации, осуществлялись различные формы наставничества со стороны опытных практических работников. Весь личный состав донецкой милиции ежегодно проходил профессиональную служебную подготовку, итогом которой являлась сдача зачетов по физической, строевой и огневой подготовке.

Во второй половине 1960-х гг. ведущим милицеским учебным заведением Донбасса становится Донецкая специальная средняя школа милиции, осуществлявшая подготовку профессиональных кадров, прежде всего по линии уголовного розыска. Для успешной организации учебно-воспитательного процесса в специализированном учебном заведении проводилась значительная работа по созданию материально-технической базы, кадровой комплектации, создавались многочисленные комиссии и советы: педагогический совет ДССШМ, учебно-методическая комиссия УООП Донецкой области, отборочная комиссия при УООП Донецкой области. На особом контроле находилось выполнение областного плана по штатному составу, набору и качественному составу абитуриентов, уровню общественно-политической сознательности и т. д. Среди личного состава органов внутренних дел Донецкой области регулярно проводилась воспитательная работа, основанная прежде всего на принципах марксистско-ленинской идеологии.

Недостатками системы профессиональной подготовки органов внутренних дел Донецкой области в исследуемый период являлись значительная формализация проводимых мероприятий, стремление кадровых служб выполнить любой ценой план комплектации учебных заведений, в отдельных случаях – проявление низкой мотивации сотрудников, проходивших обучение, что обусловило значительный процент лиц, отчисленных из ведомственных учеб-

ных заведений вследствие академических задолженностей (особенно на заочной форме обучения).

Примечания

¹ Архив Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики. Несекретные приказы УООП по Донецкой области (далее – Архив МВД ДНР). Ф. 23. Оп. 1. Д. 21. Т. 7. 1967 г. Л. 66.

² Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21. Т. 2. 1967 г. Л. 163, 164.

³ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21. Т. 5. 1967 г. Л. 131, 132.

⁴ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 15. Т. 1. 1966 г. Л. 78–81.

⁵ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21. Т. 7. 1967 г. Л. 168–171.

⁶ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21. Т. 7. 1967 г. Л. 168–171.

⁷ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21. Т. 7. 1967 г. Л. 172.

⁸ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 15. Т. 2. 1967 г. Л. 169.

⁹ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 15. Т. 1. 1966 г. Л. 197.

¹⁰ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 15. Т. 2. 1967 г. Л. 159.

¹¹ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21. Т. 4. 1967 г. Л. 45.

¹² Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21. Т. 1. 1967 г. Л. 42.

¹³ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21. Т. 1. 1969 г. Л. 123.

¹⁴ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 15. Т. 2. 1966 г. Л. 194.

¹⁵ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21. Т. 5. 1967 г. Л. 133, 134.

¹⁶ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 15. Т. 1. 1966 г. Л. 85.

¹⁷ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 15. Т. 1. 1966 г. Л. 43.

¹⁸ Архив МВД ДНР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21. Т. 2. 1969 г. Л. 97.

Список литературы

Донецкий юридичний інститут МВС України – 50 років: історія і сьогоденність / Шевченко А.Є., Білий Д.Д., Ситник О.М. (та ін); за ред. В.М. Бесчастного. Донецьк: Донецький юр. інститут ЛДУВС ім Е.О. Дідоренка, 2011. 164 с.

История советской милиции. Советская милиция в период социализма (1936–1977 гг.). М.: Академия МВД СССР, 1977. Т. 2. 339 с.

Краснонос Ю.Н. Становление системы милицейского образования в Донбассе (1960–1970-е гг.) //

Вестник Донецкого национального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 18–24.

Семенов В.В. Развитие огневой и физической подготовки в советских правоохранительных органах (1953–1964 гг.) // Алтайский юридический вестник. 2017. № 3 (19). С. 24–27.

Суверов Е.В., Фризен П.Д. Политико-воспитательная работа среди сотрудников советской милиции в Тюменской области (70-е гг. XX в.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18-2. С. 191–192.

References

Donetskii iuridicheskii institut MVD Ukrainy – 50 let: istoriia i nastoiashchee, Shevchenko A.E., Belyi D.D., Sytnik O.M., ed. by V.M. Beschastnui [Donetsk law institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine – 50 years: history and present]. Donetsk, Donetskii iuridicheskii institut LGUVD im E.A. Didorenko, 2011. 164 p. (In Ukrainian).

Istoriia sovetskoi militsii. Sovetskaia militsiia v period sotsializma (1936–1977 gg.) [History of the Soviet militia. Soviet militia during the period of socialism (1936–1977)]. Moscow, Akademiia MVD SSSR Publ., 1977, vol. 2, 339 p. (In Russ.)

Krasnonosov Iu.N. *Stanovlenie sistemy militseiskogo obrazovaniia v Donbasse (1960–1970-e gg.)* [Formation of the system of police education in Donbass (1960–1970s)]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Donetsk National University. Series: Humanities], 2020, № 2, pp. 18–24. (In Russ.)

Semenov V.V. *Razvitie ognevoi i fizicheskoi podgotovki v sovetskikh pravookhranitel'nykh organakh (1953–1964 gg.)* [The development of fire and physical training in the Soviet law enforcement agencies (1953–1964)]. *Altayskii iuridicheskii vestnik* [Altai legal bulletin], 2017, № 3 (19), pp. 24–27. (In Russ.)

Suverov E.V., Frizen P.D. *Politiko-vospitatel'naiia rabota sredi sotrudnikov sovetskoi militsii v Tiimenskoi oblasti (70-e gg. XX v.)* [Political and educational work among the employees of the Soviet militia in the Tyumen region (70s of the XX century)]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniiami i inymi pravonarusheniiami* [Actual problems of combating crimes and other offenses], 2018, № 18-2, pp. 191–192. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.07.2021; одобрена после рецензирования 29.09.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 15.07.2021; approved after reviewing 29.09.2021; accepted for publication 15.11.2021

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 100–106. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 100–106. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09”19”

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-100-106>

РУССКАЯ ДРАМАТУРГИЯ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ.

Патрикеева Мария Вадимовна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, keriotika@gmail.com

Аннотация. Крымская война 1853–1856 гг. стала настоящим испытанием для российского общества и отразилась в культуре и искусстве того времени, в том числе в драматургии. Уже в период войны создавались и ставились в театре пьесы, посвящённые этому историческому событию. В данной статье проведён анализ четырех пьес: «За веру, царя и Отечество» П.И. Григорьева, «Ветеран и новобранец» А.Ф. Писемского, «Подвиг матери» О.Ф. Миллера, «Русские в 1854 году» А.А. Тальцевой. Общим идеологическим посылом данных драматических произведений становятся патриотизм, прославление величия Отечества и силы русского народа, православной веры, в связи с чем в пьесах создается образ русского воина, для которого участие в войне – дело чести и веры. В исследовании устанавливается соответствие драматических произведений периода Крымской войны 1853–1856 гг. требованиям времени, их тесная связь с историческим контекстом эпохи, а также ориентация на простоту восприятия зрителями. Автор статьи определяет общие черты патриотических пьес периода Крымской войны на сюжетном и идейном уровне.

Ключевые слова: Крымская война, Крым, Россия, драма, драматургия, пьеса, патриотизм.

Для цитирования: Патрикеева М.В. Русская драматургия периода Крымской войны 1853–1856 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 100–106. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-100-106>

Research Article

RUSSIAN DRAMA DURING THE CRIMEAN WAR OF 1853–1856

Mariya V. Patrikeeva, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, keriotika@gmail.ru

Abstract. The Crimean War of 1853–1856 became a real challenge for Russian society and was reflected in the culture and art of that time, including drama. Already during the war, plays dedicated to this historical event were being created and staged in theatres. This article analyses four plays – “For the Faith, the Tsar and the Fatherland” by Pyotr Grigor’ev, “The Veteran and the Recruit” by Aleksey Pisemsky, “The Feat of the Mother” by Orest Miller, “The Russians in 1854” by Adelaida Tal’tseva. The general ideological message of those dramatic works included patriotism, glorification of the greatness of the Fatherland and the strength of the Russian people, the Orthodox faith, in connection with which the plays created the image of a Russian soldier for whom participation in the war is a matter of honour and faith. The study establishes the correspondence of dramatic works of the period of the Crimean War of 1853–1856 to the requirements of the time, their close connection with the historical context of the era, as well as an orientation towards ease of perception by the audience. The author of the article defines the general features of patriotic plays of the Crimean War period at the plot and ideological level.

Keywords: Crimean war, Crimea, Russia, drama, dramaturgy, play, patriotism

For citation: Patrikeeva M.V. Russian dramaturgy of the Crimean War of 1853–1856. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 100–106 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-100-106>

Крымская война 1853–1856 гг. получила горячий отклик в русской словесности XIX в., в том числе в драматургии. Во время Крымской войны не переставали работать санкт-петербургские театры, и появилась необходимость в создании новых пьес, посвящённых актуальной теме – событиям текущей войны. На этот общественный запрос откликнулись многие драматурги: в 1854 г. были поставлены пьесы «За веру, царя и Отечество» П.И. Григорьева, «Ветеран и новобранец» А.Ф. Писемского, «Подвиг матери» О.Ф. Миллера; а в январе 1855 г. состоялась премьера пьесы А.А. Тальцевой «Русские в 1854 году». Каждое из этих произведений было злободневным, создавалось для максимально быстрой постановки на сцене с тем, чтобы идеи пьес были оперативно донесены до зрителей.

Изучая драматические произведения периода Крымской войны 1853–1856 гг., Д.К. Первых рассматривает театральную жизнь России и драматургию в период Крымской войны, делая обзор новых театральных постановок. Предметом внимания исследователя становится история театра; отмечается, что для получения успеха пьеса не должна была обладать высокими художественными достоинствами: «*Серьезных произведений о войне с драматическим сюжетом и глубокой фабулой, похоже, не ждали ни зрители, ни критики*» [Первых: 218]. О.В. Тимашова анализирует драму А.Ф. Писемского «Ветеран и новобранец» и характеризует данное произведение как «явление, выходящее по художественным достоинствам из рамок драматической беллетристики» [Тимашова: 60]. Необходимо отметить, что драматические произведения, написанные и поставленные в период Крымской войны 1853–1856 гг., изучены в научной литературе недостаточно.

Целью данного исследования стал анализ драматических произведений, написанных и появившихся на русской сцене во время Крымской войны 1853–1856 гг., выявление их особенностей на уровне сюжета, идейного содержания, системы персонажей и т. д. Для нас важно было увидеть, отражаются ли в пьесах конкретные события войны, как оценивается в них сама война, участие в ней России и поведение противника, какие настроения общества воспроизводит драматургия того периода.

Пьеса «За веру, царя и Отечество» была написана непрофессиональным литератором – актёром П.И. Григорьевым, который затем принимал участие в её постановке. Она задумана как целое театрализованное представление, наполненное различными жанровыми формами: как сказано в подзаголовке, – «русскими песнями, плясками и военными куплетами» [Григорьев]. То есть целью автора было организовать оригинальное, яркое, самобытное произведение в народном духе. Как отмечает Первых, сам автор

с успехом играл в своём произведении «*роль старого моряка Бориса Непогоды*» [Первых: 218].

Пьеса, в которой участвуют десятки персонажей, открывается картиной мирной жизни села Богатова, где поют песни деревенские девушки, где парни угощают их сладостями, а сами подумывают о женитьбе, где старики любят молодёжь и обсуждают сельские и семейные дела. Весть о войне приносит мирным селянам Борис Непогода. Но они не верят в серьёзность ситуации: «*Про войну-то слышали, кое-что, так, мельком ... да не верим право, чтоб нонче с нами кто воевать стал*» [Григорьев: 17]. Фабула очень проста: селяне живут своей мирной жизнью, но готовы выступить на защиту Отечества, как только это потребуется. Интересно, что наиболее важные в патриотическом отношении моменты Григорьев сопровождает песнями, гимнами, маршами, исполняемыми обычно хором. Например, призыв к защите России:

*Русь богохранимая
Словно Божий гром,
Встанет Мать родимая
С батюшкой Царем!!* [Григорьев: 19]

Автор стремится показать патриотический порыв, которым охвачены все россияне – от простого мужика до помещика, который тоже хочет воевать за Родину: «*...Ведь у меня также, слава Богу, сердце не камень! Слушая и читая про все коварные замыслы врагов России, так и рвется ретивое поколотить бусурманов!*» [Григорьев: 28]. Более того, узнав, что через Богатова будут проходить военные, помещик призывает односельчан встретить их по всем законам русского гостеприимства (в связи с этим неслучайно название последней картины пьесы, в котором и будет описан прием селянами солдат, – «Почетные гости»). Жители Богатова, кто как может, стремятся поддержать военных: так, калачник «*целый воз готов пожертвовать*» угощений [Григорьев: 53], пожилые крестьяне наперебой зовут защитников Отечества в свои избы [Григорьев: 77].

Особенно ярким проявлением патриотизма селян становится сбор средств для жены и сына кавалериста Спиридона Палашева, оставшихся на время войны без кормильца. Выразительность этому благородному жесту придает в первую очередь инициатор сбора – маленький мальчик Вася, внук выборного. Вася дает Андрюше, сыну Палашева, копейку – из нее вырастает внушительная сумма, ставшая олицетворением «*общего желанья*» [Григорьев: 45]: каждый житель Богатова стремится внести свою лепту в «*святую жатву*» [Григорьев: 52] (желающих так много, что скоро вокруг Васи собирается толпа), а кто-то жертвует и последние деньги. Так, Борис Непогода отдает последний рубль, не оставляя себе ничего на дорогу до Петербурга. Стихийный сбор средств для семьи Спиридона неожиданно превращается

в дар сиротам и вдовам погибших, поскольку Спиридон от имени жены и сына отказывается («...ни жена, ни сын мой этой жертвы от вас принять не захотят, да и не посмеют» [Григорьев: 47]¹). Помещик, восхищаясь патриотическим порывом односельчан, удваивает собранную сумму.

Неженатые сыновья Выборного – Иван, Игнатий и Трофим – в начале пьесы изображаются как охотники за невестами, однако вскоре, посмотрев на военных, остановившихся в их селе по пути в Петербург, понимают, что теперь «не до сватовства, надо служить Богу и Государю» [Григорьев: 35]. Почти в одночасье забыв любовные мечты, братья начинают брать пример с «настоящего солдата» [Григорьев: 39] – Палашева, искать возможности попасть на войну (хотят обратиться к отцу, чтобы тот упрощил помещика отпустить их): «...кому-нибудь из нас выпадет счастье» [Григорьев: 40].

Главный идейный посыл пьесы – воодушевить зрителей, показать им силу русского народа: «Так кто же нас православных одолеет?» [Григорьев: 39]; «...Русь вполне восторжествует» [Григорьев: 29]; «Мы, те ж сыны двенадцатого года, / Не постыдим нигде своих Отцов!» [Григорьев: 29]. В то же время в произведении есть содержательный посыл – укрепить веру зрителей в праведный замысел войны: «Россия идёт отстоять Христианскую Веру и спасти от турок угнетённых наших единоверцев» [Григорьев: 55–56].

Для усиления патриотических чувств зрителей Григорьев уделяет большое внимание отражению в пьесе образа врага. Защищать Православие предстоит от «Запада гнилого» – «врагов креста» [Григорьев: 29]. Каждый из членов вражеской коалиции удостаивается в произведении индивидуальной характеристики: англичане – «неверные», французы – «легковёрные», турки – «глупые» [Григорьев: 57–58; 83].

Жители села Богатова по ходу действия все более отчётливо осознают масштаб войны, ее значение. Так, Выборный решает отдать в армию всех своих сыновей: «Ты назначил идти по очереди на службу моего сына Алексея, но одного мало! Мало, отец! Бери от меня всех пятерых сыновей на службу Царю и Отечеству!» [Григорьев: 56] И сыновья с радостью принимают решение отца. Картину высокого патриотического духа дополняет образ Бориса Непогоды – отставного моряка, который, по его собственному утверждению, идет «на вторую службу» [Григорьев: 27]. Он «не из бессрочных» [Григорьев: 26], а значит, встает на защиту Родины по зову сердца («...слава Богу, подняли опять с гнезда старую морскую птицу» [Григорьев: 69]), в надежде, что его военный опыт окажется полезным и в этой войне.

Все «христианские подвиги» [Григорьев: 53], которые один за другим совершают герои пьесы, без-

условно, призваны были пробудить и в зрителях высокие патриотические чувства.

Пьеса Григорьева имела большой успех у публики. Она была дана в театре пятнадцать раз, и каждый раз успех был оглушительным. Заядлые театралы выучили пьесу чуть ли не наизусть и с ходу подхватывали все куплеты.

Драма А.Ф. Писемского «Ветеран и новобранец» была дана в театре семь раз. В ней гораздо меньший состав персонажей – всего шесть героев. Действие происходит в усадьбе отставного полковника Алексея Петровича Лихарева. В отличие от пьесы Григорьева она начинается сценой, наполненной совершенно иными, горестными чувствами: жена помещика вспоминает о гибели двух своих старших сыновей, которые «в одном сражении были ранены... друг около дружки и стояли... <...> получасочка... один после другого не жили» [Писемский: 3]. Зритель узнаёт, что последний её сын, гимназист седьмого класса Александр, тоже хочет идти на войну и уверен в правильности своего решения: «Я, маменька, не один; у нас весь седьмой класс в полк поступает» [Писемский: 4]. Разумный дядюшка пытается отговорить юношу совершенно логичными доводами: «То, что вы останетесь при отце и матери, всякий благомыслящий человек поставит вам в честь, а не в обвинение» [Писемский: 6], однако тот непреклонен. Драматизм ситуации подчёркивается тем, что отцу семейства пока не открыли правды о смерти старших сыновей, опасаясь за его здоровье, подорванное в былых войнах.

Значительную часть повествования составляет сцена тайного обучения военному делу Александра бывшим денщиком отца – Селифантьевым. Так писатель изображает единство народа и представителей дворянства перед лицом общей опасности. Именно старому денщику Саша признаётся, что решил бежать на войну в случае, если его не отпустят родители, и тот не отговаривает его, поскольку считает: «...коли убит на стражении <сохранен вариант произношения персонажа – прим. М. П.>, в царстве небесном, значит, будут» [Писемский: 12].

Сюжет «Ветерана и новобранца» не отличается событийной насыщенностью, однако это успешно компенсируется содержательными диалогами персонажей. Так, образ отца Саши Алексея Петровича Лихарева – старого служаки, преданного своему делу, – создается именно с помощью его рассказов Селифантьеву, соседу Макару Макаровичу. Алексей Петрович предстает в них человеком, живущим прошлым и постоянно вспоминающим военную службу как лучшие годы жизни, сквозь десятилетия пронесшим благодарность своим наставникам в военном деле: «...все мои начальники мне вторые отцы были» [Писемский: 14]. Саша с большим интересом и гордостью слушает рассказы Селифантьева о сме-

лости и искусности отца в рукопашном бою, о его невероятной силе. Желание гимназиста пойти на войну укрепляется еще больше, когда бывший отцовский денщик делится с ним размышлением: *«Ежели бы теперича примерно, так сказать, годков пятнадцать им с костей долой да ножки бы у них поздравнее были, они <Алексей Петрович – прим. М. П.> и сами бы пошли в службу»* [Писемский: 12].

Кульминацией повествования становится сообщение Аполлинарии Матвеевны Алексею Петровичу о гибели сыновей. Он принимает эту весть на удивление стойко: *«Вот, Макар Макарыч, мы с тобой сегодня поутру песни пели, а теперь приходится панихиду служить»* [Писемский: 31]. Старый полковник не запрещает младшему сыну идти на войну, как того ожидали родственники, а, напротив, тут же напутствует его. Сценой этого благословения и завершается драма: *«Благослови Тебя Господь! Вот вам последний! У меня уж больше никого не осталось... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...»* [Писемский: 32].

Драма Писемского «Ветеран и новобранец» была сыграна лучшими столичными артистами, она получила «очевидный сценический и читательский успех» [Тимашова: 61], хотя и менее значительный, чем у рассмотренной выше пьесы Григорьева «За веру, царя и Отечество». О.В. Тимашова отмечает, что произведение Писемского «по тональности и благородной скупости рисунка» [Писемский: 64] существенно превосходит сюжетно близкие пьесы своего времени.

Успех «Ветерана и новобранца» способствовал появлению у Писемского подражателей, самым явным из которых даже для литераторов 1850-х гг. был Орест Федорович Миллер. Сильное сюжетное и идейное сходство пьесы Миллера с произведением Писемского было отмечено в 1855 г. в «Отечественных записках»: «...содержание пьесы г. Миллера чрезвычайно похоже на “Ветерана и новобранца”» [Петербургские заметки: 172]. Вторичностью, подражательностью можно объяснить и художественные недостатки произведения Миллера. Н.Г. Чернышевский в «Современнике» указывает на предсказуемость развязки, неспособность автора, возможно в силу молодости, достоверно воссоздать в пьесе психологическую борьбу. Плохие зрительские отзывы на «Подвиг матери» служат для Чернышевского вполне резонным основанием для категоричного суждения о полной несостоятельности пьесы: «Пьеса г. Миллера не имела особенного успеха, или, лучше сказать, никакого успеха на сцене – этим достаточно определяется степень ее достоинства; потому было бы излишне много говорить о ней» [Чернышевский: 49]. Чернышевский довольно лаконично (в одном абзаце) и при этом точно пересказывает содержание пьесы Миллера [Чернышевский: 49–50], будто бы стремясь тем самым ли-

шить читателя какого бы то ни было интереса к пьесе, сберечь его время.

Действительно, сюжет «Подвига матери» отнюдь не оригинален: мать узнает о гибели двух сыновей и с болью в сердце, обращаясь к Богу, благословляет третьего (последнего) – семнадцатилетнего Ваню, самого любимого ею – отправиться на войну: *«Будь с ним в тяжелый час... подобно братьям / Дай твердым быть ему... подобно им / Дай жизни не жалеть за Русь святую!»* [Миллер: 78–79]. Ваня, как и герой пьесы Писемского Саша, мечтает оказаться на войне, однако он боится своим поступком пошатнуть и без того слабое здоровье матери (как Саша – отца): *«...должен / Сыновий долг исполнить я, и как / Мне бросить матушку? Она сверх сил / Отчеству пожертвовала; духом / Тверда еще она, но уже силы / Заметно гаснут в ней»* [Миллер: 42]. Миллер подражает Писемскому настолько последовательно, что даже незначительные, казалось бы, детали он заимствует. Например, Ваня, как и Саша, из-за сильных душевных переживаний, заключающихся в борьбе с сыновним долгом и долгом перед Родиной, не может спать по ночам. Ср. у Миллера: *«Мне спать велела мать, но не могу теперь заснуть»* [Миллер: 41] и у Писемского: *«Как вот начал собираться на службу, ни одной ночи теперь не сплю»* [Писемский: 11].

Миллер, вероятно стремясь завуалировать сюжетное и идейное сходство «Подвига матери» с пьесой Писемского, временем действия выбирает Отечественную войну 1812 г.: события первого действия разворачиваются в августе 1812 г., а второго – 9 сентября (через день после Бородинского сражения). Однако в сознании современников война 1812 г. и Крымская война были тесно связаны², поэтому пьеса Миллера воспринималась не ретроспективно, а вполне злободневно.

В пьесе А.А. Тальцевой «Русские в 1854 году» действие происходит в двух дворянских домах в период войны, которая волнует умы всех персонажей. Уже в начале первого действия в уста одного из героев вложена мысль об основной причине войны – зависти к России со стороны европейских государств: *«Бесит их, завистников, что земля наша велика, что сила в ней богатырская, что нет славнее и могучее нашего Царя, нет вернее русского народа»* [Тальцева: 4]. Главный герой «Русских в 1854 году» весьма напоминает отставного полковника из драмы Писемского. Это отставной генерал Залесин, также потерявший в войне старших сыновей и оставшийся с младшим – Михаилом. Он не сломлен: *«Тяжело мне было услышать об их смерти... но я благодарил Бога за славную кончину детей...»* [Тальцева: 5–6] Вот только младший сын Миша, как кажется генералу, не спешит проситься в полк. Старик отец не может смириться с этим и задаётся горестными вопросами: *«...Неужели серд-*

це в тебе каменное? Неужели нет в тебе русской души?...» [Тальцева: 6]

В соответствии с патриотической направленностью пьесы сын, конечно, хочет на фронт, но боится сказать об этом отцу, чтобы не огорчить его. Его признание отцу расставляет всё по местам: «*Как вы в вашей молодости, порывался и я на смерть за родину; как вы, терзался я домашним покоем...*» [Тальцева: 9] Слова Миши словно воскрешают Залесина к жизни, помогают ему вновь почувствовать к сыну любовь и уважение: «...я снова узнал гордость родительской любви» [Тальцева]. Надежды, ожидания отца («...вот уже месяцы, как я жду, чтоб он сказал слово!..» [Тальцева: 6]) не оказались тщетными: Миша одной крови с ним и не может в военное время равнодушно продолжать статскую службу.

Под пером писательницы искусно соединяются две сюжетные линии произведения – общественная и любовная³. И хотя в названии пьесы провозглашается главенство первой, вторая оказывается не менее выразительной. Верочка, восемнадцатилетняя дочь помещицы Буянцовой, равнодушна к сыну Залесина, однако считает его благородным человеком. В сравнении с неприятным для Веры, но обласканным ее матерью Рюминым у Михаила «и души, и ума больше» [Тальцева: 11]. Мать Верочки в отличие от дочери считает главными достоинствами жениха солидность, богатство – именно эти черты она видит в Анатолии Михайловиче.

Не только уважение, но и горячую симпатию, а позже и любовь вызывает молодой Залесин у Веры, когда она видит его не угрюмым, как раньше, а счастливым, воодушевленным скорой отправкой на войну: «*Сегодня вы другой человек!*» [Тальцева: 16]. Не только реплики героини, но и авторские ремарки свидетельствуют о рождении в ее сердце нового чувства к Михаилу: «с волнением», «с удивлением», «живо и с увлечением протягивая ему руку», «с одушевлением», «взволнованная», «с искренностью» [Тальцева: 18–19] и т. п.

Тальцева делает интересные зарисовки сцен общения матери и дочери, молодых людей между собой, и на страницах пьесы появляется изображение обычной жизни, противостоящей войне. Михаил признаётся Верочке и в любви к ней, и в том, что гораздо более этой любви ценит другую – любовь к Родине: «*Вера, честь, верность, мужество, самоотвержение... все содержит в себе эта высокая любовь, в которой как в ясном зеркале отражаются лучшие инстинкты сердца!*..» [Тальцева: 18].

Патриотизм одерживает победу над мещанством: Верочка тоже воодушевлена порывом Михаила; его благородный поступок помогает ей искренне полюбить молодого человека. Пока Михаил на войне, Верочка окружает дочерней заботой его отца, который

в отсутствие сына теряет ещё и младшую дочь. Благородная девушка отвергает ухаживания пустого Рюмина и не верит его наговорам на Михаила.

Кульминацией повествования становится клевета, которую возводит Рюмин на своего мнимого соперника, якобы ведущего любовную переписку с другой женщиной. Благодаря верному приказчику Трофиму, Верочке удаётся раскрыть обман несостоявшегося жениха. Раненый Михаил возвращается с фронта, и молодые люди наконец объясняются.

Однако в последнем явлении пьесы патриотический пафос все же превалирует над любовным. Именно в финале Тальцева дает детальное описание сражения: раненый Михаил рассказывает о своём участии в битве при Карсе и о том, как был ранен: «*Полк низама уже уступил грозному натиску Эрванцев и гренадер, и покрыл землю своими трупами... С криком победы вошли мы на высоту!.. там начался рукопашный бой...*» [Тальцева: 37].

Однако последние слова пьесы вложены в уста не Михаила, а Верочки: «*Я, как женщина, не могу рассуждать о политике... ничего не понимаю в военных действиях... но я чувствую, но сердце говорит мне, что слава России никогда не погибнет!*..» [Тальцева: 38]. Это, несомненно, позиция и автора пьесы, которая стремилась обозначить сильные патриотические чувства не только мужчин, но и женщин.

В художественном и стилистическом отношении все рассмотренные нами пьесы несовершенно. Очень точное замечание по поводу литературных достоинств драматургии периода Крымской войны делает Первых: «*Главным на тот момент было не столько содержание, сколько настроение, ради которого создавались произведения: поднять дух, настроить на победу*» [Первых: 219].

Итак, в период Крымской войны 1853–1856 гг. театр живо реагировал на события, происходящие в стране. Пьесы создавались авторами (П.И. Григорьевым, А.Ф. Писемским, О.Ф. Миллером, А.А. Тальцевой и др.) очень оперативно, и уже во время войны ставились в театрах Санкт-Петербурга. Их отличали художественная, содержательная, стилистическая простота и даже простодушие, бесхитрость в сочетании с сильной патриотической линией, прославлением русского народа и посрамлением его врагов.

Можно отметить, что в драматических произведениях периода Крымской войны практически не отражаются конкретные события войны. Они или подаются в общем виде, или упоминаются в виде кратких новостных сообщений: «*Последняя самая свежая новость: наши войска перешли через Дунай*» [Писемский: 28], «*Князь Бебутов нанес 24-го июля совершенное поражение шестидесятысячному неприятельскому корпусу, перед Карсом!*..» [Тальцева: 27]. Описания сражений в первую очередь связаны

с личным опытом героев. Например, передает опыт участия в сражении герой пьесы Тальцевой Михаил Залесин («*О, это был незабвенный день моей жизни!*» [Тальцева: 37]), Савельич – второстепенный персонаж «Подвига матери» Миллера («*Да, батюшка, и видел ничего / Я от роду такого, и в другой раз / Уж не увижу, – да, святое время!*» [Миллер: 50]).

В каждой из рассмотренных пьес на первый план выходит патриотическая тема: горячее желание послужить Отечеству, принять участие в войне и – как проявление высшего счастья – отдать на ней жизнь. Отправление сыновей, отцов, братьев, друзей, племянников в армию изображается как желанное и для тех, кто уезжает, и для тех, кто остаётся. Большое огорчение приносит героям не утрата родных, павших в бою, что воспринимается как «*завидная смерть*» [Тальцева: 28], возможность сразу после смерти оказаться в раю [Писемский: 12], а нежелание близких им людей идти воевать: «*Больно мне: что сын мой может сидеть дома, когда русская кровь льется за родину!*» [Тальцева: 6]

Особенно выразительно патриотизм проявляется в общем для всех рассмотренных пьес сюжетном ходе: матери и отцы готовы отдать всех сыновей на войну, даже последних, которые могли бы стать им утешением и помощью в старости: «*...одного мало! Мало, отец! Бери от меня всех пятерых сыновей на службу Царю и Отечеству*» [Григорьев: 56]; «*Вот вам последний!*» [Писемский: 28]; «*Ты у меня один остался, Ваня! / Все братья положили жизнь за Русь; / Не плачу я, ты видишь: сладко знать мне, / Что я детей святой отчизне в жертву / Без ропота, без стонов принесла*» [Миллер: 74] и т. п.

Более того, даже известия о смерти ранее ушедших воевать детей не останавливают родителей в намерении отдать служить Родине и тех, кто еще не вылетел из родительского гнезда. Показательно, что желание детей отправиться на войну всегда очень страстное, в нем нет места страху. Сомнения же могут быть вызваны только нежеланием огорчить родителей, оставить их в одиночестве.

Таким образом, очевидны сюжетные и идейные сходства рассмотренных пьес. Каждое из них ориентировано на укрепление в русском обществе патриотических настроений и веры в праведность войны. Общественное – военный долг перед Отечеством – превалирует в проанализированных произведениях над частным, личностным – чувствами сыновей к матери, отцу, возлюбленной.

Примечания

¹ В уста отставного кавалериста Спиридона Палашева и отставного моряка Бориса Непогоды Григорьев вложил слова о поддержке военных со стороны Николая I, «*по милости Царской*» [Григорьев: 47]. Персонажи уверены, что их семьям в их отсутствие

не угрожает нищета, что «*никто <...> не будет нуждаться*» [Григорьев: 39].

² В качестве одного из факторов, поспособствовавших такому восприятию, было упоминание непосредственной связи событий 1812 г. и 1853–1856 гг. в связанном со вступлением в войну Англии и Франции императорском манифесте от 9 февраля 1854 г.: «*Мы и ныне не тот ли самый народ русский, о доблестях коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года!*» [Богданович: 38].

³ Как отмечает Тимашова, для многих драматургов периода Крымской войны «патриотическая тема оказалась предлогом оживления интереса к стандартным положениям любовного и авантюрно-бытового водевиля» и «счастливым разрешителем личных драм» [Тимашова: 62].

Список литературы

Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов: в 4 т. СПб., 1876. Т. 1: Приложения к главе X. С. 37–40.

Григорьев П.И. За веру, царя и Отечество: Оригинальное народное представление в 3 картинах, с русскими песнями, плясками и военными куплетами. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1854. IX, 97 с.

Миллер О.Ф. Подвиг матери: Эпизод из Отечественной войны: в 2 действиях, в стихах. СПб.: Тип. Штаба Отд. корп. внутрен. стражи, 1855. 80 с.

Петербургские заметки // Отечественные записки. 1855. № 2. Отд. VII: Смесь. С. 169–183.

Первых Д.К. Крымская война глазами зрителя: театр, игра, солдатская пьеса (1853–1856 гг.) // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Сер.: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2012. Т. 24. № 3 (65). С. 216–225.

Писемский А.Ф. Ветеран и новобранец. Драматический случай из 1854 года. СПб.: Изд. Ф. Стелловского, 1861. 32 с.

Тальцева А.А. Русские в 1854 году. Драматическое представление в 2 действиях и 4 картинах. СПб., 1855. 38 с.

Тимашова О.В. Риск на войне и в тылу. Драма А.Ф. Писемского «Ветеран и новобранец» (1854) в современном ему литературно-публицистическом контексте и в творческой биографии автора // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. № 3. С. 60–64.

Чернышевский Н.Г. Новые книги. Май 1855 года // Современник. 1855. Т. 51. № 6. Отд.: Библиография. С. 23–66.

References

Bogdanovich M.I. *Vostochnaia voina 1853–1856 godov: v 4 t.* [Eastern war of 1853–1856: in 4 vols.]. St. Pe-

tersburg, 1876, vol. 1: Annexes to chapter X, pp. 37–40. (In Russ.)

Grigor'ev P.I. *Za veru, tsaria i Otechestvo. Original'noe narodnoe predstavlenie v 3 kartinakh, s russkimi pesniami, pliaskami i voennymi kupletami* [For Faith, Tsar and Fatherland. An original folk performance in 3 scenes, with Russian songs, dances and military couplets]. St. Petersburg, Tip. E. Veimara Publ., 1854, 97 p. (In Russ.)

Miller O.F. *Podvig materi: Epizod iz Otechestvennoi voiny: v stikhakh* [Mother's feat: Episode from the Patriotic War: in 2 acts, in verse]. St. Petersburg: Tip. Shtaba Otdeleniia korpusa vnutrennei strazhi, 1855, 80 p. (In Russ.)

Peterburgskie zametki [Petersburg notes]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 1855, № 2, Otd. VII: Smes', pp. 169–183. (In Russ.)

Pervykh D.K. *Krymskaia voina glazami zritel'ia: teatr, igra, soldatskaia p'esa (1853–1856 gg.)* [The Crimean War through the Eyes of the Viewer: Theater, Game, Soldier's Play (1853–1856)]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Serii: Filosofii. Kul'turologiia. Politologiia. Sotsiologiia* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky. Series: Philosophy. Culturology. Political science. Sociology], 2012, vol. 24, № 3 (65), pp. 216–225. (In Russ.)

Pisemskii A.F. *Veteran i novobranets. Dramaticheskii sluchai iz 1854 goda* [Veteran and rookie. A dramatic in-

cident from 1854]. St. Petersburg, Izd. F. Stellovskogo Publ., 1861, 32 p. (In Russ.)

Tal'tseva A.A. *Russkie v 1854 godu. Dramaticheskoe predstavlenie v 2 deistviiakh i 4 kartinakh* [Russians in 1854. Dramatic performance in 2 acts and 4 scenes]. St. Petersburg, 1855, 38 p. (In Russ.)

Timashova O.V. *Risk na voine i v tylu. Drama A.F. Pisemskogo "Veteran i novobranets" (1854) v sovremennom emu literaturno-publitsisticheskom kontekste i v tvorcheskoi biografii avtora* [Risk in the war and in the rear. The drama of A.F. Pisemsky "Veteran and a Recruit" (1854) in his contemporary literary and publicistic context and in the author's creative biography]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Ser.: Filologiia. Zhurnalistika* [Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism], 2013, vol. 13, № 3, pp. 60–64. (In Russ.)

Chernyshevskii N.G. *Novye knigi. Mai 1855 goda* [New books. May 1855]. *Sovremennik* [Contemporary], 1855, vol. 51, № 6, pp. 23–66. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.09.2021; одобрена после рецензирования 18.10.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 03.09.2021; approved after reviewing 18.10.2021; accepted for publication 12.11.2021.

ПЬЕСА А.Н. ОСТРОВСКОГО «ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ»: ОТ ЗАМЫСЛА – К ВОПЛОЩЕНИЮ

Овчинина Ирина Алексеевна, доктор филологических наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, ovchn@yandex.ru

Виноградов Андрей Александрович, кандидат филологических наук, независимый исследователь, Кострома, Россия, avinonv@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается особенность содержания пьесы «Поздняя любовь» в аспекте движения художественной мысли автора. Впервые учитываются и вводятся в научный оборот рукописные источники (черновые наброски и план пьесы), которые позволяют выявить «узловые» моменты произведения, острые проблемные вопросы. Особое внимание обращено на то, как в ходе работы над пьесой всё большее значение придаётся любовной линии, что позволяет раскрыть смысл названия пьесы. Отмечено, что впервые Островский показывает высоко нравственную героиню, совершившую преступление ради любимого человека. В связи с этим приводятся некоторые суждения критиков, давших пьесе отрицательную оценку. Говоря о художественных достоинствах пьесы, авторы статьи замечают, что действие сконцентрировано во времени и пространстве. Дом Шабловых, где появляются адвокаты, купец, барыня, писарь, отражает в определённой степени социальный мир пореформенной России, те тенденции, которые для него характерны. Изучение первоначального плана показало, что Островский сначала продумал «сценарий» пьесы, состав действующих лиц, определил их характеры, роль в развитии действия. Драматургическое действие и благополучный финал приводят зрителя к выводу о том, что человека от нравственной гибели может спасти любовь, его способность к покаянию и осознание своей ответственности за близких людей и перед миром.

Ключевые слова: А.Н. Островский, драма, план, сцены, персонаж, автограф, критика

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00070А

Для цитирования: Овчинина И.А., Виноградов А.А. «Поздняя любовь» А.Н. Островского: от замысла – к воплощению // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 107–112. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-107-112>

Research Article

ALEXANDER OSTROVSKY'S PLAY "LATE LOVE": FROM ITS CONCEPTION TO THE IMPLEMENTATION

Irina A. Ovchinina, Doctor of Philological Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ovchn@yandex.ru

Andrei A. Vinogradov, Candidate of Philological Sciences, Kostroma, Russia, avinonv@rambler.ru

Abstract. The article examines the contents' peculiarity of the play "Late Love" in accord with its author's artistic intentions. For the first time hand-written materials (rough copies and the play's draft) have been taken into account and brought into academic use; the chirographs make it possible to bring to light the main points of the play and its vital problems. Special attention is paid to still greater importance the author was lending to the love story while working at the play; it helps to reveal the meaning of the play's title. It is noted that for the first time Alexander Ostrovsky had shown a highly moral heroine who committed crime for the sake of the man she loved. In this connection, a few opinions of some critics are cited who gave negative estimation to the play. Analysing the play's artistic merits the authors of the article take notice of the fact that the action is concentrated in time and space. The Shablovs' house where lawyers, a tradesman, a landlady, and a clerk make their appearance, reflects to a certain extent the social strata of the post-reformed Russia and the tendencies typical of that world. The study of the initial draft made it clear that Alexander Ostrovsky thought over at first the play's "scenario", the number of personages, determined their characters and their role in the action's development. The dramatic action and the happy end draw the spectators to the conclusion that a human's salvation from its moral ruin is love, personal ability to repent and to realise its responsibility for the people close to it and for the world as a whole.

Keywords: Alexander Ostrovsky, drama, draft, scenes, personage, autograph, criticism

Acknowledgements. The investigation is fulfilled with the financial support of the RFFI within scientific project № 19-012-00070А

For citation: Ovchinina I.A., Vinogradov A.A. Alexander Ostrovsky's play "Late Love": from its conception to the implementation. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 107–112 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-107-112>

26 апреля 1873 г. в письме к актёру Александринского театра Ф.А. Бурдину Островский сообщает о замысле «оригинальной» пьесы, а 13 августа подтверждает это известие: «Пьеса тебе готова, т. е. обдумана совершенно и начата. Напишу я её скоро» [Островский 11: 432]. Однако быстро закончить начатое не получилось, хотя, как явствует из дружеской переписки, Островский надеялся порадовать близких новым произведением. Так, 4 сентября драматург просит актёра Малого театра М.П. Садовского сказать Н.И. Музилю о намерении в ближайшее время отправить готовую пьесу в Петербург; 20 сентября в письме к костромскому этнографу П.И. Андроникову уточняет, что торопится «оканчивать пьесу», а Бурдина просит не беспокоиться: «...пьеса будет готова скоро. Для скорости переписки я тебе буду присылать её по актам. Я слишком долго пробыл над сценариумом, мне хотелось обладать сюжетом поэффектнее; пьеса выйдет короткая и сильная» [Островский 11: 436]. В письме к Ф.А. Бурдину от 29 октября 1873 г. Островский признаётся: «Нельзя сказать, чтоб я писал эту комедию наскоро, я целый месяц думал о сценариуме и сценических эффектах и очень тщательно отделывал сцены Николая и Людмилы, и мне кажется, они написаны не совсем глупо» [Островский 11: 441].

Пьеса действительно получилась «короткая и сильная», с эффектными сценами. Островский, опытный драматург, понимал, как важен сюжет, который был бы интересен зрителю, как необходимы яркие персонажи, побуждающие актёров задумываться о мотивах поступков героев. Драматург так писал о произведении: «...пьеса очень простая и доступная для исполнения. Содержание её следующее: пожилая девушка, дочь старого чиновника, честного и гордого своей честностью, полюбила страстно молодого человека не безукоризненного поведения. Борьба в её душе происходит между любовью к старому отцу, для которого она составляет единственное утешение, и страстью к молодому человеку» [Островский 10: 210].

Драматург не впервые показывает окраину Москвы, где живут купцы, небогатые чиновники, мастера-ремесленники, приказчики, люди бедные, с трудом зарабатывающие на хлеб. И для каждой пьесы он находит свою интонацию, свои краски, придающие отображаемой стороне жизни и изображаемым характерам неповторимость. «Поздняя любовь» – это, можно сказать, «тихая» пьеса, при этом содержащая в себе эффектные сцены, неожиданные повороты в развитии действия.

Всё действие происходит в течение непродолжительного времени в небольшом деревянном доме Фелицаты Антоновны Шабловой, где появляются «адво-

кат из отставных чиновников» Маргаритов, его дочь, «немолодая девушка» Людмила, младший сын Шабловой Дормедонт, выполняющий обязанности писаря у Мармеладова, купец Дороднов, привыкшая к безбедной жизни, не отказывающая себе в удовольствиях барыня Лебёдкина, сын Шабловой Николай, окончивший университетский курс, бывший адвокат, ведущий разгульный образ жизни. Таким образом, в «Поздней любви» не только показаны отношения между обитателями дома, но и представлен современный Островскому социум. В пьесе органичным образом соединились две темы: любовная и юридическая.

Рассказывая о своём сыне, Шаблова сетует: «Учился он у меня хорошо, в университете курс кончил; и, как на грех, тут заведись эти новые суды! Записался он адвокатом, – пошли дела, и пошли, и пошли, огребай деньги лопатой» [Островский 4: 9]. В 1864 г. Александром II были утверждены новые Судебные уставы. На территории Российской империи новые суды открывались постепенно, на протяжении длительного времени. Реформирование судостроительства и судопроизводства было сопряжено с изменением кадрового состава, выразившегося, в частности, в назначении в суды людей, имеющих юридическое образование, опыт, безукоризненную репутацию. Существенные перемены произошли в судостроительстве, состоящем из двух ветвей судов – мировых и общих судебных установлений: «Судебная реформа упорядочила и основательно переработала всё российское судопроизводство. Феодальная тяжеловесность и запутанность уступали место строгой системе и ясности» [Лонская: 71]. Два адвоката представляют в «Поздней любви» эту систему. Маргаритов делает всё, чтобы завоевать доверие у клиентов, тогда как Николай Шаблов пренебрегает самим понятием «репутация». В пореформенной России всё больший вес в общественном сознании приобретает честное ведение дела, уважительное отношение к закону, надёжность. У Островского 1870–80-х годов эти тенденции отразились в целом ряде пьес, где показаны люди, наделённые чувством собственного достоинства, провозглашающие нравственные ценности. Таков Платон Зыбкин, герой комедии «Правда – хорошо, а счастье лучше», считающий, что человек должен быть полезен обществу: «...только два сорта и есть, податься некуда: либо патриот своего отечества, либо мерзавец своей жизни» [Островский 4: 279]. В «мерзавца своей жизни» постепенно превращается Николай.

Не впервые у драматурга звучит юридическая тема, не впервые показаны люди, совершающие подлоги, подделывающие подписи, совершающие преступле-

ния, как нравственные, так и юридические. Но впервые Островский показывает высоконравственную девушку, совершившую тяжёлый проступок.

Сохранившиеся автографы дают возможность проследить, как шла работа драматурга над пьесой, какие изменения он вносил в текст, что для него было особенно важным. В отделе рукописей ИРЛИ хранится рукопись из фонда Островского, представляющая собой черновые наброски пьесы «Поздняя любовь». Автограф включает в себя план пьесы, черновую редакцию 1-го и 2-го явлений первого действия, несколько отрывочных реплик персонажей. Записи сделаны в разное время, самой ранней из них является план пьесы. Дата на автографе не поставлена, но, вероятно, драматург обдумывал план произведения в период между 26 апреля и 13 августа 1973 г.

Чтобы понять, в каком направлении шла работа над пьесой, обратим внимание на эти планы, раскрывающие первоначальный замысел драматурга, и приведём их полностью, сохраняя орфографию и пунктуацию автора. В верхней части листа автографа рукой драматурга написано и подчёркнуто слово: «Обязательство». Под чертой запись: «Действие 1-ое. Хозяйка 2 и писарь. Погадайте! 3 вход<ит> хозяин. 4 Купец 5 Хозяйка и писарь. 6. и Дочь. 7 Хоз<яйка> и пис<арь>. 8 те же и дочь. – Вот я выработала возьмите <?>. – Ангел ты мой небесный. – Надо знать время, чтобы в самый раз. Действие 2-ое»¹.

Зачеркнув этот незаконченный план, Островский на обратной стороне листа написал новый план, в котором обозначено уже четыре действия, а первое действие расширено за счёт заключительного (девятого) явления:

«Д<ействие> 1-ое. 1-ое явл<ение> <Хозяйка> (О сыне – гадает) 2-е) М<олодой> ч<еловек> Писарь (гадает сначала о любви – потом о деньгах – его прерыв<ает> Стряпчий. 3) Разг<овор> стряпчего с Хоз<яйкой> о дочери, потом о люд<ях> захолустья, – 4) Купец. – Ты? Как тебя? – Пописухин. – (Извините В<аше> бл<агору>дие. (Ерошит голову) – Шершавый, не нашей державы. А ты живи без претензий, сытей будешь. – Говорит стряпчему, чтоб он приглядывал за писарем. – 5) Хоз<яйка> и писарь – Я влюблен. – разг<овор> о сыне. 6) Дочь. – Короткие но сильные <?> ответы. — <нрзб.> сына. (Жаль молодого человека) Идет за деньгами. 7) Хоз<яйка> и пис<арь> (теперь в самый раз). – 8 те же и дочь. 9) Дочь и писарь. Не выгорело!

Д<ействие> 2-ое. Явл<ение> 1) М<олодой> ч<еловек> сидит у стола (спит). Мать причитает. Проходит подьячий: пьянствуй, ты реже будешь дома. – Это лучше для моей дочери. 2) Дочь. – можно войти? – Войдите полюбуйтесь. – (Упреки матери) – 3 М<олодой> ч<еловек> и дочь. – <нрзб.> барышня, куда лезете? – Ничто моя жизнь, кому она нужна? 4 Приезд барыни. – Сначала гадают, потом о подьячем. – Право бы, кажет-

ся, украла для тебя. – о сыне горюет и льстит барыне о том, что дочь подьяч<его> равнодушна к сыну. – Позови-ко ко мне его. 5) Бар<ыня> и сын. Сын уходит. 6). – Бар<ыня> с мо<лодым> ч<еловеком> уходит. – М<олодой> ч<еловек> и с<ын> дочь.

Д<ействие> 3. Явл<ение> 1-е. Хоз<яйка> и Подьяч<ий>. – 2) Хоз<яйка> и Писарек (складывает бумаги <нрзб.>). 3) Писарек и дочь. 4) М<олодой> ч<еловек> (хорошо одетый) и дочь. Мать – разговор о деньгах. <нрзб.>. 5) Вдруг вход<ит> барыня. 5) Мол<одой> ч<еловек> и барыня. – Я зайду, вы мне скажете, принимаете ли вы мое предложение. – 6) Мол<одой> чел<овек> и дочь. 7) Мол<одой> чел<овек> и писар<ек>. 8) Дочь, мол<одой> ч<еловек> (вот то, что вам нужно) и писар<ек>. Дочь уходит, писар<ек> тоже. 9) М<олодой> ч<еловек> один (монолог).

Д<ействие> 4-е. Явл<ение> 1-е. Мол<одой> чел<овек> и барыня. 2-е) Вход<ит> писарек. Бар<ыня> велит ему позвать Стряпчего. 3) Молод<ой> чел<овек> и дочь. (Хорошо с чего это вам в голову пришло?) 4. Молод<ой> чел<овек> и Стряп<чий>. 5. Стряпчий и дочь. 6. и молод<ой> чел<овек>. 7. и барыня»².

В обоих вариантах персонажи названы по роду деятельности (хозяйка, купец, стряпчий, писарь) или степени родства (сын, дочь). Судя по этим характеристикам, Островский уже на начальном этапе работы определился с образами основных действующих лиц. В дальнейшем он лишь заменил нарицательные имена именами собственными: Стряпчий – Маргаритов, Купец – Дороднов, Писарь – Дормедонт, Дочь – Людмила, Сын – Николай, Барыня – Лебёдкина, Хозяйка – Шаблова.

По новому плану пьеса должна была открываться монологом хозяйки, её сетованиями на сына. Но уже осенью 1873 г., судя по черновому автографу пьесы, драматург принимает решение о новом начале и пишет монолог дочери Маргаритова – Татьяны (затем Людмилы): «Я думала, что я уж больше не полюблю, как вдруг однажды... И вот я теперь ношусь я с этой любовью, лелею ее в груди, она растет, растет; а он может быть и не знает. <...> Неужели я для него ничего не значу? <...> Видимся часто, я не скрываю своего расположения; а он почти не обращает на меня внимания. Нет, что я жду его! Ему дороже меня трактирные удовольствия, он не жертвует ими, чтоб посидеть со мной вечером, тогда как я бы... Ах, опять одной сидеть за работой весь этот бесконечный вечер... <...> В этой тоске безысходной либо уж вовсе окрепнешь в добродетели, либо бросишься на шею первому встречному...»³

Этот фрагмент Островский переписывает, тщательно подбирая слова, передающие серьёзность чувства к Николаю Шаблову: «Я было успокоилась душой, думала: пора моя прошла, уж я больше не полюблю ни-

кого, и так тихо потекли скучные дни... а вдруг этот случай, этот разговор! Горько жить на свете, а вот еще новое горе: ношусь я с этой любовью, лелею ее, и она растет, растет без границ; а он может быть и не знает. Что за жизнь в самом деле! Как подумаешь, как бедны даже желанья-то мои! Посидеть подле него вечером, поговорить с ним... так о чем-нибудь, о пустяках, только бы поговорить с ним, с человеком, которого любишь, а не глупеть за этой каторжной женской работой. <...> А мужчинам что! Для них теплые, ярко освещенные трактиры, клубы... Неужли же я для него ничего не значу? Неужли в нем нет, уж не говорю о любви, а жалости ко мне?... ну, хоть просто интересу, любопытства? Видимся часто, я не скрываю своего расположения... <...> В этой тоске безысходной либо уж вовсе окрепнешь в добродетели, либо...»⁴

После многочисленных исправлений драматург возвращается к первоначальному решению: в окончательной редакции пьеса начинается с размышления хозяйки небольшого деревянного дома Шабловой о погоде, о своём сыне, о гулящем коте Ваське.

В основных чертах Островский следовал именно этому плану, наполняя его яркими, убедительными характерами, динамично развивающимся действием, продумывая в деталях взаимоотношения героев, мотивы их поступков, теми штрихами, которые передают особенности общей жизненной картины. Все отступления от плана, что неизбежно в процессе написания произведения, дают возможность выявить художественную, нравственную, содержательную доминанту. Так, драматург отказался в первом действии от обозначенного в плане 3-го явления («Разговора» стряпчего с Хозяйкой» дочери, потом о людях» захолустья»), как отказался он и от отождествления Хозяина и Стряпчего. Более того, в тексте окончательной редакции Маргаритов вообще не разговаривает с Шабловой, а она за глаза называет его «Эфиопом». Сам же рассказ Стряпчего о людях захолустья вошёл в 1-е явление второго действия, где Маргаритов мрачными тонами характеризует жизнь в захолустье: «...я здесь никому не верю. Здесь, Людмилочка, страна голодная, народ живёт изо дня в день, что урвёт, тем и сыт. Утопающий, говорят, хватается за соломинку; ну, а голодающий за то, что плохо лежит. Здесь всё украдут и всё продадут, а ловкие люди этим пользуются. Нужно подкупить человека на подлог, на преступление, нужно купить девичью честь – иди сюда, купишь и недорого купишь. Когда ты увидишь, что сюда зайдёт или заедет человек богатый, хорошо одетый, так знай, что он не за добрым делом зашёл, – он ищет продажной чести или совести» [Островский 4: 23].

В тексте 7-го явления окончательной редакции Дормедонт разговаривает не с Шабловой (как должно быть по плану), а с Людмилой. Вообще первоначально Хозяйке отводилась более значимая роль. На стра-

ницах черновых набросков встречаются реплики, позволяющие судить о том, что с характером Хозяйки драматург определился с самого начала (все фрагменты вошли в состав 1-го явления первого действия текста): «Сосуд скудельный. Точно вареная и сделанная. Взглянешь, да только и скажешь: ах, боже мой! Брякнет шпорой или саблей, взглянет мимоходом, через плечо, в зеркало, тряхнёт головой да прямо к ней в гостиную. Ну, а ведь она женщина, создание слабое... – Ну и мелешь ей, так она тут и смеется и плачет. – У ней и муж-то такой же путаник был»⁵.

Во втором действии практически сохраняется канва при некоторых композиционных изменениях. Но прежде всего драматург смягчает высказывания Николая в разговоре с Людмилой.

Более заметное отступление от первоначального плана проявляется в первых явлениях третьего действия. Так, в соответствии с замыслом, в начале действия Хозяйка должна переговорить сначала со Стряпчим (1-е явл.), потом с Писарем (2-е явл.); затем должно состояться объяснение Дочери с Писарем (3-е явл.) и с Сыном (4-е явл.). В результате вместо этих четырёх явлений Островский пишет два коротких: в первом Людмила и Шаблова поджидают Николая с прогулки, а во втором Шаблова встречает Лебёдкину. Предполагаемый монолог Сына, завершающий действие (девятое плановое явление), в тексте отсутствует, но можно представить, о чём рассуждал бы этот герой после заключительной фразы: «Вы свой долг исполнили, теперь уж и я знаю, что мне нужно сделать» [Островский 4: 46].

На полях черновых набросков встречается такая запись: «В 3 акте Маргаритов входит на одну минуту, чтоб оставить вексель и взять кой что»⁶. В тексте Маргаритов передаёт вексель Людмиле через Дормедонта, и на протяжении всего третьего явления документ находится у неё в кармане. По первоначальному плану Дочь вынуждена воровать вексель из портфеля отца, что, конечно, усиливало бы тяжесть содеянного. В процессе работы Островский сглаживает углы, и воровство Людмилы происходит под воздействием страстного желания помочь Николаю, спасти его от долговой тюрьмы.

Крайне негативную реакцию у критиков вызвал этот поступок Людмилы. Критик П. видит здесь нарушение логики, несоответствие поступка характеру героини: «Как бы сильно она ни любила, но решиться на подобный шаг безо всякой борьбы она не могла, особенно если принимать во внимание её отношение к отцу и честность её натуры» [П.: 2]. Ещё более резко высказался рецензент газеты «Гражданин»: «...что такое за существо та героиня “Поздней любви”, которую промотавшийся адвокат... называет благородною душою, несмотря на то, что она воровка с цинизмом?» [К...: 1310]. В.Г. Авсеенко отказывается давать

какую-либо оценку «этому проникнутому фальшивой моралью изображению какой-то подпольной нечистоты»: «Мы видим в этой пьесе только безмерное количество грязи, которую автор изо всех сил хлопочет выдать за что-то ценное и даже скромно-высокое» [А. О. <Авсеенко>: 2].

По плану четвёртого действия Сын должен переговорить с Барыней (1-е явл.), затем Барыня просит Писаря позвать Стряпчего (2-е явл.), а Молодой человек объясняется с Дочерью (3-е явл.). При написании текста из этих трёх явлений Островский оставит лишь сцену объяснения между Николаем и Лебёдкиной, но обрामит её эпизодами встречи (1-е явл.) и проводов (3-е явл.) богатой вдовы. Разговору между Лебёдкиной и Николаем драматург придавал особое значение, о чем говорят его заметки относительно этой сцены: «Сначала говорит ей, какое гнусное дело она ему поручила, как ему обидно было, что она осмелилась предложить ему такое дело. (И в разговоре, отвернувшись в сторону, отдаёт ей вексель.) Она встает, переводит дух и переменяет тон»⁷. В черновом автографе пьеса заканчивалась репликой Людмилы: «Папа, тебе нужно отдохнуть; мы тебя успокоим»⁸.

Таким образом, план, составленный весной – летом 1873 года, стал основой для пьесы: сохранилась структура пьесы, число персонажей, их характеры, сюжетные лейтмотивы: отношения между Хозяйкой и Сыном, то есть между Шабловой и Николаем, между Стряпчим и Дочерью, то есть между Маргаритовым и Людмилой, между Сыном и Барыней, то есть между Николаем и Лебёдкиной. Изменения коснулись взаимоотношений между Стряпчим и Хозяйкой, а также роли Дормедонта, обозначенного в процессе работы над пьесой как младший сын Шабловой. По плану Хозяйке отводилась более значимая роль, но в процессе работы над текстом она постепенно уменьшалась, а вот роль Людмилы, напротив, стала центральной. Драматург тщательно продумал действие, характеры, основные мизансцены, но перейти от замысла к его реализации Островскому мешали внешние обстоятельства, о чём он сообщает в письме к Бурдину от 30 сентября 1873 года: «...пьеса готова, сегодня начал переписывать. Мне очень совестно, что я запоздал... Я хотел кончить пьесу в августе, но целый месяц мне не пришлось взяться за перо; вначале были гости, потом я уехал в Кострому, а после захворал. Пьесу жди на этой неделе, но до присылки её поддержки в секрете заглавие, которое таково: “Поздняя любовь”, сцены из жизни захолустья, в 4-х действиях» [Островский 11: 437–438].

Название является не случайным. «Я не умею жить для себя; в том только и счастье, когда живёшь для других», – говорит Людмила отцу. С удивительной откровенностью и с достоинством она признаётся Николаю: «Я прожила свою молодость без люб-

ви, с одной только потребностью любить; я веду себя скромно, никому не навязываюсь; я, может быть, с болью сердца отказалась даже от мечты быть любимой. А ведь я женщина, любовь для меня всё, любовь моё право. Разве легко побороть себя, побороть свою природу? Но представьте себе, что я поборюла себя и была покойна и счастлива по-своему. Разве честно опять будить мои чувства? Ваш только один намёк на любовь опять поднял в душе моей и мечты, и надежды, разбудил и жажду любви, и готовность самопожертвования... Ведь это поздняя, быть может, последняя любовь; вы знаете, на что она способна... а вы шутите над ней. <...> Моя мечта – видеть вас покойным, счастливым, и для этого я готова на всякие жертвы, решительно на всякие» [Островский 4: 28].

Поздняя любовь – это и первая любовь, и последняя любовь, такое сильное чувство, с которым нельзя шутить. Николай не просто услышал признание девушки, но и получил урок нравственности. Женщины в русской литературе 1870-х годов свойственны черты и пушкинской Татьяны, и «тургеневских девушек», и героинь романов Достоевского... Эти качества в той или иной степени отразились в героине пьесы Островского: прямота, искренность, честность, нравственная чистота, духовность, любовь к ближнему, способность пойти «на всякие жертвы».

В кульминационной сцене третьего действия отображена острая борьба, происходящая в душе героини, когда Николай предлагает ей украсть у отца важный документ, то есть совершить преступление: «Ужасно! Что вы говорите!»; «Не делайте, не делайте преступления! О, боже мой! О, боже мой! Но если оно необходимо, заставьте меня, прикажите мне... Я сделаю... Какое преступление?»; «Гнусно, гадко!»; «Я истрадалась, измучилась, слушая вас»; «Не отталкивайте меня! Я решила сделать всё для вас. Что бы вы ни задумали, я ваша сообщница». Она решается на воровство, убедившись в том, что Николай чётко осознаёт, как низко он пал, и намерен изменить образ жизни:

«Николай. Заёмное письмо той женщины, которую вы сегодня видели, передано вашему отцу. Ей платить не хочется всех денег, и она предлагала мне половину, если я его украду.

Людмила. Ах, какие страдания! (Утирает слёзы.) Что ж, этих денег достаточно, чтоб спасти вас?

Николай. Даже слишком.

Людмила. И, когда вы заплатите долг, вы бросите праздную жизнь и будете трудиться?

Николай. Разумеется. Я не только брошу, я прокляну прежнюю жизнь; такой урок научит хоть кого. Испытать в другой раз, что я испытываю теперь, сохраню меня Бог. <...> И если б мне удалось как-нибудь избавиться от этой напасти, клянусь вам всем святым на свете, я сделаюсь хорошим человеком. <...> Чтоб спасти себя, я не стану искать никаких безнрав-

ственных средств. Я краснею за себя: как я мог колебаться, как я мог слушать без негодования это гнусное предложение!

Людмила. Милый, благородный человек! Но как же спасти вас? Я люблю вас. Для меня нет жизни без любви к вам.

Николай. Не тревожьте себя, успокойтесь! Я сделал глупость, я и должен поплатиться. Да вот что... возвратите-ка мне револьвер.

Людмила. Нет, нет, это тоже преступление, ещё хуже.

Николай. Не бойтесь! Что вы! Я не решусь... разве уж очень невыносимо станет.

Людмила (делает несколько шагов к двери, оставившись в задумчивости, потом вынимает бумагу, принесённую Дормедонтом, и подаёт Николаю). Вот, возьмите!» [Островский 4: 45–46].

Симпатии Островского всегда были на стороне тружеников. На новом этапе драматургической деятельности Островский возвращается к теме, которая звучала ещё в «Пучине». Как отмечает А.И. Журавлёва, «грехопадение» Кисельникова началось тогда, «когда, получив наследство, бывший студент отказывается от труда, чтобы “просто пожить”» [Журавлёва: 126]. Все беды Николая происходят не от социального положения, не от преступления другого человека, а от собственного нежелания неустанно трудиться. И по мнению матери, причина бедственного положения сына в том, что он проводил время в кабаках и клубах, а в результате остался без денег, без связей. Даже Дормедонт ему пеняет: «Люди работы ищут, а ты сам от дела бегаешь» [Островский 4: 12].

В результате Людмила готова пожертвовать своей репутацией, согласившись украсть у отца документ. Драматург предельно заостряет проблему. Как быть, если для спасения от позора любимого человека, молодого, здорового, нужно пожертвовать честным именем отца, его будущим, его благополучием? В то же время драматург в диалоге Людмилы с Николаем готовит зрителя к благополучному разрешению проблемы. Спасение человека возможно на пути покаяния и любви. Людмила задаёт Николаю очень важный для неё вопрос о том, будет ли он трудиться, и получает ответ, свидетельствующий о намерении молодого человека не искать «безнравственных средств». Именно любовь в своё время заставила Маргаритова отбросить мысль о самоубийстве и жить ради дочери. Любовь Людмилы к Николаю спасает молодого человека от бесчестия. Поздняя любовь – это особенно сильное чувство. Любовь может спасти людей от нравственного падения, придать им сил жить, трудиться, созидать.

Примечания

¹ Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 5 (ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 30).

² ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 5 об.

³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 216. М. 3095. Ед. хр. 6. Л. 3–3 об. (РГБ. Ф. 216. М. 3095. Ед. хр. 6).

⁴ РГБ. Ф. 216. М. 3095. Ед. хр. 6. Л. 1–1 об.

⁵ ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 5 об.

⁶ ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 5 об.

⁷ ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 5.

⁸ РГБ. Ф. 216. М. 3095. Ед. хр. 6. Л. 36 об.

Список литературы

А. О. <Авсеев В. Г.> Очерки текущей литературы // Русский мир. 1874. № 57. 1 марта. С. 2.

Журавлёва А.И. Русская драма и литературный процесс XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1988. 198 с.

К... «Поздняя любовь» (Письмо к редактору) // Гражданин. 1873. № 49. 3 дек. С. 1310–1312.

Лонская С.В. Мировая юстиция в России. Калининград, 2000. 215 с.

Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.

П. Театр. Бенефис Бурдина («Поздняя любовь») // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 330. 30 сент. С. 2.

References

A. O. <Avseenko V.G.> *Ocherki tekushchei literatury* [On the work of A.N. Ostrovskiy]. *Russkii mir* [Russian world. Political and literary newspaper of Sankt-Petersburg in 1871–1880], 1874, № 57, 1 march, p. 2. (In Russ.)

Zhuravleva A.I. *Russkaia drama i literaturnyi protsess XIX veka* [The monograph about the history of russian drama of the XIXth century]. Moscow, MGU Publ., 1988, 198 p. (In Russ.)

К... “*Pozdniaia liubov*” (*Pis'mo k redaktoru*) [On the work of A.N. Ostrovskiy]. *Grazhdanin* [Political and literary newspaper of Sankt-Petersburg in 1872–1914], 1873, № 49, 3 December, pp. 1310–1312. (In Russ.)

Lonskaia S.V. *Mirovaia iustitsiia v Rossii* [The monograph about the history of world justice in Russia]. Kaliningrad, 2000, 215 p. (In Russ.)

Ostrovskii A.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 12 t.* [Complete collection of works: in 12 vols]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973–1980. (In Russ.)

Р. *Teatr. Benefis Burdina (“Pozdniaia liubov”)* [On the work of A.N. Ostrovskiy]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [Socio-political newspaper of Sankt-Petersburg in 1728–1914], 1873, № 330, 30 September, p. 2. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.07.2021; одобрена после рецензирования 12.09.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 15.07.2021; approved after reviewing 12.09.2021; accepted for publication 15.11.2021.

А.Н. ОСТРОВСКИЙ ВИЗАВИ Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ: КОМЕДИЯ «БОГАТЫЕ НЕВЕСТЫ» И РОМАН «ИДИОТ»

Тихомиров Владимир Васильевич, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, nov6409@kmtu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7040-3097>

Аннотация. Комедия А.Н. Островского «Богатые невесты» и роман Ф.М. Достоевского «Идиот» близки в постановке основного сюжетного хода – судьбы падшей по причине жизненных обстоятельств женщины. Главные героини обоих произведений оказались жертвами богатых покровителей, которые собираются выдать их замуж. У них разные характеры, и героиня «Богатых невест» Валентина Белесова, в отличие от героини Достоевского Настасьи Филипповны, на первый взгляд кажется легкомысленной, однако она, оказавшись в ситуации обвиняемой в безнравственности, преобразуется, в ней просыпается женская гордость и желание защитить себя. Под впечатлением от горьких эмоциональных обвинений Цыплунова она проникается к нему уважением и даже признаётся в любви. В характерах персонажей «Бедной невесты» присутствуют мелодраматизм и комическое с неожиданными поворотами событий. Островский не пародирует и не подражает автору романа «Идиот», однако метаморфоза, произошедшая в чувствах и в поведении Валентины Белесовой (отчасти и у Юрия Цыплунова), свидетельствует об умении драматурга изображать сложные характеры, что сближает его талант со способностью Достоевского художественно представлять диалектику личности.

Ключевые слова: А.Н. Островский, Ф.М. Достоевский, женский характер, судьба женщины, падшая женщина, прямолинейность суждений, комедийность, мелодрама, авторская ирония, художественные переключки.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00070А

Для цитирования: Тихомиров В.В. А.Н. Островский визави Ф.М. Достоевский: комедия «Богатые невесты» и роман «Идиот» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 113–119. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-113-119>

Research Article

ALEXANDER OSTROVSKY VIS-A-VIS FYODOR DOSTOEVSKY: THE OMEDEY “RICH BRIDES” AND THE NOVEL “THE IDIOT”

Vladimir V. Tikhomirov, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, nov6409@kmtu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7040-3097>

Abstract. The comedy “Rich Brides” by Alexander Ostrovsky and the novel “The Idiot” by Fyodor Dostoevsky are close in staging the main plot move – the fate of a woman who sinned due to life circumstances. The main characters of both works fell victims to wealthy patrons who were going to marry them off. They have different personalities, and the heroine of “Rich Brides” Valentina Belyosova, unlike Fyodor Dostoevsky’s heroine Nastasya Barashkova, at first glance seems frivolous, but the women, being accused of immorality, transformed, as female pride and a desire to defend themselves awakened in them. Impressed by Yuriy Tsyplunov’s bitter emotional accusations, Valentina Belyosova is imbued with respect for him and even confesses her love. The characters in “Rich Brides” are melodramatic and comic with unexpected turns of events. Alexander Ostrovsky does not parody or imitate the author of the novel “The Idiot”, but the metamorphosis that occurred in the feelings and behaviour of Valentina Belyosova (partly in Yuriy Tsyplunov) testifies to the playwright’s ability to portray complex characters, which brings his talent closer to Fyodor Dostoevsky’s ability to artistically represent the dialectic of personality.

Keywords: Alexander Ostrovsky, Fyodor Dostoevsky, female character, female fate, female sinner, straightforwardness of judgement, comedy, melodrama, author’s irony, artistic rolls.

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-012-00070А

For citation: Alexander Ostrovsky vis-a-vis Fyodor Dostoevsky: the omedey “Rich Brides” and the novel “The Idiot”. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 113–119 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-113-119>

Комедия А.Н. Островского «Богатые невесты» (1875 г.) относится к числу пьес позднего периода творчества драматурга, в которых многие современники констатировали падение таланта автора и даже его неспособность соответствовать интересам и потребностям времени. Содержание пьесы и характеры её персонажей перекликаются с более ранними произведениями Островского. В «Богатых невестах» можно обнаружить некоторое переосмысление уже известных в творчестве драматурга проблем – этических и психологических, прежде всего проблемы положения женщины в обществе. Не случайной оказывается ассоциативная перекличка заглавия комедии «Богатые невесты» с более ранней комедией «Бедная невеста». Сам автор несколько раз оговаривался, называя новую комедию «Бедные невесты» [Островский: 518]. Оговорка знаковая! Что же может быть общего у этих пьес, кроме переклички заглавий?

Сюжеты обеих комедий построены на подготовке к предполагаемому замужеству главных героинь, на обсуждении проблем, связанных с этими важными событиями. Однако характеры персонажей и их поведение в пьесах существенно различаются: автор как будто переосмысливает и переоценивает прежних героев. Исчезли романтическая мечтательность и идеальность, которые были характерны для Марьи Андреевны Незабудкиной («Бедная невеста»), изменились оригинальные мужские типы Мерича, Милашина, Хорькова, присутствовавшие в той же пьесе. Герои и героини комедии «Богатые невесты» представляются более простыми, прямолинейными и даже в чём-то на первый взгляд примитивными, хотя все они обладают своими индивидуальностями, не всегда привлекательными, но своеобразными. В то же время некоторые отголоски идеальных представлений о человеке сохранились. Они проявляются, например, в мировоззрении главного героя «Богатых невест» Юрия Цыплунова, хотя в нём мечтательность достаточно неожиданно сочетается с дидактичностью отношений к окружающим и явными менторскими замашками. Гораздо более приземлённой выглядит главная героиня комедии «Богатые невесты» Валентина Белесова, содержанка знатного чиновника Гневывшова, в начале сюжетного действия не задумывающаяся о противоестественности своего положения в обществе.

Одним из ведущих мотивов, определяющих судьбы героинь Островского, является их материальное положение. Об этом свидетельствуют и заглавия комедий «Бедная невеста» и «Богатые невесты». Однако понятия богатства и бедности в поздней пьесе оказываются более сложными и противоречивыми. «Богатые» невесты на деле оказываются тоже «бедными» – нравственно и духовно. Да и «богатство»

у них случайное: Бедонегова получила наследство от покойного мужа, Белесова «благодетельствована» приданым, которое обещано ей женой её по сути «погубителя» генерала Гневывшова с целью откупиться и выдать за кого-нибудь замуж. Поэтому заглавие «Богатые невесты» звучит несколько иронично и даже двусмысленно. Вообще в этой комедии нет ни одного персонажа, к которому можно было бы отнестись с настоящим сочувствием и который был бы носителем положительного начала и авторской симпатии – за исключением, может быть, матери Цыплунова Анны Афанасьевны, но и она постоянно находится в позиции некоего резонёра и слишком демонстративно подчёркивает свои позитивные качества.

Сюжет и интрига комедии «Богатые невесты» достаточно просты и не очень оригинальны. Судьба героини пьесы Валентины Белесовой напоминает ситуацию романа Ф.М. Достоевского «Идиот» и судьбу его героини Настасьи Филипповны. Она тоже сирота, оказавшаяся в руках опекуна-соблазнителя Гневывшова, который хочет избавиться от неё – так же, как Тоцкий в «Идиоте» избавляется от своей любовницы. С юности влюблённый в Валентину Юрий Михайлович Цыплунов по своим моральным принципам несколько напоминает князя Мышкина. Он тоже наивный идеалист и мечтатель, но, в отличие от Мышкина, не склонный к всепрощению и снисхождению. Скромный, застенчивый, не решающийся даже показаться на глаза той, в кого он влюблён, Юрий Цыплунов резко меняется, узнав о её состоянии содержанки, которой по сути дела торгуют. В разговоре с матерью, имея в виду поведение другой «богатой» невесты, Бедонеговой, он прямо заявляет: «...Когда в моих глазах унижается тот высокий идеал, который я себе создал, когда женщина с какой-то навязчивой откровенностью обнаруживает свои самые непривлекательные стороны, – не могу же я не замечать этого» [Островский: 217]. Даже его мать, для которой он – единственный смысл жизни, склонна упрекнуть сына в излишней категоричности суждений: «...Ты никогда не даёшь себе труда разглядеть хорошенько женщин, которых ты достаиваешь своей любви, – предполагаешь в них какие-то небывалые добродетели и требуешь от них того, чего в них нет» [Островский: 218].

Между матерью и сыном Цыплуновыми возникает настоящая полемика. В ответ на реплику сына по адресу женщин, которые «отдают явное и очень обидное предпочтение людям нестрогой нравственности и даже иногда порочным перед людьми чистыми», мать отвечает: «Так знай же, что женщины совершенно правы в этом случае, – потому что нет более несносных деспотов, как вы, люди чистые. Вы создаёте в своём воображении каких-то небывалых богинь да потом и сердитесь, что не находите их

в действительности» [Островский: 218–219]. Мать Юрия Цыплунова занимает немного места в структуре пьесы «Богатые невесты», но именно она судит героя и героиню и определяет их будущее, причём становится защитницей «грешницы». Упрекая сына за нетерпимость в оценке поведения женщин, она объективно ставит под сомнение его правоту. В её своего рода менторстве проявляется и авторское отношение к герою, сомнение в убедительности его позиции. «Богатые невесты» – комедия, и комедийное начало, как это нередко встречается в поздних пьесах Островского, соседствует с мелодраматическим и по-разному присутствует во всём её содержании, равно как и скрытая авторская ирония по отношению практически ко всем персонажам пьесы, за исключением, может быть, именно Цыплуновой. Мелодраматично, например, и в то же время комично поведение влюблённого в Белесову Юрия Цыплунова, который не решается заговорить с ней и даже боится показаться ей на глаза.

Не менее острая дискуссия о поведении и судьбе женщины развернулась между Цыплуновым и Белесовой. После того как Белесова «выслушала целую лекцию о нравственности и обязанностях человека» [Островский: 228], она как будто почувствовала упрёк Цыплунова в свой адрес: «Когда кто-нибудь с уверенностью полного мастера говорит об обязанностях человека, – простые смертные, люди легкомысленные, такие, как я, должны думать, что этот урок относится к ним, что эта филиппика есть косвенное порицание их легкомысленного поведения. <...> ... Торжествовать над нами легко. Но, мне кажется, и мы имеем право сказать учителю: да, мы легкомысленны; но мы не мешаем вам быть святым, не мешайте и нам быть грешными!» [Островский: 229].

Белесова неожиданно оказывается почти защитницей свободы поведения женщины, чуть ли не сторонницей эмансипации (естественно, неосознанно и исключительно на бытовом уровне). Ещё не подозревая, что вскоре раскроется её истинное положение, она выступает на стороне женщин, вынужденных в силу обстоятельств притворяться: «Ах, не вините бедных женщин. Всё их притворство по большей части не злой умысел; это простое, врождённое желание нравиться; это скорее малодушие, чем порок. Да и кого же они могут обмануть теперь, когда мужчины стали так умны?» [Островский: 230]. Учитывая финал комедии «Богатые невесты» и то, что Белесова в итоге фактически приходит к смирению, можно заметить косвенный выпад автора по адресу сторонников эмансипации.

И Белесова, и Цыплунов, по существу, оказываются в состоянии некоторой раздвоенности в мыслях и чувствах – каждый по-своему. Белесова первоначально утверждает право женщин быть такими, како-

вы они в жизни, но, выслушав признание Цыплунова в любви, она несколько растерялась, как будто вспомнила о своём положении содержанки, и уверенность в прежней жизненной позиции стала ослабевать; она даже спрашивает собеседника, можно ли полюбить «красавицу порочную, падшую»? В ответ Цыплунов снова принимает позу моралиста, разительно отличающегося, например, от князя Мышкина в отношении к женщине – жертве обстоятельств. Он оценивает подобную женщину: «...Если она высоко держит голову, не стыдится своего порока, а гордится им, – такая женщина в глазах каждого порядочного человека заслуживает презрения; но если она сокрушается, раскаивается... то она более всякой имеет право на любовь и сострадание, потому что только любовь может утешать её сердце, растерзанное угрызениями... одна только всепрощающая любовь может помирить её с жизнью...» [Островский: 231]. Возникает достаточно пикантная ситуация, когда, увидев потрясённую, плачущую Белесову, которая, очевидно, начала осознавать своё истинное положение, Цыплунов решил, что она переживает о тех самых несчастных женщинах: «Вы плачете! О ангел! И мне не благоволеть перед вами! Вы с высоты своей непорочности, своей детской чистоты роняете свои алмазные слёзы на этих несчастных» [Островский: 231].

Эмоциональный накал отношений Белесовой с Цыплуновым развивается по нарастающей. Однако первое нравственное потрясение – результат разговора с Цыплуновым – оказалось лишь первой ласточкой в процессе прозрения Валентины. Она остаётся в кругу прежних отношений и привычек, спокойно относится к словам своего «благодетеля» Гневывшова о том, что им нужно расстаться, и лишь озабочена своим материальным положением, понимая, что её могут отдать «из рук в руки» другому «благодетелю». Она обращается к Гневывшову: «Любить тебя было бы глупо, но я всё-таки тебя считаю человеком порядочным и не могу предположить, чтобы ты меня бросил совершенно, обрёл меня на погибель...» [Островский: 236]. С горечью, но как неизбежное Белесова признаёт своё возможное будущее: «Ты, вероятно, предложил меня какому-нибудь старому другу, богатому человеку...» [Островский: 236]. Однако она испугалась самого предположения о том, что её могут выдать замуж: она никогда не думала о семейной жизни, её не готовили к этому «воспитатели»: Гневывшов и его жена поощряли в её поведении «гордость, мотовство, суетность». Именно гордость не позволяет ей признаться в том, как подействовали на её состояние назидательные речи Цыплунова, равно как и его признание в своих чувствах: для неё Цыплунов – «жалкий, полусумасшедший господин», к тому же пропитанный «какими-то строгими правилами, какими-то мешанскими добродетелями» [Островский: 237].

Тем не менее Белесова потрясена: она под впечатлением высказываний Цыплунова о женщинах, которые начинает воспринимать как косвенные упрёки в свой адрес, её страшит и в то же время привлекает предложение выйти замуж именно за этого человека, на которого она обижена из-за его речей, но который неожиданно заинтересовал её: «...Как ничтожен казался мне этот человек, как мал передо мною; и вот теперь, когда я думаю о нём, мне кажется, что умаляюсь я, а этот пигмей растёт, принимает грозный вид... и вот в моём воображении рисуется холодное и строгое лицо мужа перед недостойной женой» [Островский: 239]. В её словах и обида, и страх, и «женское любопытство», и потрясение от переживаемого. Всё разрешается рыданиями, «благодатными слезами». «Рыдай, рыдай, несчастная! И если эти слёзы не облегчат тебя, лучше не живи!» – обращается сама к себе Валентина [Островский: 239]. Героиня в явном смятении, у неё, что называется, «ум с сердцем не в ладу»: она, очевидно, заинтересовалась Цыплуновым и возможным замужеством, но и боится, что он узнает о её положении.

Между тем интрига, связанная с отношениями Белесовой и Цыплунова, продолжает развиваться. Валентина приглашает влюблённого в неё Юрия к себе как к предполагаемой невесте, он окрылён, они оживлённо беседуют. И вдруг – скандал, катастрофа: Цыплунов из слов Пирамидалова узнаёт о том, что Белесова – содержанка Гневыхова, и обвиняет её в продажности, на что получает резонный ответ: «Как вы злы, ничтожный человек» [Островский: 248]. Не менее резко высказывается и Цыплунов: «Вы убили, вы утопили в грязи самую чистую любовь. <...> Признайтесь, как всё здесь свято... и признайтесь перед собой и перед нами, что вам нет места между мной и моей матерью» [Островский: 248]. Белесова ещё стремится сохранить своё достоинство и гордость, не сдаётся, не уступает Цыплунову и резко отвечает на его упрёки. Если второе действие комедии заканчивается рыданиями Валентины, узнавшей, что её собираются выдать замуж за человека, которого она побаивается из-за его строгих взглядов, то конец третьего действия – обмороком Цыплунова, потрясённого тем, что он узнал о Белесовой, и напряжённым разговором с ней.

Валентина тоже обеспокоена не только резкостью, но и эмоциональностью и искренностью речи Цыплунова. Она чувствует, что за всем этим скрывается его равнодушие к ней, и оценивает его: «Какая энергия, какое благородство!.. И вместе какая обида, какая обида!» И сразу же признаётся: «...Я думала, что Цыплунов вечно будет моим покорным рабом и что я... ничего не обязана чувствовать к нему, кроме презрения. А вышло напротив: он меня презирает» [Островский: 251]. Противоречивость созна-

ния Белесовой – признак того, что на душе у неё неспокойно, произошёл надлом в её представлениях о собственной жизни, потому что общение с Цыплуновым не пропало даром. Отсюда следующие признания героини: «Мне хочется и убить его, и оправдаться перед ним, и просить у него прощения» [Островский: 252]. Она как будто чувствует к нему влечение – «род недуга», и снова хочет с ним объясниться. В то же время Валентина после некоторых колебаний берёт у Гневыхова деньги. При новой встрече с Цыплуновым, которого Валентина настойчиво позвала к себе, она начинает разговор достаточно агрессивно, требуя извинений за предыдущие выпады: «Вы не знаете моего прошедшего, вы не выслушали моих оправданий, и вы осудили, осыпали публично оскорблениями бедную, беззащитную женщину. За упрёки вы услышите от меня упрёки, за брань вы услышите брань» [Островский: 253].

Напряжение во взаимных обвинениях Белесовой и Цыплунова усиливается и достигает кульминационного момента, когда Валентина, будучи не в состоянии сдерживать себя и успокоиться, уязвлённая в своём самолюбии, обвиняет Юрия в категоричности его суждений, в «грубости сердца», в склонности к «школьной морали»: «Вы хотите казаться неуязвимым, вы разыгрываете роль святого» [Островский: 254]. В её обвинениях немалая доля правды, поскольку в морализаторстве Цыплунова присутствуют категоричность, недостаток доброты, сочувствия и понимания другого человека. Цыплунов со своей риторикой вызывает негативное чувство читателя и зрителя и даже в какой-то момент становится смешным и нелепым. В то же время Валентина признаётся в своих грехах и недостатках: «Я была дурно воспитана, избалована, я ничему не училась хорошему, ничего не знала, меня занимали только мелочами. Человек без сердца воспользовался моей ветреностью... моей пустотой...<...> Я скажу вам всё... а потом подам вам камень и посмотрю, подыметесь ли у вас рука убить меня» [Островский: 255]. Последняя реплика Валентины напоминает евангельскую притчу про Христа и грешницу (Иоан. 8: 3–11). Тем самым героиня намекает на явный нравственный изъян своего обличителя и одновременно поклонника. Возможна ассоциация с ещё одним евангельским мотивом: «не судите, да не судимы будете» (Матф. 7: 1–2). Категоричность резонёрских речей Юрия Цыплунова вызывает возражение и Белесовой, и матери героя Анны Афанасьевны, которые чувствуют односторонность и относительность подобных истин. Диалектика мысли и чувства героинь комедии «Богатые невесты» переключается с характерами противоречивых персонажей Ф.М. Достоевского.

Между тем Валентина Белесова уже действительно склонна просить прощения у Цыплунова за рез-

кие слова в его адрес и не отпускает его от себя, ждёт от него доброты и великодушия, а он снова выступает в роли ментора, даёт разумные советы, как будто не понимает или не хочет понять, что ей нужно совсем другое, как минимум сочувствие и снисхождение. Наконец, не выдержав, Белесова сама признаётся Цыплунову в любви. Какова должна быть его реакция? Он не отрицает, что давно влюблён в Валентину, однако ситуация изменилась, и с его стороны о чувствах уже нет и речи, лишь понимание долга: «...Уж я не могу, не смею вас так оставить; я должен позаботиться о вас, должен что-нибудь сделать для вас» [Островский: 257]. На это Белесова отвечает: «Но уж вы сделали для меня много, вы заставили меня полюбить вас... Я вижу, чувствую, что эта любовь для меня спасительна; умоляю вас, не покидайте меня» [Островский: 257]. Героиня оказалась способной к самоанализу и даже к самоосуждению, что противоречит первоначальному впечатлению о ней как о недалёкой, простоватой женщине. Вообще характеры персонажей в комедии «Богатые невесты» обладают динамическими качествами и разными способностями. В определённый момент даже ригорист Юрий Цыплунов начинает понимать излишнюю категоричность своих суждений: «Как мне досадно на себя: мои слова всегда так жёстки!» [Островский: 259]. Человеческие качества проявляются порой и у Гневышова, он рад, что устроил будущее Валентины и говорит Цыплунову: «Но, молодой человек, позвольте мне гордиться, что, выбрав вас для неё, я не ошибся!» [Островский: 259–260].

Валентина понимает, что что-то изменилось в ней под влиянием общения с Цыплуновым, она даже решила отказаться от ранее предложенных Гневышовым денег. В свою очередь Цыплунов начинает сочувствовать Белесовой, верит в искренность её переживаний и возникшему чувству любви к нему, но пока не в состоянии пойти навстречу этому чувству. Он поручает её заботам своей матери, о себе же рассуждает следующим образом: «Я должен покойно и серьёзно рассудить, как поступить в этом случае» [Островский: 259]. Прежнего восторженного романтического отношения к Белесовой нет и следа: герой остаётся моралистом и резонёром. Признание Валентины в любви к нему не оставило его равнодушным, но он способен лишь отложить на неопределённое время решение её судьбы: возможно, в будущем герой и героиня «переболеют» своими переживаниями, но пока задача Цыплунова – с помощью своей матери перевоспитать Валентину настолько, чтобы она стала достойной их общества. План достаточно суровый и весьма далёкий от милосердия, в котором явно нуждалась Белесова.

В первой редакции комедии «Богатые невесты», которая ставилась на театральной сцене и была

опубликована в «Отечественных записках» (№ 2 за 1876 г.), финал был неопределённым: Цыплунов полагает, что лишь когда его мать перевоспитает Валентину, научит её работать, сможет внушить ей высокие человеческие качества, он сможет вновь полюбить её: «...Тогда рай, о котором я мечтаю, будет для меня возможен!» [Островский: 433]. Наивность представлений Цыплунова о чувствах удивительна, подобное понимание любви невозможно принимать без насмешки и иронии. Однако в новом варианте финала комедии, несколько переделанной в 1878 г. для публикации в собрании сочинений, явно забрезжил свет некоторого оптимизма. В ответ на известие об изменении образа жизни Белесовой (она ещё ранее отказалась от предложенных Гневышовым денег, от богатой дачи, ограничившись скромной комнатой, переделавшись в простое платье, во всём слушается матери Юрия), Цыплунов восклицает: «Мне кажется, я могу сказать, что рай, о котором я мечтал, открывается для меня. <...> И я нашёл то, чего искал. В этих прекрасных чертах опять я вижу детскую чистоту и ясность и то же ангельское выражение...» [Островский: 261]

Зачем Островскому понадобилось использовать сюжетную коллизию, во многом повторяющую ситуацию романа Достоевского «Идиот», касающуюся судьбы Настасьи Филипповны и Валентины Белесовой? Вряд ли это было случайное совпадение, хотя современники драматурга не обратили на него внимание. Об этой реминисценции напомнил в комментарии к комедии «Богатые невесты» Е.Г. Холодов: «Ситуация, возможно, навеяна историей Настасьи Филипповны и богача Тоцкого в «Идиоте» Достоевского, хотя между двумя героинями, пожалуй, больше различия, нежели сходства» [Островский: 480]. Но иначе и быть не могло: Островский, естественно, не собирался повторять характеры героя и героини Достоевского или пародировать их, он высказал своё видение судьбы падшей женщины. Персонажи комедии «Богатые невесты» только на первый взгляд представляются простыми и прямолинейными, не способными к глубокому духовным и нравственным переживаниям. Решающим фактором нравственного возрождения героев у обоих писателей становится любовь. Поведение Юрия Цыплунова, который долго не решается открыться Белесовой (настолько он скромный и стеснительный), сначала несколько напоминает своей деликатностью «положительно прекрасного человека» князя Мышкина, но, в отличие от последнего, герой Островского преображается, когда речь заходит о нравственных ценностях, и становится совершенно нетерпимым к их нарушителям.

Категоричность нравоучительных суждений Цыплунова вызывает возражения даже у самого близкого человека – его матери и иронию и недоверие у чита-

телей и зрителей, а также и у Валентины Белесовой. Не забудем, что «Богатые невесты» – комедия, в которой комическое, как это нередко встречается в пьесах Островского, сочетается с драматическим. Справедливо пишет о двух личностных «дуэтах» в комедии Е.Ю. Фаркова, подчёркивая явную оппозицию: «основной драматический дуэт (добродетель – порок, святой – грешница)» и «комедийный дуэт в жанровой структуре пьесы» – Бедонегова и Пирамидалов [Фаркова: 66]. Нравоучительность Цыплунова очень прямолинейна, категорична и поэтому не может восприниматься как истина. На это обратил внимание один из первых рецензентов комедии «Богатые невесты» А.С. Суворин, заявивший, что пьеса «весьма странна, а мораль, которою она проникнута, до такой степени рутинна, что её неловко слышать даже с подмостков Александринского театра» [Суворин: 5]. Однако Суворин не заметил пронизывающую комедию авторскую иронию, которая показывает относительность упомянутой рецензентом «морали». Перед нами некоторое переосмысление жизненной позиции князя Мышкина: его можно считать предшественником и одновременно антиподом Юрия Цыплунова, у которого, казалось бы, здоровые нравственные качества проявляются в несколько шаржированной форме.

В свою очередь у Валентины Белесовой в поведении и в понимании собственной судьбы происходит серьёзная метаморфоза, которая определяется проснувшимся в результате нравственного потрясения чувством любви к Цыплунову. Нечто подобное мы наблюдаем у мятущейся, страстной героини Достоевского, которая искренне полюбила князя Мышкина, но не решается связать с ним свою судьбу, потому что считает себя недостойной его. Настасья Филипповна с момента своего появления в романе – женщина нервная, оскорблённая, и слова сочувствия, симпатии, с которыми к ней обращается князь, с одной стороны, не оставляют её равнодушной, а с другой – как будто напоминают ей, что она заслуживала иной судьбы, и это ещё больше уязвляет её как женщину. «Её возмущало то, что Мышкин любит её из жалости... она с надрывом свой позор везде выставляла, как бы гордилась им», – справедливо пишет А.П. Белик [Белик: 187]. «Это ещё и исстрадавшаяся в безлюбовно-бессочувственном мире красота, тронутая растлением...», – в свою очередь подчёркивает Ю.И. Селезнёв [Селезнёв: 386].

Ничего подобного не наблюдаем в поведении Валентины Белесовой: пока её душу и её самолюбие не разбудил своими обличительными речами Юрий Цыплунов, она, кажется, не задумывалась о своём противоестественном состоянии содержанки, и только обидные, даже оскорбительные слова Цыплунова, первоначально адресованные не ей и имеющие общий, отвлечённый моральный смысл, разбудили

её сознание и заставили задуматься о своей судьбе. В следующей сцене Белесова появляется уже изменившейся, демонстрирующей драматическое состояние души. Это усложняет её характер, что само по себе показывает мастерство психологизма Островского, сопоставимое с Достоевским. Отличительной особенностью персонажей «Богатых невест» оказывается их саморефлексия, способность анализировать и оценивать свои поступки и слова. Драматург не полемизирует со своим предшественником в описании судьбы несчастной женщины – жертвы обстоятельств, он демонстрирует своё видение возможного решения её проблем, более оптимистическое, чем это показано в романе «Идиот». Можно согласиться с мнением одного из рецензентов комедии «Богатые невесты», В.В. Маркова, высказавшего мысль о том, что Островский здесь противостоит авторам ряда французских пьес на близкую тему: «Марион де Лорм» В. Гюго, «Дама с камелиями» и «Идеи господи Обрэ» А. Дюма-сына, «Брат Олимпы» Э. Ожье и других. Героини этих пьес достойны сочувствия, но они, утверждает Марков, в отличие от Валентины Белесовой, «не очистились» любовью, не испытали глубокого духовного потрясения. В этом отношении героиня комедии Островского напоминает Маркову судьбу евангельской Марии Магдалины [Марков: 1–2]. Островский использовал сюжетную линию, близкую ситуации «Идиота» Достоевского, для постановки собственной художественной и нравственной задачи. Не стоит забывать и того, что Островский написал комедию, а Достоевский – роман, и, по справедливому суждению В.М. Волькенштейна, «...характеристика в драме по сравнению с романом схематична. <...> ... Драма ёмкая, как всякая схема, поэтому её относительно схематичные “роли” вмещают множество вариантов актёрской игры» [Волькенштейн: 118], что и показали премьерные спектакли комедии «Богатые невесты» в сезон 1875–1876 гг. в Александринском и Малом театрах, например, исполнение роли Белесовой М.Г. Савиной в Петербурге и Г.Н. Федотовой в Москве. Островский продемонстрировал способность создавать глубокие противоречивые характеры, которые, правда, непросто воплотить на театральной сцене.

Библиографический список

- Белик А.П. Художественные образы Ф.М. Достоевского. М.: Наука, 1974. 224 с.
- Волькенштейн В.М. Драматургия. М.: Сов. писатель, 1960. 338 с.
- М., В. <Марков М.В.> Литературная летопись (О «Богатых невестах») // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. № 65. 6 марта.
- Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 4. М.: Искусство, 1975. 542 с.

Селезнёв Ю.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1985. 542 с.

Фаркова Е.Ю. Богатые невесты, комедия в 4-х действиях // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. И.А. Овчинина Кострома: Костромаиздат; Шуя: ШГПУ, 2012. 660 с.

С. (Суворин А.С.) Театр и музыка. Русский театр. Бенефис Левкеевой: «Богатые невесты» // Санкт-Петербургские ведомости. 1875. № 322. 30 ноября.

References

Belik A.P. *Khudozhestvennye obrazy F.M. Dostoevskogo* [Artistic images of F.M. Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 224 p. (In Russ.)

Vol'kenshtein V.M. *Dramaturgiia* [Dramaturgy]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1960, 338 p. (In Russ.)

М., В. (Markov M.V.) *Literaturnaia letopis' (O "Bogatykh nevestakh")* [Literary Chronicle (About "Rich Brides")]. Sankt-Peterburgskie vedomosti [St. Petersburg Bulletin], 1876, № 65, March 6. (In Russ.)

Ostrovskii A.N. *Poln. sobr. soch.: v 12 t. T. 4.* [Complete works: in 12 vols. Vol. 4]. Moscow, Iskustvo Publ., 1975, 542 p. (In Russ.)

Seleznev Iu.I. *Dostoevskii* [Dostoevsky]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1985, 542 p. (In Russ.)

Farkova E.Iu. *Bogatye nevesty, komediia v 4-kh deistviiakh* [Rich brides, a comedy in 4 acts]. A.N. Ostrovskii. Entsiklopediia, ed. by I.A. Ovchinina [A.N. Ostrovsky. Encyclopedia, editor-in-chief I.A. Ovchinina]. Kostroma, Kostromaizdat; Shuia, ShGPU Publ., 2012, 660 p. (In Russ.)

S. (Suvorin A.S.) *Teatr i muzyka. Russkii teatr. Benezis Levkeevoi: "Bogatye nevesty"* [Theater and music. Russian theater. Benefit Levkeeva: "Rich Brides"]. Sankt-Peterburgskie vedomosti [St. Petersburg Bulletin], 1875, № 322 (November 30). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.07.2021; одобрена после рецензирования 23.09.2021; принята к публикации 28.11.2021.

The article was submitted 04.07.2021; approved after reviewing 23.09.2021; accepted for publication 28.11.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 120–124. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 120–124. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(410.1).09"16/17"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-120-124>

ПОСЛЕДНИЕ ИСПРАВЛЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ КОМЕДИИ У. ШЕКСПИРА «УСМИРЕНИЕ СВОЕНРАВНОЙ»

Ильина Наталия Кирилловна, кандидат филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, nk_ilina@mail.ru

Аннотация. В статье делается попытка ответить на вопрос о том, учёл ли А.Ф. Дамич, предпринявший четвёртое издание произведений У. Шекспира в переводах русских писателей в 1887–1888 гг., исправления в переводе комедии «Усмирение своенравной», сделанные А.Н. Островским незадолго до смерти. Отвечая положительно на этот вопрос, автор статьи обосновывает свой вывод анализом разночтений в шести разных изданиях перевода этой пьесы Островским. Сравнение издания А.Ф. Дамича с изданием Н.Г. Мартынова позволило также решить вопрос о том, какими были последние изменения в тексте перевода комедии, которые внёс А.Н. Островский.

Ключевые слова: У. Шекспир, А.Н. Островский, Н.Г. Мартынов, А.Ф. Дамич, издание, перевод, комедия «Усмирение своенравной».

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00084А

Для цитирования: Ильина Н.К. Последние исправления в переводе комедии У. Шекспира «Усмирение своенравной» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 120–124. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-120-124>

Research Article

THE LAST CORRECTIONS IN THE TRANSLATION OF THE COMEDY “THE TAMING OF THE SHREW” BY WILLIAM SHAKESPEARE

Natalia K. Ilyina, Candidate of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, nk_ilina@mail.ru

Abstract. An attempt to answer the question if Aleksey Damich, who had undertaken the 4th edition of W. Shakespeare’s works in Russian translations in 1887–1888, took into account the corrections in the translation of “The Taming of the Shrew”, which Alexander Ostrovsky had made shortly before death, is made in this article. In answering this question positively, the author of the article substantiates her conclusion with an analysis of the discrepancies in 6 different editions of Alexander Ostrovsky’s translation of this play. Comparison of Aleksey Damich’s edition with one by Nikolay Martynov also allowed addressing the question of the nature of the last changes in the comedy translation text that Alexander Ostrovsky made.

Keywords: William Shakespeare, Alexander Ostrovsky, Nikolay Martynov, Aleksey Damich, edition, translation, comedy “The Taming of the Shrew”.

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-012-00084А

For citation: Ilyina N.K. The last corrections in the translation of the comedy “The Taming of the Shrew” by William Shakespeare. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 120–124 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-120-124>

Известно, что А.Н. Островский не раз обращался к переводу комедии У. Шекспира «Усмирение своенравной». Первоначальный прозаический перевод 1850 г., запрещённый цензурой, послужил подстрочником для более позднего прозаического перевода, который был опубликован в журнале «Современник» в 1865 г. [Островский 1965: 4–120]. Этот же перевод увидел свет в следующем году в издании Н.А. Некрасова и Н.В. Гербеля, подготовивших полное собрание драматических произведений У. Шекспира в переводах русских писателей, а затем он появлялся в последующих изданиях Н.В. Гербеля 1876 и 1880 гг., а также в двухтомном издании драматических переводов А.Н. Островского, предпринятом Н.Г. Мартыновым в 1886 г. В издании 1887–1888 гг., которое после смерти Н.В. Гербеля осуществил А.Ф. Дамич, опубликован тот же перевод комедии, но пересмотренный А.Н. Островским в связи с выходом в Лондоне в 1881–1882 гг. нового собрания пьес У. Шекспира. В библиотеке московского дома писателя сохранилось издание А. Дайса, которым он, скорее всего, пользовался при пересмотре перевода комедии [Островский 1965: 192]. Существуют разногласия среди исследователей относительно принадлежности исправлений в этом последнем издании самому Островскому, поскольку в двухтомнике иностранных пьес, переведённых А.Н. Островским (издание Н.Г. Мартынова), уже содержатся правки некоторых слов и фраз. Удивительно также то, что в пятом издании полного собрания драматических произведений У. Шекспира в переводах русских писателей, которое вышло в 1899 г. под редакцией Д.Л. Михаловского, в переводе комедии «Усмирение своенравной» также обнаруживаются новые исправления [Морозов]. Вопрос о том, какой из вариантов был окончательным, до сих пор не выяснен.

М.М. Морозов [Морозов: 261–264] полагал, что правка в 5-м издании (1899 г.) принадлежала самому Островскому, который внёс эти изменения перед смертью. У исследователя была возможность сравнить издания под редакцией Н.Г. Мартынова и редакцией Д.Л. Михаловского (5-е издание), минуя 4-е издание под редакцией А.Ф. Дамича, и он сделал свой вывод на основании анализа разночтений в этих изданиях в пользу пятого издания. Ю.Д. Левин считал, что последняя редакция перевода комедии отражена в двухтомнике Н.Г. Мартынова, который воспользовался авторской правкой, а все изменения в 4-м и 5-м изданиях принадлежат самим редакторам, Дамичу и Михаловскому [Левин: 564–566].

По логике учёных, все правки в переводе комедии, напечатанной после смерти А.Н. Островского, не могут считаться аутентичными. Что касается издания под редакцией Д.Л. Михаловского, то это замечание

справедливо. Однако в издании, редактором которого был А.Ф. Дамич, вполне могла использоваться авторская правка, ведь сам Дамич просил Островского пересмотреть перевод комедии. Сохранилось два письма А.Н. Островского Н.Г. Мартынову от 6 и 15 мая 1886 г. по поводу перевода «Усмирения своенравной»: «Я не обещал Дамичу совершенно переделать свой перевод "Усмирение своенравной", переделывать его нечего, он сделан верно и слово в слово. Я хотел только пересмотреть его по новому исправленному изданию Шекспира, недавно вышедшему в Лондоне, в котором есть перемены в некоторых словах и знаках препинания. Я уже это почти кончил и на днях отправляю к Дамичу; другого экземпляра у меня нет. Если хотите, то попросите у Дамича, он ему нужен только к августу» [Островский 1953: 238]; «Исправленный экземпляр "Усмирения своенравной" можете взять у Дамича, я ему скоро вышлю, а другого у меня нет» [Островский 1953: 241].

Мы не можем точно сказать, обращался ли Мартынов к Дамичу за исправленным вариантом перевода комедии, но в его издании находим 48 отличий от перевода, напечатанного в «Современнике». В переводе комедии, вышедшем в 4-м издании (1887), почти все эти исправления присутствуют, но кроме них обнаруживаются 64 поправки, которых нет в издании Мартынова.

Трудно представить себе, чтобы А.Ф. Дамич, учтя исправления, сделанные Островским, напечатал комедию, произвольно внося в неё и свою правку. Он не стал бы этого делать просто из уважения к памяти драматурга, не считая того факта, что исправления, внесённые Островским, предназначались для его издания.

Сравнение перевода комедии в журнале «Современник» (1865) с первым изданием полного собрания драматических сочинений Вильяма Шекспира в переводах русских писателей (1866) показывает, что уже в 1866 году Островский внёс 4 исправления. Они не столь значительны за исключением, пожалуй, слова «пир» вместо слова «бал» в реплике Люченцио в начале 2-й сцены 5-го действия: «Мы в заключение нашего обеда / Устроим пир» [Островский 1866: 274] (*banquet* – пир, торжественный обед). Первоначальное желание переводчика избежать логического несоответствия (пир после обеда) уступило место лексической точности. Однако ремарка перед началом этой сцены в подлиннике гласит: «... *the Servingmen ... bringing in a banquet*» [The Taming: 287] (*Слуги... вносят банкет*). Приём в доме Люченцио в Падуе следует за основным свадебным торжеством в доме Баптисты, поэтому на стол ставится десерт (вино, фрукты и сладости), который и вносят слуги. В подлиннике Люченцио говорит: «*My banquet is to close our stomachs up / After our great*

good cheer» [The Taming: 288] (*На моём банкете мы десертом дополним наше свадебное торжество*).

Издание 1876 г. (2-е издание) почти полностью идентично первому за исключением 5 отличий, из которых 3 – явные опечатки. К сожалению, они перешли и в последующие издания 1880 и 1886 гг. Так, вместо фразы, в которой Люченцио предлагает поставить на жену сто марок: «Ну, сто?», появляется вопрос: «Ну что?»; варвикское пиво стало варникским, а фраза Транио, обращённая к Баптисте: “*Give me Bianca for my patrimony*” [The Taming: 271] («Отдайте мне в наследство ваше Бьянку») стала звучать так: «Отдайте мне в наследство вашу Бьянку». В 4-м издании эта фраза в переводе стала более лёгкой и понятной: «Взамен наследства мне отдайте Бьянку» [Островский 1887: 491].

На одно исправление, однако, хотелось бы обратить внимание. На требование Петручио: «Лошадей!» Грумио у Шекспира произносит такую фразу: «*Ay, sir; they be ready; the oats have eaten the horses*» [The Taming: 236] («Они готовы и овёс уж съел их»). И в «Современнике» в 1865 г., и в первом издании Полного собрания драматических произведений У. Шекспира в переводе русских писателей эта фраза так и переведена. Комментаторы Шекспира объясняют её следующим образом: смысл фразы в том, что лошади так наелись овса, что больше съесть уже не могут. Во 2-м издании (1876) эта фраза изменилась: «Они готовы и овёс уж съеден их» [Островский 1876: 231]. В последующих изданиях фраза эта становится нейтральной: «Они готовы, и овёс уж съеден» [Островский 1886: 59; Островский 1887: 483].

В 3-м издании 1880 г. также есть 35 исправлений по сравнению с предыдущими изданиями. Наиболее важные три: 1. На вопрос Гремио, точно ли Петручио хочет жениться на дикой кошке Катарине, он отвечает: «Конечно». В подлиннике этот смысл передаёт вопрос «*Will I live?*» [The Taming: 193] («Хочу ль я жить – спросите») [Островский 1865: 50]). Островский в переводе предпочитает вялому «Конечно» энергичную английскую идиому, превратив её в строку пятистопного ямба: «Хочу ль я жить – спросите у меня». 2. Вопрос Петручио «Красивей ли сорока жаворонка лишь оттого, что перьями пестрее?» [Островский 1865: 99] стал звучать ещё ярче: «Ужель сорока жаворонка лучше лишь оттого, что перьями пестрее?» 3. «Синьор Транио в эту

пташку метился, да мимо», – подтрунивает над ним Петручио, имея в виду Бьянку [Островский: 1865 115]. Петручио называет Транио синьором, иронизируя над его перевоплощением из слуги в господина. В издании 1880 г. и в последующих изданиях 1886 и 1887 гг. Петручио называет его «Бедный Транио», теряя ироничную подоплёку.

Издание Мартынова 1886 г. ничем не отличается от издания 1880 г., за исключением трёх опечаток и фразы «Спаси сеньёру» вместо «Спасай синьору» в предыдущих изданиях. Вывод напрашивается сам собой: Н.Г. Мартынов не обращался к А.Ф. Дамичу за уточнениями в переводе пьесы, которые сделал Островский перед смертью.

Что касается исправлений в 4-м издании, вышедшем в 1887 г., то больше половины из них (37 случаев из 64) содержат незначительные изменения, не влияющие на общий смысл реплики (например см. табл. 1).

В 11 случаях исправления затрагивают смысл реплик персонажей. Островский добивается точной передачи значения слов и словосочетаний. Так, в монологе Транио о науках, которым собирался посвятить себя Люченцио, слуга советует господину: «*Let's be no stoics nor no stocks*» [The Taming: 172], намекая на портик с колоннами в Афинах, где проводил обучение философ-стоик Зенон. Только в 4-м издании перевод этой фразы отразил точный смысл оригинала: «не стать ни стоиками, ни столбами» [Островский 1887: 468], а вовсе «не сделаться из стоиков – столбами» [Островский 1886: 13]. Закрывая свой монолог, Транио советует: «*In brief, sir; study what you most affect*» [The Taming: 173] («Тому учитесь, что по сердцу вам») [Островский 1887: 468]). В предыдущих изданиях смысл фразы не выявлен, так как переведён неточно: «Ну, словом, нужно веселей учиться» [Островский 1886: 13]. Обращаясь к восхищённому красотой Бьянки Люченцио, верный слуга советует: «*and gaze your fill*» [The Taming: 175]. Первоначально Островский перевёл: «и любуйтесь молча» [Островский 1886: 15], в 4-м издании – «до сыта глядите» [Островский 1887: 468], что является точным выражением смысла высказывания.

10 исправлений демонстрируют правильно подобранное слово: в 4-м издании «пастор» заменён на «попа» и «священника», что соответствует католической Италии, где происходит действие пьесы.

Таблица 1

Издание 1886 г. под ред. Н.Г. Мартынова	Издание 1887 г. под ред. А.Ф. Дамича
Люченцио: Но тише, Траньо! [Островский 1886: 15].	Потише, Траньо! [Островский 1887: 468].
Петручио: Я попрошу, сеньёр, не трогать злую [Островский 1886: 29].	Прошу, синьор, бранчивую не трогать [Островский 1887: 473].
Катарина: Луна луной не будет, если хочешь [Островский 1886: 87].	Луна изменится, коль ты захочешь [Островский 1887: 492].

Во фразе «*Gentles, methinks you frown*» [The Taming: 230] («Что вы, друзья, печальны?») [Островский 1886: 55] значение слова «*frown*» приближено к оригиналу: «Что вы, друзья, надулись?» [Островский 1887: 482]. Куртис, слуга в доме Петручио, так характеризует действия своего господина по отношению к Катарине: «*Making a sermon of continency to her; / And rails...*» [The Taming: 249] («...проповедь читает о воздержании, и сам бранится») [Островский 1887: 486]); в предыдущих изданиях слово «*gail*» неверно переведено «хохотать»: «...проповедь читает о воздержании, и сам хохочет» [Островский 1886: 68].

В одном случае Островский возвращается к более колоритному образу английской идиомы по сравнению с русским эквивалентом: фраза «*But I will charm him first to keep his tongue*» [The Taming: 181] («Но пусть язык свой держит за зубами») [Островский 1886: 19] буквально означает «Сначала я заговорю его, чтобы он попридержал свой язык» (у Островского в 4-м издании: «Поворожу, так будет молчалив» [Островский 1887: 470]).

Две ошибочные фразы были переведены правильно в предыдущих изданиях. К примеру, в 4-м издании совет Транио «*balk logic with acquaintance that you have / And practise rhetoric in your common talk*» [The Taming: 172] («О логике с друзьями рассуждайте / Риторикой пускайте в разговоры обыкновенные») [Островский 1886: 13] в переводе получил противоположную интерпретацию: «Не угнетайте логикой друзей / В простые разговоры не пускайте риторики прикрас» [Островский 1887: 468]. Сложности возникли с переводом глагола «*balk*», означающего «оставлять без внимания; отвергать, отклонять», но в сочетании со словом «*logic*» это выражение становилось синонимом другого словосочетания «*chor logic*» («спорить с помощью софизмов, резонёрствовать»). Во времена Островского фразеологические словари только начинали входить в обиход переводчика, которому приходилось полагаться на языковое чутьё. Поначалу языковое чутьё не изменило Островскому, но в итоге логикой продиктовано неверное решение.

В двух случаях ошибка не была исправлена ни в одном издании: «*half a score*» означает «десять», а не «двадцать»; «*forever and a day*» означает «никогда» (у Островского: «никогда со днём»).

К перешедшим из предыдущих изданий опечаткам добавились ещё 2: «меж нами» вместо «меж ними»; «верю» вместо «верно».

Особый пласт представляет перевод игры слов, на которую Шекспир был непревзойдённый мастер. Обычно Островский виртуозно справлялся с этой трудной задачей, например в передаче искромётной словесной перепалки между Петручио и Катариной во время их первой встречи, но некоторые не столь явные случаи игры слов остались без внимания. Так, ре-

плика Транио, обращённая к Петручио, должна была задеть его, так как намекала на непокорность Катарини: «*'Tis thought your deer does hold you at a bay*» [The Taming: 172]. Во всех прижизненных изданиях перевода комедии Островским слово «*deer*» (олень) переведено словом женского рода: «А ваша дичь, синьор, вас только водит» [Островский 1865: 115]. Игра слов заключается в созвучии «*deer*» (олень) и «*dear*» (дорогая). В 4-м издании фраза потеряла игру слов, сохранив лексическую точность: «...на вас олень / Уставился и ходу не даёт» [Островский 1887: 496].

Принимая во внимание приведённые доводы, можно сделать вывод о том, что редактор 4-го издания сочинений Шекспира в русских переводах, вышедшего в свет уже после смерти Островского, в 1887 г., учёл исправления переводчика, по большей части оправданные и улучшившие перевод комедии.

Источники

Островский А.Н. Усмирение своенравной // Современник. 1865. № 11. С. 4–120.

Островский А.Н. Усмирение своенравной // Полное собрание драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей / изд. Н.А. Некрасова, Н.В. Гербеля. СПб., 1866. Т. 2. С. 235–278.

Островский А.Н. Усмирение своенравной // Полное собрание драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей / изд. Н.В. Гербеля, Н.А. Некрасова. СПб., 1876. Т. 2. С. 208–246.

Островский А.Н. Усмирение своенравной // Полное собрание сочинений Виллиама Шекспира в переводе русских писателей. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. Н.В. Гербеля. СПб., 1880. Т. 1. С. 442–478.

Островский А.Н. Усмирение своенравной // А.Н. Островский. Полное собрание сочинений. Драматические переводы. М.: Изд. Н.Г. Мартынова, 1886. Т. 2. С. 1–104.

Островский А.Н. Усмирение своенравной // Полное собрание сочинений Виллиама Шекспира в переводе русских писателей / изд. Н.В. Гербеля. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1887. С. 461–498.

Островский А.Н. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 16. С. 238, 241.

Список литературы

Библиотека А.Н. Островского: описание / сост.: Ф.В. Ильина, К.Ф. Ванягина, А.Н. Бруханский. Л., 1963. 273 с.

Гербель Н.В. Полное собрание сочинений Виллиама Шекспира в переводе русских писателей; под ред. Д. Михаловского. СПб., 1899. Т. 1. С. 467–504.

Морозов М.М. Избранные статьи и переводы. М.: Гослитиздат, 1954. 596 с.

Левин Ю.Д. О последней редакции перевода А.Н. Островского «Усмирение своенравной» // Шек-

спир. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке, 1748–1962. М.: Книга, 1964. С. 564–566.

The Taming of the Shrew. The Arden Shakespeare, ed. by Brian Morris. Methuen, London and New York, 1981, pp. 151–298.

References

Biblioteka A.H. Ostrovskogo [Library A.H. Ostrovsky], description, comp. F.V. Plyina, K.F. Vanyagina, A.N. Brukhansky. Leningrad, 1963, 273 p. (In Russ.).

Gerbel' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii Villiama Shekspira v perevode russkikh pisatelei* [The complete works of William Shakespeare translated by Russian writers, ed. D. Mikhailovsky], ed. by D. Mikhailovskogo. St. Petersburg, 1899, vol. 1, pp. 467–504. (In Russ.).

Morozov M.M. *Izbrannye stat'i i perevody* [Selected

articles and translations]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1954, 596 p. (In Russ.).

Levin Iu.D. *O poslednei redaktsii perevoda A.N. Ostrovskogo "Usmirenje svoenravnoi"* [About the latest revision of the translation by A.N. Ostrovsky "Suppression of the wayward"]. *Shekspir: Bibliografiia russkikh perevodov i kriticheskoi literatury na russskom iazyke, 1748–1962* [Shakespeare. Bibliography of Russian translations and critical literature in Russian]. Moscow, Kniga Publ., 1964, pp. 564–566. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.08.2021; одобрена после рецензирования 02.10.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 19.08.2021; approved after reviewing 02.10.2021; accepted for publication 12.11.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 125–131. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 125–131. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-125-131>

**МОТИВЫ КРИЗИСА РУССКОЙ СЕМЬИ
И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В ЭПИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ Б.М. МАРКЕВИЧА
(«Четверть века назад», «Перелом», «Бездна»)**

Лебедев Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, y.v.lebedev@yandex.ru

Аннотация. В советское время романическая трилогия Маркевича безоговорочно относилась к числу наиболее ортодоксальных антинигилистических произведений. Однако уже современная автору консервативная критика считала нигилистов наиболее слабыми в художественном отношении героями этой трилогии. В центре повествования у Маркевича были не нигилисты, а историческая судьба русского дворянства, пережившего сокрушительное поражение в ходе «великих реформ» 1860-х гг. Маркевич показывает, что это поражение было связано с глубоким духовным кризисом просвещенной части дворянского сословия, на котором держалась отечественная государственность, которое хранило нравственные устои, крепившие русскую семью. В своей трилогии Маркевич изображает стремительно нараставший кризис этих духовных устоев, явившийся плодотворной почвой для расцвета русского нигилизма. Здесь Маркевич близок Ф.М. Достоевскому, который в романе «Бесы» впервые показал преемственную связь между культурными дворянами и нигилистами, являющимися их наследниками, их духовными детьми. Отсутствие веры у отцов порождало нигилизм у детей. Именно потому в центре внимания Маркевича оказываются не столько русские нигилисты, сколько дворянское сословие, вдумчивым художественным историком которого этот писатель оказался.

Ключевые слова: эпическая композиция, художественные «сопряжения», христианство, язычество, духовные устои, самодержавие, дворянское сословие, кризис православия, нигилизм.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102

Для цитирования: Лебедев Ю.В. Мотивы кризиса русской семьи и отечественной государственности в эпической трилогии Б.М. Маркевича («Четверть века назад», «Перелом», «Бездна») // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 125–131. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-125-131>

Research Article

**MOTIFS OF THE CRISIS OF THE RUSSIAN FAMILY
AND NATIONAL STATEHOOD IN THE EPIC TRILOGY OF BOLESлав MARKEVICH
("A Quarter of a Century Ago", "The Turning Point" and "The Void")**

Yuriy V. Lebedev, Doctor of Philology, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, y.v.lebedev@yandex.ru

Abstract. In Soviet times, Boleslav Markevich's novel trilogy was unconditionally considered to be among the most orthodox anti-nihilistic works. However, already contemporary to the author, conservative criticism considered the nihilists to be the artistically weakest heroes of this trilogy. What is in the centre of Boleslav Markevich's narrative, is the historical fate of the Russian nobility, which suffered a crushing defeat during the "great reforms" of the 1860s, rather than nihilists. Boleslav Markevich shows that that defeat was associated with a deep spiritual crisis of the enlightened part of the nobility, which supported the national statehood, with the latter preserving the moral foundations which strengthened the Russian family. In his trilogy, Boleslav Markevich depicts the rapidly growing crisis of those spiritual foundations, which was a fertile ground for flourishing of Russian nihilism. In this case, Boleslav Markevich is close to Fyodor Dostoevsky, who in the novel "Demons" for the first time had showed the continuity between cultural nobles and nihilists who are their heirs, the spiritual children of the latter. The lack of faith in fathers gave rise to nihilism in sons. That is why Boleslav Markevich's focus is on the nobility rather than on Russian nihilists as, due to which that writer turned out to be a thoughtful art historian.

Keywords: epic composition, artistic "conjugation", Christianity and paganism, spiritual foundations of autocracy, nobility, crisis of Orthodoxy, nihilism.

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-012-00102

For citation: Lebedev Yu.V. Motifs of the crisis of the Russian family and national statehood in the epic trilogy of Boleslav Markevich ("A Quarter of a Century Ago", "The Turning Point" and "The Void"). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 125–131 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-125-131>

В письме к Петру Карловичу Щебальскому от 24 января 1879 г. Болеслав Михайлович Маркевич сообщал: «Я знаю, что “Четверть века” имеет большой успех, что о нем говорят во всех слоях общества, начиная с кабинета императрицы, которой читают его по вечерам, и кончая студенческими кружками...» [Письма: 145].

Однако романы этого писателя не получили развернутой и убедительной оценки как в отечественной критике, так и в литературоведении. Сам Маркевич пытался объяснить это так: «...В либеральных кружках шли очень большие толки о том, следует ли облавою напустить на меня, или, в виду несомненного сочувствия публики, не компрометироваться, а бросить совсем, заморить молчанием. Решились на последнее» [Письма: 146].

В письме к Щебальскому 27 августа 1881 г. Маркевич взывал почти с отчаянием: «Критики жажду, настоящей, серьезной, эстетической критики, – то есть того именно, чего у нас нет и чем такие люди, как вы, например, столько способные к ней, не хотите заняться» [Письма: 156].

По настоятельным просьбам Маркевича, Щебальский опубликовал о первых романах трилогии две критические статьи, делился с ним в письмах своими убеждениями и советами. «В письмах ваших, – говорил Маркевич Щебальскому, – я находил не только выражение дружеского сочувствия, всегда столь драгоценного каждому человеку, живущему не для одного мамоны, но и не менее ценное для держащего перо в руках существа указание умной, прозорливой и строгой при всей своей доброжелательности критики» [Письма: 185].

Общественные убеждения П.К. Щебальского глубоко раскрыты в его работе «Глава из истории нашей литературы». Анализируя «Выбранные места из переписки с друзьями», Щебальский писал: «Гоголь знает, какие упреки обыкновенно делаются православной церкви; но он видит руку Промысла в том, что церковь вселенская разделилась надвое и что из них одной предназначено “стоять неподвижно и как бы вдали от людей, а другой волноваться вместе с людьми; одной не принимать никаких нововведений, другой, меняясь и применяясь ко всем обстоятельствам времени, духу и привычкам людей, вносить все нововведения”».

Уподобляя вторую “заботливой хозяйке Марфе, а первую – скромной Марии”, Гоголь находит, что она избрала благую часть, ибо сохранила “всё то, что нужно для просыпающегося ныне общества. В ней, – пишет он, – кормило и руль наступающему новому порядку вещей, и чем больше вхожу я в неё умом и сердцем, тем больше изумляюсь чудной возможности примирения тех противоречий, которые не в силах примирить теперь церковь западная...” <...>

В противоположность возникавшим на Западе идеям об отделении церкви от государства и государства от церкви, Гоголь желал бы в России связать их теснее. “По мне, – говорит он, – безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу церковь, не испросив у неё на то благословения”. Церковью определяется наше национальное мировоззрение, и мы должны оставаться ему верным. Не без влияния церкви и с её благословения сложился и наш гражданский строй, наше национальное понятие о царе, например; наша любовь к своему отечеству неотделима от верности нашей церкви» [Щебальский 1885: 597].

«Гоголь говорит далее, что “высшее значение монархии прозрели у нас поэты, а не законоведы”, и в доказательство приводит следующие слова Пушкина: “Зачем нужно, чтоб один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и необратимое. А одним буквальным исполнением закона недалеко уйдешь; нарушить же его или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха – автомат: много-много если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит. Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера...”» [Щебальский 1885: 598].

А далее Щебальский обращает внимание на другую, тоже чрезвычайно близкую Маркевичу мысль. Гоголь «допускал и *самодержавие вотчинника*»: если «монарх должен быть “образом Того на земле, Кто Сам есть любовь”, то и помещик обязан был осуществлять некоторые черты монарха и прежде всего быть проникнутым любовью к своим подданным, жить не столько для себя, сколько для их блага, учить их добру» [Щебальский 1885: 600].

Так думал Гоголь, так утверждал дружески близкий Маркевичу Щебальский, о такой же общности дворянского сословия с народом мечтал автор эпической трилогии. Но в жизни России середины и второй половины XIX в. этот достаточно чуткий и недооценённый писатель чувствовал нарастающую беду.

Еще в дореволюционной критике сложилось убеждение, что Маркевич – сторонник крепостного права, противник крестьянской реформы. Но все это далеко от истины. На самом деле причину пореформенной катастрофы он видел в глубоком кризисе духовных основ русского общества. Кризис этот охватил в 1860-е гг. ведущие слои нашего дворянства, усилиями которых «великие реформы» утащили Россию через «перелом» – к «бездне». «Зна-

менитые “реформы”, – говорил Маркевич в письме к Щебальскому, – смолотили русскую жизнь в какую-то безобразную и вонючую муку, ни на какую потребу не годную...» [Письма: 163]. Никакой идеализации дворянства и «дворянских гнезд» в романах Маркевича нет. Есть в них другое. Изображается неизбежная смута, ведущая от безбожия культурного слоя к глобальному крушению христианских устоев России, начиная с семьи, и кончая ее государственностью.

Композиция трилогии напоминает принцип построения романного целого в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого. Через весь трехтомник тянутся, сопрягаясь друг с другом, две сюжетные линии. Одна тяготеет к язычеству, другая – к православию. В первой части – «Четверть века назад» – и во второй – «Перелом» – главным героем первой сюжетной линии оказывается московский Дон Жуан Ашанин и жрица любви Ольга Елпидифоровна Акунина (Ранцова), которую в последнем, незавершенном романе «Бездна» сменяет Антонина Дмитриевна Буйносова (Сусальцева) и графиня Елена Александровна Драхенберг, жизнь которой – пародийный перепев судьбы Анны Карениной.

К этой же линии тяготеют героини-нигилисты от Иринарха Овцына в романе «Перелом» до Владимира Буйносова в романе «Бездна». Они не относятся к числу удачных героев трилогии. По точной оценке П.К. Щебальского, «не только Овцын отец, но и Иринарх, играющий в романе видную роль, далеко не столь выпуклы, как другие действующие лица, портрет Иринарха написан весь каким-то одним сереньким колером. <...> Невольно, в виду несомненной талантливости г. Маркевича и его умения наблюдать, рождается сомнение, видал ли он, в самом деле, Иринархов Овцыных? Наблюдал ли он их в действительности, или же создал “отвлечение” на основании прочтенных им политических процессов, книг и статей наших реформаторов-революционеров?» [Щебальский 1882: 382–383].

Но заметим в то же время, что, по сравнению с картинами безбожия светского общества в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина», вся языческая линия в трилогии Маркевича окрашена в гораздо более резкие, обличительные тона. Обращаясь к Ольге Елпидифоровне, православный христианин Василий Григорьевич Юшков так оценивает ее красоту: «...Внимания заслуживаете вы вполне и от каждого, а в древнем мире могли бы, смею думать, даже большую известность приобрести.

– Это что же такое “в древнем мире”? Вы всегда какими-то притчами выражаетесь! – молвила пренебрежительно Ольга.

– А то это значит, сударыня, что в мире языческом, в противность тому, чему научило нас христианство, женская личность превозносима была почти исклю-

чительно за ту внешнюю, так сказать, телесную прелесть, коею могла она отличаться от других, а не за те высшие, духовные дары, которые для нас составляют ее лучшее украшение»¹.

Поэтому не первая, как у Толстого, а вторая сюжетная линия является в трилогии ключевой. В романе «Четверть века назад» ее ведут князь Ларион и молодой славянофил Гундуков, а во второй и третьей части ее подхватывают дворянин Борис Васильевич Троекуров и севастопольский ветеран Павел Григорьевич Юшков. С ними заодно брат Юшкова, старый романтик-христианин Василий Григорьевич и простодушная женщина из духовенства Елизавета Ивановна Сретенская. Два этих героя пытаются выдержать позитивный, православно-христианский мотив трилогии, обличая шаткость «обуянных» персонажей, одержимых «духом гордыни и возмущения».

Между двумя сюжетными линиями трилогии существуют напряженные художественные взаимосвязи. Для ключевой линии сюжета языческий мотив – источник постоянного соблазна и грехопадения, в который попадают лучшие герои трилогии. Соблазняется красотой Ольги Елпидифоровны Троекуров, околдован ее чарами граф Наташанцев, в психологической зависимости от Антонины Дмитриевны Буйносовой (Сусальцевой) оказывается Григорий Павлович Юшков.

Одержимый страстью к княжне Кире, готовый изменить жене и разрушить семью, Борис Васильевич Троекуров чувствует, что в его решении есть что-то близкое к поведению и образу жизни распущенного Ашанина, этого московского Дон Жуана, поджидающего в будке очередную потеху для удовлетворения своей страсти: «А тут, извольте видеть, у самой будки забор, а в заборе калиточка в сад, а за садом дом, а в доме живут старый муж-ревнивец и молодая жена. В дом меня, а из дома ее не пускают, вследствие чего, натурально, и она, и я испытываем неодолимое желание соединиться как можно чаще для взаимных жалоб на нашу несчастную судьбу. Вот я и нашел единственно доступное нам при таких враждебных обстоятельствах, укромное местечко по соседству с садом, куда муж пускает ее по утрам “для променажа”.

– И местечко это – будка? – невольно усмехнулся Троекуров.

– Будка, Борис Васильевич! – комически вздохнул шалун, глядя ему в лицо из-под опущенных им смиренно ресниц.

Но усмешка успела уже соскользнуть с этого лица и сменилась каким-то брезгливым, чуть не суровым выражением. Ашанин с прирожденным ему тактом тотчас же почувствовал, что собеседник его несколько не был расположен к “легкому разговору” в эту минуту, и, слегка покраснев, поспешил перейти на другой предмет»².

И вот, памятуя о «лабиринте сцеплений» Л.Н. Толстого, Маркевич использует в своем романе тот же самый художественный прием. В момент любовного порыва Троекурова к княжне Кире Кубенской «ашанинская линия» вторгается в повествование и гасит этот порыв острым ощущением его греховности: «У Троекурова двоилось в глазах. Никогда еще ее своеобразная красота и то внутреннее содержание, тот пыл и цвет душевный, что заключались в ней, не представлялись ему в таком обаянии, как в этот миг, когда, бледная как мрамор, с горящими страстно энергией глазами, беспощадно разгоняла она эту неожиданную горечью речи марево чаемого – давно ли? – ими обоюдного счастья. Соблазн этого счастья снова захватил и повлек его теперь. “Нет, что бы ни было, ты моя, ты должна быть моею!” – неудержимо подымалось ему к горлу... Он рванулся вперед, простирая руки... и остановился, вздрогнув, пред ее внезапно испуганным движением, переменяя себя сверхъестественным усилием и чувствуя, как краска мгновенно стыда выступала на его лицо... “Ашанин, будка”, – гадливо пронеслось у него опять в голове...»³

Остановимся на магистральной линии трилогии, связанной с судьбами русской государственности на переломе эпох, а оттеняющий эту тему антихристианский, языческий мотив будем держать в уме, оставив его пока приглушенным.

Уже в первом романе «Четверть века назад» «аристократ по крови, воспитанию и привычкам», князь Ларион, одержим беззаконной страстью к своей племяннице Елене (Лине) Шастуновой: «Нет отца, нет матери, нет посторонних чувств для того, кто любит!» – утверждает он. Любовь «есть кумир, которому без возврата отдается все, что до этого могло быть свято и дорого, долг, спокойствие, верования, жизнь»⁴.

«Это не любовь, а грех и преступление!» – обрывает его безумные слова глубоко верующая Лина.

Старик-смотритель уездного училища Василий Григорьевич Юшков читает безнадежно больной девушке стихи Жуковского:

*Есть, нам обещают,
Где-то лучший край.
Вечно молодая
Там весна цветет;
Для тебя иная,
Там, в долине рая,
Снова жизнь блеснет...*

«Там! – громко повторяет князь Ларион в порыве неудержимого раздражения; – что мы знаем об этом! Мы знаем только, что здесь от нас уходит безвозвратно неповинная жизнь...»⁵

Приход священника к Лине вызывает у князя недоумение: «Он остановился на ступеньке с широко, испуганно открытыми глазами.

Священник, низко кланяясь и косясь на него такими же испуганными от робости глазами, торопливо проскользнул мимо него вниз.

– Что это? – остановил князь Ларион сходящего вслед Юшкова.

– Отец Иоанн... прихода здешнего, – пробормотал тот нетвердо.

– Для чего он?..

– Княжна пожелала, – молвил он еще тише»⁶.

Ангелоподобная Лина оказывается чуждой родным и не понятой ими. Даже влюбленный в эту девушку юный славянофил Гундунов оказывается недостаточно чутким к ее возвышенной и ранимой душе.

Финал первого романа трилогии символичен. Отторгнутая русской жизнью Лина покидает этот мир. «Настала ночь... Она лежала на столе, озаренная свечами в высоких церковных шандалах, вся белая, в белой кисее, усыпанная свежими цветами, в венке из белых роз на распущенных волосах, со сложенными на груди крестом руками... Она уснула – и небесные видения, казалось, виделись ей теперь; что-то пронизывающее, глубокое, божественно-счастливое лежало на этом облике, говорило в складке строго, таинственно улыбающихся уст. Такой улыбки, такого выражения нет у живых, – их дает на грани земного бытия как бы мгновенное прозрение иной, вечно существующей, беспредельной жизни»⁷.

А в это время внизу, в своем кабинете, самовольно уходит из жизни князь Ларион, принимающий яд.

«Живый в помощи Вышняго в крове Бога небесного водворится», – доносится до него сверху чтение по усопшей Лине.

«“Сейчас узнаем!” – проговорил он, быстро поднося бокал к губам и, опорожнив разом, выкинул его рассчитанным последним движением далеко за окно.

Слабый звон тонкого стекла, разлетевшегося в мельчайшие дребезги на песке аллеи, не успел еще замереть в сонном воздухе, как бездыханное тело князя Лариона, ударившись виском о косяк стены, опрокидывалось всею тяжестью своею на паркет...»⁸.

О духовной слабости русского дворянства, мнившего себя когда-то опорой трона, говорит в романе «Перелом» близкий ко двору граф Наташанцев: «“Что же делать! Государь не может иметь к нам доверия более, чем мы сами имеем его к себе... А мы... давайте будем откровенны, никто из нас в себя не верит!” – уже чуть слышно и с каким-то отчаянием проговорил граф»⁹.

Главный герой второй и третьей части трилогии дворянин Борис Васильевич Троекуров служит «мировым посредником». С крестьянами своего участка он держит себя «не чиновником, не смиренным исполнителем воли и воззрений местных властей, а *барин*ом, то есть человеком, власть и значение которого основаны на службе отечеству и заслугах предков,

на сознании той передовой роли, которую они играли в течение веков» [Щебальский 1882: 369].

Но этот человек, подобно князю Лариону, беззаконно влюбляется в двоюродную сестру своей жены, княжну Киру Кубенскую. Только семейная катастрофа заставляет его одуматься, оценить свое увлечение. «А мы-то, мы-то сами, сами-то мы *что?* – спрашивает он себя и отвечает: – “Эстетики” мы были... Мы верили в “красоту”, мы “страсть” возводили в культ, – и во имя их все дозволяли, все извиняли; под их флагом, убранные в их цветы, дерзко выступали у нас всякая разнузданность, всякий преступный каприз безудержной фантазии...»

Чего ждать от детей таких отцов, как мы? – неслось опять в голове его горячими и обрывистыми взрывами... – Общество без устоев и корней, плывущее как облако в пространстве по прихоти первого ветра... Всеобщая ломка и погром; все долой: живые побеги, родные предания, связи с прошедшим, с народом, с его нерушимыми верованиями... Слепые вожди, дешевые *мыслители*, куда ведете вы страну теперь, что тянет вас: злой рок, *fatum?*.. Нет, даже этого нет! “Тогент”¹⁰ бессмысленный какой-то, рабство нищего ума пред фантазмагорией чего-то чужого, без духа жизни, без почвы под собою... Вы на этой слякоти и мрази здание ваших *реформ* строите, *гражданскими правами* великодушно наградить нас намерены... Вы прежде всяких прав научите нас *долгу*, научите *отцами* быть, вы *семью* спасите в России!” – с горечью и злостью, чуть не громким воплем вырывалось из груди Троекурова¹¹.

Княжна Кира, отвергая страстный порыв Троекурова и покидая Россию, уходит в католический монастырь. «“Ей нужно было отдать себя в руки, в надежные руки, а у нас – некому”, – полагает Троекуров. Он остановился, глянул, вдумчиво прижмурясь, в окно... Кресты ближней трехглавой церкви сверкали сквозь его стекла в мягком сиянии осеннего утра... Троекуров долго глядел на них... “Некому? – вопросительно повторил он про себя: – ужели ж все прежнее, крепкое, прахом пошло и разнесено ветром?”¹².

Эти кресты ближней церкви так же далеки от Троекурова, как и от Киры Кубенской, и от князя Лариона Шастунова. К этому выводу интуитивно пробивается Маркевич. Он чувствует отчуждение верхов русского общества от коренных основ православной жизни, от духовных устоев нации.

Согласно этим устоям, питавшимися православной верой, русский народ считал своего царя «помазанником Божиим». А дворянские верхи упорно «окормляли» Россию идеями чуждого православному сознанию буржуазного парламентаризма, бесплодными демократическими посулами.

Маркевич интуитивно чувствует, хотя рационально, может быть, и не вполне осознает, что катастрофа

дворянского сословия была связана именно с духовной отчужденностью его от тех религиозных основ нашего общества, которые, начиная с синодальной реформы Петра Великого, вступили в полосу тяжелого кризиса.

Современное православие, исключая «маленькую» Елизавету Ивановну с ее наивным и трогательным «андел ты мой», представлено в трилогии «прогрессивным» пастырем о. Парфеном. «Слово *Бог*, – поучает он семью Троекуровых, – понятие, так сказать, пространственное, растяжимое даже до чрезвычайности... Сами вы, полагаю, не безызвестны, что современная наука, к примеру, никакого прежнего признания *на веру* не допускает...» [Маркевич 7: 248]¹³.

А решительное сопротивление такому «прогрессивному» пониманию Бога вызывает у отца Парфена горделивое презрение: «...Эти “аристократишки” видели в нем все того же, прежнего “попа”, “кутейника”, которых они привыкли “третировать ан канал”; они не поняли, что пред ними предстоял “человек *новых взглядов и образования, понимающий приличие* не хуже, чем они”, как они моющий себе руки французским мылом и меняющий рубашку каждый день... “Прохвосты, белая кость!” – шептал он»¹⁴.

Маркевич чувствует духовную ущербность не только духовенства, но и дворянства, того культурного слоя, с которым ему хочется связать надежды на возрождение России. В письме к Щебальскому от 23 июля 1880 г. он обращается за помощью к своему наставнику: «Тщетно бьюсь я в мысли отыскать ту *реальную*, практическую почву, на которой <...> мой Троекуров мог бы в свою очередь аргументировать “умнее” Гундунова. А то придется вести дальнейшее чисто *отрицательным* путем, – т. е. показать на безобразные результаты того, что было сделано в силу принципов, которых Гундуровы были представителями, не имея слова сказать на естественно являющийся затем вопрос: “прекрасно, мы с вами согласны, вышло нечто отвратительное; ну, а что бы вы сделали для того, чтоб было иначе?” <...> *Что именно в понятиях Троекурова могло бы, должно бы было быть сделано, чтобы это сельское дворянство в России было в состоянии, как в Англии, играть подобающую ему роль крепкой, культурной и руководящей силы?* Как вы это понимаете, как бы вы разумели его воззрения? Где в его глазах зло: в недомыслии сделанного, или просто-напросто в несостоятельности самого дворянства, в нравственной дряблости русского характера? Ведь все это – *autant de questions*¹⁵, на которые, повторяю, я до сих пор нигде не находил удовлетворяющего меня ответа» [Письма: 152–153].

В заключительной части трилогии «Бездна» Троекуров беспощаден к правительственным верхам: «Четверть века вы употребили на то, чтобы придавить в России, осмеять, вырвать с корнем все, что оста-

валось у нее Богом ей данного здравого смысла. На место его вы поставили вашу уродливую, бессмысленную, гнилую *интеллигенцию*. Вы обрекли прирожденные способности русских людей на долгое, вековое, может быть, бесплодие, воспитав их на отрицании, на презрении всего родного, древне заветного, на развращающих фразах и отсутствии всякого нравственного идеала. Вы из чужеземной *цивилизации*, – с невыразимой горечью подчеркнул Борис Васильевич, – умели привить к своей стране одну лишь гангрену отживающих народов; вы отравили русский народ безначалием, забавами, “аблакатами”; вы сочинили атеистическую, невежественную, злобную *прессу*, точащую яд каждою своею строкой, прессу – бич всего, еще остающегося не исковерканным в нашем крае...»¹⁶

Провиденциальным финалом трилогии является в «Бездне» сын Троекурова Вася, глубоко верующий и душевно ранимый мальчик. Можно считать, что образ Васи замыкает кольцевую композицию трилогии. По своему духовному складу он напоминает Лину Шастунову, смертью которой завершается первая часть ее – «Четверть века назад».

Вася с опасением признается своей сестре, что собирается стать священником: «Я знаю, знаю все, что на это могут мне сказать: что это ни с чем не сообразно, несогласно – ни с обычаями, ни со званием, ни с тем, наконец, что мне предстоит, как ты вот сейчас сказала, как “продолжателю дела моего отца”. <...> А ты подумай, Маша, если б я там же, в Глубоком, или хоть здесь бы, во Всесвятском, призван был священнодействовать, быть духовным отцом наших крестьян, разве я не был бы настоящим тогда помощником в деле моего отца и не избрал бы вместе с тем лучшее, что дано человеку сделать на земле?»¹⁷.

«Маша порывисто вскочила с места и кинулась к брату.

– Вася, голубчик, милый... <...> ...Ради Бога, ради Бога, не отдавайся этому... <...> Я ничего, ничего не скажу татам о нашем разговоре. Она и так, ты уже знаешь, угадывает что-то и мучается за папа. А ему это был бы такой удар!...»¹⁸

Пророческое предчувствие неотвратимой национальной катастрофы ощутимо у Маркевича в речах славянофила Гундунова: «Как за двести лет до этого, так и теперь во всей земле русской только две живые силы: личная власть наверху и сельская община на противоположном конце, – говорит он. – Но эти две силы отделены друг от друга промежуточными слоями. Эта нелепая промежуточная *среда*, лишенная всяких корней в народе... начинает храбриться и подыматься на дыбы... <...> Возьмите дворянские собрания, университеты, печать; вы знаете, что все это творит теперь... Весь этот бессмысленный крик и пугает правительство, и возбуждает массы. Правитель-

ство делает уступку за уступкой, безо всякой пользы для общества, которое дразнит его единственно для удовольствия дразнить...

Но долго так идти не может, – говорит все оживленнее Гундунов, – в противном случае нельзя было бы избежать теснейшего соединения двух оконечностей, верховной власти и низкого слоя народа, а тогда уже все, что находится в середине, было бы раздавлено, разгромлено... А в этой середине вся грамотная Россия, вся наша культура...” “Славное будущее ждет нас, нечего сказать!” – сорвалось с губ Бориса Васильевича Троекурова»¹⁹.

Маркевич в письме к Щербальскому от 23 июля 1880 г. заявлял: «Но я ужасаюсь при одной мысли, что, выражаясь вашими словами, “Гундуровский радикализм может взять верх в сознании читателя над *gentry*²⁰-образным образом мыслей”» [Письма: 151].

В споре с одним из членов государственного совета Троекуров в романе «Бездна» с надеждой говорит о мудром государственнике, мужике Капитоне: «“Правда ли, – спрашивает он меня, – бают в народе, будто теперича, заместо Царя, будет у нас *присягательная господчина*?” “Что такое? – спрашиваю, не понимая”. “А так, что допреж того господ Царю присягали, а что нонче сам он будто станет господам на книге присягать, сам от себя, значит, отступится и будут они заместо его править всею Расеей”»²¹.

Маркевич, вместе со своими лучшими героями из дворянства, убежден в непоколебимости народной веры в русского самодержца. «Для народа, – говорит Троекуров, – Царь – всё: хоругвь, палладиум, святыня горняя, от которой одной льются на него свет и милость и к которой единственно возносятся все его упования... И вы безрассудно почитаете возможным посягнуть на эту его святыню!...»²²

Но что произошло далее? Культурное русское дворянство «на эту святыню», вопреки надеждам и предостережениям Маркевича, дважды посягнуло! Сначала – в революцию 1905 г., потом – в феврале 1917-го. Эти «посягновения» привели к предсказанной Гундуновым «ликвидации» культурного слоя русского общества. А народ, отвернувшись от него, поклонился уже не «белому», а «красному» царю.

Вот что думали в связи с этим по поводу Октябрьской революции далеко не худшие представители русского духовенства первой половины XX в. Митрополит Вениамин (Федченков) утверждал: «И в самом деле. Если мы веруем, что над всем есть Промысл Божий, если мы повторяем евангельское слово: “И волос с головы не падет без воли Божией”, так неужели такое колоссальное событие, как революция, случилось без этой воли? Недопустима даже самая мысль об этом. По Промыслу Божию и произошла революция, и пришла большевистская безбожная власть!» [Митрополит Вениамин].

Примечания

- ¹ Маркевич Б.М. Четверть века назад // Русский вестник. 1878. № 10. С. 727–728.
- ² Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1881. № 12. С. 713.
- ³ Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1881. № 12. С. 724–725.
- ⁴ Маркевич Б.М. Четверть века назад // Русский вестник. 1878. № 10. С. 705.
- ⁵ Маркевич Б.М. Четверть века назад // Русский вестник. 1878. № 12. С. 799.
- ⁶ Маркевич Б.М. Четверть века назад // Русский вестник. 1878. № 12. С. 808.
- ⁷ Маркевич Б.М. Четверть века назад // Русский вестник. 1878. № 12. С. 823.
- ⁸ Маркевич Б.М. Четверть века назад // Русский вестник. 1878. № 12. С. 830–831.
- ⁹ Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1880. № 6. С. 833.
- ¹⁰ Поток (франц.).
- ¹¹ Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1881. № 12. С. 744.
- ¹² Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1881. № 12. С. 744.
- ¹³ В журнальном тексте этот эпизод отсутствует.
- ¹⁴ Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1881. № 8. С. 762–763.
- ¹⁵ Так много вопросов (франц.).
- ¹⁶ Маркевич Б.М. Бездна // Русский вестник. 1884. № 8. С. 775.
- ¹⁷ Маркевич Б.М. Бездна // Русский вестник. 1884. № 5. С. 246–247.
- ¹⁸ Маркевич Б.М. Бездна // Русский вестник. 1884. № 5. С. 250.
- ¹⁹ Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1881. № 7. С. 325–328.
- ²⁰ Дворянски (англ.).
- ²¹ Маркевич Б.М. Бездна // Русский вестник. 1884. № 8. С. 779.
- ²² Маркевич Б.М. Бездна // Русский вестник. 1884. № 8. С. 777.

Список литературы

- Маркевич Б.М. Полн. собр. соч.: в 11 т. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1885.
- Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Fedchenkov/na-rubezhe-dvukh-ehpokh/4 (дата обращения: 07.08.2021).
- Письма Б.М. Маркевича к графу А.К. Толстому, П.К. Щербальскому и друг. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1888. 369 с.
- Щербальский П.К. Глава из истории нашей литературы // Русский вестник. 1885. № 2.
- Щербальский П.К. Роман из эпохи освобождения крестьян // Русский вестник. 1882. № 3.

References

- Markevich B.M. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]: in 11 vols. St. Petersburg, tip. A.M. Kotomina Publ., 1885.
- Mitropolit Veniamin (Fedchenkov). *Na rubezhe dvukh epoch* [At the turn of two eras]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Fedchenkov/na-rubezhe-dvukh-ehpokh/4. (access date: 07.08.2021).
- Pis'ma B.M. Markevicha k grafu A.K. Tolstomu, P.K. Shchebal'skomu i drugim* [Letters from B.M. Markevich to Count A.K. Tolstoy, P.K. Shchebal'skiy and others]. St. Petersburg, Tipografiia tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za" Publ., 1888, 369 p.
- Shchebal'skii P.K. *Glava iz istorii nashei literatury* [Chapter from the history of our literature]. *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1885, № 2.
- Shchebal'skii P.K. *Roman iz epokhi osvobozhdeniia krest'ian* [A novel from the era of the liberation of the peasants]. *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1882, № 3.
- Статья поступила в редакцию 10.08.2021; одобрена после рецензирования 02.09.2021; принята к публикации 12.11.2021.*
- The article was submitted 10.08.2021; approved after reviewing 02.09.2021; accepted for publication 12.11.2021.*

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ИСТОРИОСОФИИ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА

Едошина Ирина Анатольевна, доктор культурологии, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, tettixgreek@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4265-3611>

Аннотация. Статья располагается в проблемном поле историософии русской культуры. В понимании существа историософии автор статьи ориентируется на деонтологию Н.И. Кареева и пассионарную теорию Л.Н. Гумилёва. Кроме того, привлекаются работы современных исследователей русской историософии. Аналитическим процедурам подвергаются тексты В.В. Розанова, связанные с его пониманием личности Петра Великого, его места и роли в русской истории. В отборе текстов Розанова автором статьи используется хронологический метод, дающий возможность представить историософские взгляды Розанова в развитии. Кроме того, для объяснения существа смыслов исторических явлений, подчас их противоречивости используется историко-культурный метод. В статье отмечается, что впервые Розанов обращается к личности Петра Великого в своем философском трактате «О понимании», где указывает на неординарность Петра, вписывает его в мировую историю. Выявляется, что в статьях 1890-х годов Розанов обнаруживает в Петре личность, приносящую стране страдания и одновременно искренне ее любящую. В специальной статье о Петре и позднее в «Опавших листьях» Розанов раскрывает его наиболее значимые осуществленные императором идеалы. В финальной своей работе Розанов подчеркивает необходимость Петра и одновременно трагические для страны последствия его реформ. В итоге автор статьи приходит к выводу, что Петр Первый является альфой и омегой историософских взглядов Розанова.

Ключевые слова: русская культура, историософия, деонтология, пассионарность, Розанов, Петр Великий, личность в истории.

Для цитирования: Едошина И.А. Петр Великий в историософии Василия Розанова // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 132–137. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-132-137>

Research Article

PETER THE GREAT IN THE HISTORIOSOPHY OF VASILY ROZANOV

Irina A. Edoshina, Doctor of Culturology, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, tettixgreek@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4265-3611>

Abstract. The article is in the problematic field of the historiosophy of Russian culture. In understanding the essence of historiosophy, the author of the article focuses on the deontology by Nikolai Kareev and the “passionarity” theory of Lev Gumilyov. In addition, the works of contemporary researchers of Russian historiosophy are involved. The texts of Vasily Rozanov, associated with his understanding of the personality of Peter the Great, the first Emperor’s place and role in Russian history. In choosing Vasily Rozanov’s texts, the author of the article uses a chronological method, a way to present V. Rozanov’s historiosophical views in development. In addition, the historical and cultural method is used to explain the essence of the meanings of historical phenomena, sometimes their inconsistency. The article notes that for the first time Vasily Rozanov turns to the personality of Peter the Great in his philosophical treatise “On Understanding”, where he points to the originality of Peter I and inscribes him in world history. It turns out that in the articles of the 1890s, Vasily Rozanov discovers in Peter I a person who brings suffering to the country and at the same time sincerely loves it. In a special article about Peter I and later in “Fallen Leaves”, Vasily Rozanov reveals the most significant ideals realised by the Emperor. In his final work, Vasily Rozanov emphasises the need for Peter I and, at the same time, the tragic consequences of his reforms for the country. As a result, the author of the article comes to the conclusion that Peter the Great is the alpha and the omega of Vasily Rozanov’s historiosophical views.

Keywords: Russian culture, historiosophy, deontology, passionarity, Vasily Rozanov, Peter Great I of Russia, personality in history.

For citation: Edoshina I.A. Peter the Great in the historiosophy of Vasily Rozanov. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 132–137 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-132-137>

Восприятие Василием Розановым (1856–1919) личности Петра Первого (1672–1725) в самых общих чертах впервые, кажется, было обрисовано в статье в «Розановской энциклопедии» [Николюкин: 2008]. Статья эта представляет собой собрание цитат из разных статей Розанова, где упоминается Петр. Вопросы историософии Розанова (в связи с личностью Петра в том числе) рассматриваются в работах Л.Е. Шапошникова. В частности, его статья «Проблемы историософии в творчестве В.В. Розанова» начинается со следующего утверждения: «У Розанова нет специальных больших работ, посвященных философии истории, однако сами эти вопросы широко представлены в его творчестве, более того, именно эта тематика рельефно показывает своеобразие мыслителя» [Шапошников: 30]. Как видим, историософия и философия истории автором статьи понимаются как синонимы. Но так ли это? Потому вначале – о сущности историософии.

По образному определению философа Юрия Петрова (1940–2008), «историческое бытие – не контейнер для “наполнения” его историческими событиями, а определенный способ существования в истории, который реализуется в историческом процессе как самовоспроизводстве общественной жизни в ее вещных и личных компонентах» [Русакова]. Историософия призвана представить исторический процесс как нечто целостное, обусловленное общими и специфическими сущностями человеческого бытия. Потому в контексте дальнейших размышлений актуальными в понятии «историософия» являются следующие смыслы: деонтология (учение об идеалах) Н.И. Кареева (1850–1931) (история как целостный процесс, а историософия как учение об ее общих принципах) [Кареев: 228], теория Л.Н. Гумилёва (1912–1992) о пассионарности: личности, «обладающие этим признаком, при благоприятных для себя условиях совершают (и не могут не совершать) поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиций» [Гумилёв: 260].

Ярким представителем такой личности в отечественной истории является Петр Алексеевич из династии Романовых, который именно в силу своей пассионарности перестал именоваться Царем (по собственному желанию), утвердив себя (опять же самолично) первым Императором российским. В этой замене сугубо русского именователя правителя «царь», введенного Иоанном IV Грозным (1530–1584) в 1547 г., на сугубо латинское *imperator* – в значении «повелитель», а со времен Августа «глава Римского государства» – проявилось общее направление дея-

тельности Петра – реформаторское. Потому он понимается как центральная фигура в развороте России в сторону Запада, что повлекло отказ от системы русских ценностей, ее традиций, ее непонимания не только для его современников, но и всей будущей истории государства. Как замечает современный исследователь, «в рамках этой системы координат такие преобразования теперь только и будут почитаться за реформы. Они должны быть соразмерны революциям по всем параметрам, затрагивая различные сферы жизни человека, будучи сопряженными с драматическими последствиями для населения» [Соловьёв]. Потому он – Первый и Великий.

Личность Петра, его правление издавна привлекают внимание деятелей русской культуры, среди них – В.В. Розанов. Он принадлежит к тем редким мыслителям, которым дано проникать в самую сущность феноменов бытия.

Интерес Василия Розанова к Петру Первому проявляется уже в его философской работе «О понимании» (1886). В десятой главе под названием «О целесообразности» Розанов, в частности, рассматривает соотношение идеи вещи (*idea rei*) и вещь, в которую переходит идея вещи (*res in quam idea rei*). Он пишет: «...общество, в котором я хочу осуществить какую-либо идею, во мне возникшую, чуждо моей цели, потому что не знает ее; так материал, из которого художник делает статую, сопротивляется его резцу. Уничтожить эту инертность, неподвижно лежащее или не соответствующее данной цели совершающееся, привести в целесообразное движение – и есть то, что предстоит деятельной силе, уничтожающей сопротивление лежащего между *idea rei* и *res, in quam idea rei*» [Розанов 1996: 331]. В качестве примера Розанов указывает на самые сильные в этом аспекте личности в истории: Цезарь, Иннокентий III и «наш государь Петр I»: «В первых двух особенно поражает нас удивительное соединение желания с тонким и пронизательным умом», что позволило им добиваться цели и господствовать над средствами продвижения своих задач. В Петре Первом, хоть он и вписан в один ряд с этими историческими деятелями, не было свойственных им умений «избирать пути с *minimum*’ом сопротивления», да и русская история не приготовила Петру аналогичных условий для реализации замыслов. В результате Розанов констатирует: «Так что это был, по всему вероятно, наиболее сильно желавший человек на земле» [Розанов 1996: 332].

Петр Первый как «сильно желавший» преобразований человек является, по существу, пассионари-

ем, призванным резко, безоглядно изменить исторические судьбы России. Более того, уточнит позднее Розанов, Петр Первый принадлежит к тем историческим личностям, после которых судьба государства приходит «в чрезвычайное замешательство, ухудшение» [Розанов 2009а: 229]. При этом его деонтология никоим образом не возматала на ненависти к государству, которому он был правителем, он действовал исключительно во благо России. Но средства, к которым он прибегал, носили сокрушительный характер, что подметил еще Пушкин, увидевший в Петре одновременно и прекрасное, и ужасное. Как замечает Л.Е. Шапошников, «в целом Розанов положительно оценивает роль царя-реформатора, подчеркивая “всеоживляющий образ Петра”» [Шапошников: 31].

Петр не просто резко и открыто изменил жизнь России, но словно задал определенную парадигму действий даже тем, кто был решительно против его реформ: «...всякий раз, когда им предстоит не говорить и мыслить, но *поступить* и *делать*, то они *поступают* и *делают* совершенно как Петр» [Розанов 2009б: 265]. Именно по причине того, что они (а речь идет о славянофилах) так поступали, они поняли всю пагубность Петровских реформ. Однако, замечает Розанов, отрицая Петра или нет, но невозможно выбросить из русской культуры результаты его реформ и «вернуться к простоте своего быта до реформы Петра, чтобы затем продолжить свою историю так, как будто бы в ней не было перерыва» [Розанов 2009б: 275].

Позднее, во втором коробе «Опавших листьев», Розанов найдет определение для деятельности Петра Первого – «штунда» (нем. Stunde ‘час для толкования Евангелия’; ‘урок’): «Штунда – это мечта, “переработавшись в немца”, стать если не “святою” – таковая мечта потеряна, то по крайней мере хорошо выметенною Русью, без вшей, без обмана и без матерщины дома и на улице. – Несите вон иконы... - Подавайте метлу! С “метлой” и “без икон” Русь – это и есть штунда. Явление это огромно, неуловимо и повсеместно» [Розанов 1990: 609].

Обращение Розанова к этому явлению было не без влияния прочитанного им еще в гимназические годы Ф.М. Достоевского, который в «Дневнике писателя» за 1877 г. пишет «о нашей штунде»: «Несколько русских рабочих у немецких колонистов поняли, что немцы живут богаче русских и что это оттого, что порядок у них другой. Случившиеся тут пасторы разъяснили, что лучшие эти порядки от того, что вера другая. Вот и соединились кучки русских темных людей, стали слушать, как толкуют Евангелие, стали сами читать и толковать» [Достоевский: 11]. Если сопоставить эти тексты, то очевидно, что разными словами, но они толкуют об одном и том же: чтобы русскому переделаться в «немца» для лучшей

в материальном отношении жизни, нужно сменить веру. Но есть и заметная разница в их представлении о штунде.

Размышляя о штунде, Достоевский никак не касается личности Петра. Он уверен, что «штунда не имеет никакого будущего... скоро остановится и... сольется с которой-нибудь из темных сект народа русского» [Достоевский: 13]. В отличие от Достоевского Розанов напрямую связывает процесс переделки и с Петром, и с российской интеллигенцией, усматривая в ней прямое продолжение затеянных Петром реформ: «Штунда – это все, что делал Петр Великий, к чему он усиливался, что он работал и что ему виделось во сне; штунда – это Винавер (один из основателей партии кадетов. – И. Е.) и Милюков (лидер кадетской партии, министр иностранных дел Временного правительства. – И. Е.), это Струве и его “Освобождение” (представитель “легального марксизма”, главный редактор журнала “Освобождение”, издававшегося в Германии в 1902–1905 гг. под лозунгом “Долой самодержавие!”). – И. Е.). Если бы Петр Великий знал тогда, что она *есть* или *возможна*, знал ее *образ* и *имя*, он воскликнул бы: – “Вот! вот!! Это!! Я – только не умел назвать! Это *делайте* и *так верьте*, это самое!!” Это вычищенные до “блеска золота” дверные ручки в клинике Елены Павловны (Императорский клинический институт Великой княгини Елены Павловны) перед обходом профессора Явейна (врач-эпидемиолог, заведующий отделением Императорского клинического института Великой княгини Елены Павловны; жена – председательница Российской Лиги равноправия женщин. – И. Е.), “просветительские и культурные усилия” гимназии Стоюниной (педагог и общественная деятельница, основательница женской гимназии в Петербурге. – И. Е.), весь Толстой с его “пожалуйста, все читайте Евангелие, и постоянно”, и мчащийся по Сибири с эстафетами о дне прибытия и чтения лекции ех-священник Петров (лишенный сана в 1907 г. священник, либеральный публицист. – И. Е.). Это – все “Вехи” (вышедший под таким названием в 1909 г. “сборник статей о русской интеллигенции”. – И. Е.)» [Розанов 1990: 609–610]. Помещая именование сборника «Вехи» в конце своих размышлений, Розанов словно расширяет его смысл: все названные им явления и имена оказываются вехами в движении России по пути Петровских реформ.

В статье «Петр Великий и Петербург» (1903) Розанов раскрывает наиболее значимые, с его точки зрения, воплощенные идеалы Петра Первого. Прежде всего, Петр лишает русских государей «одеяний», заменяя их на платья [Розанов 2008: 629]. В этой образной форме Розановым раскрывается неприятие Петром «инертности» русской истории, когда все живут «старообразно, тихо, насупившись, сгор-

бившись» [Розанов 2008: 631]. Не оставляет Петр без внимания и личность самого царя, традиционно понимаемого в качестве наместника Бога на земле: «Царь велик, потому что он царь великого народа, а народ самим Небом благословен и тоже велик и счастлив, неся и вознося на раменах своих седалище “Великого Государя Московского”» [Розанов 2008: 629]. Вот этот образ в первую очередь разрушал Петр, изгонял решительно и бесповоротно, жестоко и жестоко, никак не сообразуясь с традицией, видя в ней главное препятствие в приобщении страны к прогрессу и цивилизации. Розанов прозорливо замечает, что Петр не столько преобразовывал Россию, сколько изгонял из русского сознания *Русь-картину*, *Русь-икону*. Не обладая никакими особенными дарованиями, Петр положил начало выходу государства «из киота».

Здесь следует вспомнить, что русская государственность начала обретать свои очертания с принятием православия, избрав, по слову Илариона, в качестве путеводной звезды не Закон, а Благодать. Именно в вере объединялись разрозненные и враждующие между собой княжества. Розанов отказывает допетровской Руси в развитии: «Русь бессилела, чем более она отстаивалась» [Розанов 2008: 630]. В эту условную историческую «картину» отстаивания он вписывает и Михаила Федоровича, и Годунова, и Грозного, и Алексея Михайловича [Розанов 2008: 630–631]. Однако, думается, Петр был органической частью этого процесса, начавшегося сразу же с приходом династии Романовых к власти [Едошина].

Но и Романовы начали не на пустом месте. Их прямым предшественником в плане реформирования государственного устройства был Иоанн IV, именуемый Грозным. Введенная им опричнина не только фактически устранила от власти бояр, не только сделала его единоличным правителем, царем, но и открыла путь к власти людям, по происхождению своему не имевшим на то никакого права. Как результат этих резких изменений вкупе с польскими притязаниями на русский престол – Смута, благодаря которой к власти придет династия Романовых, закономерно увидевшая в Ипатьевском монастыре, основанном предками Годунова, опекаемом Борисом и Ириной Годуновыми, свою колыбель.

Отличаясь острым умом, не лишенным изворотливости, обладая знаниями и финансами, Борис Годунов (1552–1605) являл правителя нового типа, идеально отвечая будущим реформаторским устремлениям династии Романовых. Он впервые доказал, что личностные качества играют важную роль в судьбе человека, потому Бориса Годунова вполне можно назвать человеком ренессансного типа (это к вопросу о гуманистических идеалах в истории Руси) или, по определению Л.Н. Гумилева, пассионарием,

как, впрочем, и Иоанна IV. Без опричнины Грозного не бывать на троне Годунову.

Романовы продолжат реформирование государства, затеянное до них, начав выход «из киота», что нашло отражение в их отношении к православию, которое стали подверстывать под иные традиции: в храмовой архитектуре и в иконописи – под европейские, в исправлении богослужебных книг – под греческие. Причины имели свои оттенки, но неизбежно вели к Расколу, навсегда разделившему русских людей на приверженцев исконной веры и никониан, последователей новых тенденций, которые повсеместно приняла и утвердила Русская православная церковь. Знаменный распев сменился на партесное пение, образцы для писания икон искали у Пискаatora, барокко властно захватило храмовую архитектуру. Петр Первый лишь сыграл свою роль в этом процессе, отменив патриаршество и подчинив РПЦ соответствующему департаменту – Духовной коллегии, будущему Святейшему Синоду, предав таким образом историческому забвению Святую Русь во имя России.

Розанов именует это событие началом «выхода из киота». В каком-то смысле он прав, если иметь в виду, что Петр в своих решениях был громогласен и откровенен, подчас нескрываемо циничен (одни всешутейские представления чего стоят!). И как итог Розанов подмечает: «“Мирное окончание живота христианского” хоть и испрашивалось по-прежнему, но на самом деле перестало быть заботой, мечтой, программой Руси и русского человека» [Розанов 2008: 633].

Петербург стал наглядным воплощением идеологии Петра Первого, его пассионарного напряжения, его «правдолюбия по программе», которую внедряли в жизнь чиновники – и «Россия стала чиновна» [Розанов 2008: 635]. Следствием Петровских реформ стала утрата живого религиозного чувства в массе чиновничества, в образованной части общества. И как горько заметит позднее Розанов, в России, чтобы прослыть революционером, нужно просто перестать ходить в церковь.

В 1917 г. резко меняются смыслы в понимании Розановым личности Петра Первого. Летом 1917 г. в письме к свящ. П.А. Флоренскому (1882–1937) он утверждает: «“Царь” хорош, когда он “мерзавец” (Вильгельм да и Петр)» [Письмо: 410]. Розанов берет оба слова (и царь, и мерзавец) в кавычки, через которые расширяет их смысл, наполняя их особым значением. В данном случае имеется в виду, что тот, кто находится у власти, должен и обязан любыми средствами пресекать всякие попытки насильственного ее свержения. Его в этом убедило разорение жизни, ее дикий упадок с приходом либерального правительства, которое ничего, кроме как бесконечно говорить, не умело и не могло делать.

Он укоряет служителей церкви в том, что они легко признали новую власть, стали открыто говорить о социалистической церкви, а не о монархической, а что лгать их принудил только Петр Великий. Вслед за этими со стороны церкви утверждениями Розанов напишет свои знаменитые слова: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три» [Розанов 2000: 6]. Однако если вспомнить его более раннюю работу, то окончательно «Русь слиняла» именно при Петре Первом, когда «вышла из киота». Кажется, Розанов тоже понял это, потому в «Апокалипсисе нашего времени» (1917–1918) пишет, что «народ рос совершенно первобытно с Петра Великого» [Розанов 2000: 7]. Первобытно, то есть вне православной веры. Это о народе. А образованное общество было увлечено литературой, которая заменила житийные и другие религиозные книги, взяв на себя образование и воспитание личности. Но занималась только одним: «как они любили» и «о чем разговаривали» [Розанов 2000: 7].

Еще меньше, чем к литературе, у Розанова доверия и к вере, и к Церкви, в которой царил не живое религиозное чувство, а формальное благочестие, потому «Петр Великий – необходим» [Розанов 2000: 194]. Причем Розанов не соотносит деятельность Петра с той разрушительной политикой большевиков, захвативших власть. Петр не только ломал, но и строил государство Российское, отвоевывал его независимость. Одного Петр не учел: выведя Русь из «киота» (то есть оторвав от корней), он вольно или невольно направил ее по тому руслу, которое неизбежно привело страну к трагическим событиям 1917 г.

В последний раз в «Апокалипсисе нашего времени» образ Петра Первого возникает в главке под названием «Свеча». Приведу ее полностью.

Россию подменили...

Вставив на место ее свечу с другим огнем, с другим пламенем, с нерусским светом, и от которого русская изба не согревается...

Кто его принес, давно ли, - декабристы или Герцен, Белинский ли? Может быть, Петр? Но с 60-х годов уже явно света русского не стало... Теперь остатки горячего сала на шандале, расплывшиеся, неблагоприятные...

Но когда та чужая свеча догорит (а она тоже догорит по законам истории), мы соберем с шандала остатки прежнего русского сальца. Сделаем уже тоненькую новую свечку, в две копейки. Все-таки поддержим ее в руках, дрожащую, старенькую. И пусть это будет нашей соборованной свечой, которую держит больной в руках. И поддержим и умрем [Розанов 2000: 330].

В этой картине соборования Руси/России вдруг все объединились, все собрались в последний раз вместе около умирающей страны. Таков результат выхода «из киота», затеянный когда-то династией Ро-

мановых, ярким представителем которой был и останется Петр Великий. Из этого ряда выпадает, конечно, Александр III (1845–1894), единственный из династии, кто понял, куда ведут все эти выходы «из киота». Но он слишком недолго был у власти, хотя много сделал для возрождения русской жизни в присущих ей формам и смыслах.

В историософии Василия Розанова Петр Первый занимает одно из ключевых мест, альфа и омега как преобразования Руси в Россию, так и последствий этого преобразования.

Источники

Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Москва: Айрис-Пресс, 2017. 560 с.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1977. Январь // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. / подгот. текста, сост., примеч. и вступ. статья Т.А. Касаткиной. Москва: Астрель: Аст, 2004. Т. 9, кн. 2. С. 5–38.

Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса // Очерк русской философии истории: антология / ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Земская. Москва: Институт философии РАН, 1996. С. 219–233.

Письмо В.В. Розанова к свящ. П.А. Флоренскому <от 29 июля 1917 г.> // Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Книга вторая / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; Санкт-Петербург: Росток, 2010. С. 408–411.

Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй // Розанов В.В. Сочинения: в 2 т. / сост., подгот. текста и примеч. Е.В. Барабанова. Москва: Правда, 1990. Т. 2. С. 419–629.

Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания // подгот. текста и коммент. В.Г. Сукача; вступ. статья В.В. Бибикина. Москва: Танаис, 1996. 804 с.

Розанов В.В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Москва: Республика, 2000. 429 с.

Розанов В.В. Петр Великий и Петербург // Розанов В.В. Собрание сочинений. Религия и культура. Статьи и очерки 1902–1903 гг. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Москва: Республика; Санкт-Петербург: Росток, 2008. С. 629–636.

Розанов В.В. Красота в природе и ее смысл // Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Красота в природе и ее смысл и другие статьи: 1882–1890 / ред., сост. и коммент. В.Г. Сукач. Москва: Прогресс-Плеяда, 2009а. С. 163–242.

Розанов В.В. О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Красота в природе и ее смысл и другие статьи: 1882–1890 / ред., сост. и ком-

мент. В.Г. Сукач. Москва: Прогресс-Плеяда, 2009б. С. 243-281.

Список литературы

Едошина И.А. Кто и почему позвал на царствие Романовых (к вопросу о легитимности прихода династии к власти в контексте культурных традиций России) // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конференции, г. Кострома, 25-26 марта 2010 г. / ред.-сост. И.Е. Едошина, А.Д. Шипилов. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. С. 239–245.

Николюкин А.Н. Петр I Великий // Розановская энциклопедия / гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008. Стлб. 691–692.

Русакова О.Ф. Историософия: толкования предмета и типология // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, 2002. Вып. 3. С. 3–28.

Соловьёв К. Петр Великий: история, традиция, миф. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/etrovskoe-nasledie-imperiya-i-reformy.html> (дата обращения: 11.10.2021)

Шапошников Л.Е. Проблемы историософии в творчестве В.В. Розанова // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 30–39.

References

Yedoshina I.A. *Kto i pochemu pozval na tsarstvie Romanovykh (k voprosu o legitimnosti prikhoda dinastii k vlasti v kontekste kul'turnykh traditsii Rossii)* [Who and why called Romanovs to Kingdom (on question to legitimacy of Dynasty's coming to power in a context of cultural traditions of Russia)]. *Romanovskie chteniya*

Dinastiia Romanovykh i rossiiskaia kul'tura: materialy konferentsii, g. Kostroma, 25-26 marta 2010 g., red.-sost. I.A. Yedoshina, A.D. Shipilov [The Romanov readings. Romanov dynasty and Russian culture: conference materials, Kostroma, March 25, 26, 2010, ed.-comp. I.A. Yedoshin, A.D. Shipilov]. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova Publ, 2010, pp. 239-245. (In Russ.)

Nikolyukin A.N. *Petr I Velikii* [Peter I Grand]. *Rozanovskaia entsiklopedia, gl. red. A.N. Nikolyukin* [Rozanov Encyclopedia, ch. ed. A.N. Nikolyukin]. Moscow, ROSSPEN Publ, 2008, stlb. 691–692. (In Russ.)

Rusakova O.F. *Istoriософия: tolkovaniia predmeta i tipologiiia* [Historiosophy: interpretation of its subject and typology]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. Ekaterinburg, 2002* [Scientific Yearbook of Institute of Philosophy and Law of Ural Branch Russian Academy Sciences]. Yekaterinburg, 2002, vol. 3, pp. 3–28. (In Russ.)

Solov'ev K. *Petr Velikii: istoriia, traditsiia, mif* [Peter Great: history, tradition, myth]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/etrovskoe-nasledie-imperiya-i-reformy.html> (access date: 11.10.2021) (In Russ.)

Shaposhnikov L.E. *Problemy istoriософии v tvorchestve V.V. Rozanova* [Problems of historiosophiya in the works by V. V. Rozanov]. *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on the conservatism], 2019, № 4, pp. 30–39. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.07.2021; одобрена после рецензирования 21.08.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 19.07.2021; approved after reviewing 21.08.2021; accepted for publication 12.11.2021.

СТАДИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СТИЛЕ «ГИРЛЯНДЫ ДЖАТАК» ХАРИБХАТТЫ И «АВАДАНА-ШАТАКИ» (на примере сюжета об олене)

Фивейская Анастасия Васильевна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, nastiafiva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4497-4881>

Аннотация. В статье рассматривается прослеживаемая в санскритской литературе эволюция стиля при развитии жанра джатаки – истории о прошлом рождении Будды – на раннем этапе существования жанра, представленном анонимным сборником “Авадана-шатака” (около II в. н.э.), и на этапе развитой авторской художественной литературы, примером которой может служить “Гирлянда джатак” Харибхатты (IV–V в. н.э.). Долитературная джатака на языке пали довольно хорошо изучена, тогда как рассматриваемые нами памятники, будучи значимыми для традиции, в отечественной науке почти не исследованы. Рассмотрение “Авадана-шатаки” велось с учетом подходов эпосоведения, примененных П.А. Гринцером в отношении “Махабхараты” и “Рамаяны”, что позволило выявить в памятнике следы формульного стиля, характерного для устного бытования текстов. Эти следы, однако, являются остаточными и указывают на стилизацию текста книжного памятника под устный стиль входящих в буддийский канон долитературных джатак. В целом стиль его прост и однообразен, в нем часто встречаются повторы, каталоги и формулы. Явный контраст этой картине мы находим в “Гирлянде джатак” Харибхатты, где очевидны черты высокой придворной санскритской литературы классического периода (IV–V вв.), к которому по косвенным признакам и относят это произведение. Статья посвящена сопоставительному анализу двух памятников с позиций исторической поэтики.

Ключевые слова: санскрит, историческая поэтика, буддизм, “Авадана-шатака”, Харибхатта, джатака

Для цитирования: Фивейская А.В. Стадиальные различия в стиле «Гирлянды джатак» Харибхатты и «Авадана-шатаки» (на примере сюжета об олене) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 138–143. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-138-143>

Research Article

PERIOD-SPECIFIC DIFFERENCES OF STYLE IN HARIBHATTA’S “GARLAND OF JĀTAKAS” AND IN THE “AVADĀNA-ŚATAKA” (based on the deer jātaka)

Anastasiya V. Fiveyskaya, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, nastiafiva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4497-4881>

Abstract. The article examines the evolution of style traced in Sanskrit literature during the development of the genre of jātaka – the story of a previous life of Buddha – at an early stage of the genre’s existence, represented by the anonymous collection “Avadāna-śataka” (around 2nd century AD), and at the stage of the developed author literature, an example of which is the “Garland of Jātakas” by Haribhātta (4th to 5th centuries AD). The pre-literary jātaka in the Pāli language is fairly well studied, while the literary works we consider here, being significant for the tradition, have hardly been studied in Russian science at all. Consideration of “Avadāna-śataka” was carried out using the approaches of epic studies applied by Pavel Grintser to the “Mahābhārata” and “Rāmāyana”, which allowed us to reveal here the traces of the formulaic style characteristic of the oral existence of texts. These traces, however, are residual and indicate the stylisation of the text to the oral style of the pre-literary jātakas included in the Buddhist canon. In general, the text style is simple and monotonous; repetitions, catalogues and formulae are often found in it. We find a clear contrast to this picture in Haribhātta’s “Garland of Jātakas”, where features of the high court Sanskrit literature of the classical period (4th to 5th centuries AD) are obvious, to which this work has been proved to belong by indirect evidence. The article is devoted to a comparative analysis of the two literary works from the standpoint of historical poetics.

Key words: Sanskrit, historical poetics, Buddhism, Avadāna-śataka, Haribhātta, jātaka.

For citation: Fiveyskaya A.V. Period-specific differences of style in Haribhātta’s “Garland of Jātakas” and in the “Avadāna-śataka” (based on the deer jātaka). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 138–143 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-138-143>

Жанр джатаки в древнеиндийской литературе занимал значительное место. Он коренится в долитературной палийской джатаке – истории о прошлом рождении Будды (до просветления именуемого *бодхисаттвой*). Сборник из 550 таких историй составляет один из подразделов палийского канона «Типитака». Однако обширное собрание палийских джатак – лишь начальный этап развития этого жанра, породившего много литературных переработок и подражаний. Любой, кто занимался, к примеру, творчеством индийского классика Арья Шуры (III–IV вв. н. э.), не мог не проводить параллели между его сборником джатак и джатаками, входящими в палийский канон. С другой стороны, Харибхатта, создавший свою «Гирлянду джатак» на век позже, нередко ориентируется не на палийское собрание джатак, а на другую крупную антологию буддийских историй о прошлых рождениях – «Авадана-шатака» (ок. II в. н. э.). Этот текст не переведен на русский язык и изучен менее хорошо, чем палийское собрание.

«Гирлянда джатак» (скр. *jātaka-mālā*) – жанр, появившийся в первые века н. э. на основе более древних жанров *джатак* и *авадан*, бытовавших долгое время в устной форме и обязательно содержащих ситуацию, в которой данный сюжет был рассказан (чаще всего самим Буддой). Отличает этот новый жанр высокий стиль и строго отобранная образность, отвечающие запросам образованной аудитории. В настоящей статье мы хотели бы сопоставить одну из историй литературного сборника Харибхатты «Гирлянда джатак» (IV–V вв. н. э., далее НЖМ), а именно «Джатаку об олене» (НЖМ22), с ее предполагаемым прототипом, относящимся к более ранней повествовательной традиции, – аваданой № 40 «Субхадра» из сборника «Авадана-шатака» (далее AS). Сравнительно-исторический метод позволяет нам оценить, какие именно изменения вносил более поздний автор в поэтику истории-прототипа с целью приспособить ее к художественным запросам новой эпохи.

«Авадана-шатака» является одним из древнейших дошедших до нас сборников историй о прошлых рождениях Будды на санскрите. Очевидно, что есть некая преемственность между этим текстом и палийским собранием джатак, как в сюжетном отношении, так и отчасти в стилистическом. Палийские джатаки складывались на протяжении второй половины I тыс. до н. э. и оформились в крайне авторитетный текст, входящий в состав буддийского канона «Типитака». Его письменная фиксация относится к I–II вв. н. э., однако ей предшествовала развитая традиция устной передачи текста, в целом издревле характерная для данного региона. «Авадана-шатака» явно учитывает опыт традиции палийской джатаки, заимствует многие палийские сюжеты, воспроизводит некоторые

формульные клише, переводя их на санскрит. Однако она не позиционирует себя как перевод какой-то подборки палийских историй и лишь частично совпадает с ними по стилю. Палийская джатака с формальной точки зрения – это последовательность стихотворных строк (*gāthā*), проза же для традиции является комментарием к ним. На этапе устного бытования только строфы заучивались наизусть, проза же импровизировалась [Appleton: 7, 51]. Напротив, истории «Авадана-шатаки» по большей части написаны прозой с небольшими стихотворными вкраплениями, которые уже не имеют того статуса, который был им присущ в палийских джатаках: не организуют текст, не служат средством мнемотехники, не приподняты над прозой иерархически. Исчезают и некоторые другие черты, присущие устной технике повествования, но многие сохраняются или по крайней мере встречаются, хотя и не так последовательно. Прежде всего это повторы и другие элементы формульного стиля. Проблемами устной повествовательной техники много занимались при исследовании эпоса, в том числе индийского. Но буддийские джатаки, ввиду долгого периода устного существования, тоже имеют ряд аналогичных черт.

В своем исследовании древнеиндийского эпоса П.А. Гринцер называет эпическими *темами* идентично построенные и стилистически однотипные сцены и описания. Далее он ссылается на классическое определение Лорда, в котором тема – «повторяющийся элемент повествования или описания в традиционной устной поэзии» [Гринцер: 96]. Однако в эпосе много повторяющихся элементов, как крупных, так и мелких. Темой называют обычно достаточно развернутый эпизод или описание. «К числу постоянных тем древнеиндийского эпоса относятся божественные и царские советы, встречи и приемы гостей (в том числе мудрецов и послов), описания ухода героев в лес и их лесных приключений, воинских поединков и аскетических подвигов, вооружения, военных походов, а также плачи, пророческие сны, зловещие предзнаменования, картины природы и т. п.» [Гринцер: 96]. В свою очередь темы конструируются из минимальных составных частей – формул, фиксированных слов/словосочетаний, многократно употребляющихся на протяжении всего эпического повествования в неизменном виде в однотипных ситуациях. В эпосе использование формул и их положение в строке определяется в частности стихотворным размером (подробнее см.: [Гринцер: 36–37]).

Наряду с формулами приметами стиля, характерного для устного эпоса, являются каталоги и повторы. Каталоги исходно имели целый ряд мнемотехнических функций и были связаны с особенностями устного рассказывания. Владение каталогами, по всей видимости, входило в перечень вещей, которым дол-

жен был обучиться эпический певец, каталоги были «необходимым реестром эпических имен, названий, сюжетов, и, кроме того, с их помощью он всегда мог регулировать темп исполнения сказания, заполнять в нем временные лакуны или замедлять течение событий» [Гринцер: 114]. Повторы тоже были проявлением устного бытования текста, следствием того, что при импровизации рассказа об эпизодах на сходную тему использовались идентичные блоки, иногда довольно длинные [Гринцер: 100], а также того, что эпическое повествование могло длиться несколько дней, и слушателям нужно было вкратце напоминать, на чем оно остановилось [Гринцер: 106]. Совершенно ясно, что в «Авадана-шатаке» есть следы устного стиля повествования. Ниже мы рассмотрим это на примерах.

Итак, Харибхатта за основу для своей «Джатаки об олене» предположительно берет авадану «Субхадра» из AS. Веским доводом в пользу того, что именно авадану «Субхадра» можно считать историей-прототипом, является тот факт, что события джатаки практически в точности повторяют события аваданы¹. Общий для джатаки (HJM22) и аваданы (AS40) сюжет, который с теми или иными вариациями воспроизводится в обеих историях, вкратце таков. В лесу живет олень-*бодхисаттва* со своим стадом. Когда на стадо во время охоты нападает царь, *бодхисаттва* спасает стадо, становясь для него своего рода мостом, отталкиваясь от которого олени перепрыгивают на другую сторону реки. После этого израненный олень-*бодхисаттва* спасает еще и маленького отбившегося от стада олененка, а затем умирает. Рассказав об этом, Будда говорит, что в прошлом рождении оленем был он сам, а маленьким олененком был отшельник Субхадра, который в другом своем рождении был богиней дерева. Далее Будда рассказывает вторую вставную историю. Богиня дерева доставляет к древнему Будде Кашьяпе его племянника Ашоку, который хочет успеть попроситься с дядей и получить наставление до его ухода в нирвану. Оплакав уходящего мудреца, богиня дерева просит о том, чтобы в следующей жизни ей был дарован уход в нирвану раньше учителя. В «Авадана-шатаке» всю историю предваряет рассказ о последнем ученике Будды, Субхадре, который уходит в нирвану раньше учителя; у Харибхатты этот фрагмент отсутствует. В обоих текстах рамочная история включает в себя отождествление перерождений, в AS ее завершает финальная проповедь Будды.

Если сюжеты двух историй, как уже было сказано, во многом совпадают, то стилистику текста никак нельзя свести к общему знаменателю. В авадане «Субхадра» присутствуют многочисленные повторы. В одной и той же ситуации, или настаивая на своем, персонажи просто повторяют дословно свои реп-

лики, никак их не варьируя, что было характерно для устного долитературного повествования. Например, слова о том, что «в среднюю стражу ночи произойдет *паринирвана* Будды в стихии *нирваны*, в которой без остатка [исчезают все] свойства»², дословно повторяются в авадане разными персонажами пять раз. Это своеобразная формула, существующая в рамках данной конкретной аваданы, и когда повествование доходит до места, где снова нужно сказать о приближающейся *паринирване* (т. е. конечной *нирване*) Будды, это может быть сказано только таким образом. Хотя отметим, что предшествуют этой формуле разные варианты имени Будды: Татхагата, *шрамана* Гаутама (трижды), Бхагаван Гаутама. Некоторые из эпитетов персонажей тоже являются формульными, особенно те, которые относимы к Будде. Так, в авадане «Субхадра», а также в ряде других историй сборника в ситуации, когда монахи полны сомнений (*saṃśaya-jātāḥ*, букв. «с зародившимися сомнениями»), они обращаются за разъяснениями к Будде, который в этом случае называется «уничтожителем всех сомнений» (*sarva-saṃśaya-cchettāram... papracchuḥ* – «уничтожителя всех сомнений... спросили»). Иначе говоря, заметная часть текста является формульной или клишированной.

Формульность свойственна всей «Авадана-шатаке» в целом. Есть повторяющиеся элементы, которые встречаются во всех или почти во всех аваданах. Например, формульным является зачин каждой истории: «Будда Бхагаван, почитаемый, уважаемый, восхваляемый, превозносимый царями, приближенными царей, богачами, горожанами, торговцами, главами караванов, богами, *нагами*, *якшами*, *асурами*, *гарудами*, *киннарами*, исполинскими змеями», – так прославляемый богами, *нагами*, *якшами*, *асурами*, *гарудами*, *киннарами* и исполинскими змеями, мудрый, обладающий благими заслугами Будда Бхагаван...»³ – здесь же после этих слов идет указание места пребывания Будды. Причем этой конкретной формулы не было в палийских джатаках, где обычно просто сообщалось примерно следующее: «Эту историю Наставник рассказал в таком-то месте по поводу следующего...» Например, палийская «Джатака о добронравии» № 330 начинается словами: «Добронравье – благо миру» – это произнес Учитель в роще Джеты по поводу некоего брахмана...» [Парибок, Эрман: 41]. Иначе говоря, зачин в «Авадана-шатаке» представляет собой усложненную и украшенную версию палийского зачина, однако однотипную. Как видим, в ней присутствует и каталог.

Вопрос о том, как интерпретировать присутствие этих формульных пассажей, исследует в своей статье А. Collett [Collett: 155–185]. Подробно рассмотрев историю вопроса и формульные пассажи, построенные на основе каталогов, в «Авадана-ша-

таке», исследователь приходит к выводу, что текст данного памятника является не записью устного текста, а текстом письменным, в котором используются некоторые приемы устного повествования (такие, как каталоги, повторы, параллелизмы, формулы). Исследователь предполагает, что авторы или редакторы «Авадана-шатаки» просто воспроизводят по памяти многие знакомые им формулы из долитературных текстов [Collett: 182]. Отмечая в тексте черты устной повествовательной техники, Collett определяет истории из «Авадана-шатаки» как повествования, составленные из смеси спонтанно создаваемых фрагментов и формульных пассажей [Collett: 159]. Иначе говоря, перед нами переходный текст, находящийся на стыке долитературной словесности и литературы. Он использует приемы долитературной поэтики, но не по функциональным причинам (например, мнемотехническим), а, скорее всего, по художественным, считая повторы и формулы украшением текста.

Теперь перейдем к новому этапу развития индийской литературы и буддийской литературы в частности – к санскритским «Гирляндам джатак». Как мы отмечали выше, «Гирлянда джатак» Харибхатты была создана в IV–V вв. н.э. Это время расцвета империи Гуптов как литературная эпоха знаменито целым рядом поэтов, чьи произведения стали для индийской литературы эталонными. Среди буддийских поэтов эпохи можно отметить Арья Шуру, чья «Гирлянда джатак» является не только самым древним дошедшим до нас произведением, имеющим такое жанровое название, но и произведением, которое высоко почиталось в Индии. Наряду с ними важно упомянуть поэмы Ашвагхоши (I–II вв. н. э.) «Жизнь Будды» и «О прекрасном Нанде», также посвященные буддийским сюжетам и являющиеся первыми известными нам эпическими поэмами, написанными в рамках традиции высокой придворной литературы – *кавья*.

Кавья – это, с одной стороны, общее название для высокой придворной литературы на санскрите, изящной словесности и художественной литературы, а с другой – стиль, который ей соответствует [Алиханова: 32]. Произведения в стиле *кавья* должны соответствовать определенным критериям, как в том, что касается подбора сюжетов изображаемого мира, центрального положения фигуры царя, так и в том, что касается стиля (изысканность языка, смысловые и звуковые украшения-*аланкары*, художественное варьирование традиционных поэтических образов и тем). Канон *кавья* наиболее ярко проявляется в жанре эпической поэмы-*махакавья*.

Словесность, которая создавалась в стиле *кавья* (будь то поэмы, драмы или повествовательные сборники), – это уже художественная литература в полном смысле слова. Иногда поэмы-*махакавья*, видимо, читались вслух при дворе [Алиханова: 185],

однако текст не сочинялся в процессе такого исполнения заново, он имел фиксированную письменную форму, которая осознавалась как завершенное и самоценное произведение. Относящиеся к этой рафинированной поэзии произведения не имеют черт устной поэзии, о которых говорилось выше (отсутствуют приемы мнемотехники, повторы, каталоги). Напротив, для них характерна ориентированность на изысканный канон придворной литературы и установка на варьирование тем и образов в сочетании с усложненным орнаментальным стилем и отбором элементов действительности, заслуживающих изображения по мнению традиции (подробнее о стиле *кавья* см.: [Алиханова: 32]).

Примером разницы стиля может служить сопоставление двух сравнений из соответствующих мест в двух историях: в авадане «Субхадра» (№ 40), которую мы рассматриваем как историю-прототип, и в «Джатаке об олене» (№ 22) Харибхатты:

«...жил владыка оленьего стада в окружении тысяч оленей, он был умен, мудр и учен» (AS40).

«...[там] бодхисаттва был владыкой стада оленей. И стадо ланей, охраняемое им, обладающим великим духом, как царство – праведным царем, никого не боялось и достигло великого процветания. / И за тем оленем с желтой шеей и темной спиной, / Бесстрашным, как лев⁴, жующим желтоватую траву, / Знающим о благих и не благих путях, те олени / Следовали, словно за учителем – хорошие ученики» // (HJM22.2).

Первое определение ограничивается лишь сообщением о том, что стадо оленей многочисленно, и тремя синонимичными эпитетами, относящимися к оленю-*бодхисаттве*. На втором же примере видно, что даже в таком кратком описании Харибхатта умещает царскую тему (олень охраняет свое стадо, как царь – свое царство), разновидность аллитерации (санскритский прием *yamaka*, см.: [Анандавардхана: 232]), а также характеристику героя как буддийского персонажа (он знает о благих и неблагих путях – *sad-asat-pathavedinam*). Восхваление царственности и добродетели героя, оформленное с помощью одного или нескольких поэтических украшений, – это типичная схема описания высокого персонажа в придворной литературе, и здесь она воспроизводится.

Надо отметить, что, несмотря на свою очевидную принадлежность высокой придворной литературе, «Гирлянда джатак» Харибхатты сохраняет связь с непридворной буддийской литературой более раннего периода (палийским каноном, аваданами и др.) не только благодаря тому, что в ней обрабатываются те же сюжеты, но и тому, что она также написана смесью стихов и прозы. Отметим, что значение и статус, которые получают прозаические и поэтические пассажи, уже не те, что были в палийских джа-

таках и авадахах. В более ранних историях о прошлых рождениях стихи служили опорными точками при рассказе, их нужно было запоминать дословно, тогда как прозаическое обрамление могло «создаваться», импровизироваться в процессе рассказывания (там, где это необходимо, например, в джатаках, содержащих по 1–2 стиха). И статус стихотворных строф-*gāthā* был значительно выше, чем прозаического комментария. В случае же литературных джатак⁵ перед нами, во-первых, стихи и проза, находящиеся в равном друг относительно друга статусе и, во-вторых, украшенность и, так сказать, поэтичность не только стихов, но и прозы. Не случайно теоретик поэзии Бхамаха (вероятно, IV–V вв., подробнее см.: [Алиханова: 199–200]) начинает свою классификацию художественной литературы (*кавья*, букв. «поэзии») с того, что сообщает, что она двояка: в прозе и в стихах (*gadyam padyaṅca taddvidhā*) [Алиханова: 174, 199].

С точки зрения исторической поэтики в произведении Харибхатты мы встречаем другой этап развития художественной словесности. Поэт вполне осознает себя как индивидуального автора, во вступлении к сборнику отмечает заслуги своего предшественника Арья Шуры. Его сборник во многих местах есть осознанное творческое соревнование с предшественником. Текст выдержан в единой стилистике, присущей, прежде всего, высокой придворной литературе классического периода. Судя по тому, какие именно элементы Харибхатта отбирает для детализации и вставок в сюжеты своих историй, ценность тех или иных элементов для него определяется их принадлежностью именно к художественной традиции придворной литературы, в меньшей степени к буддийской традиции. Кроме того, перед нами художественное произведение в полном смысле слова, для которого сюжет, форма и стиль являются также результатом сознательного художественного конструирования.

Выше мы приводили примеры формульного стиля «Авадана-шатаки», приведем пример стиля «Гирлянда джатак» Харибхатты для сравнения – фрагмент из второго сюжетного хода джатаки, где юноша Ашока обращается к своему дяде, Будде Кашьяпе, перед его уходом в *паринирвану*:

«Не спася меня, ослепленного страстями, юного, не имеющего корабля разума, / Утопающего в огромном океане незнания / Под ударами высоких волн страданий, / О, владыка мудрецов, как же ты уходишь так скоро?» // Его, говорящего так, запинаящегося на [каждом] слове, / Роняющего слезы, с замутненным взором, / Вмиг уведя с дурного пути, / Победитель привел чистым путем к освобождению» // (НМ22.64–65).

Как и всей поэзии классического периода, этим строфам Харибхатты свойствен акцент на эмоцио-

нальности (говорящий запинаятся, роняет слезы). Образности строфам добавляет использование украшения *рунака* (генетивная метафора): «волны страданий», «корабль разума» [Анандавардхана: 49]. Помимо смыслового (*рунака*) здесь есть и звуковое украшение – аллитерация (*yamaka*): *kāpathāt pathā viśuddhena* «с дурного пути чистым путем». Строки об «освобождении» (*vimokṣa*) здесь звучат в буддийском ключе, хотя в санскритской поэзии они могут быть вписаны и в небуддийский контекст (например, в поэзию отрешения, примеры которой мы находим в «Трех шатаках» Бхартрихари). Специфически буддийскими здесь являются только слова «чистым путем» (*pathā viśuddhena*) и эпитет Будды «Победитель» (*jinah*). Иными словами, это свидетельство владения автором современной ему поэтической традицией и теорией поэтических украшений. Данные строфы не могут быть изъяты из джатаки без ущерба повествованию, они вписаны в контекст и содержат важные для сюжета моменты (Ашока достигает освобождения); однако и они, а не только описания, подлежат украшению.

Перед нами уже совершенно другой подход к созданию текста: поэт тоже находится в рамках определенного литературного канона, но этот канон принципиально сложнее и изящнее, он обуславливается важностью эстетического начала, а не функционального. Если сравнения в произведениях долитературного и переходного периода являются клишированными и часто появляются в тексте стихийно, то здесь каждое сравнение (даже основывающееся на традиционном, стандартном мотиве) глубоко продумано и решает художественную задачу. Во-первых, оно задает эмоциональную тональность повествованию; во-вторых, традиционный образ в нем всякий раз подается по-новому, поскольку именно это отражает творческую задачу, стоящую перед поэтом – используя инструмент *кавьи*, варьировать знакомые мотивы для создания свежего образа, обогащающего канон.

Рассмотренные примеры наглядно показывают, как проявляется на уровне стиля стадийная разница двух текстов. «Авадана-шатака» предстает как произведение, возникшее при переходе от долитературной словесности к художественной литературе. Она сохраняет многие черты долитературной поэтики, включая дословные повторы, каталоги и широкое применение формул. Напротив, «Гирлянда джатак» Харибхатты по стилю, как и по содержанию, принадлежит высокой придворной авторской литературе на санскрите.

Примечания

¹ Отметим, что в джатаке есть и несвойственные для сборника Харибхатты текстовые (буквальные словесные) совпадения с историей-прототипом.

² *rātryā madhyame yāme nirupadhiśeṣe nirvāṇadhātau parinirvāṇaṃ bhaviṣyati.*

³ *buddho bhagavān satkrto gurukrto mānitaḥ pūjito rājabhī rājamātrair dhanibhiḥ pauraiḥ śreṣṭhibhiḥ sārthavāhair devair nāgair yakṣair asurair garuḍaiḥ kinnarair mahoragair iti deva-nāga-yakṣa-asura-garuḍa-kinnara-mahoragābhyarcito buddho bhagavān jñāto mahāpuṇyo lābhī.* В строфе перечисляются классы мифологических существ: наги – говорящие змеи, якши – хранители богатств, асуры – демоны, старшее поколение божеств; Гаруда – мифический орел, враг змей и ездовое животное Вишну; киннары – полулюди-полукони, либо полуптицы, небесные музыканты; исполинские змеи – живущие в водах или поддерживающие корни гор змееподобные существа. Благие заслуги – своего рода актив добрых дел, накопленный человеком за всю жизнь, сумма его добродетелей. Бхагаван – “владыка или обладатель доброй доли” – в русских переводах буддийских текстов нередко переводят как блаженный или благословенный.

⁴ *Hariṇaṃ hari-kaṇṭha-nīla-prṣṭham hari-sattvaṃ haritaṃ trṇaṃ daśantam.* Разновидность аллитерации (*yataka*).

⁵ Джатаки Харибхатты и Арья Шуры в противовес долитературным палийским джатакам называют литературными или авторскими.

Список литературы

Алиханова Ю.М. Литература и театр Древней Индии. М.: «Восточная литература» РАН, 2008. 288 с.

Анандавардхана. Дхваньялока / пер. с санскрита, введение и комментарий Ю.М. Алихановой. М.: Наука, 1974. 304 с.

Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы / пер. с санскрита А.П. Баранникова и О.Ф. Волковой. М.: Восточная литература РАН, 2000. 367 с.

Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М.: Наука, 1974. 420 с.

Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/history-poetic> (дата обращения: 29.08.21).

Appleton N. Jātaka Stories in Theravada Buddhism. London, Ashgate Publishing, 2010, 176 p.

Subhadra. Avadānaśataka 40, transl. N. Appleton. URL: <https://jatakastories.div.ed.ac.uk/stories-in-text/avadanasataka-40/> (дата обращения: 07.10.21).

Collett A. List-based Formulae in the Avadānaśataka. Buddhist Studies Review, 2006, vol. 23 (2), pp. 155–185.

Hahn M. Poetical Visions of the Buddha's Former Lives. Seventeen Legends from Haribhaṭṭa's Jātakamāla. New Delhi, Rajkamal Electric Press, 2011, 377 p.

Haribhaṭṭa. Once a Peacock, Once an Actress. Twenty-four Lives of the Bodhisattva from Haribhaṭṭa's Jātakamāla. Translated by P. Khoroche. Chicago, The University of Chicago Press, 2017, 258 p.

References

Alihanova Ju.M. *Literatura i teatr Drevnej Indii* [Literature and Theatre of the Ancient India]. Moscow, Vostochnaja literature Publ., 2008, 288 p. (In Russ.)

Anandavardhana. *Dhvan'jaloka* [The Dhvanyaloka], per. s sanskrita, vvedenie i kommentarij Ju.M. Alihanovoj. Moscow, Nauka Publ., 1974, 304 p. (In Russ.)

Ar'ja Shura. *Girljanda dzhatak, ili Skazaniya o podvigah Bodhisattvy* [Arya Shura. A Garland of Jātakas, or Tales of the Bodhisattva's Deeds], per. s sanskrita A.P. Barannikova, O.F. Volkovoj. Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 2000, 367 p. (In Russ.)

Grincer P.A. *Drevnendijskij jepos. Genezis i tipologija* [Ancient Indian Epics. Genesis and Typology]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 420 p. (In Russ.)

Istoricheskaja pojetika. *Literaturnye jepohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya* [Historical poetics. Literary Periods and Types of Artistic Conscience]. URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/history-poetic> (access date: 29.08.21). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.08.2021; одобрена после рецензирования 02.09.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 14.08.21; approved after reviewing 02.09.2021; accepted for publication 12.11.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 144–150. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 144–150. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(410.1).09”18”

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-144-150>

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПОВЕСТИ САРЫ ФИЛДИНГ «ГУВЕРНАНТКА, ИЛИ АКАДЕМИЯ МАЛЕНЬКИХ ЖЕНЩИН»

Шишкова Ирина Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, Литературный институт имени А.М. Горького, Москва, Россия, ishishkova@yandex.ru

Аннотация. В данной статье речь идет о нравственных ценностях и социальных проблемах, которые запечатлены в школьной нравоучительной истории известной английской писательницы Сары Филдинг «Гувернантка, или Академия маленьких женщин», считающейся одним из выдающихся произведений, написанных специально для детей в эпоху Просвещения. В статье рассматриваются некоторые составляющие школьной повести: традиционная завязка, описание распорядка дня учебного заведения, повороты сюжета, определенные персонажи и т. д. Вместе с тем вслед за С. Филдинг поднимается вопрос детского чтения и необходимости обсуждения прочитанного с детьми. На примерах рассказов воспитанниц о жизни до школы анализируется проблема межличностных отношений персонажей в пределах семьи: с родителями, братьями и сестрами, другими родственниками, гувернантками и слугами, а также вне ее – с представителями различных социальных групп. Большое внимание уделяется изображению этикета поведения и стремлению к самосовершенствованию, а также управлению и контролю за проявлением эмоций. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что школьные истории полезны для юных читателей вследствие их злободневности и общего позитивного настроения, позволяющего подросткам преодолевать многочисленные жизненные трудности в период становления и развития их личности.

Ключевые слова: Сара Филдинг, женское воспитание, школьная повесть, межличностные отношения, этикет поведения, детское чтение.

Для цитирования: Шишкова И.А. Нравственные ценности в повести Сары Филдинг «Гувернантка, или Академия маленьких женщин» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 144–150. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-144-150>

Research Article

MORAL VALUES IN SARAH FIELDING’S NOVEL “THE GOVERNESS, OR THE LITTLE FEMALE ACADEMY”

Irina A. Shishkova, Doctor of Philological Sciences, The Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia, ishishkova@yandex.ru

Abstract. This article deals with the moral values and social issues described in the school story of the famous English writer Sarah Fielding “The Governess, or the Little Female Academy”, which is considered one of notable works written specifically for children in the Age of Enlightenment. The article examines some of the components of the genre “School Story” – the traditional opening and description of the daily routine of an educational institution for girls, plot twists, certain characters, etc. At the same time, following Sarah Fielding’s ideas, the author scrutinises the issue of children’s reading and the need to discuss its content with adults. Using the examples of the wards’ stories about their life before school, the problem of interpersonal relations of characters is analysed – within a family, with parents, brothers and sisters, other relatives, governesses and servants; whereas outside it, with representatives of various social groups. Much attention is paid to the depiction of behaviour etiquette and constant striving for perfection, as well as control over various emotions. As a result of the study, it is concluded that school stories are useful for young readers due to their topicality and positive general attitude, which allows adolescents to overcome numerous life difficulties during the formation and development of their personalities.

Keywords: Sarah Fielding, women’s education, School Story, interpersonal relationships, etiquette, children’s reading.

For citation: Shishkova I.A. Moral values in Sarah Fielding’s novel “The Governess, or the Little Female Academy”. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 144–150 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-144-150>

Повесть Сары Филдинг (Sarah Fielding, 1710–1768) «Гувернантка, или Академия маленьких женщин» (*The Governess; or the Little Female Academy*, 1749) представляет собой школьную нравоучительную историю, написанную специально для детей в эпоху Просвещения, ознаменовавшуюся многочисленными научными открытиями XVII в. и тягой к свободомыслию европейских философов: Ж.-Ж. Руссо, Р. Декарта, Дж. Локка и др. Безусловно, книги для детей существовали в Великобритании и до выхода повести, но именно С. Филдинг создала объемное произведение для девочек, вскоре названное романом (“children's novel” – английский аналог термина «детская повесть»). Заметим, что термин «роман для девочек» употребляется для характеристики подобных произведений и в российских издательствах).

Л. Бойсонолт (L. Boissasonault) и К. Йорд (C. Ward) отмечают большой вклад писательницы в женское образование и воспитание. Именно она через книгу попыталась доверительно и непредвзято поговорить с юными читательницам о важнейших нравственных ценностях и социальных проблемах, призвав их к вдумчивому отношению к действительности (цит. по: [Boissasonault]). Необходимо отметить, что современные исследователи детской литературы: П. Хант (P. Hunt, 2006), М.О. Гренби (M.O. Grenby, 2008), К. Рейнолдс (K. Reynolds, 2011) и др., отдавая должное «Гувернантке» как выдающемуся и весьма объемному произведению для детей, подчеркивают ее нравоучительный характер, но ставят под сомнение интерес к ней современного читателя [P. Hunt: 1].

Нельзя сказать, что Сара, сестра знаменитого Генри Филдинга (Henry Fielding, 1707–1754), постоянно находилась в тени славы брата. Она заслужила хвалебные отзывы самого С. Ричардсона (S. Richardson, 1689–1761) за роман «Приключения Дэвида Простак» (*The Adventures of David Simple*, 1744). Как известно, Генри Филдинг одобрял творчество сестры до тех пор, пока в нем не проснулась писательская ревность, а затем, по мнению Дж. Бархаса (J. Barchas), довольно неоправданно начал вносить правки в ее тексты [Barchas: 633].

Писательница принадлежала к литературному движению “синих чулок” и была из плеяды замечательных женщин XVIII в., которые, вращаясь в высших кругах британского общества, внесли огромный вклад не только в воспитание собственных детей, но и в культуру.

Р. Холмс, автор известной научно-популярной книги «Век чудес» (*The Age of Wonder*, 2009) указывает на то, что именно в XVIII в. в Англии большое распространение получили книги для детей, сочиненные высокообразованными женщинами, которые знакомили читателей с последними достижениями

науки [Holmes: XIX]. Н.А. Соловьева в своем труде, посвященном литературе Англии XVIII в., писала о замечательных женщинах, чьи интересы простирались гораздо дальше шитья и вышивания, и их огромной роли в истории страны [Соловьева: 39, 40]. В тот период в домах знати демонстрировались различные опыты, шли бесконечные дискуссии о происхождении жизни на земле и обсуждались последние литературные шедевры.

В своем докладе, приуроченном к 300-летию юбилею со дня рождения Г. Филдинга, Е.В. Халтрин-Халтурина дает высокую оценку повести «Гувернантка», отмечая ее важность и для читательниц XXI в. Е.В. Халтрин-Халтурина называет три причины, по которым эта повесть может представлять интерес и в настоящее время: 1) как книга для девочек, в котором их поведение описывается без прикрас; 2) как методическое пособие для педагогов и родителей и 3) как документ эпохи, по которому можно представить «стиль работы “синих чулок” во время их салонных встреч и способы организации их бесед» [Халтрин-Халтурина].

Повесть состоит из рассказов девяти воспитанниц (им от восьми до четырнадцати лет). Согласно английской традиции, цифра девять имеет положительную символику [Дубровская: 96] и выполняет в композиции позитивную связующую функцию: в ней говорится не только о девяти персонажах, но и девяти днях из их жизни (от понедельника до вторника следующей недели), на фоне которых происходит переоценка их моделей поведения до поступления в школу миссис Тичам (Missis Teachum).

Интересно, что, несмотря на многочисленные увещания наставницы, воспитанницы, даже по меркам XXI в., ведут себя далеко не идеально. Боясь наказаний (Филдинг опускает их описание, когда они касаются благородных «маленьких женщин»), девочки дерутся по-настоящему, как мальчишки, в открывающем повесть «Рассказе о драке, начатой и продолженной ради яблока, в котором показаны печальные последствия ярости и гнева» (*An Account of a Fray, Begun and Carried on for the Sake of an Apple: in which are Shown the Sad Effects of Rage and Anger*): «И земля была покрыта лоскутами и клочьями, вырванными из платьев маленьких драчуний (здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – И. Ш.)» [Fielding].

М. Гренби видит в завязке повести библейскую аллюзию на яблоко раздора, а в фигуре мисс Дженни, пытающейся не только разнять шалуний, но и примирить их между собой, – образ Христа, спустившегося в ад [Grenby: 99]. Сцена с яблоком является своего рода катализатором сюжета, в рамках которого происходит эволюция «миллиона терзаний» девочек-подростков.

Учитывая тот факт, что в английском обществе XVIII в. не раз высказывались опасения по поводу морального вреда для юных умов «легкомысленных» романов, «Гувернантку» можно назвать весьма прогрессивной повестью, так как автор не боится поведать читателям о том, что ее персонажи не испытывают жестоких мук совести, характерных для подобных произведений, а, наоборот, каждая, чувствуя, что поступила неправильно, продолжает считать себя несправедливо наказанной, рассуждая о произошедшем в весьма резком, но типичном для подросткового возраста ключе.

В этой связи приведем диалог послушной и совестливой мисс Дженни (она старшая в маленьком коллективе, ей почти четырнадцать лет) и мисс Сьюки, одной из самых бойких драчуний:

«МИСС ДЖЕННИ. Прошу тебя, мисс Сьюки, ответь мне еще на один вопрос. Разве ты можешь спокойно спать по ночам? И тебя не злят другие ученицы? Разве тебя не задевает то, что ты не можешь им отомстить <...>? Скажи мне честно, разве это не твой случай?»

МИСС СЬЮКИ. Да, мой. Какое удовольствие я бы получила, если бы смогла отплатить своим врагам, не причинив вреда себе!» [Fielding].

Как видно из диалога девочек, участница драки не чувствует своей вины и ничуть не стесняется собственной жажды мести. После долгой душевительной беседы с мисс Дженни, осознав, что у нее нет другого выхода, мисс Сьюки опускает глаза, заикается, едва слышно произносит извинения, а мисс Дженни просто ласково обнимает ее, зная, что ее слова попали в цель, и мисс Сьюки не сразу, но осознала свой проступок. Наставления мисс Дженни всегда звучат спокойно и деликатно. В этом эпизоде показано, что даже самые шаловливые дети способны прислушаться к наставлениям тех, кто им небезразличен. В образе мисс Дженни писательница раскрывает черты позитивного лидера, который учит воспитанниц добру и хорошим манерам (так, девочки всегда встают и приседают в реверансе, когда в комнату заходит миссис Тичам или другие взрослые, стараются не повышать голос и спокойно говорить, а также скрывать свои негативные эмоции).

Писательница прибегает к приему «говорящих фамилий» при описании характеров как юных героинь, так и самой миссис Тичам (от англ. *teacher*), вдовы священника, весьма прогрессивной дамы для своего времени, оставшейся после смерти мужа практически без средств к существованию, но не побоявшейся, несмотря ни на какие преграды, при поддержке друзей и знакомых открыть школу для девочек ‘in reading, writing, working, and in all proper forms of behaviour’ («для обучения чтению, письму, труду и всем надлежащим формам поведения») [Fielding].

Перед началом повести Филдинг приводит список персонажей, личности которых представляется возможным сравнить с героями Джона Баньяна (John Bunyan, 1628–1688): Христианином, Верным, Упрямым, Сговорчивым и др. – из книги «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» (*The Pilgrim's Progress from this World to that which is to Come*, 1678), которая, несомненно, была хорошо известна автору.

У первой воспитанницы, Miss Jenny Pease (от англ. *peace* – мир), доброе сердце и безупречные манеры. Miss Nanny Spruce (от англ. *spruce* – щеголеватый, модный) больше всего на свете любит наряжаться. Miss Sukey Jennett (от англ. *jenne* – ослица) необыкновенно своенравна и упряма. Miss Dolly Friendly (от англ. *friendly* – дружеский, доброжелательный) приветлива и по-доброму ко всем расположена. Miss Henny Fret (от англ. *fret* – раздражение, волнение) до поступления в школу миссис Тичам вечно была всем недовольна Miss Lucy Sly (от англ. *sly* – хитрый, коварный) дома, до приезда в пансион, без зазрения совести всех обманывала. Miss Polly Suckling (от англ. *suckling* – младенец, грудной ребенок) – всеобщая любимица и самая младшая. Исключением являются описание черт характеров Miss Betty Ford и Miss Patty Lockit, которые никак не связаны с их фамилиями.

Заслуживают внимания и «устремления» наставницы – в предисловии сообщается о том, что она намеренно не ставит своей целью разбогатеть, расширив состав учащихся школы. Для миссис Тичам девять девочек – оптимальное число для осуществления обучения и проведения с ними воспитательной работы, потому что ее основными задачами являются как забота, так и неусыпный надзор за жизнью своих подопечных. Миссис Тичам пытается развить в воспитанницах чувство принадлежности к коллективу, что можно было бы охарактеризовать популярным на сегодняшний день термином “team spirit”. Она предпочитает им не мешать, когда те спокойно, не выражая чрезмерных эмоций, беседуют между собой и откровенно высказывают свои мысли в присутствии мисс Дженни, почти их ровесницы. Описывая стиль общения в школе, Филдинг употребляет фразу ‘freedom of their speech’, подтверждая факт того, что и в XVIII в. умные и чуткие взрослые понимали, что дети нуждаются в свободе от постоянного контроля. В то же время она просит мисс Дженни записать истории девочек – таким образом она сможет больше узнать не только об их прежней жизни, но и проследить за особенностями их поведения. По мнению М. Гренби, подобным заданием гувернантка принуждает мисс Дженни к своего рода наушничеству [Grenby: 98]. Подчеркнем, что образы доносчиц или ябед присущи скорее школьным историям для девочек, чем для мальчиков [Clark: 84], и прием постоянного наблюдения или даже слежки

за воспитанницами впоследствии будет взят на вооружение и другими авторами. Например, у Дж.К. Роулинг (J.K. Rowling) в Хогвартсе (Hogwarts) профессор Дамблдор (Professor Dumbledore) постоянно появляется перед учениками именно в те моменты, когда хочет застать их врасплох [Grenby: 99].

Однако просьбу миссис Тичам зафиксировать письменно рассказы девочек можно рассмотреть и в ином ключе: вероятно, наставница была настолько занята обустройством своей школы и другими проблемами, что у нее просто не оставалось времени самой вести такие записи. Вместе с тем ей хотелось составить объективное представление о тех условиях, в которых девочки воспитывались до школы. Записи мисс Дженни можно сравнить с современными картами развития личности ребенка, фиксирующими его физические и психические характеристики, а также достижения в учебе, в целях повышения эффективности образовательного процесса.

Миссис Тичам показана и как вдумчивый педагог и воспитатель, поскольку, поняв, что все девять воспитанниц готовы добровольно следовать школьным правилам, она непринужденно с ними общается, не сковывая их поведение бесконечным морализированием.

Сквозь канву текста в ненавязчивой форме, в виде кратких комментариев автора, проходит описание внутреннего распорядка школы-пансиона. В нем есть место и для занятий, и для подготовки к ним, и для вечерней молитвы, и для трапез, на которые девочки созывают колокольчиком, и для «душеспасительных» бесед перед сном. Наставница внимательно следит за тем, чтобы уроки по субботам чередовались с длительными прогулками на свежем воздухе и, выражаясь современным языком, экскурсиями, например на молочную ферму. Примечательно, что описание режима учебного заведения впоследствии широко использовалось и другими авторами школьных историй, потому что именно в Великобритании до сих пор функционирует система частных школ закрытого типа для девочек и мальчиков.

Перед каждой историей девочек Филдинг приводит их портретные черты, напоминающие по своему описанию картины знаменитого английского художника Джошуа Рейнолдса (Joshua Reynolds, 1723–1792). Подробные портретные характеристики героинь, на первый взгляд несколько избыточные, были очень важны для читательниц XVIII в., поскольку при отсутствии иллюстраций помогали им лучше представить себе персонажей посредством приема визуализации, столь привычной для современных подростков, но, к сожалению, в настоящее время часто достигаемой при помощи компьютерных технологий. О необходимости иллюстраций для восприятия текста говорили авторы и в XVIII в., и даже

гораздо раньше [Arizpe, Styles, Heath:87]. Можно предположить, что, хорошо понимая это, Филдинг уделила пристальное внимание словесным портретам. Описывая красавиц и дурнушек, писательница придает естественность их внешнему облику, соблюдая одно из основных требований к героиням «благопристойных» романов при переходе от рационализма к сентиментализму на рубеже XVII–XVIII вв.: для нее важны как близкие к реальности образы некрасивых, но чувствительных девочек, так и «приятных во всех отношениях» маленьких женщин, но во главу угла, как и другие авторы (Т. Грей, Л. Стерн, С. Ричардсон и др.), она всегда ставит душевные качества.

Каждая девочка, рассказывая свою историю до поступления в школу миссис Тичам, в той или иной мере делает акцент на межличностных отношениях в семье: с родителями, братьями и сестрами, другими родственниками, гувернантками, слугами и домашними любимцами. Наряду с этим Филдинг вставляет в повествование и рассказ об опыте общения воспитанниц за пределами родного дома – с людьми из разных социальных групп.

Любое откровенное признание персонажей сопровождается анализом их высказываний и форм поведения. Добавим, что в «Гувернантке» красной нитью проходит мысль об обязательности строгого, но уважительного и доброго обращения с детьми.

Воспитанницы с пиететом отзываются о родителях – их авторитет непререкаем. Одна из традиционных завязок в произведениях для взрослых перешла и в «романы для девочек» – в начале их также часто приводится сцена смерти, ухода на войну или хронического недомогания близких. Впоследствии этот прием широко использовался в книгах Ш.М. Янг (Ch.M. Yonge, 1823–1901), Л.М. Олкотт (L.M. Alcott, 1832–1888), Л.Т. Мид (L.T. Meade, 1844–1914) и др.

Учитывая материальные сложности содержания детей в многодетных семьях, Филдинг не видит ничего необычного в том, что родители с радостью отправляют одного или нескольких чад на воспитание к какой-нибудь богатой родственнице. Подобный факт имел место и в биографии Сары.

Как правило, идеализированные авторами нравоучительных историй матери постоянно напоминают дочерям о послушании и необходимости не только уважать отцов, братьев и мужей, но и беспрекословно им подчиняться, так как последним предстоит всю жизнь обеспечивать их благополучие. Возможно, использование подобной модели поведения и в «Гувернантке» было продиктовано второстепенной ролью Сары в семье брата, знаменитого Генри Филдинга.

В книге подвергаются скрупулезному разбору эмоции воспитанниц: как указывалось выше, автор осуждает как бурное проявление радости, так и пе-

чали. В этой связи показательна сцена со смертью любимой кошки мисс Дженни: видя неподдельные переживания дочери, мать в очень мягкой, но твердой манере убеждает ту при любых обстоятельствах учиться «властвовать собой», потому что чрезмерное волнение помешает ей в полной мере заботиться о брате и других близких. По признанию мисс Дженни, эти наставления помогли ей, оставшись сиротой, пережить и смерть самой матери.

Есть в повести и комментарии Филдинг по поводу взаимоотношений воспитанниц с сестрами. В рассказе мисс Долли (Friendly) говорится о младшей сестренке, которая умерла до ее поступления в школу. В пансионе миссис Тичам Долли перенесла свое чувство привязанности к малютке на подругу и ввязалась в драку из-за яблока только ради защиты последней. Мудрая мисс Дженни объясняет ей, что даже к дорогим сердцу родственникам и друзьям нужно относиться справедливо, не поддерживая их дурные поступки.

Писательница поднимает и проблему отношения юных леди к слугам. На примере мисс Сьюки, которая росла без матери, Филдинг показывает, какие ошибки могут возникать в процессе воспитания ребенка, оставшегося без должного родительского внимания. Следует упомянуть, что, осуждая своих персонажей за грубое обращение со слугами, писательница не преувеличивает роли помощников в семье.

Так, за мисс Сьюки ухаживала старая служанка, позволявшая ей абсолютно все и побуждавшая стоять за себя своеобразным способом: вместо того чтобы приучить свою подопечную смотреть под ноги, она призывала ту при падении всякий раз колотить кулаками землю за причиненную боль. Часто доставалось от капризной госпожи и маленькой девочке-служанке. Бедняжка не могла ни на что пожаловаться, так как ей постоянно внушалось, что следует покорно сносить унижения юной леди из-за ее благородного происхождения.

В эпизоде в саду с матерью из низшего класса, избивающей свою восьмилетнюю дочку за ложь, писательница показывает испуганную реакцию воспитанниц на физические наказания для простолюдинов. Девочки умоляют бедную женщину простить дочку, но соглашаются с доводами той, что лгать нельзя. Неприятный инцидент используется Филдинг в назидание Мисс Сьюки и читательницам – произошедшее заставляет их задуматься о последствиях своих дурных поступков.

В рассказе мисс Люси фигурирует образ лживой гувернантки, которая в силу лени и равнодушия скрывала провинности своей подопечной или сваливала ее вину на мальчика-слугу, который терпел наказания за озорство своей хозяйки. Сама Люси не испытывала мук совести и однажды подбросила осколки

разбитой фарфоровой чашки в комнату мальчика-слуги, и того за это выпороли.

Использование отрицательного образа гувернантки не запрещалось авторам детских повестей. Героине позволялось замечать и комментировать недостатки нерадивой воспитательницы, чего никогда не допускалось по отношению к родителям. Следуя модели сюжета нравоучительной истории, мисс Люси, поняв, что в школе мисс Тичам у нее не получится ускользнуть от ответственности, раскаивается и делает для себя соответствующие выводы. Позже в подобных произведениях персонажам, с пиететом относящимся к родителям, разрешалось «доводить» наставников или подшучивать над дальними родственниками.

Что касается глубокого сочувствия героинь к немущим, можно сделать вывод о том, что миссис Тичам, скорее всего, как и Филдинг, не одобряет намерений воспитанниц делиться с несчастными последними карманными деньгами. Наставница не сопереживает нищим и говорит об их бедах с равнодушием и предвзятостью, искренне считая, что «часто эти ребята сочиняют мрачные истории без особого на то основания по причине лени и неумения работать» [Fielding]. Хорошо известно, что в Англии XVIII в. положение бедноты было чудовищным и мало заботило сильных мира сего, поэтому подобная трактовка событий была обычной для нравоучительных произведений.

В то же время писательница критически относится и к представительницам высшего класса, кичащимся своим богатством – они либо слишком высокомерны и полны тщеславия, либо вообще не умеют скромно вести себя, что проявляется в их нелепых позах и хвастовстве нарядами и драгоценностями. Описание чванливых богачек по своему тону напоминает меткие сатирические зарисовки известного английского художника Уильяма Хоггарта (William Hoggarth, 1697–1764). Филдинг подчеркивает, что обладание высоким положением в обществе не делает женщину счастливой: однажды на прогулке девочкам в отсутствие хозяев показывают роскошный особняк, объясняя, что, несмотря на богатство, счастье в том доме «не живет», потому что в семье нет мира и согласия.

Миссис Тичам пристально следит и за тем, что читают ее воспитанницы. В канву повести вплетены две сказки, нравоучительная история, басня и пьеса, что позволяет представить себе, какие именно произведения одобрялись взрослыми для воспитания и развлечения юных леди.

В финале первой сказки о злом и благородном великанах, Барбарико (Barbarico) и Бенефико (Benefico), традиционно торжествует добро: в замке Бенефико мир, гармония и любовь побеждают смятение и хаос, насаждаемые Барбарико.

Во второй сказке, «Принцесса Геба» (*Princess Hebe*), речь идет о царице, вынужденной из страха уготованной ей казни покинуть свой дворец с маленькой дочерью на руках. Можно предположить, что Филдинг была хорошо знакома как с творчеством Шарля Перро, сборник которого, «Сказки матушки гусыни» (*Histoires ou contes du temps passé*), пользовался в то время широкой популярностью, так и с увлекательными историями «Тысячи и одной ночи» (*The Arabian Nights*), широко издаваемыми в Англии с 1707 по 1721 гг.

В «Принцессе Гебе» сюжетные повороты словно пересекаются с аналогичными деталями «Белоснежки» и «Золушки»: есть в ней и злая мачеха, и безвольный отец, и фея, но не крестная, а заимствованная из английского фольклора, в котором волшебные существа всегда играли немаловажную роль. Персонажи могут прятаться от преследователей в лесу или передвигаться в золоченой, запряженной белоснежными лошадьми, как у Золушки, карете. Возможно, и мир вещей «Тысячи и одной ночи» соответствующим образом повлиял на изображение убранства дворца и сокровищ восточного царя Абдаллы (*Abdallah*). Как и в произведениях Перро, персонажи «Принцессы Гебы», даже волшебники и феи, испытывают различные человеческие страсти, что придает их приключениям злободневное звучание и в XXI в.

В сказке поднимается проблема семейных отношений, когда фея Сибелла (*Sybella*) жалуется царице на то, что мать ни разу не сказала ей доброго слова или с любовью на нее посмотрела. Другая фея, ее злая сестра Брунетта (*Brunetta*), тоже постоянно обижает ее, и отец-волшебник, как и отец в «Золушке», ничего не может с этим поделать, однако в его власти наделить дочь силой духа и умением выстоять при любых обстоятельствах. Здесь предпринимается попытка покритиковать и родителей, что, как мы видели, нетипично для нравоучительных историй.

Как и в «Спящей красавице», фея говорит матери, что может одарить царевну всем, что только может пригодиться ей в жизни, но не уточняет, чем именно. Тогда царица-мать просит дать ей мудрость, потому что именно это качество, по ее мнению, поможет дочке найти единственно верный путь к настоящей счастью.

В «Гувернантке» проводится мысль о том, что миссис Тичам (вслед за прогрессивными писательницами XVIII в.) не одобряет «ужастики», которые читают ее ученицам, считая, что рассказы о сверхъестественном могут навредить неустоявшейся детской психике: «Милые мои девочки, мне очень приятны ваши невинные забавы; и все же я хотела бы, чтобы вы серьезно задумались над тем, что читаете, и извлекли из своих книг моральные принципы, способные повлиять на вашу будущую жизнь; а что касается

сказок в целом, помните, что... если обычная история хорошо написана, она поведает об увлекательных приключениях не менее красочно и без помощи фей» [Fielding]. В 1820 г. при переиздании книги «Гувернантка» обе сказки были удалены миссис Шервуд (*Mrs Sherwood, 1775–1851*) [Anizpe, Styles: 102].

До консервативной миссис Шервуд одним из авторов, ведших непримиримую борьбу со сказками, была Сара Триммер (*Sarah Trimmer, 1741–1810*). По мнению К. Рейнолдс, ее бескомпромиссные суждения о данном жанре в пользу христианского рационализма, воспетого Джоном Локком (*John Locke, 1632–1704*) [Locke], стали основанием для осуждения ее как суровой моралистки для последующих поколений писателей и критиков, заставлявшей детей читать только скучные нравоучительные тексты. Подобная «слава» позволила внедрить в историю детской литературы еще одно широко распространенное заблуждение: якобы впоследствии ее примеру следовал «чудовищный полк» женщин, создававших или курировавших детскую литературу в XVIII и XIX вв., основной задачей которых была борьба с интересными и полезными книгами таких авторов, как Э. Лир, Ч. Кингсли, Льюис Кэрролл и Джордж Макдональд, сочинявших талантливые и заслуживающие внимания произведения, призванные не только «поучать», но и развлекать подрастающее поколение [Reynolds: 39]. Нельзя не согласиться с К. Рейнолдс в том, что, несмотря на часто справедливую критику творчества авторов нравоучительных историй, им не откажешь в любви к детям и стремлении не только описать реальные события из жизни подростков, но и помочь им искать выход из сложных, порой кажущихся им тупиковыми, ситуаций.

В повести «Гувернантка» воспитанницам не только читают вслух, но и приобщают их к живой беседе и обсуждению прочитанного, сосредотачивая их внимание на аллегориях добра и зла, представленных в ярких образах персонажей, и развивая их речевые навыки. Миссис Тичам проявляет живой интерес к образу мыслей своих воспитанниц, предпочитая, чтобы дети открыто высказывали ей собственные взгляды на взрослую жизнь.

Кроме сказок, девочкам предлагают и нравоучительную историю «Целия и Хлоя» (*Caelia and Chloe*), повествующую о двух любящих друг друга сестрах-сиротах, поссорившихся из-за жениха Семпрония (*Sempronius*), решившего испытать честность и искренность обеих. В XVIII в. замужество имело для девушек первостепенное значение, так как достойная партия открывала им новые возможности для полноценной счастливой жизни.

В той же нравоучительной тональности звучит и письмо кузины мисс Сьюки, Пегги Смит (*Peggy Smith*). В нем Сьюки сообщают о болезни и смер-

ти некой несчастной леди Дайсон (Lady Dison), всю жизнь завидовавшей успеху своих сестер в свете: «Эта зависть стала причиной моего нездоровья, поразила мои жизненно важные органы и теперь доведет меня до могилы» [Fielding]. Письмо, написанное одиннадцатилетней девочкой, изобилует оборотами взрослой речи, что характерно для стиля Филдинг, – в XVIII в. в произведениях для детей нередко использовалась подобная манера повествования.

Девочек знакомят и с персонажами пьесы моралиста Р. Стила (R. Steele, 1672–1729), английского эссеиста, драматурга и политика, «Похороны, или Модная печаль» (*The Funeral, or Grief A-la-mode*, 1701), а также с басней Э. Мура (E. Moore, 1712–1757) «Собрание птиц» (*The Assembly of the Birds*) из сборника «Басни для женского пола» (*Fables for the Female Sex*, 1744).

В заключение следует упомянуть, что, рассмотрев в книге С. Филдинг некоторые нравственные ценности XVIII в., мы разделяем мнение П. Ханта и К. Рейнолдс о том, что роль школьных историй заключается в своего рода позитивном терапевтическом воздействии на читателей, потому что отвечает их чаяниям. Данный жанр, субжанр или категория литературы для детей, а также их элементы будут популярными и не перестанут волновать целевую аудиторию до тех пор, пока существует школа и все события, в ней происходящие [Hunt: 303; Reynolds: 80].

Список литературы

Дубровская В.В. Концепты «три», «семь», «девять» в английской культуре // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Нижний Новгород: Альба, 2013. С. 88–96.

Соловьева Н.А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. М., 2008. 272 с.

Халтрин-Халтурина Е.В. Сестра Филдинга – «синий чулок» и автор первой «школьной» повести на английском языке: тезисы докладов // Материалы конф., посвящ. 300-летию Генри Филдинга 17 апреля 2007 г. ИМЛИ РАН. URL: [http://ekhalt.freeshell.org/Articles/Sara%20Fielding_\(Haltrin\).htm](http://ekhalt.freeshell.org/Articles/Sara%20Fielding_(Haltrin).htm) (дата обращения: 19 июля 2021).

Anizpe E., Styles M., Heath Sh.B. Reading lessons from the Eighteenth Century. Mothers, children and texts. Pied Piper Publishing Ltd., 2006, 244 p.

Barchas J. “Sarah Fielding’s Dashing Style and Eighteenth-Century Print Culture.” *ELH*, vol. 63, no. 3, 1996, pp. 633–656. *JSTOR*, www.jstor.org/stable/30030118 (accessed date: 22 July 2021).

Boissoneault L. The First Novel for Children Taught Girls the Power of Reading.

Smithsonianmag.com. April 11, 2018. URL: <https://www.Smithsonianmag.com/History/First-Novel-Children-Taught-Girls-the-Power-of-Reading>

dren -Taught - Girls Power -Reading (accessed date: 20.07.2021).

Butts D. Children’s Literature and Social Change. Cambridge, Lutterworth Press, 2010, 194 p.

Carpenter H. and Prichard M. School stories. The Oxford Companion to Children’s Literature. Oxford University Press, 1995, 588 p.

Clark B.L. Regendering the School Story: Sassy Sissies and Tattling Tomboys. New-York, Garland, 1996, 307 p.

Grenby M.O. Children’s Literature. Edinburgh: Edinburgh Press, 2008, 232 p.

Holmes R. The Age of Wonder: Harper Press, 2009, 380 p.

Locke J. Some thoughts concerning education. The Harvard Classics, 1909, 14. URL: <http://www.bartleby.com/37/1/22.html> (accessed date: 21.07.2021).

Fielding S. The Governess; or the Little Female Academy URL: <https://www.gutenberg.org/files/1905/1905-h/1905-h.htm> (accessed date: 19.07.2021).

Hunt P. Children’s Literature. Blackwell Publishing, 2006, 334 p.

Reynolds K. Children’s Literature. A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2011, 144 p.

References

Dubrovskaya V.V. *Koncepty` “tri”, “sem”, “devyat”` v anglijskoj kul` ture. Aktual`ny`e voprosy` perevodovedeniya i praktiki perevoda* [Concepts “three”, “seven”, “nine” in English culture. Topical issues of translation studies and translation practice]. Nizhnij Novgorod, Al’ba Publ., 2013, pp. 88–96. (In Russ.)

Solov’eva N.A. *Angliya XVIII veka: razum i chuvstvo v hudozhestvennom soznanii epohi* [England of the 18th century: sense and sensibility in the artistic consciousness of the era]. Moscow, 2008, 272 p. (In Russ.)

Xaltrin-Xalturina E.V. *Sestra Fildinga – “sinij чулок” i avtor pervoj “shkol’noj” povesti na anglijskom yazy`ke: tezisy` dokladov. Materialy` konferencii, posvyashhennoj 300-letiyu Genri Fildinga 17 aprelya 2007 g.* [Fielding’s sister as a “blue stocking” and the author of the first “School Story” in English. Paper theses. Materials of the Conference dedicated to the 300th Anniversary of Henry Fielding. April 17, 2007]. The Gorky Institute of World Literature RAS. URL: [http://ekhalt.freeshell.org/Articles/Sara%20Fielding_\(Haltrin\).htm](http://ekhalt.freeshell.org/Articles/Sara%20Fielding_(Haltrin).htm) (accessed date: July 19, 2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.08.2021; одобрена после рецензирования 09.10.2021; принята к публикации 28.11.2021.

The article was submitted 19.08.2021; approved after reviewing 09.10.2021; accepted for publication 28.11.2021

ХАЙ ЦЗЫ – КИТАЙСКИЙ ЕСЕНИН: ТАНАТОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА И «РОМАН СО СМЕРТЬЮ»

Болдырева Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Юго-Западно-го университета, Чунцин, Китай, e71mih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

Аннотация. В статье рассматривается творчество китайского поэта Хай Цзы как пример духовного и художественного влияния творчества Есенина на современную китайскую поэзию. Поэтический диалог Хай Цзы и С. Есенина анализируется с точки зрения танатологической поэтики, что позволяет представить их творчество как разработку различных вариаций танатопэтики с целью достижения абсолютной самоидентификации путем синтеза «Я» – смерти – искусства. Категория смерти рассматривается как интегральная основа творчества С. Есенина и Хай Цзы, что в конечном итоге приводит к осознанию отношения к смерти как онтологической, эпистемологической и аксиологической основы жизни и творчества. В статье обосновывается, что «роман со смертью» Сергея Есенина и Хай Цзы – это проявление их жизнотворческой стратегии, выявляются мотивные и образные переключки в аспекте танатологической поэтики с учетом различной природы этих мотивов: стихийно-органического ощущения смерти у Есенина и танатологической идеологии Хай Цзы, основанной на синтезе западной философии, конфуцианства и даосизма. Особое внимание уделяется рассмотрению поэмы Есенина «Черный человек» и стихотворения «Весна. Десять Хай Цзы» как произведений, обнажающих ключевые установки танатологического дискурса поэтов, а также анализу стихотворения Хай Цзы «Жизнь прервалась» как призмы для реинтерпретации жизни и творчества Есенина в рамках танатологической парадигмы «китайского Есенина» и важнейшего акта семиотизации собственной жизни и творчества, когда самоубийство позиционируется как финальное высказывание, как достижение поэтического абсолюта и рождение «чистого стиха».

Ключевые слова: Хай Цзы, С. Есенин, русская поэзия XX века, современная китайская поэзия, танатологическая поэтика, категория смерти, жизнотворчество, конфуцианство, даосизм, танатологические мотивы, танатологическая метафорика.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западно-го университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е.М. «Хай Цзы – китайский Есенин: танатологическая поэтика и «роман со смертью» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 151–161. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-151-161>

Research Article

HAI ZI – CHINESE SERGEI YESENIN: TANATOLOGICAL POETICS AND “ROMANCE WITH DEATH”

Elena M. Boldyreva, Doctor of Philological Sciences, Professor of Institute of foreign languages, Southwest university, China, e71mih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

Abstract. The article considers the work of the Chinese poet Hai Zi (mostly based on works not translated into Russian) as a characteristic example of the spiritual and artistic influence of Sergei Yesenin’s work on modern Chinese poetry. The poetic dialogue of Hai Zi and S. Yesenin is considered from the point of view of tanatological poetics, which allows us to present their work as a single meta text, developing various variations of tanatopoetics in order to achieve absolute self-identification by synthesising “self” – death – art. The category of death is considered as the integral basis of the work of S. Yesenin and Hai Zi, which ultimately leads to the realisation of their personal attitude to death as the ontological, epistemological and axiological basis of life and creative work. The article justifies that the “romance with death” of S. Yesenin and Hai Zi is a manifestation of their life-building strategy, consonances in motif and figuration are revealed in the aspect of tanatological poetics, taking into account the different nature of those motifs: the spontaneous-organic feeling of death in S. Yesenin and the tanatological ideology of Hai Zi, based on the synthesis of Western philosophy, Confucianism, Taoism. Particular attention is paid to the consideration of S. Yesenin’s poem “The Black Man” and the poem “Spring. Ten Hai Zi” as works that

expose the key settings of the poets' tanatological discourse, as well as an analysis of Hai Zi's poem «Life Was Interrupted» as prisms for the reinterpretation of S. Yesenin's life and work within the framework of the tanatological paradigm of «Chinese Yesenin» and the most important act of semiotisation of life and creative work of the Chinese youth, when suicide is positioned as the final statement.

Keywords: Hai Zi, Sergei Yesenin, Russian poetry of 20th century, modern Chinese poetry, tanatological poetics, category of death, Confucianism, Taoism, tanatological motifs, tanatological metaphors.

For citation: Boldyreva E.M. Hai Zi – Chinese Sergei Yesenin: tanatological poetics and “romance with death”. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 151–161 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-151-161>

Исследование китайско-русского литературного диалога – одно из актуальных и перспективных направлений русского и китайского литературоведения, стремящегося выявить как влияние великой русской литературы на китайских писателей, так и уникальность преломления художественного опыта русских классиков в творчестве лучших китайских художников слова. «Лу Синь – китайский Гоголь», Го Можо – китайский Маяковский», «Чжан Сяньлян – «китайский Шаламов», «Ван Цзясинь – китайский Пастернак – подобные формулы, объединяющие в типологические пары русских и китайских писателей и актуализирующие русско-китайские литературные связи, не раз появлялись в китайском и русском литературоведении» [Болдырева 2020: 170]. В этой системе российско-китайских литературных параллелей одной из самых устойчивых является формула «Хай Цзы – китайский Есенин». И с полной уверенностью можно говорить о том, что данное сопоставление далеко не носит произвольный характер и не пытается искусственно выявить у китайского поэтического материала русские литературные корни. Речь идет именно о сознательной ориентации одного творца на поэтическую традицию другого, подобно тому как Го Можо, побывав в музее В. Маяковского в Москве, пел славу своему кумиру («Поэт революции, великий сын атакующего класса! Давно известно твое имя китайцам, Голос твой ураганом донесся к нам через Центральную Азию, Ни горы, ни пустыни, ни моря Препятствием тебе не стали» [Федоренко: 47], а Ван Цзясинь посвятил своему любимому поэту стихотворения «Пастернак» и «Пастернаку. Варькинская баллада», где Ван Цзясинь признается, что чувствует поразительное родство душ с русским поэтом. Хай Цзы – автор цикла стихотворений «Сергей Есенин», где предметом поэтической рефлексии становится личность и творчество русского собрата, Хай Цзы напрямую заявляет о своем поэтическом родстве с Есениным, называя его «наш Сергей Есенин» и обозначая в заглавиях те основные параметры есенинского поэтического кода, которые стали для самого Хай Цзы творческими ориентирами («Деревенское облако», «Девушка», «Кукурузное поле», «Хмельная родина», «Путешествие скитальца», «Жизнь прервалась» и др.). Заметим, что судьба творческого наследия С. Есени-

на в Поднебесной неоднократно становилась предметом рассмотрения в работах китайских и российских ученых, и именно творчество Хай Цзы рассматривается китайскими литературоведами и российскими синологами как один из самых ярких и показательных примеров духовного и художественного влияния творчества Есенина на китайскую поэзию XX века, а выявление биографических и творческих перекличек между этими поэтами позволяют позиционировать фигуру С. Есенина как одну из важнейших в литературной генеалогии его китайского последователя и поклонника.

Хай Цзы 海子 (псевдоним Чжа Хайшэна 查海生) – один из ярких представителей китайской поэзии 1980-х гг. XX в. Хай Цзы родился 19 февраля 1964 года в крестьянской семье в уезде Хуайнин провинции Аньхой, все детство его прошло в сельской местности, в то время как всю страну охватила «культурная революция». Он учился в Пекинском государственном университете на юридическом факультете, работал редактором журнала при Китайском университете политологии и права, являлся создателем поэтического кружка «Звездная пыль», путешествовал по Тибету. Его творчество основывалось на традиционной китайской культуре в сочетании с элементами западного модернизма. При жизни Хай Цзы не получил широкого признания, однако после смерти его стихи приобрели огромную популярность. Биографические параллели между поэтами очевидны: оба родом из сельской местности, оба позже переехали в город, что стало для них причиной духовного кризиса, оба воспевали любовь к родной земле и деревне и болезненно воспринимали наступление современной «железной цивилизации», оба имели сложную любовную биографию, оба, переживая очередной душевный кризис, искали спасения и забвения в алкоголе и, наконец, оба умерли, закончив жизнь самоубийством в молодом возрасте (30-летний Сергей Есенин в декабре 1925 года повесился в гостинице «Англетер», 25-летний Хай Цзы 26 марта 1989 года бросился под поезд на горе Хай Гуань).

Исследуя систему есенинских реминисценций в стихотворениях Хай Цзы и выявляя общие для обоих поэтов мировоззренческие константы, исследователи преимущественно сосредотачивают внимание на таких мотивных и образных перекличках,

как тема деревни, философия природы и тема родины [Цыбикова; Ван Синьтун; Ковалева, Фу Сюеин, Эртнер; Ма Сюнь; 王兆玮; 张清华; 张清华; 林倩怡; 李一帅]; что касается поэтической семантики смерти, то во всех работах упоминается лишь одна точка соприкосновения, ставшая уже аксиоматической составляющей мифа Хай Цзы – самоубийства обоих поэтов в относительно молодом возрасте, тогда как именно поэтическая танатология является одним из наиболее значимых аспектов общности китайского и русского поэтов. Тема смерти в лирике Есенина и Хай Цзы сопряжена с целым комплексом типологически сходных мотивов, которые позволяют понять концепцию смертности, свойственную художественному миру обоих поэтов. По сути, творчество Есенина и Хай Цзы может восприниматься и рассматриваться как автоэпитафия, в которой как бы заранее запрограммирован ранний уход из жизни самого поэта. У обоих поэтов смертные образы появляются на протяжении всего творчества, даже в ранних стихотворениях, смерть является своего рода интегральной основой их поэзии, как бы переходя из текста в жизнь, реализуясь в финальной точке их собственного бытия. Захар Прилепин в своей книге «Есенин: обещающая встречу впереди» замечает, что «за 15 лет Есенин сочиняет целую антологию текстов о своей преждевременной, от собственных рук, смерти, о своих похоронах. В его поэтической жизни не было года, когда бы он хоть строкой о том не обмолвился» [Прилепин: 838]. В статье «Два типа образов смерти в стихотворениях Хай Цзы» китайские литературоведы Тан Линся и Ян Ходзюнь отмечают ту же тенденцию в творчестве Хай Цзы: «Смерть является темой стихов Хай Цзы, а образ смерти – это прямой канал для понимания темы стихов Хай Цзы» [谭玲霞, 杨厚均: 18] (здесь и далее перевод мой. – Е. Б.). Китайский литературовед Гао Бичжэнь в статье «Усталость, печаль и гений: комплекс смерти Хай Цзы» тоже определяет танатологическую установку как ключевую для понимания природы творчества Хай Цзы: «Хай Цзы – гениальный поэт, и его самоубийство привлекло внимание многих людей» [高碧珍: 36]. «Роман со смертью» Сергея Есенина и Хай Цзы – это проявление их жизнотворческой стратегии, глубинной зависимости между психофизиологической сущностью и жизнью творца – и поэтикой текста. Можно сказать, что структура жизни и творчества С. Есенина и Хай Цзы определяется танатологической установкой, в соответствии с которой жизнь автора-творца со временем все больше и больше падает в зависимость от смерти.

Прежде всего, значительное количество мотивных переключек между Есениным и Хай Цзы обнаруживается в системе общетанатологических мотивов, свойственных многим поэтам с трагическим мироощуще-

нием – это мотивы метафизической, духовной смерти, усталости от жизни, смертельной, опустошенности, имплицитно вводящие в лирический дискурс смертельную семантику, они вряд ли могут считаться уникальными для танатопэтики Хай Цзы и Есенина, поскольку носят универсальный характер и встречаются у многих русских поэтов, как классиков, так и представителей Серебряного века, хотя уже на этом уровне обнаруживаются почти буквальное текстовое совпадения. Ощущение бренности собственного бытия и известное есенинское «Все мы, все мы в этом мире тленны» почти буквально перекликается со строчками из стихотворения Хай Цзы «Родина»:

Среди творений богов только я самый бренный.

Мы не сопротивляемся скорости смерти [海子].

Есенинское ощущение бесцельно прожитой жизни, размышления о годах, «растроченных напрасно», горечь от того, что «так мало пройдено дорог, так много сделано ошибок» [Есенин 1: 195] звучит в стихотворении Хай Цзы «Родина»:

Мои годы были потрачены впустую, я был истощен

Годы быстротечны, капли не осталось, в капле лошадь

Лошадь мертва... [海子]

Есенинские настроения одиночества, страдания и разочарования в жизни («Я усталым таким еще не был...» [Есенин 1: 181] созвучны со многими стихотворениями такого же юного Хай Цзы, у которого это ощущение приобретает характер тотального пессимизма, как, например, в стихотворении «Сентябрь», в котором полевые цветы на лугах кажутся поэту «свидетелями смерти богов» и «сгущенными смертью» [海子], а разочарованный в жизни лирический герой Хай Цзы «пересекает луг один» (подобно тому, как есенинский стоит «один среди равнины голой»), и это одиночество имеет поистине космический характер, когда герой чувствует себя затравленным в мире, где свищет только сильный ветер, «луна, как зеркало, высоко над лугами, отражает тысячи лет» и рефреном звучит фраза: «Мое пианино рыдает, но слезы ушли» [海子].

Ощущение исчерпания всех жизненных тягот и невзгод, ощущение завершенности своего пути, звучащее во многих стихотворениях С. Есенина («На душе уже чувства остылые. Что прошло – не вернуть никогда» [Есенин 1: 234]), с предельной силой и обостренностью запечатлено в поэтической драме Хай Цзы «Солнце»:

Я терпел сильный огонь.

и терпел пепел.

Я дошёл до конца человечества [海子].

Однако при дальнейшем рассмотрении вариантов художественного воплощения смерти в творчестве С. Есенина и Хай Цзы обнаруживаются уже мотивные переключки иной природы – свойственные именно специфике их танатологического универсума.

Смерть в поэтическом сознании Есенина и Хай Цзы неразрывно связана с понятием родины, смерть мыслится только на родной земле. Ощущение неразрывной связи с родной землей в смерти мы встречаем у Есенина, например, в стихотворении «Устал я жить в родном краю...»:

И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.
Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят [Есенин 1: 139].

Этот же мотив является структурообразующим в одном из самых известных стихотворений Хай Цзы «Азиатская медь»:

Азиатская медь, азиатская медь,
Как мой дед и отец, я умру только здесь.
Только тут можно жизнь до конца полюбить.
Только здесь завещаю себя схоронить
[Азиатская медь...: 199].

Смерть для Хай Цзы – это не из ряда вон выходящее событие, а постоянно происходящее со всем и вся на земле, она обычна и обыденна. В стихотворении «Песня самоубийцы» лирический герой спокойно перебирает различные варианты суицида, предлагая опуститься на лезвие, «словно на клавиши рояля» или воспользоваться банальной веревкой («а еще есть веревка» [海子]). Смерть детализируется, обрастает множеством мелких бытовых подробностей, тем самым снимается страх перед ней. У Есенина тоже есть стихотворение с похожим названием «Исповедь самоубийцы», в котором, правда, речь идет не о реальном самоубийстве, а о тяжелом переживании поэтом своего переезда в Петербург, но тем не менее в этом стихотворении звучит мысль, которую мы обнаруживаем в поэзии Хай Цзы на протяжении всего его творческого пути – восприятие жизни как «песни смерти»: «А жизнь есть песня похорон. И вот я кончил жизнь мою, последний гимн себе пою» [Есенин 4: 136]. Заметим, что подобные же перечисления потенциально возможных вариантов самоубийства и различных орудий самоубийства и убийства достаточно частотны в есенинском поэтическом дискурсе:

Смерть в потемках точит бритву...
[Есенин 4: 219].
Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое.
Я на тебя, как на вора,
Спрятал в руках лезвие.
Рано ли, поздно всажу я
В ребра холодную сталь.
Нет, не могу я стремиться
В вечную сгнившую даль [Есенин 4: 137].

Мортальные образы и у Есенина, и у Хай Цзы не противопоставлены жизни, не вызывают ужас лирического героя, напротив, они органически вплетены в жизненную ткань, мирно уживаясь с бытовыми реалиями. У Хай Цзы смертоносная бритва уподобляется клавишам рояля, могила в высоких горах оказывается по соседству с «мирным домом», у Есенина в стихотворении «Узоры» «девушка рисует мертвых на поляне, на груди у мертвых – красные цветы» [Есенин 4: 81], а сам лирический герой спокойно констатирует: «День ушел, убавилась черта, я опять подвинулся к уходу» [Есенин 4: 148].

Важным аспектом танатопэтики Есенина и Хай Цзы является проблема соотношения жизни и смерти. Ни Есенин, ни Хай Цзы не воспринимают смерть как трагически неотвратимое событие. Ни у того, ни у другого мы не встретим оппозиции «жизнь – смерть»: оба этих явления неразрывно связаны, как бы растворены друг в друге, спокойно, естественно и органично сменяют друг друга, причем порой утрачивая линейность и выходя на кольцевое течение времени: смерть воспринимается как начало жизни и возрождения. Эта органичность и цикличность порождает в поэзии Есенина и Хай Цзы особую цепочку образов, сопрягающих в аспекте мортальности человека и природу и рассматривающих увядание и уход как закономерный и естественный процесс увядания природы. В стихотворении С. Есенина «Отговорила роща золотая...» такую концепцию хорошо иллюстрирует параллель между сменой времен года (осень и облетающие листья с березовой рощи) и «осенью» человеческой жизни, а лирический герой Хай Цзы «таинственной ночью» в «далекой степи» спокойно предается размышлениям о смерти («Я прервал свою жизнь в северной равнине, печальной и темной» [海子]), а в стихотворении «Лунный свет» он заворожено слушает слияние тихих голосов жизни и смерти:

Прекрасный лунный свет сегодня вечером...
Тихие голоса жизни и смерти
Я слушаю! [海子]

Именно природа становится у С. Есенина и Хай Цзы носителем как жизни, так и смерти, и отсюда частый и общий мотив в творчестве обоих поэтов: обращение к природе с просьбой о собственной смерти или с информацией о своей скорой кончине. Так, в стихотворении Хай Цзы «Я прошу дождь» поэт пишет: «Я прошу у дождя умереть ночью, Прошу утром встретиться с человеком, который меня похоронил», «Прошу у осени, чтобы следующий дождь омыл мне кости» [海子], а Есенин в стихотворении «Я усталым таким еще не был...» как бы передает миру послание о своей потенциально неизбежной кончине: «Я кричу им в весенние дали: «Птицы милые, в синюю дрожь Передайте, что я отскандалил...» [Есенин 1: 181].

Близким оказывается для Хай Цзы и такой есенинский смертельный мотив, как превращение в мертвеца при жизни. У Есенина он носит в большей степени метафорический характер: переживаемое им духовное старение – «сердце, тронутое холодком» [Есенин 1: 163] лишь изредка обретает телесные черты, когда духовная усталость оборачивается телесным разложением:

Не с того ли глаза мне точит
Словно синие листья червь?,,,
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет
Я устал себя мучить бесцельно.
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца

[Есенин 1: 181].

У Хай Цзы этот мотив приобретает фантастический характер и реализуется в жутком образе костей. Вариации этого образа в поэзии Хай Цзы весьма разнообразны: это могут быть кости лирического героя или всего человечества, это могут быть лирические микросюжеты «ломки костей» – самопроизвольной или совершаемой природными стихиями («Море ломает мои кости» [海子]). Во второй части «Поэмы смерти» он описывает себя после смерти и просит прибрать и очистить его кости:

Девушка, которую я вижу
Девушка в воде
Пожалуйста, очистите мои кости на пшеничном поле
Как связка тростниковых костей
положите его в ящик и принесите
то, что я могу видеть
Пожалуйста, приברי мои беспорядочные кости
[海子].

В стихотворении «Осень» вновь звучит эта просьба: «Покройте наши кости, лежащие на земле». В стихотворении «Солнце» возникает еще один устойчивый для танатологического дискурса Хай Цзы образ скелета:

Все еще жалко живу в мире
В эту безбрежную ночь –
Моя слепота и Цинь утешают тебя
А он, кто он?
Как улыбка скелета в моем сердце...

[海子]

Тема духовного омертвления представлена в лирике Хай Цзы в многочисленных образах насильственной и кровавой телесной деструкции: «Меня уже распилило время. Кровотечение с обоих концов меня, распиленного на куски», «Пять когтей держат сердце, танцующее на покрове моей головы и разрывающееся» [海子]. Порой даже лирический герой ощущает себя мертвецом и описывает, как он лежит в долине, залитой «весенним огнем» солнца, а по-

том наступает ночь, которую он сравнивает с «черной рекой», и вороны выклевают ему глаза: «Мне в глаза прилетели два ворона. Бескрайняя ночь вгоняет мне в глаза ночного ворона...» [海子]. Заметим, что подобные мотивы духовной и телесной энтропии, реализованные в смертельных образах костей и скелета, возникали и у Есенина, правда, в виде метафорических фигур, а не жутких телесных образов: в стихотворении «Ты прохладой меня не мучай...» лирический герой говорит о себе: «Я душой стал, как желтый скелет...» [Есенин 1: 49], в стихотворении «Сторона ль ты моя, сторона...» появляется образ «скелетов домов» [Есенин 1: 159], а в трагической «Балладе о двадцати шести» эти кости уже становятся частью фантастической картины посмертной жизни бакинских комиссаров:

Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плесень... [Есенин 2: 114].

Смерть настолько влечет лирических героев Хай Цзы и Есенина, что одним из частых лирических сюжетов становится описание собственных похорон и собственной посмертной жизни. У Есенина калейдоскоп подобных вариаций поистине неисчерпаем: в стихотворении «Свищет ветер под крутым забором»: «Пусть хоть ветер на моем погосте пляшет трепака...» [Есенин 4: 168], в стихотворении «В том краю, где желтая крапива...»: «Поведут с веревкою на шею Полюбить тоску [Есенин 1: 68], в стихотворении «Устал я жить в родном краю...»: «В зеленый вечер под окном На рукаве своем повешусь» [Есенин 1: 139]. В поэме «Пугачев» тоже появляется посмертный вариант самого себя: «Эта тень с веревкой на шее безмясой...» [Есенин 3: 49]. Особенно подробно реализован мотив собственных похорон в стихотворении «Метель»:

Себя усопшего
В гробу я вижу
Под аллилуйные
Стенания дьячка.
Я веки мертвому себе
Спускаю ниже,
Кладя на них
Два медных пяточка [Есенин 2: 148].

Хай Цзы в стихотворении «Родина» тоже моделирует ситуацию собственных похорон: «Я также хотел бы похоронить себя в окружающих высоких горах, Наблюдая за мирным домом», «Как слепа и пуста моя жизнь, как темно... Небо закрыто для тебя. Тебя похоронят в земле. Земля, к которой ты не можешь приспособиться» [海子]. Однако в творчестве Хай Цзы этот мотив собственной смерти и погребения, а также

посмертного существования представлен в ледящих душу физиологических подробностях. В первой части «Поэмы смерти» поэт вспоминает, как «в темную ночь был смех, который сломал доску моей могилы», в стихотворении «Дочери ночи» мотив погребения касается уже не только лирического героя, а распространяется на все человечество: «Люди, которые остаются в земле, похоронены глубоко» и постоянно присутствует даже в описаниях природы: «Вершины погребены теплыми дождевыми облаками» [海子], и это также перекликается с одной из характеристик есенинской образности: танатологическая метафорика в природных описаниях. Во многих стихотворениях С. Есенина природные описания приобретают мортальные характеристики. В стихотворении «Сорокоуст» – «Головой разможась о плетень, облилась кровью ягод рябина», в стихотворении «Мне грустно на тебя смотреть...» – «Как кладбище, усеян сад в берез изглоданные кости...» [Есенин 2: 81], в стихотворении «Я последний поэт деревни...» – «За прощальной стою обедней Кадящих листвою берез», «Догорит золотистым пламенем Из телесного воска свеча, И луны часы деревянные Прохрипят мой двенадцатый час» [Есенин 1: 136]. Подобные природные предвестники собственной смерти, «трупность» в природе, танатологические образы в природном мире часты и у Хай Цзы, один из ярких примеров – стихотворение «Июль не за горами»: «Поэтому лазание и переход по воде и смерть не за горами, Кости висят по всему моему телу, как ветви на голубой воде... Только жемчужина Цинхая Озеро остается трупом. Сумрачные воды...» [海子].

В контексте темы смерти в лирике и Есенина, и Хай Цзы часто встречается мотив самоотчуждения, отрыва от собственного тела. В стихотворении С. Есенина «День ушел, убавилась черта...» лирический герой сетует на то, что с каждым днем он становится «чужим и себе, и жизнь кому велела», а в финале возникает образ телесного разрыва: «Где-то в поле чистом, у межи, оторвал я тень свою от тела» [Есенин 4: 148]. У Хай Цзы в третьей части «Поэмы смерти» с подзаголовком «Сбор подсолнечника» возникает похожий мотив, сон здесь уподоблен смерти и орнаментирован описанием галлюцинаций, как лирического героя вытаскивают из собственного тела:

Человек, укравший корову дождливой ночью
украл меня из человеческого тела
Я все еще сплю
Меня вытащили из моего тела
Я думаю, что я красивый
Я все еще сплю... [海子]

Однако существенным различием в танатопэтике Есенина и Хай Цзы является то, что есенинское восприятие смерти – это в большей степени мироощущение, близкое порой смиренному, кроткому, по сути –

православному отношению к смерти. Мортальные образы возникают в его творчестве стихийно-органично, являясь маркерами душевных срывов и психологических кризисов, и вряд ли можно говорить о есенинской концепции смерти как рационального философского построения. В творчестве же Хай Цзы мы видим совершенно иную ситуацию, когда его танатопэтика оказывается основанной на особой философии, теории смерти. На формирование танатологической идеологии Хай Цзы большое влияние оказало его увлечение западной философией, в том числе М. Хайдеггером и Ф. Ницше, в мировоззрении которых тема смерти являлась одной из фундаментальных. С другой стороны, на философию смерти Хай Цзы большое воздействие оказала конфуцианская идеология и даосизм. Об этих философских ориентирах Хай Цзы пишут многие китайские исследователи. Лю Цзюньцзе в своей работе «Танец “Нирвана на стыке Востока и Запада” – признание “Азиатской меди” Хай Цзы» рассуждает о синтезе в танатологической философии Хай Цзы западной и восточной культуры: «Пересечение и столкновение восточных и западных концепций появилось в раннем творчестве – стихотворении “Азиатская медь”. В нем сочетаются западные темы смерти и образы китайской культуры, а описание смерти и возрождения через смерть мифологизирует его художественный мир» [刘俊杰: 45]. Сюй Даоцзюнь в статье “Иллюзорная смерть” и “Истинная смерть”. О философии смерти Хай Цзы» характеризует концепцию смерти Хай Цзы в аспекте даосизма: «Философия Хайцзы сформировалась из восстания и прорыва философии Лао-Цзы и Чжуан-цзы. С одной стороны, это воплощено как «сила дао», которое считает, что выживание всех вещей контролируется «тайной элементов», а процесс выживания – это процесс смерти, особенно это касается судеб гениальных поэтов, обреченных умереть молодыми. С другой стороны, он также считает, что трансформация «дао» и функция смерти и возрождения могут ускорить наступление возрождения посредством преднамеренной смерти» [许道军: 25]. С точки зрения конфуцианства смерть трактуется как наивысшая ценность жизни, она более важна, чем жизнь, она первичнее жизни. Именно смерть становится точкой, позволяющей обрести моральную целостность, определить критерии оценки своей жизни. В конфуцианстве налицо диалектическое единство жизни и смерти как частей единого целого; страх смерти невозможен, поскольку смерть является частью общего жизненного процесса. В даосизме утверждается: «Кто знает предел, тот не будет подвергаться опасности. Он может стать долговечным», «Человек при своем рождении нежен и слаб, а при наступлении смерти тверд и крепок» [Лао-Цзы: 74]. Чжуан-цзы говорит о том,

что жизнь и смерть – это судьба. А то, что они постоянно сменяются, как день и ночь, – это Небесный удел [Чжуан-цзы: 96]. «Приход жизни нельзя отвергнуть, ее уход нельзя остановить», – пишет Чжуан-цзы [Чжуан-цзы: 174]. Поскольку пересечение предела жизни и смерти неизбежно для человека, то тогда можно только соответствовать природе. Таким образом, рассматривая мотивные переклички С. Есенина и Хай Цзы в аспекте танатопэтики, необходимо учитывать различную природу этих мотивов: те устойчивые мортальные комплексы, которые в стихотворениях Есенина возникают фрагментарно и стихийно-органически, в поэзии Хай Цзы имеют серьезное философское обоснование. «Категория “смерть” в лирике ХайЦзы эстетически воплощается не только в рамках отдельных образов или мотивов, а на уровне мирозерцания как одна из ключевых духовных проблем, к разрешению которой поэт стремился все свое творчество.

Прежде всего, это мотив закольцованности рождения и смерти. В творчестве Хай Цзы он звучит, например, в стихотворении «В какой обуви я буду, когда проснусь завтра?»: «Я плакал несколько раз, когда родился. Другие плакали, когда я умер», «Нам нужна связь и сотрудничество со смертью» [海子]. Подобную связь рождения и смерти мы встречаем и в стихотворениях С. Есенина («Я пришел на эту землю, чтоб скорей ее покинуть» [Есенин 1: 39]), а в некоторых текстах появляется близкий Хай Цзы мотив обратного движения от смерти к рождению, как, например, в стихотворении «Там, где вечно дремлет тайна...»

Новый путь мне уготован
От захода на восток.
Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму [Есенин 1: 104].

Важнейшая позиция танатологической философии Хай Цзы – идея о том, что смерть является единственным и подлинным выходом для творца. В стихотворении «Осень» воссоздается фантазмагорическая картина, «когда наши кости распространяются по земле... длительность времени прервана, животный страх наполняет нашу поэзию», и лирический герой видит путь спасения себя и своей поэзии в смерти:

Пусть я иду до могилы,
Только там, лишь в ней,
Залечить все свои разбитые силы [海子].

Это стихотворение почти буквально перекликается с есенинским «Пребыванием в школе»:

Только и там я могу отдохнуть,
Позабить эти тяжкие муки,
Только лишь там не волнует грудь
И не слышны печальные звуки [Есенин 4: 29].

Смерть предстает у обоих поэтов как спасение – немного наигранное и позерское у двадцатилетнего

Есенина и абсолютно серьезное у столь же молодого Хай Цзы.

Поэзия питается смертью, право на смерть – это высшее счастье для подлинного творца. Смерть как прекращение физического существования для Хай Цзы есть начало новой жизни. В свою очередь жизнь воспринимается как своего рода «переходный этап», промежуточное состояние, которое нужно пройти, чтобы обрести высший смысл бытия. В стихотворении «Осень» поэт утверждает, что цель жизни человека – преодолеть вечность, лирический герой констатирует, что он давно потерял то, что нужно потерять, но еще не достиг того, «чего нужно достигнуть», поэтому смерть – это не конец подлинного бытия, а начало, исходная точка. В стихотворении «С нетерпением жду Цилян (Часть 1)» Хай Цзы рассуждает о вечной повторяемости смерти и о том, что поэт своим бытием и существованием обеспечивают жизнь всему сущему:

Это лошади, которые умерли в прошлом
Лошади, которые завтра умрут
Потому что я существую,
Они не умирают сегодня
Повторяемость смерти [海子]

Похожая мысль о том, что смерть ставит финальную точку в жизни творца, высший смысл и завершение жизни творца, обретшего истину, – смерть, звучит в стихотворении С. Есенина «Сторона ль ты моя, сторона...»:

Только сердце под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
«Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть» [Есенин 1:159].

Хай Цзы воспринимает смерть как высшее предназначение человека, когда «Слезы Бога и поток смерти сошлись» [海子]. Китайский литературовед Нью Цзинься называет эту установку танатологической концепции Хай Цзы «жизнь к смерти»: «Хай Цзы ясно осознал возможный обман и маскировку жизни и понял, насколько реальна и искренна смерть, поэтому начал сосредотачиваться на конструировании смерти. Жить навстречу смерти – это не сдаваться, а стремиться к истине, позволить жизни обрести более высокую форму» [牛金霞: 58].

Финальным аккордом в «романе со смертью» и «тексте жизни» обоих поэтов становятся произведения, окончательно обнажающие ключевые установки их танатологического дискурса. Это стихотворение китайского поэта «Весна. Десять Хай Цзы», написанное им в 1989 году, незадолго до смерти, и поэма Есенина «Черный человек», о замысле которой поэт говорил уже в 1922 году, но окончательный вариант был написан с 12 по 14 ноября 1925 года, примерно за месяц до самоубийства. В обоих произведениях представлены различные варианты суще-

ствования лирического героя в пространстве между жизнью и смертью. В стихотворении «Весна. Десять Хай Цзы» лирический герой – это «сын ночи, погруженный в зиму и преданный смерти, любящий смерть, он не в силах выбраться, он любит пустую и холодную сельскую местность» [海子], он пребывает в странном пространстве, где стираются все устойчивые ориентиры, все границы между днем и ночью, между сторонами света, где «ветер дует с востока на запад, с севера на юг, не обращая внимания на ночь и рассвет» [海子]. В поэме Есенина есть те же мотивы пустоты и осеннего холода или морозной зимы («То ли ветер свистит над пустым и безлюдным полем» [Есенин 3: 188]), и такие же признаки ирреальности пространства и времени, герой так же одинок («я один у окошка») и тоже «возникает ощущение, что герой стоит на зыбкой границе между жизнью и смертью. Соответственно, и Черный человек входит в необычную для этого вечно-го образа роль – он имитирует псаломщика, отпевающего мертвеца»: «Черный человек водит пальцем по мерзкой книге. И гнусава надо мной, как над усопшим монахом» [Лейдерман: 71]. В поэме С. Есенина «Черный человек» и стихотворении «Весна. Десять Хай Цзы» мы видим мотив двойничества в его мортальной ипостаси, и эта танатологическая аура сближает два этих стихотворения. В стихотворении Хай Цзы представлена фантазмагорическая картина воскресения десяти Хай Цзы, своего рода двойников лирического героя:

Весной все десять Хай Цзы воскресли
в ярком пейзаже

И они смеялись над этим угрюмым и грустным Хай Цзы,
Почему ты так долго спишь? [海子]

Лирический герой, пока еще остающийся на земле, глубоко несчастен и страдает, он испытывает дикую боль от мучительного разъединения со своими воскресшими ипостасями (ср. у Есенина: «Я очень и очень болен. Сам не знаю, откуда взялась эта боль»), он темный и печальный, а его двойники – умершие и воскресшие десять Хай Цзы, напротив, веселые, окрашены в яркие краски, они кружатся в безумном танце вокруг единственного оставшегося на земле собрата, упрекают его в неоправданно долгом сне (у Есенина Черный человек тоже не дает спать лирическому герою):

Весной десять Хай Цзы тихонько ревут
танцуют и поют вокруг вас и меня
рвут ваши черные волосы, катаются на вас
и улетают, пыль летит
Боль от вашего раскола пронизывает всю землю.
Весной остался только этот, последний из них –
дикий и мстительный Хай Цзы [海子].

Черный человек нагоняет «на душу тоску и страх», десять Хай Цзы, напротив, вселяют в угрюмого и му-

чающегося героя надежду на грядущий рассвет смерти и воскресения, воскресшая часть души поэта смеется над тем земным поэтом, который устал от жизни и ничему не радуется. Жизнь представляется герою Хай Цзы как холодная зима и как томительная и беспросветная ночь, а само воскресение десяти Хай Цзы происходит весной и на рассвете. И так же, на рассвете («...Месяц умер, синее в окошко рассвет»), лирический герой Есенина осознает, что он стоит в цилиндре, который был раньше надет на «черном человеке» перед разбитым зеркалом и что страшный разговор герой вел с самим собой. «В конце поэмы слова об одиночестве повторяются: «Никого со мной нет. Я один...», но финальная реплика героя говорит уже не об ожидании спасителя, а о стремлении самому освободиться от «"черного" кошмара» [Пономарева: 77].

Хай Цзы воспринимает смерть как возрождение, как единственно возможный выход для подлинного творца, утверждая счастье смерти и счастье воскресения. В случае с Есениным вряд ли можно трактовать его отношение к смерти как надежду на воскресение, хотя в его поэзии звучали сходные мотивы, причем не только в его последнем стихотворении («Предназначенное расставанье обещает встречу впереди»), но и в более раннем творчестве, например в стихотворении «По-осеннему кичет сова...»:

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.
Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте [Есенин 1: 150].

В контексте «Черного человека», называемого критиками то беспощадным судом совести, то реквиемом, то панихидой по самому себе, смерть предстает, скорее, как освобождение. Во всяком случае, «Черный человек», как и «Весна. Десять Хай Цзы» – это произведения, представляющие собой итоговую саморефлексию обоих поэтов, очищающие, освобождающие их от всего неподлинного, суетного и ненужного и, что не менее важно, высвечивающие, обнажающие магистральный вектор уже написанного «текста жизни» и предстоящего «текста смерти». Не случайно, рассказывая о своей встрече с Есениным за две недели до его смерти, Н.Н. Асеев писал: «В тот вечер он читал „Черного человека“... <...> ...передо мной вставал другой облик Есенина, не тот, общеизвестный, с одинаковой для всех ласковой улыбкой, не то лицо „лихача-кудрявича“ с русыми кудрями, а живое, правдивое, творческое лицо поэта, умытое холодом отчаяния, внезапно просвежившее от боли и страха перед вставшим своим отражением...» [Асеев: 174–175].

И, наконец, наверное, самое убедительное обоснование легитимности установления литературно-

го родства С. Есенина и Хай Цзы в аспекте танатологической поэтики – это последнее стихотворение из цикла Хай Цзы «Поэт Есенин», названное им «Жизнь прервалась»:

В тихом городе
Где гречихи горчит аромат
Дай расстанемся
И с Есениным кротко ты уйдешь в листопад <...>
Распрощайся
С тем Есениным
Он свою кожу содрал
Он угробил себя
Промотал растоптал
Ради песен волшебных
Навылет навзрыд <...>
Дай расстанемся
Похорони под сосной
Со стихами — себя
Словно пальчики той
Для которой звучал мой незрелый сонет
Хмель гречихи исчез
Ни дурмана
Ни горечи нет

[Азиатская медь: 216].

В финальном стихотворении цикла Хай Цзы как бы представляет свою интерпретацию смерти Есенина. Смерть его трактуется Хай Цзы как «кроткий уход» в органический природный мир, а сам Есенин предстает чуть ли не мучеником, посвятившим себя поэзии и пожертвовавшим ради нее жизнью, что напрямую соотносится с тем биографическим мифом, который сложился вокруг фигуры Хай Цзы после его смерти [Van Crevel: 108]. Хай Цзы как бы прочитывает текст жизни С. Есенина по своему собственному поэтическому коду, выделяя те мировоззренческие и творческие константы, в соответствии с которыми он творил свой текст жизни и текст смерти, не случайно в другом стихотворении этого же цикла он называет себя «умерший вновь поэт Есенин» [Азиатская медь: 212]. Стихотворение Хай Цзы «Жизнь прервалась» оказывается и своего рода призмой для реинтерпретации жизни и творчества Есенина в рамках танатологической парадигмы «китайского Есенина», и важнейшим актом семиотизации собственной жизни и творчества, когда самоубийство позиционируется как финальное высказывание, как достижение поэтического абсолюта и рождение «чистого стиха», поскольку для того, чтобы стать подлинно великим поэтом, нужно пожертвовать собой ради творчества. И этот уход из жизни не воспринимается как трагическое событие, напротив, он знаменует собой освобождение от «дурмана и горечи», когда горький аромат и «хмель гречихи» исчезают в тихом городе под тихий аккомпанемент есенинского листопада.

Таким образом, рассмотрение поэтического диалога Хай Цзы и С. Есенина с точки зрения танатологической поэтики позволяет представить творчество обоих поэтов как разработку различных вариаций танатологической поэтики с целью достижения абсолютной самоидентификации путем синтеза «Я» – смерти – искусства. Категория смерти становится интегральной основой всего творчества С. Есенина и Хай Цзы, что в конечном итоге приводит к осознанию и обоснованию собственного отношения к смерти как онтологической, эпистемологической и аксиологической основы жизни и творчества.

Библиографический список

Азиатская медь: Антология современной китайской поэзии / сост. Лю Вэньфэй. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 256 с.

Асеев Н.Н. Дневник поэта: сборник статей. Ленинград: Прибой, тип. Печатный двор Гос. изд-ва, 1929. 227 с.

Болдырева Е.М. Российско-китайский культурный диалог: Го Можо – «китайский Маяковский» // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 169–182.

Ван Синьтун. С.А. Есенин и китайский поэт Хай Цзы: биографические и творческие параллели // Современное есениноведение. 2017. № 2. С. 14–18.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука: Голос. Т. 1: Стихотворения / подгот. текстов и коммент. А.А. Козловского; науч. ред. А.М. Ушаков, 1995. 671 с.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука: Голос, 1997. Т. 2: Стихотворения: (Маленькие поэмы) / подг. текста и коммент. С.И. Субботина. 464 с.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука: Голос, 1998. Т. 3: Поэмы / сост. и подг. текстов Н.И. Шубниковой-Гусевой, коммент. Е.А. Самоделовой, Н.И. Шубниковой-Гусевой, 720 с.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука: Голос, 1996. Т. 4: Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений» / сост., подгот. текста и коммент. С.П. Кошечкина, Н.Г. Юсова, 544 с.

Ковалева Р.М., Фу Сюеин. Есенинский код лирики Хай Цзы // Белорусско-китайский культурный и образовательный диалог: история, современное состояние, перспективы: сборник научных статей / под науч. ред. Н.Н. Хмельницкого. Минск: РИВШ, 2017. С. 62–69.

Лао-Цзы. Дао Дэ Цзин / пер. с кит. А.В. Волкотрובה; коммент. Патриарха чань-буддизма Хань-шань Дэцина. Чита: Экспресс-Издательство, 2018. 208 с.

Лейдерман Н.Л. «Совестной суд» (о поэме С. Есенина «Черный человек») // Филологический класс. 2007. № 1 (17). С. 70–73.

Ма Сюнь, Эртнер Д.Е. Метафорические модели и символизация в поэзии С. Есенина и Хай Цзы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3. № 2. С. 32–44.

Пономарёва Т.А. Принцип зеркальности в поэме С. Есенина «Черный человек» // Современное есениноведение. 2009. № 10. С. 75–78.

Прилепин Захар. Есенин: обещающая встречу впереди. М.: Молодая гвардия, 2020. 1029 с.

Федоренко Н.Т. Поэтическое творчество Го Можо // Вопросы литературы. 1958. № 8. С. 26–49.

Цыбикова В.В. Основные художественные образы в творчестве китайского поэта Хай-цзы (1964–1989) // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер.: Востоковедение. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. Вып. 8. С. 209–213.

Чжуан-цзы. Ле-цзы: пер. с кит. / вступ. ст. и примеч. В.В. Малявина. М.: Мысль, 1995. 439 с.

Van Crevel M. Chinese Poetry in Times of Mind, Mayhem and Money. Leiden, BRILL, 2008. 537 p.

海子诗选. URL: <https://shigeku.org/shiku/xs/haizi.htm> (дата обращения: 24.07.2021)

谭玲霞, 杨厚均. 海子诗歌死亡意象的两种类型 [J]. 汉字文化. 2018 (18)

许道军. “幻象的死亡”和“真正的死亡”——论海子的死亡哲学 [J]. 巢湖学院学报. 2004 (05)

刘俊杰. 东西交汇下的涅槃之舞——海子《亚洲铜》赏析 [J]. 名作欣赏. 2014 (14)

牛金霞. 海子诗歌中的“向死而生” [J]. 湖南广播电视大学学报. 2017 (04)

高碧珍. 疲倦、忧伤和天才——论海子的死亡情结 [J]. 楚雄师范学院报. 2006(02)

陈连锦. 海子的死亡意识 [J]. 楚雄师范学院学报. 2010(07)

燎原. 海子评传. 北京: 中国戏剧出版社. 2011. 313 页

王兆玮. “麦子”与“白桦”: 海子与叶赛宁的诗歌创作对比 [J]. 文学教育(上), 2020 (09):115-117.

张清华. 村庄·土地·大地·原乡: 海子诗歌的基本母题与美学根基 [J]. 文艺争鸣, 2019 (06):145-155.

张清华. 一次性写作, 或伟大诗歌的不归路: 解读海子的前提 // 文艺争鸣. 2019. 第3期.

林倩怡. 海子与叶赛宁乡村诗歌对比研究 [J]. 文学教育(上), 2019 (05): 132-133.

张瑞云. 海子与叶赛宁的诗歌创作思想比较 [D]. 苏州大学, 2013.

李一帅. 青春·大地·呼唤——解读叶赛宁与海子自然诗审美思想 [J]. 中国青年政治学院学报, 2008 (03): 105-107.

Vostokovedenie Publ., 2007, 256 p. (In Russ.)

Aseev N.N. *Dnevnik poeta: sbornik statei* [The poet's Diary]. Leningrad, Priboi Publ., 1929, 227 p. (In Russ.)

Boldyreva E.M. *Rossiisko-kitaiskii kul'turnyi dialog: Go Mozho – “kitaiskii Maiakovskii”* [Russian-Chinese cultural dialogue: Guo Mojo – “Chinese Mayakovsky”]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2020, № 4 (115), pp. 169–182. (In Russ.)

Van Sin'tun. S.A. *Esenin i kitaiskii poet Khai Tszy: biograficheskie i tvorcheskije paralleli* [Yesenin and the Chinese poet Hai Zi: biographical and creative parallels]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yesenin studies], 2017, № 2, pp. 14–18. (In Russ.)

Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 tomakh*. [The complete collection of works: in 7 vols.]. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995. T. 1: *Stikhotvoreniia* [Vol. 1: Poems], 671 p. (In Russ.)

Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 tomakh* [The complete collection of works: in 7 vols.]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1997. T. 2. *Stikhotvoreniia: (Malen'kie poemy)* [Vol. 2: Poems (small poems)], 464 p. (In Russ.)

Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t.* [The complete collection of works: in 7 vols.]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1998. T. 3: *Poemy* [Vol. 3: Poems], 720 p. (In Russ.)

Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 tomakh* [The complete collection of works: in 7 vols.]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1996. T. 4: *Stikhotvoreniia, ne voshedshie v “Sobranie stikhotvoreniia”* [Vol. 4: Poems that were not included in the Collection of poems], 544 p. (In Russ.)

Kovaleva R.M., Fu Siuein. *Eseninskii kod liriki Khai Tszy* [Yesenin's code of the lyrics of Hai Zi]. *Belorussko-kitaiskii kul'turnyi i obrazovatel'nyi dialog: istoriia, sovremennoe sostoianie, perspektivy: sbornik nauchnykh statei* [Belarusian-Chinese cultural and educational dialogue: history, current state, prospects: collection of scientific articles]. Minsk, RIVSh Publ., 2017, pp. 62–69. (In Russ.)

Lao-Tszy. *Dao De Tszin* [Tao Te Ching], trans. by A.V. Volkotrubov, komment. Patriarkha chan'-buddizma Khan'-shan' Detsina. Chita, Ekspress Publ., 2018, 208 p. (In Russ.)

Leiderman N. L. “Sovestnoi sud” (o poeme S. Esenina “Chernyi chelovek”) [“The Conscientious Court” (about the poem by S. Yesenina “The Black Man”)]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2007, № 1 (17), pp. 70–73. (In Russ.)

Ma Siun', Ertner D. E. *Metaforicheskie modeli i simbolizatsiia v poezii S. Esenina i Khai Tszy* [Metaphorical models and symbolization in the poetry of S. Yesenin and Hai Zi]. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia* [Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies], 2017, vol. 3, № 2, pp. 32–44. (In Russ.)

References

Aziatskaja med': Antologija sovremennoj kitajskoj poezii [Asian Copper: Anthology of Modern Chinese Poetry], comp. Lju Vjen'fjej. Sankt-Peterburg, Peterburgskoe

Ponomareva T.A. *Printsip zerkal'nosti v poeme S. Eсенина "Chernyi chelovek"* [The principle of mirroring in the poem with. Yesenina "The Black Man"]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yesenin studies], 2009, № 10, pp. 75–78. (In Russ.)

Prilepin Zakhar. *Esenin: obeshchaia vstrechu vpere-di* [Yesenin: promising a meeting ahead]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2020, 1029 p. (In Russ.)

Fedorenko N.T. *Poeticheskoe tvorchestvo Guo Mojo* [Poetic creativity of Guo Mojo]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 1958, № 8, pp. 26–49. (In Russ.)

Tsybikova V.V. *Osnovnye khudozhestvennye obrazy v tvorchestve kitaiskogo poeta Khaitszy (1964–1989)* [The

main artistic images in the works of the Chinese poet Hai Zi (1964–1989)]. *Vestnik Buriatskogo gosuniversiteta. Ser.: Vostokovedenie* [Bulletin of the Buryat University. Oriental Studies Series], 2009, vol. 8, pp. 209–213. (In Russ.)

Chzhuan-tszy. *Le-tszy* [Letzu]; translation from Chinese, introductory article and notes by V.V. Malyavin. Moscow, Mysl' Publ., 1995, 439 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.05.2021; одобрена после рецензирования 19.09.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 14.05.2021; approved after reviewing 29.09.2021; accepted for publication 12.11.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 162–167. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 162–167. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(410.1).09”20”

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-162-167>

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ АНДРЕА ЛЕВИ «МАЛЕНЬКИЙ ОСТРОВ»

Илунина Анна Александровна, кандидат филологических наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, Воронеж, Россия, ailunina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3871-7555>

Аннотация. Целью данной статьи было выявить, каким образом интертекстуальность в романе современной британской писательницы Андреа Леви «Маленький остров» способствует репрезентации постколониальной проблематики. Для решения задач исследования нами были применены культурно-исторический, сравнительный, биографический методы литературоведческого анализа. В статье рассматривается, как обращение к стихотворению У. Уордсворта «Нарциссы» позволяет современной писательнице подвергнуть критике англизированную систему и содержание обучения в колониях, которое становится проводником доминирующего, западного дискурса. Отсылка к «Унесенным ветром» помогает Леви продемонстрировать, как стереотипизация образов чернокожих в текстах культуры подчеркнуто остро воспринимается ее темнокожей героиней. Обращение к стихотворению А. Теннисона «Атака легкой кавалерии» и, через него, к поэме Р. Киплинга «Последние из летучей бригады», к речи У. Черчилля служит в «Маленьком острове» целью напомнить о незаслуженно, по мысли современной писательницы, забытом вкладе коренных жителей колоний в дело защиты территории Британии во Второй мировой войне и послевоенном восстановлении страны.

Ключевые слова: интертекстуальность, современная британская литература, мультикультурализм, постколониализм.

Для цитирования: Илунина А.А. Интертекстуальность в романе Андреа Леви «Маленький остров» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 4. С. 162–167. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-162-167>

Research Article

INTERTEXTUALITY IN ANDREA LEVY'S NOVEL “SMALL ISLAND”

Anna A. Ilunina, Candidate of Philological Sciences, Voronezh State Forest Engineering University named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia, ailunina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3871-7555>

Abstract. The purpose of this article was to identify how intertextuality in the novel “Small Island” (2004) by the British writer Andrea Levy (1956–2019) contributes to the representation of postcolonial issues. To solve the research problems, we applied cultural-historical, comparative, biographical methods of literary analysis. The article considers how to appeal to the poem “Daffodils” by William Wordsworth allows the contemporary writer to criticise the anglicised system and the content of education in the colonies, which becomes the conductor of the dominant, Western discourse. The reference to “Gone with the Wind” helps Levy demonstrate how the stereotyping of images of blacks in cultural texts is pointedly acutely perceived by her dark-skinned heroine. An appeal to the poem “The Charge of the Light Brigade” by the Lord Tennyson and, through it, to Rudyard Kipling’s poem “The Last of the Light Brigade”, to the speech of Winston Churchill, serves in “Small Island” to recall the undeservedly, according to Levy, forgotten contribution of the indigenous inhabitants of the colonies to the protection of British territory in World War II and the post-war reconstruction of the country.

Keywords: intertextuality, contemporary British literature, multiculturalism, postcolonialism.

For citation: Ilunina A.A. Intertextuality in Andrea Levy’s novel “Small Island”. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 162–167 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-162-167>

Писательница Андреа Леви / Andrea Levy (1956–2019) родилась в Британии, однако ее родители были выходцами из Карибского региона. Отец Андреа приплыл в Британию с Ямайки в 1948 году на знаменитом «Эмпайр Уиндраш» («HTM Empire Windrush») – пассажирском лайнере, перевезшем в Соединенное Королевство первую крупную (порядка 600 человек) группу иммигрантов из Вест-Индии, ее мать переехала годом позднее. Послевоенной Британии нужна была дешевая рабочая сила; выходцы с Карибов, в свою очередь, мечтали воплотить мечту о безбедной и благополучной жизни в метрополии.

К литературному творчеству Леви пришла во второй половине 1980-х, после смерти отца. По собственному признанию, ей хотелось лучше понять и почувствовать свои корни. С 1989 г. в течение семи лет она посещала класс творческого письма в одном из университетов Лондона.

Первый роман писательницы долго отказывались печатать, опасаясь, что, написанный чернокожей британкой, он не найдет своего читателя среди «белого» большинства жителей Британии. Однако Леви удалось доказать: то, что издатели считали ее недостатком, на самом деле является ее достоинством. Она – одна из первых в британской литературе – привнесла в прозу «женский» опыт взросления мигранта, оттенок кожи которого отличается от цвета кожи титульной нации и вследствие этого, наряду с иными причинами, социально и культурно депривированного. Первый роман Леви «В доме горят все свечи» / «Every Light in the House Burnin'» (1994) все-таки привлек внимание критики и публики. Второй – «Никогда недалеко от ниоткуда» / «Never Far from Nowhere» (1996) – был даже номинирован на премию «Оранж» (Orange Prize for Fiction). Оба произведения насыщены автобиографическими мотивами. Первое в жизни посещение Андреа Леви Ямайки дало ей материал для третьего романа под названием «Fruit of the Lemon» / «Вкус лимона» (1999), который, так же как предыдущие произведения писательницы, можно отнести к жанру романов о взрослении.

Роман «Маленький остров» / «Small Island» (2004) сначала был достаточно сдержанно встречен публикой, однако после того, как он удостоился сразу трех важнейших литературных премий – «Оранж», писателей Содружества и Уитбредовской премии за лучшую книгу года – быстро стал национальным и мировым бестселлером. Книга также была названа жюри премии «Оранж» лучшей в числе победителей последних десяти лет (Orange Best of the Best) (ныне Women's Prize for Fiction). Впоследствии роман был переведен на двадцать два языка, а в 2009 г. экранизирован BBC при участии признанных британских

кинозвезд, таких как Бенедикт Камбербетч, Рут Уилсон, Наоми Харрис.

Культурную и социально-политическую значимость книги демонстрирует, например, то, что в 2007 г. в рамках празднеств, посвященных двухсотлетию отмены рабства на территории Британской империи, в Ливерпуле, Бристоле, Глазго и Хале – городах страны, наиболее тесно в прошлом связанных с работорговлей, – прошли массовые чтения и обсуждения романа «Маленький остров», выставки, мастерские, круглые столы; более пятисот бесплатных копий книги были распространены среди жителей северо- и юго-западной Англии, пятьдесят тысяч копий – переданы библиотекам, школам, общественным центрам по всей стране. В общей сложности при поддержке государственных и коммерческих организаций было проведено более ста мероприятий, целью которых, по мысли организаторов, было «объединить разрозненные части общества в процессе чтения и тем самым способствовать формированию чувства общей идентичности» [Small Island Read], привлечь внимание широких слоев населения к не потерявшим свою актуальность вопросам расизма и ксенофобии, истокам формирования британского мультикультурного общества, которые исследуются в книге Леви.

Творчеству Леви, в частности роману «Маленький остров», уже посвящен ряд работ зарубежных литературоведов [Muñoz-Valdivieso; Andermahr], однако в статьях отечественных ученых писательница в основном лишь упоминается мельком в числе других британских писателей – мультикультуралистов и создателей так называемого «лондонского текста» [Джумайло: 181; Толкачев: 101]. Особый интерес зарубежных ученых вызывали воплощение в произведении Леви тем культурной памяти, травмы, гибридной мигрантской идентичности. Хотя некоторые «точечные» исследования в области интертекстуальных связей романа «Маленький остров» уже предпринимались в вышеназванных статьях, в своей работе мы ставим целью уточнить, каким образом интертекстуальность в романе способствует репрезентации постколониальной проблематики. Для решения задач исследования нами были применены культурно-исторический, сравнительный, биографический методы литературоведческого анализа.

Действие романа «Маленький остров» разворачивается в том самом 1948 г., когда отец самой писательницы прибыл в Великобританию. Повествование попеременно ведется от лица четырех рассказчиков: Гортензии Джозеф (в девичестве Робертс), Гилберта Джозефа, Квинни (Виктории) Блай и Бернарда Блая. Гортензия, выучившаяся на учительницу молодая темнокожая уроженка Ямайки, переехала в Лондон вслед за своим мужем, тоже уроженцем Ямайки Гилбертом, который во время Второй мировой войны

служил в авиации Соединенного Королевства. Мечтой девушки, как и почти всех ее соучениц, было поселиться в Великобритании, которая виделась ей, никогда в жизни там не бывавшей, «землей обетованной»; она вышла за Гилберта в основном потому, что он мог способствовать воплощению ее мечты. Более того, поскольку у молодого человека не было денег на переезд, она сама их ему дала в обмен на жень-тубу и шанс иммигрировать. В Лондоне молодая пара снимает комнату в доме Квинни, небогатой представительницы английского рабочего класса. Ее супруг, коренной англичанин Бернард Блай, так же как Гилберт, служил в Королевских воздушных силах. В отличие от Квинни, которая с теплотой относится к мигрантам, ее муж негативно настроен как по отношению к переселенцам, так и в целом к идее миграции жителей колоний в метрополию. В Англии Гортензия и Гилберт сталкиваются с проблемами расизма, ксенофобии, трудностями при поисках работы и съеме жилья. В романе звучит тема вынужденного дауншифтинга, сопряженного с миграцией. Мечтавший об университетском образовании Гильберт вынужден работать в пекарне, Гортензия не может получить желанную работу учительницы. Читатель наблюдает за тем, как идиллические представления Гортензии об Англии, почерпнутые из школьных уроков по литературе, истории и географии, сталкиваются с суровой реальностью послевоенной Британии. Гортензия с предубеждением и снисходительностью относится к Квинни, считая ее малообразованной; в то же время и доверие Квинни мигрантам не безоговорочно: как многие белые, она, отчасти на подсознательном уровне, тоже свысока, патерналистски относится к выходцам из колоний. Забеременев и родив темнокожего ребенка от двоюродного брата Гортензии, Майкла Робертса, она не находит в себе мужества оставить его и передает на воспитание Джозефам. Гортензия, в свою очередь, гордится тем, что ее кожа не такая черная, как у большинства ее соплеменников, видя в этом свое преимущество. Таким образом, самосознание и мировосприятие героини романа раскрывается через сложную систему осознанных и неосознанных ими привилегий и ограничений, в том числе внутренних; расовых и культурных предрассудков.

В романе, как и в других произведениях Леви, много автобиографических моментов. Родителям писательницы, выходцам из среднего класса Ямайки, в Британии пришлось опуститься на несколько ступенек ниже в социальной иерархии. Так, ее мать Эми, как и Гортензия в романе, была на Ямайке учительницей, однако из-за расистских предрассудков того времени в Англии ей пришлось работать швейей. Впрочем, несмотря на трудности, ей удалось впоследствии закончить курс Открытого универси-

тета в Лондоне и вернуться к преподаванию. Отцу Леви, служившему на Ямайке бухгалтером, по приезде в Британию, как и герою романа «Маленький остров», пришлось работать на почте [Young].

Жители колоний в романе Леви привыкли считать себя детьми матери-Великобритании (mother country). Отношения Квинни (настоящее имя героини – Виктория, что, особенно в сочетании с прозвищем, отсылает к имени королевы Виктории, одного из самых известных монархов в истории страны, за время правления которой окончательно сформировалась и окрепла колониальная система) с мигрантами в романе становятся метафорой отношений островной Британии с колониями: подобно Квинни, Британия в 1940-х привлекла жителей колоний, но не смогла стать им настоящей матерью (см.: [Muñoz-Valdivieso]).

Свое детство Гортензия, незаконнорожденная дочь ямайского чиновника, провела в семье родственников своего отца. Ее родная бабушка со стороны матери, мисс Джувел, работала в их доме служанкой, при посторонних называя Гортензию «мисс». В детстве девочка много проводит с ней времени, хочет научить ее «говорить по-английски правильно, как сам король Англии, а не так грубо, как говорят в этой стране» («Miss Jewel, I told her, ‘you should learn to speak as the King of England does. Not in this rough country way») [Levy: 9], и однажды декламирует ей известное стихотворение Уильяма Вордсворта / William Wordsworth (1770–1850) «Нарциссы» / «The Daffodils» (1804), выученное на занятиях в школе: «I wandered lonely as a cloud // That floats on high o’er vales and hills // When all at once I saw a crowd // A host, of golden daffodils» («Печальным реял я туманом // Среди долин и гор седых, // Как вдруг очнулся перед станом, // Толпой нарциссов золотых») [Wordsworth]). Мисс Джувел не может понять, что такое нарциссы, и переинтерпретирует текст стихотворения с использованием ямайского креольского диалекта: «Ah walk under a cloud and den me float over de ill. An’me see Miss Hortense a look de daffodil dem» [Levy: 9].

В статье С. Муньез-Вальдивезо [Muñoz-Valdivieso] эта интертекстуальная отсылка связывается с критикой англизированной системы и содержания обучения в колониях, которое становится проводником доминирующего, западного дискурса. Действительно, идиллический образ Англии, которым была очарована юная Гортензия, сложился у нее под влиянием образования, полученного в местной школе и оторванного от реалий жизни как в Карибском бассейне, так и настоящей Британии. Ученики почти не получают сведений об истории своей «малой родины», а если и получают, то отрывочные и описывающие факты в подчеркнуто негативном ключе, в отличие от «прекрасной» Англии. Отметим, что тема культурного господства как одного из оснований господства поли-

тического стала предметом анализа еще в работах французского философа М. Фуко [Фуко: 19] и является одним из объектов постколониальных исследований.

Тут следует пояснить, что «Нарциссы» Уордсворта задолго до появления на страницах романа Леви стали символом колониального образования и, шире, колониального властного давления (подробнее см.: [Wellberry]). Еще в сборнике эссе 1962 г. «Средний путь. Карибское путешествие» («The Middle Passage. Carribean Revisited») В.С. Найпол упоминает о кампании в Тринидаде против использования этого стихотворения в учебном процессе в местных школах на основании того, что его сюжет сложно понять и прочувствовать младшим школьникам, потому что на Карибах не растут нарциссы. Хотя В.С. Найпол скорее выступает на страницах своей книги как противник этого движения, в дальнейшем в творчестве карибских писательниц Джамайки Кинкайд (Jamaica Kincaid) (род. 1949) («Люси» («Lucy») (1990)), Мишель Клифф (Michelle Cliff) (1946–2016) («Абенг» («Abeng») (1984)) это стихотворение Уордсворта становится знаком «английского литературного империализма» [Chamberlain: 153]. Новозеландский поэт и прозаик Альберт Вендт (Albert Wendt) (род. 1939) утверждал, что его использование в педагогической практике в колониальном образовании в его стране служило распространению идеи, что у маори нет культуры и литературы, достаточно ценной для изучения, что задача «правильного туземца» состоит только в том, чтобы ассимилировать универсальную английскую культуру [Wendt: 28]. Вендт считал этот процесс губительным для национальной и культурной идентичности коренных жителей Новой Зеландии.

Однако вернемся к роману Леви, в котором «Нарциссы» тоже предстают, прежде всего, как знак превосходства английской культуры, насаждаемой в колониальном образовании. Следует добавить, что Уордсворт, признанный мастер пейзажной лирики, был убежденным противником урбанизации, и в его стихах не найдешь изображений города – только пасторальные ландшафты. На этом фоне индустриальный послевоенный Лондон, не вполне еще «оправившийся» после бомбежек, в который переезжает Гортензия, производит на нее угнетающее впечатление, ведь это совсем не та Англия, о которой ей рассказывали.

Работая по дому, мисс Джувел напевает, переиначивая слова известного английского рождественского гимна «Когда пастухи пасли овец в ночи» («While shepherds watched their flock at night»), услышанного от внучки, на «Mr Roberts wash him sock tonight». Как и в случае с нарциссами, в ответ на протесты девочки она напоминает внучке, что на Ямайке нет ни овец, ни пастухов, ни шерсти.

В отличие от Гортензии, которая во всем стремится уподобиться англичанке, «мимикрировать», мисс Джувел иронично переиначивает претексты, подвергая их авторитет сомнению, во многом интуитивно подрывая тем самым колониальный дискурс, выразителем которого они в данной ситуации являются.

Когда Квинни понимает, что вот-вот родит ребенка, она просит Гортензию о помощи, однако та в испуге отказывается. Миссис Блай убеждает ее не волноваться, говоря, что той просто следует все делать, как Присси в сцене родов Мелани в «Унесенных ветром». Гортензия возмущена: ей кажется неуместным сравнение ее, образованной женщины, которой она себя считает и, безусловно, каковой является, с глупенькой девочкой-рабыней. Ей кажется, что, упоминаемая «Унесенные ветром», Квинни мнит себя богатой белой госпожой.

«Унесенные ветром» являются одним из, безусловно, знаковых для рабовладельческого нарратива литературно-кинематографических текстов, который в современном культурном контексте все чаще рассматривается как апофеоз патернализма в отношении рабов, романтизации роли «белых господ». Например, в 2020 г. популярный стриминговый сервис HBO Max изъясил из своей коллекции «Унесенных ветром». Решение было вызвано, в частности, публичным обращением к общественности в издании «Los Angeles Times» Джона Ридли, режиссера фильма «Двенадцать лет рабства» («12 Years a slave»). Ридли писал, что «Унесенные ветром» – «это фильм, который игнорирует ужасы рабства и продвигает самые болезненные стереотипы относительно цветных» [Gajanan]. Решение администрации HBO вызвало дискуссию в американском обществе, которая вскоре приобрела интернациональный характер. Большинство в западном культурном и политическом истеблишменте высказывалось против запрета, однако за то, чтобы в начале XXI века воспринимать «Унесенные ветром» с учетом всей «противоречивости их наследия» [Gajanan], в широком социальном контексте аболиционистского движения XIX века и продолжающейся до настоящего времени борьбы за права цветных.

Как видно, обращение к «Унесенным ветром» позволяет Леви продемонстрировать, как стереотипизация, по ее мнению, образов чернокожих в текстах культуры подчеркнута остро воспринимается ее темнокожей героиней. Квинни неосознанно этой отсылкой обижает Гортензию, напоминая о ее статусе, роли, закрепленной в обществе и культуре за людьми ее цвета кожи. Как пишет Р. Теодор-Вашон в статье, посвященной «Унесенным ветром», чернокожие персонажи, особенно женского пола, существуют в культурных текстах исключительно для того, чтобы «обслуживать» основную историю, центром которой является белый персонаж, они лишены собствен-

ной истории» [Gajanan]. Поэтому Гортензия лишена чернокожей ролевой модели и, как продукт колониального воспитания и образования, видит объект подражания для себя только в лице белых героинь. Приехав в Великобританию и узнав реальных англичанок, она обескуражена несопадением ожидания и действительности.

Юность Гортензии в романе пришлась на период Второй мировой войны. Героиня готовилась декламировать на празднике на Ямайке для поднятия патриотического духа речь короля Генриха IV при битве при Азинкуре из исторической хроники Уильяма Шекспира и стихотворение Альфреда Теннисона «Атака легкой кавалерии» («The Charge of the Light Brigade») (1854), посвященное участию британских солдат в битве под Балаклавой во время Крымской войны [Levy: 14]. Стихотворение Теннисона заканчивается словами: «Но слава героев вовек не затмится // Вовек не рассеется в прах» [Теннисон] («When can their glory fade? // <...> Honour the charge they made») [Tennyson]. Широко известно также, что через тридцать шесть лет другой выдающийся британский поэт Редьярд Киплинг написал стихотворение «Последние из летучей бригады» («The Last of the Light Brigade») (1890). В нем выжившие ветераны приходят к Теннисону, чтобы рассказать ему о своей тяжелой судьбе на родине в голоде и нищете: «О, тридцать миллионов счастливых твердят о величье страны // А двадцать голодных героев опять побираться должны; // Внукам о «чести бремени...» рассказываем со стыдом, // Но последних из Летучей Бригады прячем в работный дом!» [Киплинг] («O, thirty million English that babble of England's might, // behold there are twenty heroes who lack their food to-night; // Our children's children are lisping to "honour the charge they made" // And we leave to the streets and the workhouse the charge of the Light Brigade» [Kipling]).

Герои романа Леви, служившие в воздушном флоте (особенно это, конечно, касается цветных персонажей), были уверены, что после войны их заслуги перед отечеством, перед матерью-Британией не забудут, однако на деле все сложилось иначе. Несмотря на мундир ветерана, им сложно найти работу и жилье.

По свидетельству самой писательницы (см.: [Hickman]) и обширному списку источников в послесловии к роману [Levy: 100], создавая «Маленький остров», Леви основывалась на материале большого количества художественных, документальных и исследовательских текстов, посвященных роли воздушного флота Британии во Второй мировой войне, в частности участию в военных действиях жителей колоний.

Роман «Маленький остров» заканчивается цитатой из речи Уинстона Черчилля, которую тот произнес летом 1940 г., после столкновения британского воздушного флота с немецким Люфтваффе, отда-

вая дань героическим усилиям летчиков Соединенного Королевства [Levy: 100]: «Никогда еще в истории человеческих конфликтов не было большинство стольким обязано немногим» («Never in the field of human conflict has so much been owed by so many to so few») (подробнее см.: [Churchill]). Хотя все главные мужские персонажи романа служили в воздушном флоте Великобритании во время Второй мировой войны, в контексте романа Леви эта цитата отсылает не только к летчикам, даже не только к коренным жителям колоний, которые принимали участие в военных действиях на стороне антигитлеровской коалиции, а и к роли мигрантов, которые также внесли свой вклад в послевоенный подъем экономики страны, поэтому, по мысли Леви, заслуживают уважения и признания своей роли в истории Соединенного Королевства. Это, соответственно, опять же, по мысли писательницы, означает и уважение, и признание права на жизнь в метрополии их потомков, как, впрочем, и других так называемых «черных британцев», труд предков которых лег в основание богатства нации, чьи усилия на протяжении многих столетий замалчивались и умалялись историками.

Список литературы

Джумайло О.А. Новые книги о Лондонском тексте // Практики и интерпретации. 2018. Т. 3. № 2. С. 178–194.

Киплинг Р. Последние из летучей бригады / пер. с англ. В. Широкова. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Денж-литератури-газета-денж-литератури-59-2001-8/30> (дата обращения: 20.09.2021)

Теннисон А. Атака легкой кавалерии / пер. с англ. Ю. Колкера. URL: <https://www.vestnik.com/issues/98/0721/win/kolker.htm> (дата обращения: 20.09.2021)

Толкачев С.П. Постколониальная литература: новый сценарий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. Вып. 7 (798). С. 89–108.

Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / сост., коммент., послесл. и пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Кастанья, 1996. 448 с.

Andermahr S. Decolonizing cultural memory in Andrea Levy's *Small Island*. *Journal of Postcolonial Writing*, 2019, № 55 (4), pp. 1–15.

Chamberlain E.J. *Dances with Daffodils: Wordsworth and the Postcolonial Canon. Canon vs Culture: Reflections on the Current Debate.* New York, Garland, 2001, pp. 458–464.

Churchill W. Never in the field of human conflict has so much been owed by so many to so few. *Churchill The Orator*. URL: <https://www.parliament.uk/about/living-heritage/transformingsociety/private-lives/yourcountry/>

collections/churchillexhibition/Churchill-the-orator/human-conflict (дата обращения: 20.09.2021).

Gajanan M. Gone with the Wind should not be erased, argue film historians. But it should not be watched in vacuum. *The Times*, 2020, 25 June. URL: www.time.com/5852362/gone-with-the-wind-film-history (дата обращения: 01.09.2021).

Hickman Ch. A Life in Focus: Andrea Levy, novelist who tackled history and race in books such as 'Small Island'. *The Independent*, 2019, 01 March. URL: <https://www.independent.co.uk/news/lifeinfocus/andrealevy-death-novelist-black-history-small-island-windrush-obituary-a8800376.html> (дата обращения: 20.09.2021).

I started to realize what fiction could be. And I thought, wow! You can take on the world: Andrea Levy interviewed by Gary Young. *The Guardian*, 2010, Jan 30. URL: <https://www.theguardian.com/books/2010/jan/30/andrea-levy-long-song-interview> (дата обращения: 20.09.2021).

Kipling R. The Last of the Light Brigade. URL: https://www.kiplingsociety.co.uk/poems_brigade (дата обращения: 20.09.2021).

Levy A. Small Island. London, Picador, 2010, 100 p. URL: <https://litlife.club/books/299294> (дата обращения: 20.09.2021).

Muñoz-Valdivieso S. Metaphors of Belonging in Andrea Levy's Small Island // Metaphor and Diaspora in Contemporary Writing. London, Palgrave, 2012, pp. 99–116.

Small Island Read. Evaluation report. Bristol: Bristol Cultural Development Partnership, 2007, p. 56. URL: https://www.bristolreads.com/small_island_read/downloads/small_islands_evaluation.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

Tennyson A. The Charge of the Light Brigade. URL: <https://poets.org/poem/charge-light-brigade> (дата обращения: 20.09.2021).

Wellberry K. Colonial and Postcolonial Deployment of 'Daffodils'. *Kunapipi*, 1997, vol. 14, issue 1, pp. 32–44. URL: <https://ro.uow.edu.au/kunapipi/vol19/iss1/9> (дата обращения: 20.09.2021).

Wendt A. Pacific Maps and Fictions: A Personal Journey. *Meridian*, 1995, vol. 14, issue 2, pp. 13–44.

Wordsworth W. The Daffodils. Уильям Вордсворт. Нарциссы: пер. с англ. И. Лихачева. URL: <https://eng-poetry/Poem.php&PoemId=10> (дата обращения: 20.09.2021).

References

Dzhumajlo O.A. *Novye knigi o Londonskom tekste* [New books about the London text]. *Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij* [Practices and Interpretation: The Journal of Philological, Educational and Cultural Studies], 2018, vol. 3, № 2, pp. 178–194.

Kipling R. *Poslednie iz letuchej brigady* [The Last of the Light Brigade]: trans. by V. Shirokov. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/D/denj-literaturi-gazeta-denj-literaturi-59-2001-8/30> (access date: 20.09.2021). (In Russ.)

Tennison A. *Ataka legkoj kavalerii* [The Charge of the Light Brigade]: trans. by Ju. Kolker. URL: <https://www.vestnik.com/issues/98/0721/win/kolker.htm> (access date: 20.09.2021). (In Russ.)

Tolkachev S.P. *Postkolonial'naja literatura: novyj scenarij* [Postcolonial Literature: new scenario]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Herald of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2018, vol. 7 (798), pp. 89–108. (In Russ.)

Fuko M. *Volja k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let* [The Will to Truth. Beyond Knowledge. Works]. Moscow, Kastal' Publ., 1996, 448 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.08.2021; одобрена после рецензирования 09.10.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 23.08.2021; approved after reviewing 09.10.2021; accepted for publication 12.11.2021.

**ДЖОЙСОВСКИЙ ТИП ХРОНОТОПА
В ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПУТЕВОДИТЕЛЕ М. ШИШКИНА
«РУССКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ»**

Мыслина Юлия Николаевна, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, yulia_mislina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5561-1859>

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу организации пространственно-временных структур в романе Дж. Джойса «Улисс» и литературно-историческом путеводителе М. Шишкина «Русская Швейцария». Исследуется общий путь проницаемости границ жанров фикшн – нон-фикшн и отражение этого процесса в мировой и русской литературе XX–XXI вв. Доказывается, что для Шишкина, как и для Дж. Джойса, повседневность становится экспериментальным полем, где джойсовское умышленно уничтоженное время переосмысливается современным автором в категорию «одновременности», что позволяет разделенным столетиями людям и событиям рассматриваться в одной точке пространства. У Джойса и Шишкина время мыслится как способ организации событий и фактов, наподобие пространственного, что позволяет представить мировую историю не как систему причин и следствий, но как творческий хаос событий, экспансия которого в жанр нон-фикшн делает повествовательную стратегию многомернее. Двух авторов сближает не только общая литературная традиция, но и автобиографическое осмысление эмиграции, благодаря чему Шишкин сознательно определяет себя как посредника между культурами, для которого речевые техники Джойса входят в само собой разумеющееся ядро художественного стиля новой эмигрантской прозы.

Ключевые слова: Дж. Джойс, М. Шишкин, фикшн, нон-фикшн, история, ризома, simultaneity, spatialisation.

Для цитирования: Мыслина Ю.Н. Джойсовский тип хронотопа в литературно-историческом путеводителе М. Шишкина «Русская Швейцария» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 168–173. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-168-173>

Research Article

**J.A.A. JOYCE’S TYPE OF CHRONOTOPE IN MIKHAIL SHISHKIN’S NON-FICTION
“RUSSIAN SWITZERLAND”**

Julia N. Myslina, The Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia, yulia_mislina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5561-1859>

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of the organisation of spatio-temporal structures in the novel “Ulysses” by James Augustine Aloysius Joyce and the literary-historical guide “Russian Switzerland” by Mikhail Shishkin. The general way of permeability of the boundaries of fiction – non-fiction genres and the reflection of this process in the world and Russian literature of the 20th–21st centuries is investigated. It is proved that for Mikhail Shishkin, as well as for J.A.A. Joyce, everyday life becomes an experimental field, where J.A.A. Joyce’s deliberately destroyed time is rethought by the modern author into the category of simultaneity, which allows people and events separated by centuries to be viewed at one point in space. J.A.A. Joyce and Mikhail Shishkin think of time as a way of organising events and facts as a spatial one, which allows us to present world history as a creative chaos of events, the expansion of which into the genre of non-fiction makes the narrative strategy more multidimensional, rather than as a system of causes and effects. The two authors are brought together not only by a common literary tradition, but also by an autobiographical understanding of emigration, thanks to which Mikhail Shishkin deliberately builds himself as a mediator between cultures, for whom J.A.A. Joyce’s speech techniques are a self-evident core of the artistic style of the new emigre prose.

Keywords: J.A.A. Joyce, Mikhail Shishkin, fiction, non-fiction, history, rhizome, simultaneity, spatialisation.

For citation: Myslina J.N. J.A.A. Joyce’s type of chronotope in Mikhail Shishkin’s non-fiction “Russian Switzerland”. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 168–173 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-168-173>

Влияние романа ирландского писателя Дж. Джойса на мировую литературу XX–XXI вв. сложно переоценить. По выражению Д.М. Урнова, «...джойсизмом оказались затронуты писатели, которые не только не знали как следует Джойса, не читали “Улисса”, но даже не слышали о нем и тем более не склонны подозревать, будто в чем-либо от него зависимы» [Урнов]. Разумеется, по мере того, как роман входил в западный канон, такое невольное влияние становилось более осознанным, но одновременно джойсизм стал осознаваться как один из горизонтов развития культуры в эпоху модернизма, а именно как способ осмысления всего спектра речевых стратегий в литературе XX в. Осознанное принятие Джойса соединялось с вчитыванием джойсизма в логику литературной культуры, всей той большой литературной традиции, которой наследует современный писатель. О своей сознательной зависимости от Джойса, причем как будто органичной для русской традиции, писал и М. Шишкин, определивший свою писательскую задачу таким образом: «Я хочу соединить все словесные достижения западной литературы, ее техническую изысканность с русской любовью к Акакию Акакиевичу. Джойс любит слова, а героев своих презирает. В этом смысле мой текст, по крайней мере мне бы очень этого хотелось, есть не что иное, как классический русский роман, написанный сегодня» [Шишкин 2005]. Это не противоречит тому, что сам Шишкин «исключает прямое влияние на свое творчество Джойса, но допускает косвенное воздействие его стиля...» [Рогова] – если под прямым влиянием понимать сознательное подражание и сознательное маркирование определенного стиля, а не растворение в атмосфере этого писателя. Современный литературовед М. Эпштейн утверждает тесную связь обоих авторов в понимании культурной атмосферы и истории одновременно: «...Шишкин пишет о Джойсе, но при этом ему удается так вжиться в Джойса, что кажется, Джойс сам смотрит на себя из другого времени и языка и осознает свою мучительную жизнь, где депрессии и истерики чередовались с эпифаниями. Гений и безумие, серость и пустота, отчаяние и искусство выживать – все в этой прозе вызывает стереометрический эффект соприсутствия: в нее можно войти, поселиться, раздвигать чужую жизнь изнутри или сжиматься в ней» [Эпштейн]. Это мнение дает дополнительный аргумент для исследования влияния джойсовской техники на стиль письма Шишкина, учитывая, что многие современные критики называют Шишкина ««русским Джойсом»» [Шишкин 2005]. Основанием сопоставления оказывается осмысление Шишкиным самого феномена письма и полистилистики как свойства модернизма, что обусловило обращение Шишкина к Джойсу не только в художественных, но и в документальных произведениях.

Во многом благодаря Джойсу в XX в. иначе обозначаются границы художественной литературы, потому что он поставил под вопрос главный догмат прежней художественной литературы, возможность создавать автономный мир фантазии, который самодостаточен и соположен реальному миру. Теперь такой мир либо маркируется как фэнтези, либо продолжает «жизненный мир» (термин Э. Гуссерля) человека, но его же продолжает и журналистика и другой нон-фикшн (название жанра «нон-фикшн» появляется в 1866 г., но термин широко не используется до 1900 г. [Etymology Dictionary]). В 1965 г., после выхода в свет книги Т. Капоте «Хладнокровное убийство», которое сам автор назвал «nonfictionnovel», жанр «нон-фикшн» проблематизируется в качестве термина в результате полемики, когда журналистский штамп превращается в литературоведческий термин [Heune]. Поэтому нон-фикшн становится автономным полем, уравнивающим факт и его интерпретацию.

Шишкин много работает в жанре нон-фикшн на грани художественной литературы и фактологии, поэтому он сознательно выстраивает и свой образ писателя, и свои жанры как ведущие диалог с другими жанрами. В 1999 г. в Цюрихе выходит в свет литературно-исторический путеводитель «Русская Швейцария», который Шишкин начинал создавать для того, чтобы заполнить культурную пустоту собственной эмиграции: «...когда я оказался в пустоте, в швейцарской русской культурной пустыне, мне пришлось писать собственную российскую историю» [Роткирх: 141], как и ранее Джойс при написании «Улисса». Тем самым исторический контекст эмиграции предопределил новое – не литературное, а металитературное – отношение к художественной речи. Поэтому исследование влияния техники Джойса на тип хронотопа в литературно-историческом путеводителе Шишкина «Русская Швейцария» (несмотря на различия жанров текстов: «Улисс» Джойса – «фикшн», «Русская Швейцария» Шишкина – «нон-фикшн») требует не только сравнительно-сопоставительного метода, но и учета философских контекстов и общих мировоззренческих трансформаций литературы в ее стремлении к «металитературности».

Хотя в России нон-фикшн возникает только в 1990-е гг., его истоки прослеживаются уже в так называемой «литературе факта» в 1920-е гг. Кризис прежнего обоснования языка, кризис позитивизма, становящиеся общими для литературы первой трети XX в., позволяют провести параллели между происходящим в России в «литературе факта» с ее авангардными и острающими стратегиями и техниками Джойса в романе «Улисс», где все прежние стратегии романа превращаются в приемы по созданию монтажного эстетического целого. Радикализм «литерату-

ры факта» в России позволил применять авангардные стратегии не только в художественной, но и в документальной литературе. Такой подход к литературе делал различие между вымышленным и фактическим – второстепенным в сравнении со способом производства текста, который выходит на первый план и требует новых приемов. Поэтому «литература факта» начинает осваивать процесс монтажа, который позволяет соединять несоединимое (С.М. Эйзенштейн «Монтаж аттракционов»), как и Джойс в романе «Улисс».

Во второй половине XX в. в Советской России культуроцентричное диссидентство (В. Хинкис и С. Хоружий) обратилось к монтажу как к способу «отзеркаливания» мировых литературных процессов первой половины XX в. Поэтому рецепция Джойса в России, включая перевод Хинкиса и Хоружего, появлялась там, где глубже изучалось соотношение сознания, языковых структур и мировоззрения. Хотя роман Джойса принадлежит к жанру «фикшн», его русская рецепция с самого начала связана с документальной прозой (в статье «Как вращается “Красное колесо”» В. Живов утверждает приоритет документально-исторических глав модернистских романов над беллетристическими [Живов]). Поэтому Хинкис, Хоружий и Шишкин имеют дело уже не с дихотомией факт/вымысел, а с автономным полем нон-фикшн, утвердившимся уже после Второй мировой войны, с чем связана и специфика джойсианства Шишкина.

Итак, проникновение фикшн в нон-фикшн обязано кризису старых представлений об истории, в которой различались «достоверность» фактов и «художественность» их оформления, на чем строились традиционные исторические монографии и исторические романы. Повышенная историческая рефлексия, которую мы всегда встречаем в прозе Шишкина, и потребовала не старых стратегий исторического романа, а новых постмодернистских стратегий контаминации и критической проверки различных дискурсов. Поэтому «Русская Швейцария» Шишкина – это пространственная проза, в которой топика связывается с пространственными приключениями, например эмиграцией, и что Джойс позволяет не сводить эти приключения к частным коллизиям, показывая, что с ними связаны и общие перипетии художественного языка.

Пространственное мышление оказывается основой критической проверки видоизменений художественного языка благодаря влиянию Джойса. Ведь уже в начале XX в. ирландский писатель «аннулирует историю как процесс» [Хоружий: 85], заменяя в своих романах время пространством. Джойс «не понимает» и не принимает исторический процесс в своем классическом представлении, поэтому уже в романе «Улисс» для Стивена история – это «кошмар, от которого я пытаюсь проснуться» [Джойс: 41], а для Блума «...все это бесполезно... Сила, ненависть, исто-

рия, все эти штуки...» [Джойс: 373]. Джойсовское понимание всемирной истории находит свое продолжение в парадигме воскресения, иначе говоря – абсолютно внесистемного события как основы любого настоящего развития (например, в романе «Поминок по Финненгану» – концепция вечного повторения и возвращения). Причем, в отличие от позиции Ф. Ницше, для которого «вечное возвращение» было способом освободиться от «кошмара истории», иначе говоря – от банальности поступков и дурной бесконечности одних и тех же ошибок, позиция Джойса выглядит позитивной, потому что «возвращение» оказывается не ответом на какую-то проблему, а началом самого бытия.

В литературно-историческом путеводителе Шишкина «Русская Швейцария» преодоление «кошмара» истории происходит путем ее сцепления «... в самых непривычных комбинациях»: Скрябин спешит по жене-вской улице навстречу бегущему за акушеркой Достоевскому... На вершине горы Риги встречают восход плечом к плечу Тютчев и Бунин» [Шишкин 2011: 11–12]. Перед нами не просто уловка беллетриста – как любопытно всё сходится, что вполне существовало и в традиционной беллетристике, а метод исследования русской Швейцарии, реконструкции ее «природы», рефлексия одновременно над несколькими разнородными культурами. Здесь ризоматичность вторгается в нон-фикшн, происходит экспансия, интерференция или агрессия.

Эксперимент предполагает некоторое ограниченное замкнутое выделенное пространство, в котором объект исследования чужд окружению. Джойс помещает всю мировую историю в один день, а весь мир – в один город, поэтому каждый его житель (и сам город Дублин) становятся героями романа «Улисс»: теми, кто не просто действует, а создает концептуальные ключи прочтения происходящего (как обычно герой-человек в традиционной прозе заставляет иначе смотреть на происходящее в каком-то пространстве). Джойсовский Дублин населен реальными людьми, знакомыми самого автора или знакомыми знакомых, что показывает склонность к документальности или псевдодокументальности. Джойс вводит в порядке эксперимента живых людей, они как читатели себя узнают, но это создает не новую художественную реальность, когда из прототипов создавались типы, как в традиционной прозе, а продолжение познавательного эксперимента, насколько реальность может входить в современный роман.

Эксперимент Шишкина в «Русской Швейцарии» – это эксперимент в той же джойсовской технике, только с людьми прошлого, и получается, что техника принимается как само собой разумеющееся при портретировании города или страны. Для современного писателя повседневность тоже становится не просто

источником образов и эмоций, а полем эксперимента, точкой отсчета разговоров о культуре. В путеводителе «Русская Швейцария» мы читаем: «Может ли бюргерское, “швейцарское”, презренное и осмеянное существование сравниться со сладостным самопожертвованием, гарантирующим бессмертие в революционных святцах?» [Шишкин 2011: 21] – Швейцария Шишкина, как и джойсовский Дублин, становится героем романа, точнее своеобразного историко-философского трактата, так как путеводителем данная проза названа, по словам самого автора, «лукаво» [Шишкин 2013]. Но при этом швейцарская локализация представлена точно и достоверно (как и требует жанр «путеводителя») – каждый город и дом заселен реальными людьми (как и в литературном Дублине Джойса), где, кроме швейцарцев, живут деятели русской культуры и искусства на протяжении почти двух столетий. Возникает вопрос: почему Швейцария со своей «заповедью» «Трудись, трудись, строй свой домик!» [Шишкин 2011: 21] становится русским революционным очагом, да еще и на протяжении такого длительного срока? Ответ очевиден: «На русской революции делаются швейцарские деньги» [Шишкин 2011: 24]. Здесь и обнажается не рациональное планирование русских революций, а, наоборот, их хаотичность и ризоматичность, даже призрачность (как у А. Солженицына в документально-художественном произведении «Ленин в Цюрихе», где также есть элементы монтажа, псевдодокументальности и т. д. [Спиваковский]). Таким образом, Швейцария оказывается замкнутым миром не только в смысле своего образа жизни, но и в смысле возможности экспериментально проверить, как сталкивались разные миры в Швейцарии, миры разных людей и групп. Для Шишкина важно такое столкновение и взаимное наложение языков и судеб, важно не только различие и сопоставление, но и сосуществование в одном пространстве, что соответствует именно джойсовской технике в исследовании национального и революционного мифотворчества. У Шишкина, как и у Джойса, сырая повседневность становится не предметом психологизации, а объектом изучения социального пространства и форм сознания в нём.

У Джойса в «Улиссе» – вечное настоящее, время, которое «ничем не отличается от пространства»: «Все миги, все события, прошлые, настоящие и будущие, наделены статусом настоящего, то есть становятся одновременными... На месте исчезнувшего времени оказывается новое, дополнительное измерение... Джойс изменил топологию вселенной, заменив ось времени еще одной пространственной осью» [Хоружий: 84]. По Джойсу, опространствование времени означает отмену всех законов истории, а человек – уже не творец истории, а просто «скита-

лец», встречающий различные события, как странник – изменяющиеся в дороге пейзажи: «Иду, шажок за шажком. За малый шажок времени сквозь малый шажок пространства» [Джойс: 44]. Поэтому у Джойса вся человеческая жизнь – лишь «тропка в лесу событий» [Хоружий: 85], которые могут повторяться и складываться в любых вариациях, лишь бы они не подчинялись так называемым «законам истории», позволяя беспрепятственно превращаться времени в пространство.

Пространственная конфигурация в джойсовской традиции определяет статусы героев и режим их изучения и в путеводителе Шишкина «Русская Швейцария», где повествование следует за движением в пространстве, направляясь по пути русских деятелей культуры на протяжении почти двух веков – то забегая вперед, то возвращаясь назад, поэтому время в «Русской Швейцарии» – нелинейно, ризоматично, как будто все события происходят в некоем условном историческом периоде. Например, в главе «Пушкинский профиль Маттерхорна. Валлис» читатель вслед за Н. Станкевичем поднимается «по течению Роны – от Женевского озера до Симплонского перевала...» [Шишкин 2011: 409], где каждый уголок земли отмечен «русским следом». Здесь в одном том же кантоне «встречаются» русские политики, художники, писатели и музыканты, разделенные более чем вековым временным промежутком: «В Ормоне... в 1895 году устраивают переговоры Плеханов, Потресов и Ленин... В следующей деревне... Диаблере отдыхает Игорь Стравинский с семьей летом 1917 года... В Диаблере Набоковы... покупают в 1962 году участок земли...» [Шишкин 2011: 409–411] – люди и события сходятся в одной точке пространства, происходит «спатIALIZация» (превращение времени в пространство), что и исполняет интенцию Джойса в рассмотренном отрывке.

Итак, джойсовское умышленно уничтоженное время переосмысливается Шишкиным в категорию временной «симультанности» (одновременности), которая определяется М. Липовецким как «соединение в едином художественном мире... культурных систем, отделенных друг от друга сто-, а то и тысячелетиями» [Липовецкий: 25], поэтому пушкинский профиль Маттерхорна середины XIX в. снова проявляется под кистью В. Набокова во второй половине XX в. В эссе «Больше чем Джойс» Шишкин утверждает особый тип джойсовской временной симультанности, распространяющийся уже не только на поле романа «Улисс», но и на саму жизнь: «В его книге всё происходит одновременно, как в жизни. В жизни в это время в соседней комнате на другой планете спасается его книгой мать заключенного. Анна Ахматова простаивает днем бесконечные тюремные очереди, чтобы узнать что-то о судьбе сына, а вечерами читает. В ок-

тябре 1940-го она скажет подруге: “Прошлую зиму я читала “Улисса”» [Шишкин 2019: 52], что отражает специфическое отношение автора с языком, отстранение от культуры, репрезентацию мысли и ощущения XX в.

Джойса и Шишкина сближают и биографические обстоятельства – эмиграция в чужую страну, которая усложняет отношения с языком и общественными вопросами одновременно, обостряет саморефлексию. «Джойсовский субъектный синкретизм» [Оробий: 112] у Шишкина присутствует не только в эссе «Больше чем Джойс», но и усиливается в литературно-историческом путеводителе «Русская Швейцария», где сама эмиграция понимается не как перемена места/страны, а как новое осмысление отношения к слову и языку: «Как Карамзин ехал сюда с томиком Руссо, так после него поедут с томиком Карамзина» [Шишкин 2011: 15]. Главные герои прозы Джойса и Шишкина – тоже эмигранты, например, в романе «Улисс» Блум – еврей ирландского происхождения, его нация, по его же собственным словам, «ирландская», но «...еще я принадлежу к племени... которое ненавидят и преследуют... Продают на рынке в Марокко, как рабов, как скот» [Джойс: 372]. Одной из главных причин эмиграции самого Джойса становится непринятие его таланта на родине. Поэтому в романе «Улисс» Стивен также осознает ненужность его литературного дара для Ирландии, размышляя: «Мы не можем сменить родину. Давайте-ка сменим тему» [Джойс: 649]. Эмиграция Джойса позволяет автору «сменить тему», дает возможность создавать свою историю, превращая новое место пространства в концептуальное пространство своих мыслей.

В путеводителе Шишкина русские деятели культуры и искусства в Швейцарии тоже чужие. Например, Герцен, любясь красотами Маттерхорна, размышляет: «Странно чувствует себя человек в этой раме – гостем, лишним, посторонним...» [Шишкин 2011: 420]. Здесь Шишкин вслед за Джойсом пытается «сменить тему», создавая в Швейцарии свою собственную российскую историю, что оказывается возможным только благодаря его нахождению в чужой языковой среде, где он пытается «... понять через альпийские отражения, почему у моей страны такое монструозное прошлое, которое не пускает ее в будущее» [Бондарева], что в определенной мере соответствует джойсовской интенции написания романа «Улисс»: разобраться с тем, почему духовный кризис целой страны не может быть преодолен даже совместными усилиями всех «сочувствующих»: философов, писателей, интеллектуалов. Шишкин в литературно-историческом путеводителе «Русская Швейцария» сознательно представляет себя эмигрантом нового типа, гражданином мира, что схоже с жизненной позицией Джойса.

Таким образом, джойсианство Шишкина не ограничивается только стремлением мобилизовать выработанные литературой модернизма средства для более рельефного изложения фактов, но представляет собой особое осмысление «литературы факта» и путь адаптации достижений нон-фикшн для создания произведения русской литературы, претендующей на осмысление современного состояния русской культуры. Современное состояние мыслится им как неопределенное, требующее особого духовного усилия русских писателей страны и диаспоры, а значит, и подразумевающее особую организацию речи как не привязанной к действию, но как бы мгновенно переизобретающую ситуацию нахождения человека в культуре. Техники Джойса оказались здесь адаптированы к этой задаче. То актуальное настоящее, которое конструировал Джойс, оказалось некоторым местом развертывания непротиворечивого нон-фикшн о единстве русской культуры, как сам Джойс стремился установить единство индивидуальной судьбы в мире радикальных разрывов и неотменимых изменений. Шишкин при этом опирается не только на художественные достижения Джойса, но и на джойсианство в самом общем смысле. В его рефлексии над наследием Джойса проявляется вскрытие тех свойств письма Джойса, которые обычно уходят на второй план в джойсианстве – критика мифотворчества, индивидуализация эмиграции, отстраненное отношение не только к индивидуальной, но и к социальной чувственности. Раскрывая эти свойства письма, Шишкин создает своеобразный монтаж, но не из чувственных впечатлений или концептов, но ситуаций живой речи и живой памяти, которые он находит в ходе своего художественного исследования русской Швейцарии, всякий раз переопределяя границы речи и памяти как в индивидуальном, так и в социальном опыте.

Список литературы

Бондарева А. «Мои романы – это просто большие стихотворения»: Интервью с Михаилом Шишкиным. URL: <http://chitaem-vmeste.ru/zvyozdy/interviews/moi-romany-eto-prosto-bolshie-stih> (дата обращения: 08.06.2021).

Джойс Дж. Улисс / пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. М.: АСТ, 2019. 1056 с.

Живов В. Как вращается «Красное колесо». URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1770 (дата обращения: 07.04.2021).

Литовецкий М.Н. Русский постмодернизм: (Очерки исторической поэтики): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.

Оробий С.П. «Вавилонская башня» Михаила Шишкина: опыт модернизации русской прозы. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 161 с.

Рогова Е.Н. Традиции Д. Джойса в романе М. Шишкина «Письмовник» (сопоставительный анализ мотивов). URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/sis/pdf/SS2014-2/2014_2_rogova.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

Роткирх К. Одиннадцать бесед о современной прозе. М.: НЛЮ, 2009. 160 с.

Сиваковский П. Ленин и черт: история одной (не) встречи в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо». URL: https://istina.msu.ru/media/publications/article/e54/e60/6068085/Lenin_i_chert.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

Урнов Д. Дж. Джойс и современный модернизм. URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/joyce-i-sovremenniy-modernizm.htm> (дата обращения: 15.05.2021).

Хоружий С. «Улисс» в русском зеркале. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.

Шишкин М. Буква на снегу. М.: АСТ, 2019. 106 с.

Шишкин М. О новом типе романа, русском языке и любви к Акакию Акакиевичу». 2005. URL: <https://magazines.gorky.media/km/2005/2/yazyk-eto-oborona.html> (дата обращения: 15.05.2021).

Шишкин М. Русская Швейцария: литературно-исторический путеводитель. М.: АСТ, 2011. 606 с.

Шишкин М. Только когда вам заткнут рот, вы поймете, что такое воздух. 2013. URL: https://www.colta.ru/articles/swiss_made/1544-mihail-shishkin-tolko-kogda-vam-zatknut-rot-vy-poymete-cto-takoe-vozduh (дата обращения: 10.05.2021).

Эпштейн М.Н. Михаил Шишкин о Джойсе и о Шарове. 2019. URL: <https://mikhail-epstein.livejournal.com/239654.html> (дата обращения: 10.06.2021).

Etymology Dictionary Non-fiction. URL: <https://www.etymonline.com/word/non-fiction> (дата обращения: 08.04.2021).

Heune E. Toward a Theory of Literary Nonfiction. URL: <https://muse.jhu.edu/article/244366/pdf> (дата обращения: 08.04.2021).

References

Bondareva A. "Moi romany – jeto prosto bol'shie stihotvorenija": Interv'ju s Mihailom Shishkinym ["My novels are just great poems": Interview with Mikhail Shishkin]. URL: <http://chitaem-vmeste.ru/zvyozdy/interviews/moi-romany-eto-prosto-bolshie-stih> (access date: 08.06.2021). (In Russ.)

Dzhojs Dzh. *Ulyss* [Ulysses], per. s angl. V. Hinkisa, S. Horuzhego. Moscow, AST Publ., 2019, 1056 p. (In Russ.)

Zhivov V. *Kak vrashhaetsja "Krasnoe koleso"* [How the "red wheel" rotates] URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1770 (date access: 07.04.2021). (In Russ.)

Lipoveckij M.N. *Russkij postmodernizm: (Ocherki istoricheskoy poetiki)* [Russian Postmodernism: (Essays on Historical Poetics)]. Ekaterinburg, 1997, 317 p. (In Russ.)

Orobij S.P. "Vavilonskaja bashnja" Mihaila Shishkina: opyt modernizacii russkoj prozy ["The Tower of Babel" by Mikhail Shishkin: Experience in Modernizing Russian Prose]. Blagoveshensk, BGPU Publ., 2011, 161 p. (In Russ.)

Rogova E.N. *Tradicii D. Dzhojsa v romane M. Shishkina "Pis'movnik"* (Sopostavitel'nyj analiz motivov) [J. Joyce's traditions in M. Shishkin's novel "Pis'movnik" (Comparative analysis of motives)]. URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/sis/pdf/SS2014-2/2014_2_rogova.pdf (access date: 15.03.2021). (In Russ.)

Rotkirh K. *Odinnadcat' besed o sovremennoj proze* [Eleven Conversations on Contemporary Prose]. Moscow, NLO Publ., 2009, 160 p. (In Russ.)

Spivakovskij P. *Lenin i chert: istorija odnoj (ne) vstrechi v jepopee A. I. Solzhenicyna "Krasnoe Koleso"* [Lenin and the devil: the story of one (un) meeting in the epic of A.I. Solzhenitsyn's "Red Wheel"']. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/article/e54/e60/6068085/Lenin_i_chert.pdf (access date: 15.03.2021). (In Russ.)

Urnov D. *Dzh. Dzhojs i sovremennyyj modernizm* [J. Joyce and modern modernism]. URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/joyce-i-sovremenniy-modernizm.htm> (access date: 15.05.2021). (In Russ.)

Horuzhij S. "Ulyss" v russkom zerkale ["Ulysses" in the russian mirror]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2015, 384 p. (In Russ.)

Shishkin M. *Bukva na snegu* [Letter in the snow]. Moscow, AST Publ., 2019, 106 p. (In Russ.)

Shishkin M. *O novom tipe romana, russkom jazyke i ljubvi k Akakiju Akakievichu* [About a new type of novel, the Russian language and love for Akaki Akakievich]. URL: <https://magazines.gorky.media/km/2005/2/yazyk-eto-oborona.html> (access date: 15.05.2021). (In Russ.)

Shishkin M. *Russkaja Shvejcarija: literaturno-istoricheskij putevoditel'* ["Russian Switzerland": non-fiction]. Moscow, AST Publ., 2011, 606 p. (In Russ.)

Shishkin M. *Tol'ko kogda vam zatknut rot, vy pojmete, chto takoe vozduh* [Only when your mouth is gagged you will understand what air is]. URL: https://www.colta.ru/articles/swiss_made/1544-mihail-shishkin-tolko-kogda-vam-zatknut-rot-vy-poymete-cto-takoe-vozduh (access date: 10.05.2021). (In Russ.)

Jepshtejn M.N. *Mihail Shishkin o Dzhojse i o Sharove* [Mikhail Shishkin about Joyce and about Sharov]. URL: <https://mikhail-epstein.livejournal.com/239654.html> (access date: 10.06.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.05.2021; одобрена после рецензирования 26.09.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 14.05.2021; approved after reviewing 26.09.2021; accepted for publication 12.11.2021.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 174–180. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 174–180. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 340.13; 342.59

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-174-180>

ПРОБЛЕМЫ ЧРЕЗМЕРНОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Винокуров Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, pravo.kaf_tigp@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам значительного количества принимаемых Государственной Думой федеральных законов, особенно за последние пять лет, а также связанных с этими вопросами слабого понимания законодательных актов должностными лицами и обычными гражданами, что в результате влечет практическое неисполнение законов. Рассматривая законотворчество как процесс, необходимый для нормального функционирования государства, автором проанализированы, в первую очередь, количественные показатели по ежегодному принятию федеральных законов, а также приведены примеры из отдельных нормативных правовых актов. В результате проведенного анализа, с учетом более чем двадцатилетнего опыта работы в органах государственной власти, автором выявлены причины чрезмерного законотворчества, условия, способствующие появлению большого числа законов. К статье прилагается таблица, в которой приведено количество принятых федеральных законов за период с 1994 по 2020 г. По итогам рассмотрения изложенных вопросов автором сформулированы выводы и предложения.

Ключевые слова: Конституция, законотворчество, Государственная Дума, законы, федеральные конституционные законы, федеральные законы, кодексы Российской Федерации.

Для цитирования: Винокуров В.А. Проблемы чрезмерного законотворчества в современной России // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 174–180. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-174-180>

Research Article

PROBLEMS OF EXCESSIVE LAWMAKING IN MODERN RUSSIA

Vladimir A. Vinokurov, Doctor of Jural Sciences; Saint-Petersburg University of State Fire Service, Saint-Petersburg; Russia, pravo.kaf_tigp@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of a very significant number of federal laws adopted by the State Duma of Russia, especially over the past five years, as well as the weak understanding of legislative acts by officials and ordinary citizens related to these issues, which as a result entails practical non-enforcement of laws. Considering lawmaking as a process necessary for the normal functioning of the state, the author analyses, first of all, quantitative indicators for the annual adoption of federal laws, and he also provides examples from individual regulatory legal acts. As a result of the analysis, as well as taking into account more than twenty years of experience in public authorities, the author identified the causes of excessive lawmaking, conditions conducive to the emergence of a large number of laws. A table showing the number of adopted federal laws for the period from 1994 to 2020 is attached to the article. Based on the results of consideration of the above issues, the author formulated conclusions and suggestions.

Keywords: Constitution of Russian Federation; lawmaking; State Duma; federal constitutional laws; federal laws; codes of Russian Federation; laws of Russian Federation.

For citation: Vinokurov V.A. Problems of excessive lawmaking in modern Russia. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 174–180 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-174-180>

Законотворчество в теории права определяется как законодательный процесс, посвященный стадиям и действиям по подготовке, обсуждению и принятию законов [Общая теория: 164]. Схожее определение термину «законотворчество» дается и в толковых словарях русского языка: создание, разработка законов государства [Толковый словарь: 271]. Известный теоретик права С.С. Алексеев рассматривает законотворчество как синоним правотворчества, определяя его как специальную деятельность компетентных органов, завершающую процесс правообразования, в результате которой приобретает юридическую силу и вступает в действие закон [Алексеев: 89].

В тексте Конституции Российской Федерации¹ термин «законотворчество» не используется, но отдельные принципиальные позиции, касающиеся российских законов и процесса их принятия зафиксированы. Так, в частях 1 и 2 статьи 15 Основного Закона государства указано, что законы, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации; что органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

К проблемам законотворчества обращались многие ученые и специалисты, рассматривая отдельные аспекты этого важного для государства процесса. При этом авторами отмечались «низкое качество законопроектной работы», отсутствие у субъектов правотворчества «всей полнотой информации о процессах, протекающих в обществе» [Сехин: 30, 32]; избыточная правотворческая активность [Бордакова]; отсутствие связи законопроектов с интересами населения и проблемы внесения законопроектов, не соответствующих объективным потребностям общества и государства [Станкин: 54–55]; необходимость грамотного изложения нормативных правовых актов [Напалкова: 37–38].

Как известно, в Российской Федерации наряду с федеральными законами и федеральными конституционными законами (Конституция Российской Федерации, статьи 76, 107, 108) действуют законы РСФСР, законы Российской Федерации и основы законодательства Российской Федерации, принятые Верховным Советом РСФСР и Верховным Советом Российской Федерации по сентябрь 1993 г. (до момента, когда осуществление Верховным Советом Российской Федерации законодательной функции было прервано²).

С апреля 1994 г. в соответствии с частью 1 статьи 105 Конституции Российской Федерации исключительно Государственная Дума принимает законы – федеральные конституционные и федеральные законы. Процедуры одобрения Советом Федерации,

подписания Президентом Российской Федерации принятого Государственной Думой федерального закона или его отклонения, детально прописаны в соответствующих статьях Конституции Российской Федерации (Конституция Российской Федерации, статьи 105, 107, 108).

Одновременно с федеральными законами в современном Российском государстве стали приниматься кодексы Российской Федерации, которые формально не поименованы в Основном Законе государства. При этом принимаемые кодексы, как своды законов [Ожегов: 286] в иерархии законодательных актов заняли место после федеральных конституционных законов, но перед федеральными законами, несмотря на то, что процедура их принятия соответствует процедуре принятия последних. Данный вывод основывается на нормах, включенных в принятые кодексы. Так, в Гражданском кодексе Российской Федерации³ установлено, что «нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу»; аналогичная норма содержится, в частности, в Семейном кодексе Российской Федерации⁴, Земельном кодексе Российской Федерации⁵, Трудовом кодексе Российской Федерации⁶.

Кроме того, в Российской Федерации существует такая форма закона как закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, который после вступления в силу становится частью Конституции Российской Федерации и в дальнейшем как отдельный закон не рассматривается. Данная форма законодательного акта предусмотрена Федеральным законом «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации»⁷, которым предусмотрена также специальная процедура принятия, одобрения и вступления в силу.

Законотворческий процесс по правилам, установленным Конституцией Российской Федерации, стал осуществляться после избрания депутатов Государственной Думы первого созыва, которые начали работу в январе 1994 г., когда было официально опубликовано первое постановление Государственной Думы Федерального Собрания⁸.

Как следует из данных, имеющихся в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс», Государственной Думой первого созыва за 1994 г. (первый год работы) было принято 92 закона, а в 1995 г. (второй – последний год работы) количество законодательных актов выросло до 253. В течение последующих лет число принимаемых названной палатой парламента России федеральных законов ежегодно в среднем составляло:

- с 1996 по 2000 г. – чуть больше 210;
- с 2001 по 2005 г. – 220;
- с 2006 по 2010 г. – несколько больше 360;
- с 2010 по 2016 г. – 450;

с 2016 по 2020 г. – почти 540.

Таблица, в которой приведено количество принятых федеральных законов за период с 1994 по 2020 г. прилагается.

Как видим, за 27 лет число принимаемых законов выросло больше, чем в два раза. За период работы Государственной Думы с 1994 по 2020 г. депутатами было принято 9030 законов, причем почти три четверти из них – 6610 (73,2 %) – это законы, кото-

рыми вносятся изменения и дополнения к принятым законодательным актам.

Приведенные данные свидетельствуют о следующем.

Во-первых, качество вносимых законопроектов очень и очень низкое, а причинами невысокого уровня предлагаемых к принятию на рассмотрение Государственной Думы актов, по нашему мнению, следующие:

Таблица 1

Количество федеральных законов, принятых за период с 1994 г. по 2020 г.

Год	Всего принято федеральных законов	Из них:			
		По вопросам бюджета	О ратификации или денонсации договоров	Вносящие изменения и (или) дополнения	Новые законы*
1	2	3	4	5	6**
1994	92	11	33	21	29
1995	253	16	57	74	109
1996	192	20	56	67	56
1997	187	15	55	77	48
1998	226	18	58	89	71
1999	271	31	50	142	66
2000	182	23	55	81	36
2001	222	17	45	114	54
2002	226	15	48	122	47
2003	191	18	25	121	34
2004	226	10	36	154	35
2005	236	12	40	169	22
2006	295	13	42	219	35
2007	341	19	39	269	41
2008	332	27	65	225	38
2009	394	21	54	295	44
2010	450	16	74	327	47
2011	431	13	75	309	46
2012	334	16	61	244	28
2013	453	12	43	378	33
2014	558	15	41	464	48
2015	478	21	44	395	33
2016	524	16	56	443	26
2017	512	17	42	456	12
2018	575	15	60	497	21
2019	530	15	38	489	11
2020	552	17	34	479	40
Итого	9030	436	1285	6610	1042

Примечания:

* Наименование графы 6 «Новые законы» условно, поскольку в этой графе указано количество федеральных законов, принятых по всем вопросам, за исключением тех, которыми регулируются бюджетные вопросы (федеральный бюджет и бюджеты внебюджетных фондов), осуществлена ратификация или денонсация международных договоров, а также кроме тех, которыми вносятся изменения и (или) дополнения в законы (графы 3, 4 и 5 соответственно).

** Количество принятых федеральных законов, указанных в графах 3, 4, 5 и 6, в сумме не совпадает с общим количеством законов, указанных в графе 2, поскольку отдельные законы, исходя из их наименования, были включены и в другие соответствующие графы.

а) отсутствие в российском парламенте внятной законопроектной работы, то есть имеется в виду, что у депутатского корпуса нет четкого понимания о том, в какой отрасли и в каком направлении в конкретной сфере требуется законодательное регулирование или его изменение с учетом современных реалий и опыта использования существовавших советских и существующих российских законодательных норм.

Регулярное апеллирование к зарубежному опыту, а иногда и прямое его заимствование, осуществленное без учета существующих российских традиций и менталитета граждан страны, приводит к разрушению существовавшего порядка и созданию фактически неработающих моделей и механизмов при значительных материальных затратах (одним из ярких примеров подобного непродуманного решения вопроса является введение единого государственного экзамена и трехуровневой системы высшего образования);

б) формальное проведение работы по обсуждению и доработке проектов федеральных законов в комитетах и комиссиях Государственной Думы, особенно, если законопроекты предложены Президентом или Правительством Российской Федерации, которые принимаются практически без каких-либо исправлений;

в) для обсуждения новых норм весьма редко приглашаются ученые и специалисты в рассматриваемой области, равно как практически не учитывается мнение тех, кому предстоит эти новые требования исполнять.

Во-вторых, невысокое качество первоначальных текстов законов приводит в последующем к многочисленным правкам действующих норм, включая исправление орфографических и стилистических ошибок, уточнения наименований и терминов, внесение изменений в уже принятые изменения, что, в свою очередь, ведет к значительным и не всегда разумным расходам из федерального бюджета.

Например, в 2014 г. Федеральным законом «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹ статья 558 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации была дополнена пунктом 3, в котором речь шла об особенностях купли-продажи отелных жилых помещений. В 2018 г. этот пункт признается утратившим силу¹⁰. В 2013 г. во всех федеральных законах словосочетание «высшее профессиональное образование» было заменено словосочетанием «высшее образование»¹¹. При этом высшее образование не перестало быть профессиональным даже с принятием нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (на который ссылается закон, вносящий изменения), поместивший статью 69

о высшем образовании в главу 8, именуемую «Профессиональное образование»¹². Интересно, что даже в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» за почти девять лет его действия уже внесено 89 (!) изменений и дополнений. В результате все вузы страны должны были официально исключить из своих полных наименований слово «профессионального», внося изменения в уставы и все остальные документы.

В-третьих, тексты федеральных законов написаны языком, который сложно не только понять, но и прочитать без запинок. Одним из ярких примеров может послужить Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹³. В статье 3 данного Федерального закона дается определение контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, под которой понимается «совокупность участников контрактной системы в сфере закупок (федеральный орган исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по регулированию контрактной системы в сфере закупок, иные федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, уполномоченные на осуществление нормативно-правового регулирования и контроля в сфере закупок, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», заказчики, участники закупок, в том числе признанные поставщиками (подрядчиками, исполнителями), уполномоченные органы, уполномоченные учреждения, специализированные организации, операторы электронных площадок) и осуществляемых ими, в том числе с использованием единой информационной системы в сфере закупок (за исключением случаев, если использование такой единой информационной системы не предусмотрено настоящим Федеральным законом), в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок действий, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд». Как видим, определение состоит из 139 слов, из которых существенными являются только три, которые можно свести к фразе «совокупность участников и действий», а остальные – это перечисление участников. И это при том, что в этой же статье сформулировано еще девятнадцать определений, часть из которых внесена для уточнения уже имеющихся, в частности: «контракт», «государственный контракт», «контракт жизненного цикла». В статье 15

названного Федерального закона говорится об особенностях закупок, осуществляемых бюджетными, автономными учреждениями, государственными, муниципальными унитарными предприятиями и иными юридическими лицами, причем уже в части первой этой статьи говорится об исключениях их общего правила, в которых (исключениях), в свою очередь, сообщается о других исключениях, которые еще необходимо найти или в других законах, или в других статьях этого закона.

Излишняя детализация превратила законы в инструкции. В качестве примера можно взять Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁴. Внося бесконечные изменения и дополнения в данный Федеральный закон (которых накопилось уже больше 100), законодатель, по всей видимости, предполагал, что подробнейшая регламентация действий практически всех лиц, участвующих в избирательном процессе, приведет к реальному осуществлению права гражданина на участие в выборах и референдуме. Чего стоит только поручение Центральной избирательной комиссии Российской Федерации организовывать «разработку нормативов технологического оборудования (кабины для голосования, ящики для голосования) для участковых комиссий» и утверждать их (подпункт «б» пункта 9 статьи 21) или требование к участковой комиссии, которая «должна располагать необходимым количеством переносных ящиков для голосования, изготовленных из прозрачного или полупрозрачного материала в соответствии с нормативами технологического оборудования, утверждаемыми Центральной избирательной комиссией Российской Федерации», причем если избирателей до 510, то переносной ящик может быть только один, если от 501 до 1001 – два, а уж если более 1000 избирателей – три (пункт 8 статьи 66). Но вот вопрос: насколько это правильно для всей страны со множеством особенностей и весьма значительной территорией? И может ли четвертый переносной ящик, если он необходим избирательной комиссии, привести к нарушению избирательных прав?

Следует отметить, что, кроме прочего отсутствуют какие-либо правила написания законов. В качестве лежащей на поверхности иллюстрации к сказанному можно отметить, что в одних законах нумерованные абзацы статей именуется частями, внутри которых пункты, в другом – пунктами, внутри которых подпункты.

В-четвертых, принимаемые законодательные акты ориентированы не на доверие гражданам или разумные требования, а на запреты, ограничения и наказания. Причем вводимые новые требования обязательны для всех лиц, проживающих в государстве. И часто эти требования сопряжены с выполнением

ем работы, не связанной с основной деятельностью, то есть предусматривают разработку и издание многочисленных и многостраничных внутренних документов, а также составление отчетов. Причем подобный подход применяется и даже в случаях, когда толчком к принятию закона послужил один выявленный факт. Так, летом 2021 г., по сути, в ответ на действия «пермского стрелка» Тимура Бекмансурова, убившего из законным образом приобретенного оружия восемь человек и ранившего еще двадцать четыре человека, было принято два федеральных закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об оружии” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁵ и «О внесении изменений в Федеральный закон “Об оружии” и статьи 79 и 91¹ Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”»¹⁶. Помогут ли принятые законодателем очередные ограничительные меры, предусматривающие ведение реестров лицензий и разрешений, увеличение до 21 года возраста, когда появляется право на приобретение оружия, некоторые осложнения при прохождении медицинского осмотра и т. п. прекратить подобные действия? На наш взгляд, не помогут, потому как мы пытаемся урегулировать последствия, не находя первопричины.

Вторым примером может послужить, в частности, Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»¹⁷, принятый как ответная реакция на смерть усыновленного американцами ребенка – Димы Яковлева, что косвенно подтвердил и Председатель Правительства Российской Федерации в своем интервью «Российской газете», заявив, что «Закон Димы Яковлева» всего лишь выражает обеспокоенность парламентариев судьбой российских детей, что этот закон «Вне всякого сомнения, принимался на эмоциональной волне...»¹⁸.

В результате подобной законотворческой практики, когда число законов переваливает за полтысячи в год, а их качество весьма невысоко, выполнение заложенных в них норм, с одной стороны, требует увеличения числа государственных и муниципальных служащих, создающих невнятные требования; разъясняющих плохо сформулированные нормы, которые должны быть понятны сразу; контролирующих выполнение требований, часто противоречащих друг другу; проверяющих многостраничные отчеты, не приносящие реальной пользы государству, а с другой стороны, приводит к абсолютному неуважению закона (который непонятен и сложно исполняем), а значит, к его неисполнению населением.

В создавшейся ситуации, на наш взгляд, следует:

1) начинать ликвидировать некомпетентность лиц, подготавливающих законопроекты, для чего, в пер-

вую очередь, избавиться от лиц, занявших должности по принципу родства, знакомства или по случайности.

Для этого необходимо провести аттестацию чиновников, но не аттестационной комиссией того органа, где работают подобные специалисты, а комиссией, образованной иным органом или должностным лицом (например, по поручению главы государства), в составе которой не менее двух третей будут составлять представители науки, образования и специалисты, которые на практике исполняют нормативные правовые акты;

2) принимать понятные и выполнимые законы, поскольку иначе будет как в известном высказывании, приписываемом П.А. Вяземскому, М.Е. Салтыкову-Щедрину и некоторым другим авторам, которое в одном из вариантов звучит так: «Несовершенство закона российского компенсируется возможностью его неисполнения»¹⁹.

Чтобы данное предложение работало, неплохо было бы законодательно закрепить обязанность разработчиков смоделировать и самим фактически выполнить предлагаемые к утверждению нормы и правила, а также ввести ответственность Государственной Думы за принятие невыполнимых или плохо выполняемых законов в виде ее досрочного роспуска;

3) проверять тексты принимаемых законов на их грамотность, понятность и простоту изложения, что потребует возрождение нормальной деятельности специалистов – филологов-русистов, обладающих навыками изложения и редактирования подобного рода произведений;

4) при введении новых механизмов, особенно при неясности возможного результата, слабом экономическом обосновании, проводить эксперименты в нескольких субъектах Российской Федерации. И только при положительном эффекте распространять новые нормы на всю страну.

5) за неимением другого эффективного способа – запретить на переходный период (который может быть определен в, например, в десять лет):

– принимать более десяти – двенадцати законов в календарном году, не считая законов по вопросам бюджета и ратификации (денонсации) договоров;

– вносить изменения и (или) дополнения в принятый закон в течение пяти лет с даты вступления его в силу, а в случае выявления в действующем акте норм, которые требуется править, признавать этот закон утратившим силу или отменять.

Предлагаемые меры, на взгляд автора, помогут ликвидировать чрезмерное законотворчество, вернуть этот процесс в нормальный режим, позволяющий принимать немногочисленные, но разумные, понятные и выполнимые законы.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> № 0001202007040001.

² Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 39. Ст. 3597.

³ Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. – статья 3, пункт 2.

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16. Статья 3.

⁵ Земельный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147. Статья 2.

⁶ Трудовой кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3. Статья 5.

⁷ Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 10. Ст. 1146.

⁸ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 января 1994 г. № 1-ГД «О Комиссии Государственной Думы по контролю за электронной системой Государственной Думы» // Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации. 1994. № 1. Ст. 32.

⁹ Федеральный закон «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4225.

¹⁰ Федеральный закон «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 17. Ст. 2416.

¹¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) “Об образовании в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 27. Ст. 3477.

¹² Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

¹³ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» //

Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.

¹⁴ Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

¹⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об оружии” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5059.

¹⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об оружии” и статьи 79 и 911 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5141.

¹⁷ Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7597.

¹⁸ Ответ в Новый свет. Дмитрий Медведев дал интервью CNN // Российская газета. 2013. 28 января.

¹⁹ Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 31.07.2021).

Список литературы

Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.

Бордакова А.Г., Киямова А.Р. Правотворчество проблемы реализации принципа современности // StudNet. 2021. Т. 4. № 4.

Напалкова И.Г. Лингво-юридические аспекты современного законодательства // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 2. С. 36–40.

Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х т. / под ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М.: Зерцало, 2000. 656 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.

Сехин И.В. Принцип своевременности правотворчества: проблемы реализации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 2. С. 26–35.

Станкин А.Н., Пяткин В.Н. Федеральный законодательный процесс: анализ отдельных проблем и поиск путей совершенствования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 2(41). С. 52–59.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 894 с.

References

Alekseev S.S. *Pravo: azbuka – teoriia – filosofii: opyt kompleksnogo issledovaniia* [Law: ABC – Theory – Philosophy: The Experience of Comprehensive Research]. Moscow, Statut Publ., 1999. 712 p. (In Russ.)

Bordakova A.G., Kiiamova A.R. *Pravotvorchestvo problemy realizatsii printsipa sovremennosti* [Lawmaking of the problem of the implementation of the principle of modernity]. *StudNet*. 2021, vol. 4, № 4. (In Russ.)

Naпalkova I.G. *Lingvo-iuridicheskie aspekty sovremennogo zakonotvorchestva* [Linguistic and legal aspects of modern lawmaking]. *Vestnik Iuridicheskogo fakul'teta Iuzhnogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University]. 2020, vol. 7, № 2, pp. 36–40. (In Russ.)

Obshchaia teoriia gosudarstva i prava. Akademicheskii kurs v 2-kh t. / pod red. prof. M.N. Marchenko. T. 2. Teoriia prava [General theory of state and law. Academic course in 2 vols., eds. prof. M.N. Marchenko. Vol. 2. Theory of law]. Moscow, Zertsalo Publ., 2000. 656 p. (In Russ.)

Ozhegov S.I., Shvedova N.Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Az" Ltd. Publ., 1992. 960 p. (In Russ.)

Sekhin I.V. *Printsip svoevremennosti pravotvorchestva: problemy realizatsii* [The principle of timeliness of lawmaking: problems of implementation]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2020, vol. 15, № 2, pp. 26–35. (In Russ.)

Stankin A.N., Piatkin V.N. *Federal'nyi zakonotvorcheskii protsess: analiz ot del'nykh problem i poisk putei sovershenstvovaniia* [Federal lawmaking process: analysis of individual problems and search for ways to improve]. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Iuridicheskie nauki* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences]. 2020, № 2(41), pp. 52–59. (In Russ.)

Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka. Iazykovye izmeneniia kontsa XX stoletii [Explanatory dictionary of the modern Russian language. Language changes at the end of the 20th century], Moscow, Astrel', AST, Tranzitkniga Publ., 2005. 894 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.09.2021; одобрена после рецензирования 14.10.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 11.09.2021; approved after reviewing 14.10.2021; accepted for publication 12.11.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 181–185. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 181–185. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 343.6

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-181-185>

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Бимбинов Арсений Александрович, кандидат юридических наук, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, bimbinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7440-293X>

Аннотация. В статье исследуются причины, процесс и результаты последней серьезной реформы уголовного законодательства Федеративной Республики Германия об ответственности за преступления против сексуального самоопределения (тринадцатый раздел Уголовного уложения Германии). В центре внимания Сорок девятый закон о внесении изменений в Уголовное уложение в связи с имплементацией общеевропейских положений от 21 января 2015 г. (BGBl. 2015 I S. 10) и Пятидесятый закон о внесении изменений в Уголовное уложение в связи с усилением охраны прав человека на сексуальное самоопределение от 4 ноября 2016 г. (BGBl. 2016 I S. 2460). Иные акты (например, Шестидесятый закон, который повлек переформулирование отдельных норм тринадцатого раздела) не рассматриваются, так как они не затрагивают особенностей уголовной ответственности. Новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной научной печати изложены основные параметры и последствия недавно проведенной в Германии реформы уголовного законодательства об ответственности за сексуальные преступления. Продемонстрирован не только процесс принятия решений, но и охарактеризованы их основные причины. Установлено, что главным итогом реформы стало преобразование норм закона, которые теперь предусматривают ответственность в рамках одного параграфа (статьи) за насильственные действия сексуального характера и за сексуальное домогательство, в качестве которого надлежит считать действия сексуального характера без применения насилия, каких-либо угроз и без использования беспомощного состояния потерпевшего, совершенные вопреки распознаваемой или нераспознаваемой воле последнего.

Ключевые слова: изнасилование, сексуальное насилие, действия сексуального характера, харассмент, домогательство, сексуальное злоупотребление, Уголовное уложение, половая свобода, сексуальное самоопределение, сексуальная неприкосновенность

Благодарности. Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-4898.2021.2

Для цитирования: Бимбинов А.А. Трансформация уголовного законодательства Германии об ответственности за сексуальные преступления // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 181–185. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-181-185>

Research Article

TRANSFORMATION OF GERMAN CRIMINAL LEGISLATION ON RESPONSIBILITY FOR SEXUAL CRIMES

Arseniy A. Bimbinov, Candidate of Jural Sciences, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia, bimbinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7440-293X>

Abstract. The article examines the causes, process and results of the recent serious reform of the criminal legislation of the Federal Republic of Germany on responsibility for crimes against sexual self-determination (the thirteenth section of the German Criminal Code). The focus is on the Forty-ninth Law on Amendments to the Criminal Code in connection with the implementation of the Pan-European Provisions of January 21, 2015 (BGBl. 2015 I S. 10) and the Fiftieth Law on Amendments to the Criminal Code in connection with the strengthening of the Protection of human rights to Sexual self-determination of November 4, 2016 (BGBl. 2016 I S. 2460). Other acts (for example, the Sixtieth Law, which entailed the reformulation of certain provisions of the thirteenth section) are not considered, since they do not affect the specifics of criminal liability. The novelty of the study lies in the fact that for the first time in Russian scientific periodicals, the main parameters and consequences of the recent reform of criminal legislation on responsibility for sexual crimes in Germany have been outlined. Not only the decision-making process is demonstrated, but also their main causes are characterised. It is established that the main result of the reform was the transformation of the norms of the law, which now provide for liability within one paragraph (article) for violent acts of a sexual nature and for sexual harassment, which should be considered as

sexual acts without the use of violence, any threats and without using the helpless state of the victim, committed contrary to the recognisable or unrecognisable will of the latter.

Keywords: rape, sexual violence, sexual acts, harassment, sexual abuse, Criminal code, sexual freedom, sexual self-determination, sexual inviolability

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists no. МК-4898.2021.2

For citation: Bimbinov A.A. Transformation of German criminal legislation on responsibility for sexual crimes. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 181–185 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-181-185>

Ответственность за сексуальные преступления в Федеративной Республике Германия (далее – Германия или ФРГ) в отличие от многих других видов общественно опасных деяний [Бимбинов, Штаге: 456] установлена исключительно нормами Уголовного уложения (далее – УУ). Эти нормы, расположенные в тринадцатом разделе «Преступления против сексуального самоопределения», образуют так называемое сексуальное уголовное право Германии (Sexualstrafrecht [Gössel: 7]).

За последние десятилетия указанные положения претерпели существенные изменения. Если ранее основной целью тринадцатого раздела УУ являлась охрана морали и нравственности, то на рубеже веков акцент был переориентирован на криминализацию общественно опасного поведения с учетом сексуального многообразия. Период либерализации, декриминализации, а порой деморализации сексуального уголовного права сменился увеличением количества составов сексуальных преступлений и усилением их наказуемости [Zhou: 34].

Недавняя серьезная трансформация сексуального уголовного права Германии началась с принятия Сорок девятого закона о внесении изменений в Уголовное уложение в связи с имплементацией общеевропейских положений от 21 января 2015 г. (BGBl. 2015 I S. 10). В законе сказано, что реализация положений Лансаротской (Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, подписанная Германией 25 октября 2007) и Стамбульской (Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, подписанная Германией 11 мая 2011) конвенций, а также директивы Евросоюза о защите несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации и детской порнографии требуют от Германии соответствующих мер. В частности, расширяются возможности по уголовному преследованию правонарушений, совершенных за границей (в отношении действий сексуального характера, совершенных без согласия либо в отношении детей, принудительных браков, калечащих операций на половых органах и принудительной стерилизации), совершенствуется механизм приостановления сроков давности, дополняются и конкретизируются многие процессуальные и оперативно-разыскные полномочия, в том

числе связанные с расследованием жестокого обращения с подопечными, сексуального насилия над молодыми людьми, детской и подростковой порнографии. Предусмотрено установление наказания за распространение изображений людей без одежды, а также приняты меры по уточнению норм в части использования информационных технологий и концепции гендерно-нейтральных формулировок. В тринадцатом разделе УУ Германии изменения коснулись § 174, 176, 182, 184, 184a-184e.

Однако на этом реформа не закончилась. Катализатором продолжения законодательных преобразований стала общественно-политическая дискуссия, разгоревшаяся после печально известных событий – сексуальных домогательств и других правонарушений, произошедших в новогоднюю ночь 2016 г. в Кельне и других городах Германии: в толпу празднующих горожан вливались группы мужчин, в основном выходцы из стран Северной Африки и Ближнего Востока, которые окружали женщин, высказывали им непристойные вещи, прикасались к их телам и пытались отобрать личные вещи. Только в Кельне было подано в полицию 454 заявления о сексуальных домогательствах.

Томас Фишер пишет, что в тот момент стало очевидным, что действовавшее уголовное законодательство в отношении преступных деяний, направленных против сексуального самоопределения, содержит существенные пробелы и нуждается в реформировании [Fischer: 114]. В частности, это касалось ситуаций, в которых злоумышленник совершает действия сексуального характера без применения насилия, каких-либо угроз и без использования беспомощного состояния потерпевшего, игнорируя при этом явно выраженную, распознаваемую или нерасознаваемую противостоящую волю последнего (например, используя момент неожиданности, страх потерпевшего подвергнуться негативному воздействию со стороны исполнителя, ошибочное представление потерпевшего о собственном незащищенном положении).

Законодателю было представлено несколько проектов реформирования уголовного закона, в которых были заложены различные предложения по изменению соответствующих составов, начиная от коренного преобразования положений § 177 УУ ФРГ (об изнасиловании) и закрепления в них принципа «нет –

значит нет» («Nein heisst Nein», BT-Drs. 18/7719), раздельного подхода к уголовно-правовому регулированию ситуаций с явным изъятием противостоящей воли потерпевшего и без такового (BT-Drs. 18/5384) и заканчивая введением в § 179 УУ ФРГ (о действиях сексуального характера в отношении беспомощных лиц) нового состава о действиях сексуального характера при использовании особых обстоятельств. При этом правительственный законопроект от 16 марта 2016 г. «Об усилении защиты сексуального самоопределения человека», направленный на преобразование положений § 179 УУ ФРГ, предусматривал включение подлежащих уголовному наказанию деяний, до этих пор не попадавших в сферу применения уголовного закона. Поскольку использование беспомощного состояния потерпевшего в контексте нормы об изнасиловании и квалифицированный состав принуждения (§ 240 УУ ФРГ) должны были быть охвачены диспозицией нового состава § 179 УУ ФРГ, в указанном законопроекте было предусмотрено исключение данных признаков из обозначенных норм (Regierungsentwurf, BR-Drs. 162/16; BT-Drs. 18/8210).

Пятидесятый закон о внесении изменений в Уголовное уложение ФРГ в связи с усилением охраны прав человека на сексуальное самоопределение от 4 ноября 2016 г. (BGBl. 2016 I S. 2460) воспринял первое из указанных предложений. В новой редакции § 177 УУ ФРГ объединены составы сексуального понуждения (sexuelle Nötigung) и действий сексуального характера в отношении лиц, пребывающих в беспомощном состоянии, а также появилась новая уголовно-правовая категория – сексуальное домогательство (sexueller Übergriff, BT-Drs. 18/ 9097, S. 22 f.). Поскольку деяние, предусмотренное старой редакцией § 179 УУ ФРГ, теперь охватывается нормой об изнасиловании в сочетании с соответствующимиотягчающими обстоятельствами, а также во избежание двойного регулирования указанный параграф был исключен.

Таким образом, в настоящее время § 177 УУ ФРГ предусматривает ответственность за сексуальное домогательство, сексуальное понуждение и изнасилование (ранее эта норма была сопоставима со статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации, так как устанавливала ответственность только за посягательства, совершенные с применением насилия, угрозой применения насилия или использованием беспомощного состояния).

Абзац 1 указанного параграфа устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до пяти лет для того, кто, действуя вопреки распознаваемой воле потерпевшего, совершает с ним действия сексуального характера, понуждает его совершить такие действия в отношении себя или скло-

няет потерпевшего к совершению действий сексуального характера в отношении третьего лица либо попустительствует этому.

В абзаце 2 специально отмечается, что деяние, предусмотренное абзацем 1, равным образом имеет место в случаях, когда виновный пользуется тем, что потерпевший не способен к формированию или проявлению противостоящей воли или в силу физического или психического состояния значительно ограничен в возможностях формирования или изъятия воли, а также в случаях, когда используется момент неожиданности либо положение потерпевшего, при котором последнему грозят существенные потери или иной ощутимый вред, связанный с выражением противостоящей воли действиям виновного.

Применение насилия в отношении потерпевшего, угрозы применения насилия или использование беспомощного состояния, в том числе использование физической либо психической неполноценности (ограниченные возможности здоровья человека, связанные с возрастом в соответствии с книгой IX Социального кодекса ФРГ, BT-Drs. 18/ 9097, S. 26), выступают квалифицирующими признаками рассматриваемого преступления, повышающими минимально допустимое наказание до одного года лишения свободы.

Особо квалифицированные составы состоят в совершении описанного деяния: с проникновением в тело или группой лиц (абзац 6 предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок не менее двух лет); при наличии оружия, предметов, сопоставимых с оружием, или средств преодоления сопротивления потерпевшего, в том числе при их применении, а также при создании опасности причинения тяжкого вреда здоровью (абзац 7 предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок не менее трех лет); с использованием оружия или предметов, сопоставимых с оружием, с причинением тяжкого вреда здоровью или при создании смертельной опасности (абзац 8 предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет).

В новой редакции § 177 УУ ФРГ, пишет П. Головненков, охраняемым правовым благом остается право человека на сексуальное самоопределение. Однако в отличие от старой редакции уголовного закона правовая защита теперь сконцентрирована на противодействии нарушению противостоящей воли потерпевшего посредством установления ответственности за сексуальное домогательство [Головненков: 282].

Установление такой ответственности, по мнению М. Эль-Гази, имеет положительные стороны: как минимум устранен пробел в уголовно-правовой охране сексуального самоопределения лиц, которые по каким-либо причинам (например, из-за страха применения насилия, репутационных, имущественных или профессиональных потерь) не могут выразить

свое несогласие с совершаемыми в отношении них действиями сексуального характера. Вместе с тем имеются и недостатки, которые могут проявиться в семейных отношениях, а в некоторых случаях вообще напоминать свехкриминализацию нежелательного поведения [El-Ghazi: 161].

Т. Хернли в свою очередь активно критикует последнюю реформу сексуального уголовного права Германии, указывая на то, что при ее проведении совсем забыли о принципе «ultima ratio», которым должны руководствоваться демократические государства в сфере уголовно-правовых отношений [Hörnle 2017: 17].

Э. Ховен обращает внимание научного сообщества на системные проблемы § 177 УУ ФРГ и несоответствие наказуемости общественной опасности новых преступлений. Так, автор отмечает, что рабочий с отверткой в кармане за прикосновение к промежности потерпевшего будет наказан строже, чем лицо, которое совершит насильственный половой акт в отношении того же потерпевшего [Hoven: 7].

Так либо иначе, реформа состоялась. Основной состав (созданный для противодействия преступлениям против половой свободы) тринадцатого раздела УУ Германии сегодня охватывает как насильственные действия сексуального характера, так и сексуальное домогательство без признаков насилия или использования беспомощного состояния потерпевшего. Критика такого подхода представляется более чем обоснованной. Последние пять лет правоохранительная и судебная системы Германии регулярно сталкиваются с ситуациями, которые не могут получить однозначную правовую оценку со стороны закона, справедливости и здравого смысла. Так, Баварский верховный суд признал апелляцию осужденного необоснованной, однако вернул уголовное дело в окружной суд Мюнхена для пересмотра по иным причинам. Среди прочего апелляционная инстанция указала, что согласно § 177 Уголовного уложения половой акт является наказуемым, если он противоречит распознаваемой воле другого лица. Обстоятельства дела свидетельствуют, что осужденный и потерпевшая добровольно и по взаимному согласию вступили в действия сексуального характера. Однако в процессе сексуального контакта подсудимый тайно снял презерватив, зная при этом, что потерпевшая явно возражает против незащищенного секса. Мнение, согласно которому для ответственности по смыслу § 177 Уголовного уложения недостаточно простого игнорирования желания использовать презерватив, суд отвергает. Не в последнюю очередь это связано с особенностями использования презерватива вне постоянных партнерских отношений. Заинтересованность в защите от инфекций, а в случае лиц женского пола – в защите от нежелательной беременности признает-

ся существенным основанием для возражений против незащищенного секса. На этом фоне условие использования презерватива является составной частью согласия на половую жизнь. Если презерватив тайно снимается вопреки соглашению или распознаваемой воле, то это представляет собой значительное отклонение от согласованной формы сексуального контакта (BayObLG, 20.08.2021 - 206 StRR 87/21).

Политико-правовая дискуссия относительно проведенной реформы сексуального уголовного права в Германии не прекращается. Указанные выше и иные проблемы [Hörnle 2015: 4; Renzikowski: 3554] остаются актуальными. Попытки оппозиции в Бундестаге пересмотреть регулирование ответственности за сексуальные преступления в целом и за сексуальное домогательство в частности пока не увенчались успехом. Однако новая расстановка сил в парламенте после сентябрьских выборов может это изменить. Представляется, что существует высокая вероятность продолжения реформирования тринадцатого раздела УУ в ближайшее время.

Список литературы

- Бимбинов А.А., Штаге Д. Развитие медицинского уголовного права в Германии и России // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 4. С. 456–465.
- Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия: Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам: Изд-во Университета Потсдама, 2021. 492 с.
- El-Ghazi M. Der neue Straftatbestand des sexuellen Übergriffs nach § 177 Abs. 1 StGB n.F. Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik, 2017, № 3, S. 157–168.
- Fischer T. Strafgesetzbuch und Nebengesetze. Kommentar. 63. Aufl. § 177 Rn. 39b, 2018, 360 S.
- Gössel K.H. Das neue Sexualstrafrecht: Eine systematische Darstellung für die Praxis. De Gruyter, 2011, 403 S.
- Hörnle T. Das Gesetz zur Verbesserung des Schutzes sexueller Selbstbestimmung. Neue Zeitschrift für Strafrecht, 2017, S. 13–21.
- Hörnle T. Menschenrechtliche Verpflichtungen aus der Istanbul-Konvention. Ein Gutachten zur Reform des § 177 StGB. Deutsches Institut für Menschenrechte, Berlin, Januar 2015, 28 S.
- Hoven E. Das neue Sexualstrafrecht – Der Prozess einer Reform. KriPoZ, 2018, № 1, S. 7–8.
- Renzikowski J. Nein! – Das neue Sexualstrafrecht. Neue Juristische Wochenschrift, 2016, S. 3553–3558.
- Zhou Z. Das Sexualstrafrecht in Deutschland und China. Eine vergleichende Darstellung von Geschichte, Stand und Entwicklungen. Schriftenreihe des Max-Planck-Instituts für ausländisches und internationales Strafrecht. Reihe I: Interdisziplinäre Forschungen aus

Strafrecht und Kriminologie (MPII), Band 27, 2020, XX-VIII, 270 S.

References

Bimbinov A.A., Shtage D. *Razvitie meditsinskogo ugovnogo prava v Germanii i Rossii* [Development of medical criminal law in Germany and Russia]. *Vse-rossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2021, vol. 15, № 4, pp. 456–465. (In Russ.)

Golovnenkov P.V. *Ugovnoe ulozhenie Federativnoi Respubliki Germaniia. Nauchno-prakticheskii kom-*

mentarii i perevod teksta zakona [Criminal Code of the Federal Republic of Germany. Scientific and practical commentary and translation of the text of the law]. Potsdam, Izdatel'stvo Universiteta Potsdama Publ., 2021, 492 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.09.2021; одобрена после рецензирования 23.10.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 11.09.2021; approved after reviewing 23.10.2021; accepted for publication 12.11.2021.

АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ФРАНЦИИ, АНГЛИИ И ИСПАНИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗВРАТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Демидович Валерия Андреевна, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, dvaleri98@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3602-7988>

Аннотация. Задачей настоящей статьи является анализ сложившейся правовой регламентации деяний, входящих в состав преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, в уголовном законодательстве зарубежных стран. Данный анализ направлен на совершенствование отечественного законодательства в части противодействия совершению указанных преступлений. Автором обозначена проблема квалификации развратных действий как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве. Исследована категория «развратные действия» в понимании российского законодательства и её соотношение с аналогичными деяниями в зарубежных странах. Проанализирован законодательный и практический опыт Англии, Испании и Франции в этой сфере, выделены преимущества и недостатки правового регулирования развратных действий. Положительный опыт представлен в качестве предложений для оптимизации отечественного законодательства, предусматривающего ответственность за развратные действия, предложено дать правовую оценку деяниям, предусмотренным ст. 135 УК РФ, совершенным с использованием телекоммуникационных сетей, совершенным лицами, являющимися законными представителями несовершеннолетних, а также лицами, в чьи должностные обязанности входит осуществлять уход, воспитание и оказание образовательных услуг, поскольку совершение преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ в указанных условиях представляет бóльшую общественную опасность.

Ключевые слова: развратные действия, половая неприкосновенность, ненасильственные преступления, сексуальная агрессия, телекоммуникационные сети, эксгибиционизм, порнография

Благодарности. Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-4898.2021.2

Для цитирования: Демидович В.А. Анализ уголовного законодательства Франции, Англии и Испании об ответственности за развратные действия // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 186–191. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-186-191>

Research Article

ANALYSIS OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF FRANCE, ENGLAND AND SPAIN ABOUT RESPONSIBILITY FOR LECHEROUS ACTIONS

Valeria A. Demidovich, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy), Moscow, Russia, dvaleri98@gmail.com.

Abstract. The purpose of this article is to analyse the existing legal regulation of acts that are part of the crime under Art. 135 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the criminal legislation of foreign countries. This analysis is aimed at improving Russian legislation in terms of counteracting the commission of these crimes. The author outlines the problem of qualifying lecherous actions both in Russian and foreign legislation. The category of “lecherous acts” in the understanding of Russian legislation and its correlation with similar acts in foreign countries has been investigated. The legislative and practical experience of England, Spain and France in this area is analysed, the advantages and disadvantages of the legal regulation of lecherous actions are highlighted. Positive experience is presented as proposals for optimising Russian legislation providing for liability for lecherous acts, it is proposed to give a legal assessment of the acts provided for Art. 135 of the Criminal Code of the Russian Federation, committed with the use of telecommunication networks by persons who are legal representatives of minors, as well as persons whose job responsibilities include providing care, upbringing and rendering educational services, since the commission of a crime under Art. 135 of the Criminal Code of the Russian Federation in these conditions is a greater public danger.

Keywords: lecherous actions, sexual inviolability, non-violent crimes, sexual aggression, telecommunication networks, exhibitionism, pornography

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists no. МК-4898.2021.2

For citation: Demidovich V.A. Analysis of the criminal legislation of France, England and Spain about responsibility for lecherous actions. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 186–191 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-186-191>

Развратные действия – сложная уголовно-правовая категория, вызывающая вопросы как у представителей науки, так и у правоприменителей. Общественная опасность этого, в том числе ненасильственного, преступления, совершение которого возможно без непосредственного физического контакта с потерпевшим, варьируется от незначительной до разрушительной. Столь существенная разница потенциального вреда от развратных действий связана в первую очередь с объектом посягательства и особенностями потерпевшего. В зависимости от конкретных обстоятельств результатом данного преступления может стать как формальное нарушение «режима неприкосновенности» лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, так и тяжелая психическая или физическая травма.

Отсутствие четкой концепции уголовной ответственности за сексуальные преступления в России и сложность содержания развратных действий обусловили бессистемный подход к наказуемости последних: простые развратные действия (ч. 1 ст. 135 УК РФ) – преступление небольшой тяжести, квалифицированные развратные действия – тяжкое (ч. 2 ст. 135 УК РФ) или особо тяжкое преступление (ч. 3–5 ст. 135 УК РФ).

В отечественной доктрине [Аскендеров: 253–355] рассмотрены уже многие способы совершенствования законодательства об ответственности за развратные действия [Кудринская: 72–75]. Работы авторов [Смирнов: 144–157] содержат отсылки к историческому опыту, решению судов, опыту отдельных сопредельных государств [Островецкая: 103–121]. Исследования регламентации ответственности за развратные действия в других государствах проводились лишь фрагментарно. Кроме того, во многих зарубежных государствах, особенно европейских, произошли изменения, которые учитывают современное состояние половой морали, новую парадигму сексуальных отношений и прогрессивные требования об обеспечении благополучия несовершеннолетних. В этой связи представляется уместным и своевременным обращение к праву отдельных зарубежных стран, имеющих положительный опыт противодействия сексуальным посягательствам [Коновалов: 53–81; Попова, Михайлов: 44–48].

Анализ уголовного законодательства зарубежных стран в части регулирования ответственности за развратные действия следует начать с Франции, у которой в силу различных причин имеется много общих черт с отечественным правом.

В Уголовном кодексе Франции (далее – УК Франции) имеется отдельная глава II «О посягательствах на физическую или психическую неприкосновенность личности», которая регламентирует, в частности, ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. Интерес представляют ст. 222–22 – 222-31, 227–22 УК Франции. В ст. 222–22 УК Франции раскрывается определение наиболее широкого понятия отдела III «сексуальная агрессия», под которой подразумевается любое сексуальное посягательство, совершенное путем насилия, принуждения, угрозы либо обмана. В данное понятие входит изнасилование, а также сексуальные агрессии, не являющиеся изнасилованием. Следует отметить, что базовые понятия, определяющие как развратные действия в частности, так и в принципе преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, в некоторых моментах отличаются от правового регулирования указанных преступлений в Российской Федерации. Так, например, в ст. 222–23 УК Франции указано, что изнасилование включает любой акт сексуального проникновения какого-либо рода, реализованный в отношении другого лица посредством осуществления насилия, принуждения, угрозы или обмана. В отличие от российского законодательства в УК Франции нет разделения на изнасилование и насильственные действия сексуального характера, ответственность за эти деяния не дифференцирована. Французский законодатель полагает, что любой вид сексуального проникновения представляет равную общественную опасность, делая таким образом акцент не на форму полового акта, а на насильственный способ его совершения.

Что же касается непосредственно развратных действий, то отчасти, проводя сопоставление с их содержанием в уголовном праве России, можно сделать вывод, что они, в частности, охватываются понятием сексуальных агрессий. В ст. 222–29 УК Франции указан квалифицирующий признак совершения сексуальных агрессий, не являющихся изнасилованием, а именно: в отношении несовершеннолетнего, не достигшего пятнадцатилетнего возраста. Данная норма предусматривает более строгое наказание. По смыслу статьи следует, что если потерпевший достиг 15-летнего возраста, но не достиг 18 лет (возраст совершеннолетия во Франции наступает с 18 лет), то лицо, посягающее на его половую свободу, будет нести от-

ветственность по основному составу преступления, предусмотренного ст. 222-27 УК Франции.

Кроме того, в отдельный состав ст. 222-32 УК Франции вынесено публичное обнажение половых органов в общественных местах. Также имеется квалифицированный состав: совершение деяния в отношении лица, не достигшего 15-летнего возраста. В российском законодательстве деяние, состоящее в демонстрации половых органов либо их изображений несовершеннолетним, охватывается объективной стороной ст. 135 УК РФ и дополнительной квалификации, как правило, не требует. При этом публичная демонстрация половых органов совершеннолетним лицом влечет лишь административную ответственность. Анализ ст. 222-32 УК Франции позволяет также отметить, что данный состав преступления охватывает как совершение виновным непосредственно сексуальной демонстрации, так и действия, которые не связаны с обнажением половых органов, однако в случае нахождения в общественном месте при наличии действий, которые явно свидетельствуют о развратности (например, манипуляции с интимными частями тела через покрытую поверхность). Рассматриваемое преступление характеризуется умышленной формой вины. Субъектом преступления является лицо любого пола, достигшее 18-летнего возраста.

В УК Франции имеется и другой состав преступления, который, как представляется, наиболее напоминает развратные действия по уголовному законодательству России (ст. 135 УК РФ). Этот состав закреплен в ст. 227-22 § 2 «Сексуальные преступления против несовершеннолетних» раздела 5 «Преступления в отношении несовершеннолетних» главы 7 «Преступления против несовершеннолетних и семьи». Указанная норма предусматривает ответственность за развратные действия в отношении несовершеннолетних лиц, совершенные посредством какого-либо информационного воздействия на них (мастурбация перед несовершеннолетним посредством веб-камер, демонстрация порнографических материалов, сексуальных сцен, изображений, половых органов и т. д.) [Amsellem-Mainguy, Cheynel, Fouet: 54–55].

Ст. 227-22, 227-22-1, 227-22-2 УК Франции содержат квалифицированные составы, предусматривающие, соответственно, более суровое наказание: во-первых, за совершение развратных действий в отношении несовершеннолетних в случае, если после виртуального взаимодействия последовала реальная встреча с несовершеннолетним; во-вторых, за совершение развратных действий посредством использования средств электронной коммуникации, в том числе сети Интернет; в-третьих, при распространении деталей общения с несовершеннолетним неопределенному кругу лиц; в-четвертых, за совершение раз-

вратных действий на территории образовательных, воспитательных организаций или государственных учреждений, а также на подступах к указанным организациям или учреждениям [Guu: 25–37].

Представляется, что выделение такого способа совершения развратных действий, как использование сети Интернет, а также иных телекоммуникационных сетей говорит о том, что французский законодатель стремится к тому, чтобы осуществлять строгий контроль за развитием телекоммуникаций и Интернета, поскольку большинство преступлений с развитием в современном мире технологических процессов обретает новые способы и формы совершения. Если не осуществлять необходимый, а главное, своевременный контроль, то все большее количество преступлений будет характеризоваться высокой латентностью [Acub: 154–171].

Кроме того, французский законодатель предусматривает квалифицированный состав за совершение совершеннолетним лицом действий, которые направлены на организацию сборищ, сопряженных с актами эксгибиционизма или просмотра сексуальных сцен, в том числе выставок, на которых несовершеннолетний присутствует или в которых он непосредственно участвует [Rassat: 8]. Особо квалифицированным составом совершения развратных действий будет являться совершение указанного преступления организованной группой или в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 15-летнего возраста [Acub: 67–100].

Другой интересный пример правовой регламентации уголовной ответственности за развратные действия имеется в праве Англии. Главным актом, предусматривающим уголовную ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности, в том числе несовершеннолетних, является Закон о сексуальных преступлениях, принятый в 2003 году (англ. Sexual Offences Act). Этот акт дополняет законодательство Англии большим количеством положений, в том числе изменяющих понятие ребенка и повышающих возраст наступления совершеннолетия с 16 лет до 18 лет. В статье 7 указанного акта предусмотрена ответственность за сексуальное насилие над ребенком, не достигшим 13 лет (малолетний возраст). При этом преступление считается совершенным, если совершеннолетнее лицо умышленно прикасается к лицу, не достигшему 13-летнего возраста, и прикосновение носит сексуальный характер. Исходя из толкования данной статьи, прикосновение может осуществляться любой частью тела, каким-либо предметом и через любую поверхность. Такая формулировка говорит о том, что прикосновение, совершенное, например, через одежду либо что-нибудь иное, не являющееся частью тела обвиняемого, может быть признано преступлением.

Ст. 8 Закона о сексуальных преступлениях Англии предусматривает ответственность за принуждение или подстрекательство ребенка младше 13 лет к сексуальной активности. Обязательными признаками преступления являются: совершение деяния умышленно; подстрекательство или принуждение должно осуществляться именно к сексуальной деятельности; лицо, в отношении которого совершается преступление, не должно быть старше 13 лет. В соответствии с указанной статьей к сексуальной деятельности относятся: проникновение в анус, влагалище или рот потерпевшего, проникновение в анус или влагалище другого человека частью тела малолетнего потерпевшего или проникновение чем-либо еще, а равно проникновение в рот другого человека половым членом потерпевшего.

Ст. 11 Закона о сексуальных преступлениях Англии предусматривает уголовную ответственность за вступление в половой акт в присутствии ребенка. Субъектом преступления может быть только лицо, достигшее 18 лет. Обязательным признаком данного состава является наличие вины в форме прямого умысла, что соответствующим образом характеризует субъективную сторону преступления. Кроме того, обязательным признаком субъективной стороны преступления является наличие цели – получение сексуального удовлетворения. Преступление считается совершенным при условии, что несовершеннолетнее лицо присутствует или находится в месте, откуда можно наблюдать за субъектом преступления при осознании последним, что несовершеннолетний видит сексуальные действия либо намеревается сделать так, чтобы несовершеннолетнее лицо присутствовало и (или) наблюдало со стороны за сексуальными действиями виновного. Указанная статья предусматривает наличие потерпевшего либо не достигшего 13 лет, либо не достигшего 16 лет, если субъект преступления не имеет разумных оснований полагать, что потерпевшему 16 или более лет.

Правом Англии в ст. 12 Закона о сексуальных преступлениях предусматривается ответственность за привлечение несовершеннолетнего к просмотру порнографических сцен. Данный состав в целом по своей характеристике соответствует составу преступления, предусмотренному ст. 11 указанного акта, с отличиями по объективной стороне. Преступление, предусмотренное ст. 12, выражается в совершении действий, направленных на привлечение потерпевшего к наблюдению за действиями сексуального характера, осуществляемыми третьими лицами, или же к просмотру изображений сексуальных действий, например фотографий или видеозаписей порнографического характера или смоделированных изображений сексуальной активности (англ. «pseudophotograph of sexual activity»).

Хотя субъектом всех рассмотренных выше составов преступлений является лицо, достигшее 18 лет, Законом о сексуальных преступлениях Англии в статье 13 предусмотрена уголовная ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст. 9–12, лицом, не достигшим 18 лет. Данное положение является отличительной чертой английского законодательства. В ст. 14 Закона о сексуальных преступлениях Англии предусмотрена уголовная ответственность за организацию либо пособничество в совершении преступлений, предусмотренных ст. 9–13 указанного акта. Ст. 15 предусматривает наказание за деятельность по общению с несовершеннолетним посредством электронных коммуникационных средств (социальные сети, чаты, и т. п.) в целях установления доверительных отношений для дальнейшего совершения сексуальных действий с несовершеннолетним. Ответственность наступает лишь в том случае, если совершеннолетний преднамеренно встречается с жертвой либо пытается встретиться.

Отдельным составом, предусмотренным ст. 15А Закона о сексуальных преступлениях, регламентируется ответственность за общение с ребенком с сексуальным подтекстом. Субъектом преступления является лицо, достигшее 18 лет. Обязательным признаком субъективной стороны является наличие цели получения сексуального удовлетворения. Потерпевшим может являться лицо как не достигшее 13 лет, так и лицо от 13 до 16 лет, если у субъекта преступления нет разумных оснований полагать, что указанному лицу уже 16 или более лет. Общением сексуального характера является общение, любая часть которого относится по содержанию к возможной сексуальной активности и которую любой разумный человек будет считать таковой. При этом сексуальной активностью являются действия, которые разумный человек будет во всех отношениях и при любых обстоятельствах независимо от цели данных действий считать относящимися к сексу.

Закон о сексуальных преступлениях 2003 г. Англии содержит отдельную группу сексуальных преступлений, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних, совершенные лицом, исполняющим обязанности попечителя или опекуна, либо по роду своей деятельности обязанным осуществлять надзор за детьми, а также преступления, совершенные членами семьи против детей, не достигших 18 лет. В этой связи можно сделать вывод, что английское законодательство очень тщательно и подробно регламентирует ответственность за развратного рода деяния, попадающие под ст. 135 УК РФ, при этом дифференцируя ответственность в зависимости от возраста и вида соучастия в преступлении.

Особый интерес представляет правовая регламентация уголовной ответственности за развратные

действия в Королевстве Испания. Следует отметить, что в Уголовном кодексе Испании существует раздел VIII «Преступления против половой свободы», состоящий из 5 глав (ст. 178–194). Однако, проводя анализ норм, устанавливающих уголовную ответственность именно за совершение развратных действий по смыслу отечественного уголовного права, можно заметить, что лишь одна статья испанского кодекса регулирует ответственность за сопоставимые действия.

Ст. 185 УК Испании, расположенная в главе III «Преследования сексуального характера», предусматривает ответственность за совершение непосредственно лицом либо за принуждение другого лица осуществлять эксгибиционистские действия перед лицами, не достигшими шестнадцати лет, или перед лицами, страдающими психическими заболеваниями. При этом последствия для данного состава не важны. Законодатель предусматривает в качестве обязательного признака потерпевшего, не достигшего шестнадцати лет или страдающего психическими заболеваниями. Субъект преступления – общий, субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого умысла.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что в европейских странах отсутствует единая концепция уголовной ответственности за развратные действия. При этом во Франции и Англии используется более детальное регулирование уголовной ответственности за совершение развратных действий. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что право исследуемых стран тяготеет к тому, чтобы выделять в качестве отдельных составов преступления различные стадии совершения одного и того же преступления.

Представляется интересным и перспективным опыт зарубежных стран при введении отдельных квалифицирующих признаков совершения развратных действий (например, совершение указанных действий посредством телекоммуникационных сетей). Возможно, введение указанного квалифицирующего признака в ст. 135 УК РФ помогло бы дифференцировать ответственность за развратные действия и снизить латентность преступлений, совершаемых посредством сети Интернет.

Интересным для отечественного права квалифицирующим признаком является совершение развратных действий лицами, являющимися законными представителями несовершеннолетних, поскольку это учитывает зависимое положение детей от указанных взрослых, что отражается на общественной опасности. Латентность таких преступлений значительно выше, в связи с чем совершение развратных действий родителем, опекуном или иным лицом, представляющим законные интересы ребенка,

представляет большую общественную опасность.

Таким образом, учет опыта зарубежных стран в правовой регламентации уголовной ответственности за совершение развратных действий при тщательном анализе особенностей развития преступности в Российской Федерации, а также современных тенденций развития уголовного права, позволит российскому законодателю усовершенствовать и дополнить уже существующие нормы Уголовного кодекса Российской Федерации в целях защиты половой неприкосновенности и свободы несовершеннолетних.

Список литературы

- Аскендеров О.К.* Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы человека в зарубежном законодательстве // Молодой ученый. 2019. № 47 (285). С. 253–255. URL: <https://moluch.ru/archive/285/64290/> (дата обращения: 28.07.2021).
- Коновалов Н.Н.* Насильственные сексуальные преступления / АНО ВО «Российский новый университет». М.: Ru-science com, 2018. 184 с.
- Кудринская Л.А.* Опыт законодательного регулирования борьбы с сексуальным насилием в отношении детей в Европе и России // Национальные приоритеты России. 2013. № 1 (8). С. 72–75.
- Островецкая Ю.А.* Ненасильственные сексуальные посяательства в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М.: Юрлитинформ, 2018. 159 с.
- Попова Л.В., Михайлов В.В.* Уголовная ответственность за совершение действий сексуального характера с использованием сети Интернет // Законность. 2016. № 2. С. 44–48.
- Смирнов А.М.* Половая преступность несовершеннолетних. М.: Юрлитинформ, 2015. 409 с.
- Yaelle Amsellem-Mainguy (coordinatrice), Constance Cheynet et Anthony Fouet.* Entrée dans la sexualité des adolescent·e·s: la question du consentement: Enquête en milieu scolaire auprès des jeunes et des intervenant·e·s en éducation à la sexualité, INJEP, coll. “Rapport d’étude”, 2015, “L’encadrement de la sexualité juvénile: l’exemple de la “majorité sexuelle”, pp. 54–55.
- Raymond Guy.* L’autorité parentale sous contrôle? *Enfances & Psy*, 2003, № 22, pp. 25–37.
- Marcela Iacub.* Le crime était presque sexuel: et autres essais de casuistique juridique. Paris, Flammarion, coll. “Champs”, 2002, 375 p.
- Michèle-Laure Rassat.* Agressions sexuelles – Viol. Autres agressions. Exhibition sexuelle. Harcèlement sexuel. *Juris-classeur*, 2008, 25 janvier, p. 8.
- Marcela Iacub.* Le crime était presque sexuel: et autres essais de casuistique juridique. Paris, Flammarion, coll. “Champs”, 2002, chap. 2: Le sexe des imbéciles, pp. 67–100.

References

Askenderov O.K. *Prestupleniya protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody cheloveka v zarubezhnom zakonodatelstve* [Sexual inviolability crimes and sexual freedom of a person in foreign legislation]. *Molodoy ucheniy* [Young scientist], 2019, № 47 (285), pp. 253–255. URL: <https://moluch.ru/archive/285/64290/> (access date: 28.09.2021). (In Russ.)

Konovalov N.N. *Nasilstvennie seksualnie prestupleniya* [Violent sexual crimes]. Moscow, Ru-science com Publ., 2018, 184 p. (In Russ.)

Kudrinskaya L.A. *Opit zakonodatelnogo regulirovaniya borbi s seksualnim nasiliem v otnoshenii detey v Evrope i Rossii* [Experience of legislative regulation of struggle with sexual violence against children in Europe and Russia]. *Nazionalnie prioritety Rossii* [National priorities of Russia], 2013, № 1 (8), pp. 72–75. (In Russ.)

Ostrovezkaya Y.A. *Nenasilstvennie seksualnie posyagatelstva v otnoshenii nesovershennoletnih: ugovol-*

no-pravovoy i kriminologicheskoy aspekti [Nonviolent sexual assault against minors: criminal law and criminological aspects]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018, 159 p. (In Russ.)

Popova L.V., Mihaylov V.V. *Ugolovnaya otvetstvennost za sovershenie deystviy seksualnogo haraktera s ispolzovaniem seti Internet* [Criminal liability for committing sexual acts using the Internet]. *Zakonnost* [Legality], 2016, № 2, pp. 44–48. (In Russ.)

Smirnov A.M. *Polovaya prestupnost nesovershennoletnih* [Sexual delinquency of minors]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015, 409 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.09.2021; одобрена после рецензирования 23.10.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 11.09.2021; approved after reviewing 23.10.2021; accepted for publication 12.11.2021.

ЗАЩИТА ПРОКУРОРОМ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАК КОМПЛЕКСНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бердинских Светлана Владимировна, Генеральная прокуратура Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, berdinskix@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-8168-3592>

Аннотация. В статье рассматривается актуальный вопрос выделения комплексного направления прокурорской деятельности – защиты прокурором в судебном порядке публичного интереса в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий, исходя из сферы правоотношений и цели деятельности. С учетом имеющихся теоретических подходов автором обосновано, что основанием для выделения выступают три критерия: 1) комплексный характер правового регулирования сферы использования и охраны особо охраняемых природных территорий; 2) необходимость принятия комплекса средств прокурорской деятельности при установлении нарушений режима использования и охраны особо охраняемых природных территорий в судебном порядке; 3) единство фактических обстоятельств, подлежащих установлению по уголовным, гражданским, арбитражным, административным делам, делам об административных правонарушениях по фактам нарушения режима использования и охраны особо охраняемых природных территорий, что, в свою очередь, позволяет использовать, во-первых, собранные доказательства в уголовном, гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве, в производстве по делам об административных правонарушениях (соответственно, требуются единые подходы к сбору и фиксации доказательственной информации), во-вторых, преюдициальность судебных постановлений. Выделение комплексного направления позволяет повысить качество организации и осуществления защиты в судебном порядке публичного интереса в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий.

Ключевые слова: прокурорская деятельность, судебная защита, публичный интерес, особо охраняемые природные территории, деятельностный подход

Для цитирования: Бердинских С.В. Защита прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий как комплексное направление прокурорской деятельности // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 192–197. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-192-197>

Research Article

THE PROSECUTOR'S JUDICIAL PROTECTION OF PUBLIC INTERESTS IN THE USE AND PROTECTION OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL TERRITORIES AS A COMPLEX AREA OF PROSECUTORIAL ACTIVITY

Svetlana V. Berdinskikh, St. Petersburg Institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, berdinskix@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8168-3592>

Abstract. The article deals with the topical issue of highlighting the complex direction of prosecutorial activity – the protection by the prosecutor in court of public interest in the use and protection of specially protected natural territories based on the scope of legal relations and the purpose of the activity. Taking into account the available theoretical approaches, the author proves that three criteria are basis for the allocation: 1) the complex nature of the legal regulation of the sphere of use and protection of specially protected natural territories; 2) the need to adopt a set of means of prosecutorial activity for violations of the regime of use and protection of specially protected natural territories in court; 3) the unity of the factual circumstances to be established in criminal, civil, arbitration, administrative cases, cases of administrative offences on the facts of violation of the regime of use and protection of specially protected natural territories, which in turn allows, firstly, the collected evidence to be used in criminal, civil, arbitration, administrative proceedings, in proceedings on administrative offences (respectively, unified approaches to collecting and fixing evidentiary information are required), secondly, the prejudice of judicial decisions. The allocation of an integrated direction makes it possible to improve the quality of the organisation and implementation of judicial protection of public interest in the use and protection of specially protected natural territories.

Keywords: prosecutor's activity, judicial protection, public interest, specially protected natural territories, activity approach

For citation: Berdinskikh S.V. The prosecutor's judicial protection of public interests in the use and protection of specially protected natural territories as a complex area of prosecutorial activity. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 192–197 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-192-197>

Прокуратура Российской Федерации наделена надзорными и ненадзорными полномочиями, позволяющими комплексно решать вопросы обеспечения законности и правопорядка в той или иной сфере правоотношений.

На комплексный подход к организации и осуществлению прокурорской деятельности ориентируют прокуроров организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации. Применяется этот подход и в научных исследованиях [Ашурбеков: 17].

Выделение комплексных направлений прокурорской деятельности, исходя из сферы правоотношений и цели деятельности, включающих надзорные и ненадзорные либо только ненадзорные направления, отвечает современной потребности организации и осуществления прокурорской деятельности, способной своевременно, всесторонне и полно обеспечить законность и правопорядок в той или иной сфере правоотношений.

Детальное рассмотрение и оценка деятельности на каждом направлении внутри комплекса взаимосвязей (как между ними, так и с иными надзорными и ненадзорными направлениями) через призму теории, правового регулирования и практики обеспечат возможность формирования (либо восполнения) теоретической основы комплексного направления, усовершенствования нормативно-правовой базы, в том числе путем устранения пробельности.

Применение деятельностного подхода [Бердинских 2020а: 254–257] и исследование комплексного направления с точки зрения цели, средств, процесса и результата позволят выявить общие закономерности функционирования и, соответственно, обеспечить единые подходы к организации и осуществлению деятельности, а также дать почву для дальнейших теоретических разработок и нормотворчества.

Такое выделение комплексного направления и его последующее теоретическое и нормативное обогащение [Алексеев: 197] создадут необходимые условия для эффективных организации и осуществления деятельности, поскольку позволят увидеть и оценить во взаимосвязи все имеющиеся ресурсы и принять результативные решения.

При этом если выделение комплексных направлений, включающих надзорные и ненадзорные направления, обосновано наличием у прокуратуры Российской Федерации комплексом надзорных и ненадзорных полномочий, то выделение в названных комплексных направлениях комплексных направ-

лений, объединяющих только ненадзорные направления, например представляющие собой участки функции участия в рассмотрении дел судами, должно осуществляться, на наш взгляд, с учетом комплекса объективных критериев.

Таким комплексным ненадзорным направлением прокурорской деятельности является защита прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ), объединяющая участки функции участия в рассмотрении дел в сфере использования и охраны ООПТ.

Названное направление в совокупности с прокурорским надзором и ненадзорными направлениями образует комплексное межфункциональное направление прокурорской деятельности – защиту публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ [Бердинских 2020б: 79–86].

С процессуальной точки зрения защита прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ как комплексное направление включает участие прокурора в рассмотрении дел судами в пяти видах судопроизводства (конституционное, уголовное, гражданское, арбитражное, административное судопроизводства, включая производство по делам об административных правонарушениях) в трех формах (инициативная, дача заключения и поддержание государственного обвинения).

На наш взгляд, основанием для выделения защиты прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ в самостоятельное комплексное направление, исходя из сферы правоотношений (использование и охрана ООПТ) и цели деятельности (обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации при использовании и охране ООПТ, единства и укрепления законности и правопорядка в сфере ООПТ, обеспечения публичного интереса в сфере ООПТ), выступает следующий комплекс критериев:

- 1) комплексный характер правового регулирования сферы использования и охраны ООПТ;
- 2) необходимость принятия комплекса средств прокурорской деятельности при установлении нарушений режима использования и охраны ООПТ в судебном порядке, которая предопределяется тем, что, во-первых, нарушения влекут виды ответственности, налагаемые в судебном порядке; во-вторых, единичная мера не позволит в полной мере устранить выявленное нарушение, возместить причинен-

ный ООПТ вред, привлечь лицо к установленной законом ответственности;

3) единство фактических обстоятельств, подлежащих установлению по уголовным, гражданским, арбитражным, административным делам, делам об административных правонарушениях по фактам нарушения режима использования и охраны ООПТ (с учетом специфики процессуального законодательства), позволяющее использовать, во-первых, собранные доказательства в уголовном, гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве, в производстве по делам об административных правонарушениях (соответственно, требуются единые подходы к сбору и фиксации доказательственной информации), во-вторых, преюдициальность судебных постановлений.

Перед рассмотрением особенностей правового регулирования следует остановиться на специфике сферы правоотношений – использования и охраны ООПТ.

В Российской Федерации предусмотрены и реализуются различные способы охраны окружающей среды.

Так, законодателем установлены условия и порядки использования природных ресурсов, которые позволяют предметно обеспечивать охрану лесов, земель, вод, недр, животных, рыб и водных биологических ресурсов, атмосферного воздуха. Особенности правового регулирования в названных сферах установлены Лесным, Земельным, Водным кодексами РФ, Законом РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах», Федеральным законом РФ от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире», Федеральным законом РФ от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», Федеральным законом РФ от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха».

Вместе с тем для устойчивого функционирования и развития ценных объектов (их комплексов) необходимо устойчивое функционирование и развитие биогеоценоза (экосистемы). Для их сохранения и недопущения невосполнимой утраты предусмотрено создание и функционирование ООПТ – участков земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, имеющие особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение. Охрана обеспечивается путем изъятия ООПТ решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и установления для них режима особой охраны.

Названная специфика влечет следующие особенности правового регулирования.

В зависимости от особенностей режима ООПТ согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 2 Федерального закона РФ от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» выделяют следующие катего-

рии: государственные природные заповедники, в числе биосферные заповедники, национальные парки, природные парки, государственные природные заказники, памятники природы, дендрологические парки и ботанические сады. Законами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться и иные категории ООПТ регионального и местного значения.

ООПТ могут иметь федеральное, региональное и местное значение, что требует соответствующего разноуровневого правового регулирования и деятельности разноуровневых субъектов, уполномоченных на принятие решений о создании, изменении границ и режима ООПТ, ликвидации ООПТ, управлении ООПТ, контролирующим исполнение законодательства в сфере использования и охраны ООПТ.

При этом на федеральном уровне вопросы урегулированы как федеральными законами, так и подзаконными нормативными правовыми актами.

Неразрывная связь ООПТ с земельными участками и виды ООПТ по объектам охраны (например, биосферные, дендрологические, ботанические, водные) предопределяет межотраслевой характер правового регулирования: наряду с федеральными законами в сфере использования и охраны ООПТ (Федеральным законом от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральным законом от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях») необходимо руководствоваться Земельным кодексом РФ и соответствующим законодательством об объектах охраны.

Нарушения режима использования и охраны ООПТ в зависимости от последствий всегда (при отсутствии обстоятельств, исключающих ответственность) влекут гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность.

Причинение вреда природным объектам и комплексам в границах ООПТ в соответствии с п. 3 ст. 36 Федерального закона от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» влечет гражданско-правовую ответственность.

При этом причинение значительного вреда дает основания для дачи уголовно-правовой оценки деянию на предмет наличия либо отсутствия состава преступления, предусмотренного ст. 262 Уголовного кодекса Российской Федерации («Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов»).

Ст. 8.39 КоАП РФ, устанавливающая административную ответственность за нарушение режима или иных правил охраны и использования окружающей среды и природных ресурсов на территориях государственных природных заповедников, национальных парков, природных парков, государственных природных заказников, а также на территориях, на которых находятся памятники природы, на иных

ООПТ либо в их охранных зонах, предусматривает формальный состав – отсутствие необходимости наступления последствий.

Изложенное свидетельствует о том, что правовое регулирование носит комплексный (межотраслевой и разноуровневый характер), который, соответственно, предопределяет комплексность видов ООПТ и объектов охраны на них, значений ООПТ и субъектов, уполномоченных на решение вопросов в сфере ООПТ, видов юридической ответственности и субъектов правонарушений.

Сформулированный нами публичный интерес в сфере использования и охраны ООПТ, подлежащий защите прокурором в судебном порядке, также носит комплексный характер. Он включает в себя государственные интересы, отражающие экологические интересы общества в сфере ООПТ; собственные интересы государства, направленные на сохранение, поддержание, установление экологической безопасности, защиту государственной собственности в сфере ООПТ, обеспечение соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения законов, регулирующих вопросы охраны окружающей среды, неотвратимость наказания виновных лиц, данные законы нарушивших, восстановление нарушенных прав на благоприятную окружающую среду и возмещение причиненного ущерба; признанные государством общественные интересы в сфере ООПТ [Бердинских 2017: 104–108].

Говоря о специфике нарушений в сфере использования и охраны ООПТ, необходимо отметить, что при реализации государственной политики количество ООПТ последовательно увеличивается. В настоящее время уже существует 20047 ООПТ; площадь ООПТ составила 255,6 млн га, или почти 14 % от всей площади государства (в 2017 году составляла 11 % от всей площади государства¹. К 2024 году при реализации национального проекта «Экология» планируется создать не менее 24 новых ООПТ и увеличить площадь ООПТ на 5 млн га². Наряду с развитием системы ООПТ необходимо обеспечить законность и правопорядок на уже созданных и функционирующих ООПТ.

Несмотря на то, что вопросы сохранения и развития ООПТ являются приоритетными направлениями работы правоохранительных и контролирующих органов, физическими и юридическими лицами, уполномоченными органами и их должностными лицами, продолжают допускаться разнохарактерные нарушения законодательства в сфере использования и охраны ООПТ.

На основании предмета правового регулирования нарушения объединены нами в две группы: 1) нарушения режима использования и охраны ООПТ и 2) иные нарушения законодательства об ООПТ, регламентирующего полномочия органов власти (федерального, регионального уровня), органов местного

самоуправления по вопросам создания, функционирования, охраны, использования ООПТ, упразднения ООПТ [Бердинских 2021: 205–213].

Специфика нарушений режима использования и охраны ООПТ заключается в том, что они влекут угрозу невосполнимой утраты ценных объектов и их комплексов, в связи с чем имеется особая потребность в своевременном, всестороннем и полном реагировании на разнохарактерные нарушения законодательства об ООПТ, созданных и функционирующих для сохранения уникальных и типичных природных комплексов и объектов, достопримечательных природных образований, объектов растительного и животного мира, их генетического фонда, изучения естественных процессов в биосфере и контроля за изменением ее состояния, экологического воспитания населения.

Принятие единичных мер прокурорского реагирования на нарушения режима ООПТ (например, осуществление запрещенной на территории ООПТ деятельности), которые в зависимости от последствий влекут гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность, зачастую недостаточно, поскольку не позволяет в полном объеме восстановить нарушенный публичный интерес в сфере использования и охраны ООПТ, соответственно, требуется принятие комплекса средств прокурорской деятельности.

Например, при осуществлении прокурором защиты в инициативной форме по факту нарушения режима ООПТ на стадии подготовки документов для инициирования судопроизводства наряду с решением вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 8.39 КоАП РФ (с обязательной оценкой его судебной перспективы в случае рассмотрения судом в порядке пересмотра), одновременно может решаться вопрос о предъявлении искового заявления, например, об оспаривании формирования земельного участка и/или сделки по распоряжению им. При установлении факта причинения вреда природным объектам и комплексам в границах ООПТ наряду с дачей уголовно-правовой оценки деянию рассматривается вопрос и о предъявлении искового заявления о возмещении вреда.

Поддерживая государственное обвинение, государственный обвинитель поддерживает и гражданский иск о возмещении вреда, предъявленный в порядке ст. 44 УПК РФ прокурором либо уполномоченным органом. При этом в случае оставления судом гражданского иска прокурора без рассмотрения с передачей его на разрешение в рамках гражданского судопроизводства, прокурор будет поддерживать его уже на основании ч. 1 ст. 45 ГПК РФ.

Важно то, что общими обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовным, гражданским, арбитражным, административным делам, делам об

административных правонарушениях по фактам нарушения режима использования и охраны ООПТ, являются наличие нормативного правового акта, регламентирующего режим ООПТ, распространение действия акта на спорную территорию, совершение деяния на спорной территории, отнесение деяния к запрещенным на ООПТ.

Это расширяет возможности защиты, поскольку единство предмета доказывания позволяет использовать собранную доказательственную базу по факту нарушения режима использования и охраны ООПТ (с учетом особенностей, предусмотренных процессуальным законодательством) во всех видах судопроизводства, что влечет необходимость единых подходов к сбору относимых, допустимых, достоверных и достаточных доказательств.

В этой связи нами в качестве такого единого подхода в развитие позиции В.Н. Исаенко, О.Н. Коршуновой обосновано применение криминалистических техник и тактик при фиксации доказательственной информации о нарушениях режима ООПТ [Бердинских 2020в: 28–30].

Также единство предмета доказывания позволяет шире использовать преюдициальность судебных постановлений.

На иные нарушения законодательства об ООПТ, регламентирующего полномочия органов власти (федерального, регионального уровня), органов местного самоуправления по вопросам создания, функционирования, охраны, использования ООПТ, упразднения ООПТ (например, бездействие, выразившееся в непостановке ООПТ на государственный кадастровый учет, принятие незаконного нормативного правового акта об упразднении ООПТ, незаконного ненормативного правового акта о формировании земельного участка в границах ООПТ), хоть и возможно реагирование единичной мерой (протест, представление), в каждом случае требуется оценить результативность мер надзорного и ненадзорного характера (например, необходимость принятия обеспечительных мер), а также судебную перспективу в случае отклонения меры прокурорского реагирования.

Так, понимание оснований и порядка реализации полномочий, предоставленных ч. 1 ст. 39 КАС РФ с учетом установленной организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации последовательности принятия средств прокурорской деятельности в сфере нормотворчества и прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов, а также принципа целесообразности [Ергашев: 39; Коршунова: 88–93; Смирнов: 42–46] позволит своевременно и обоснованно предъявить административный иск об оспаривании нормативного (ненормативного) правового акта в сфере использования и охраны ООПТ.

Прокурор, во исполнение ч. 7 ст. 39 КАС РФ участвуя в рассмотрении административного дела об оспаривании нормативного правового акта в сфере использования и охраны ООПТ и давая заключение, также осуществляет защиту публичного интереса, способствуя вынесению законного, обоснованного и мотивированного постановления.

Кроме того, прокурор вправе реализовать свои полномочия в конституционном судопроизводстве.

Комплексность сферы правоотношений требует адекватной организации и осуществления прокурорской деятельности для сохранения биологического разнообразия и развития системы ООПТ, относящихся к первоочередным задачам Российской Федерации в сфере обеспечения экологической безопасности.

Выделение защиты прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ в отдельное комплексное ненадзорное направление прокурорской деятельности представляется обоснованным и служит основой для дальнейших исследований и в практической деятельности при организации и осуществлении защиты.

Примечания

¹ Информация Tass.ru. URL: www.tass.ru (дата обращения: 22.05.2021).

² Паспорт национального проекта «Экология», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16). URL: www.mnr.gov.ru (дата обращения: 22.05.2021).

Список литературы

Алексеев С.С. Теория права. М.: Изд-во БЕК, 1995. 311 с.

Ашурбеков Т.А. Правовые и организационные основы надзорной и иной функциональной деятельности прокуратуры в сфере национальной безопасности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 66 с.

Бердинских С.В. О типичных нарушениях законодательства в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5 (126). С. 205–213.

Бердинских С.В. О деятельностном подходе к обеспечению прокурором конституционных гарантий граждан и публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий // Крымские юридические чтения. Развитие конституционализма в России. Симферополь. 2020. Т. 1. С. 254–257.

Бердинских С.В. О предмете деятельности прокурора по защите в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых

мых природных территорий // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 4. С. 79–86.

Бердинских С.В. Применение достижений криминалистики при фиксации доказательственной информации о нарушениях режима особо охраняемых природных территорий // Законность. 2020. № 11. С. 28–30.

Бердинских С.В. К вопросу о сущности публичного интереса в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий, подлежащего защите прокурором в судебном порядке // Криминалист. 2017. № 2 (21). С. 104–108.

Ергашев Е.Р. Принципы прокурорского надзора-охранительного права и его институтов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 39.

Коршунова О.Н. Законность и целесообразность в организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 88–93.

Смирнов А.Ф. Принцип целесообразности в деятельности прокуратуры // Практика реализации судами и прокуратурой требований закона о защите прав участников экономической деятельности Сборник статей по материалам круглого стола, проведенного в рамках V Московского юридического форума / под ред. Т.И. Отческой. М.: ООО «РГ-Пресс», 2018. С. 208–214.

References

Alekseev S.S. *Teorija prava* [Theory of law]. Moscow, 1995, 311 p. (In Russ.)

Ashurbekov T.A. *Pravovye i organizacionnye osnovy nadzornoj i inoj funkcional'noj dejatel'nosti prokuratury v sfere nacional'noj bezopasnosti* [Legal and organizational bases of Supervisory and other functional activities of the Prosecutor's office in the field of national security]: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Moscow, 2009, 66 p. (In Russ.)

Berdinskih S.V. *O tipichnyh narushenijah zakonodatel'stva v sfere ispol'zovanija i ohrany osobo ohranjaemyh prirodnyh territorij* [About typical violations of legislation in the field of use and protection of specially protected natural territories]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2021, vol. 16, no. 5 (126), pp. 205–213 (In Russ.)

Berdinskih S.V. *O dejatel'nostnom podhode k obespecheniju prokurorom konstitucionnyh garantij grazhdan i publicnyh interesov v sfere ispol'zovanija i ohrany osobo ohranjaemyh prirodnyh territorij* [On the activity-based approach to ensuring constitutional guarantees of citizens and public interests in the use and protection of specially protected natural territories by the Prosecutor]. *Krymskie juridicheskie chtenija. Razvitie konstitu-*

cionalizma v Rossii [Crimean legal readings. Development of constitutionalism in Russia]. Simferopol', 2020, vol. 1, pp. 254–257. (In Russ.)

Berdinskih S.V. *O predmete dejatel'nosti prokurora po zashhite v sudebnom porjadke publicnyh interesov v sfere ispol'zovanija i ohrany osobo ohranjaemyh prirodnyh territorij* [On the subject of the prosecutor's activity for the protection of public interests in the field of use and protection of specially protected natural territories in court]. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij* [Russian Journal of Legal Research], 2020, vol. 7, no. 4, pp. 79–86. (In Russ.)

Berdinskih S.V. *Primenenie dostizhenij kriminalistiki pri fiksacii dokazatel'stvennoj informacii o narushenijah rezhima osobo ohranjaemyh prirodnyh territorij* [Application of the achievements of criminology in recording evidentiary information about violations of the regime of specially protected natural territories]. *Zakonnost'* [Legality], 2020, no. 11, pp. 28–30 (In Russ.)

Berdinskih S.V. *K voprosu o sushhnosti publicnogo interesa v sfere ispol'zovanija i ohrany osobo ohranjaemyh prirodnyh territorij, podlezhashhego zashhite prokurorom v sudebnom porjadke* [On the issue of the essence of public interest in the use and protection of specially protected natural territories, subject to protection by the prosecutor in court]. *Kriminalist* [Criminologist], 2017, no. 2 (21), pp. 104–108 (In Russ.)

Ergashev E.R. *Principy prokurorskogo nadzorno-ohranitel'nogo prava i ego institutov* [Principles of prosecutorial Supervisory and protective law and its institutions]: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Екатеринбург, 2008, 39 p. (In Russ.)

Korshunova O.N. *Zakonnost' i celesoobraznost' v organizacii i dejatel'nosti prokuratury Rossijskoj Federacii* [Legality and expediency in the organization and activity of the Prosecutor's office of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika* [Russian laws: experience, analysis, practice], 2019, no. 5, pp. 88–93. (In Russ.)

Smirnov A.F. *Princip celesoobraznosti v dejatel'nosti prokuratury* [The principle of expediency in the Prosecutor's office]. *Praktika realizacii sudami i prokuraturoj trebovanij zakona o zashhite prav uchastnikov jekonomicheskoj dejatel'nosti: sbornik statej po materialam kruglogo stola, provedennogo v ramkah V Moskovskogo juridicheskogo foruma*, eds. by T.I. Otcheskoj. Moscow, RG-Press Publ., 2018, pp. 208–214. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.08.2021; одобрена после рецензирования 14.09.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 30.08.2021; approved after reviewing 14.09.2021; accepted for publication 12.11.2021.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛОМБАРДОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ И СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Бриль Геннадий Геннадьевич, доктор юридических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, g_bril@ksu.edu.ru

Богданова Екатерина Ильинична, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, katybgdvn@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется процесс зарождения и развития ломбардной деятельности в Российском государстве в дореволюционный и советский периоды. Отдельное внимание уделяется совершенствованию условий предоставления займов населению под залог имущества. Авторами исследованы нормативно-правовые акты, регулировавшие деятельность ломбардных учреждений. Отмечается, что создание ломбардов было обусловлено необходимостью избавления населения от ростовщического гнета и поиском новых источников пополнения государственной казны. Анализ источников правового регулирования показывает, что в дореволюционный период происходил постепенный перевод работы ломбардов из государственной сферы в частную: совершенствовались организационно-правовые формы ломбардов, изменялась система контроля за их деятельностью. В хронологические рамки исследования вошёл и советский этап становления ломбардной деятельности, который является малоизученным. После временного прекращения деятельности ломбардов начался процесс её возрождения в рамках новой экономической политики в целях улучшения бытового обслуживания населения. Авторами раскрывается вклад ломбардов в сохранение имущества граждан в годы Великой Отечественной войны. Проведенный анализ истории развития ломбардной деятельности позволил сделать вывод о социальной направленности деятельности ломбардов и их важности для поддержания финансового положения населения, что указывает на необходимость развития ломбардной деятельности и на современном этапе.

Ключевые слова: ломбард, ломбардная деятельность, ссудная казна, договор займа, договор хранения, дореволюционный период, советский период

Для цитирования: Бриль Г.Г., Богданова Е.И. Правовое регулирование деятельности ломбардов в дореволюционном и советском гражданском законодательстве // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 198–203. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-198-203>

Research Article

LEGAL REGULATION OF PAWNSHOPS IN PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET CIVIL LEGISLATION

Gennadiy G. Bril', Doctor of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, g_bril@ksu.edu.ru

Ekaterina I. Bogdanova, Kostroma State University, Kostroma, Russia, katybgdvn@gmail.com

Abstract. The article examines the process of the origin and development of pawnshop activity in the Russian state in the pre-revolutionary and Soviet periods. Special attention is paid to improving the conditions for granting loans to the population secured by property. The authors investigated the normative legal acts regulating the activities of pawnshops. It is noted that the creation of pawnshops was due to the need to rid the population of usurious oppression and the search for new sources of replenishment of the state treasury. The analysis of the sources of legal regulation shows that in the pre-revolutionary period there was a gradual transfer of the work of pawnshops from the public sphere to the private – the organisational and legal forms of pawnshops were improved, the system of control over their activities changed. The chronological framework of the study also includes the Soviet stage of the formation of pawnshop activity, which is poorly studied. After the temporary cessation of pawnshops, the process of its revival began within the framework of a new economic policy in order to improve consumer services for the population. The authors reveal the contribution of pawnshops to the preservation of citizens' property during the Axis-Soviet War. The analysis of the history of pawnshop activity allowed us to conclude about the social role of pawnshops and their importance for maintaining the financial situation of the population, which indicates the need for the development of pawnshop activity at the present stage.

Keywords: pawnshop, pawnshop activity, loan treasury, loan agreement, storage agreement, pre-revolutionary period, Soviet period

For citation: Bril' G.G., Bogdanova E.I. Legal regulation of pawnshops in pre-revolutionary and Soviet civil legislation. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 198–203 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-198-203>

Деятельность ломбардов насчитывает многовековую мировую историю. Учёные считают, что первые ломбарды были созданы в середине XV в. в итальянской провинции Ломбардии, откуда и произошел термин «ломбард» [Алеев: 1]. В России данные организации появились лишь в XVIII в. Правовое регулирование деятельности ломбардов в Российском государстве условно можно разделить на два периода: дореволюционный и советский.

А.А. Базарнова выделяет два этапа в развитии законодательства, регулирующего ломбардную деятельность в дореволюционный период:

1. С 1772 г. по 1860 г., когда происходило учреждение первых государственных и частных ломбардных учреждений в Москве и Санкт-Петербурге.

2. С 1860 г. по 1917 г. – период интенсивного развития ломбардной деятельности на всей территории Российского государства [Базарнова 2011: 10].

Стоит отметить, что до появления первых ломбардных учреждений осуществлялось фрагментарное правовое регулирование договора залога такими памятниками русского права, как Русская Правда, Псковская судная грамота, Соборное уложение и др. Функции ломбардов выполняли иные учреждения.

В 1729 г. Петром II была создана Монетная контора, которой несколько позже указом Анны Иоанновны «О правилах займа денег из Монетной конторы» от 8 января 1733 г. было предписано выдавать всем желающим ссуды под заклад золота и серебра и «за отданные деньги брать в казну по 8 процентов в год»¹. Таким образом, выдача ссуд была призвана не только облегчить финансовое положение населения, но и стать дополнительным источником дохода в государственную казну. Монетная контора, в дальнейшем переименованная в Монетную канцелярию, была первым учреждением, выполнявшим функции ломбарда. Неудивительно, что попытка борьбы с ростовщичеством была предпринята именно Анной Иоанновной, поскольку до восшествия на российский престол в 1730 г. она правила в Курляндии, где уже сложилась система ломбардов по немецкому образцу.

Политику Анны Иоанновны в финансовой сфере продолжила императрица Елизавета Петровна. 13 мая 1754 г. ею был издан именной указ «Об учреждении Государственного Заемного Банка; о порядке выдачи из него денег и о наказании ростовщиков». Банк выдавал ссуды в размере от 500 до 1 000 рублей со ставкой 6 % годовых лицам дворянского происхождения. В залог принимались золото и серебро, недвижимые имущества, каменные дома, села и деревни «с людьми и крестьянами и со всеми угодьями»². Таким образом, предметом залога были предметы и вещи, широкого обращения которых в стране не существовало, для большинства представителей дво-

рянства и купечества кредитный договор на указанных условиях оставался недоступным.

Свое развитие ломбардная деятельность в России получила в «золотой век» Екатерины II. Правление императрицы было ознаменовано проведением просветительских реформ, которые затронули и финансовую сферу. В 1772 г. по предложению личного секретаря императрицы Ивана Ивановича Бецкого Указом Екатерины II в Петербурге и Москве при опекунских советах были учреждены ссудные казны «на помощь всем нужду в деньгах имеющим и в той самой нужде ростовщиками утесняемым».

«Генеральный план императорского воспитательно-го дома», утвержденный 20 ноября 1772 г., содержал положения о том, что ссудная казна выдавала деньги под 6 % годовых³. «Историческая справка о ссудных казнах за все время их существования» дает более целостное представление о работе этих «казенных ломбардов». Согласно справке в числе других вещей к приему в залог допускались «платье, белье, всякие ткани и мягкая рухлядь». При этом необходимо было проявлять крайнюю осмотрительность, чтобы уберечь казну от «убытка или нареkania от заемщиков». Ссуды выдавались на 3, 6, 9 и 12 месяцев, процентная ставка составляла 6 % в год или 0,5 % в месяц. Проценты взимались при выдаче ссуды и, если выкуп залога осуществлялся досрочно, не подлежали возврату. «Сверх 6% заемщики платили за каждый билет на три месяца по деньге с рубля, а при залоге алмазных вещей – вдвое, что составляло в общей сложности для одних залогов по 8 %, а для других – по 10 % в год»⁴.

Стоит отметить, что деятельность ссудных казн государством не финансировалась, однако им было дозволено заимствовать денежные суммы, предназначенные для благотворительности, под 5 % годовых. Таким образом, ссудные казны являлись в большей степени не благотворительными, а коммерческими организациями, имеющими целью извлечение прибыли.

В 1797 г. указом Опекунского совета процентная ставка была увеличена до 8 % годовых, а ссудным казнам было предписано взыскивать с заемщиков дополнительно до 4 % в пользу Воспитательного дома. Из этого следует, что проценты, взыскиваемые с заемщиков, могли достигать 12 % годовых. При Павле I в связи со значительным увеличением капитала ссудных казн процентная ставка была уменьшена до 10 % годовых [Кириллов: 41].

Изначально ссудные казны осуществляли свою деятельность под контролем Опекунских советов, но в 1860 г. они были переданы в ведение Министерства финансов: начался новый этап развития ломбардной деятельности⁵. Несмотря на изменение контролирующего органа, казны продолжали пользоваться особыми привилегиями со стороны государства. Ссудные казны кредитовались под 4–6 %

годовых Сохранными казнами, а затем и Государственным банком.

Отметим, что до 1840 г. выдачей ссуд занимались не только ссудные казны, но и приказы общественного призрения. Чаще всего предметом залога в них являлись драгоценные вещи, поэтому данный вид деятельности приказов не получил широкого распространения [Исинский: 428–429].

Рассматриваемые нами учреждения не могли удовлетворить потребностей в массовом кредитовании населения. Ссудные казны работали далеко не каждый день, а регулярные перезалоги вещей при краткости сроков кредитования умножали их работу. Вследствие этого учреждения не могли справиться с потоком клиентов и соблюсти должный порядок их обслуживания. Чтобы решить эту проблему, происходило увеличение продолжительности присутственных дней и сроков заклада, а также сокращение списка предметов, принимаемых в залог. Однако деятельность данных учреждений оставалась недоступной для бедняков, которых в Российском государстве было большое количество. Ссудные казны осуществляли свою деятельность вплоть до Октябрьской революции, а беднякам свои услуги стали предоставлять частные организации.

Открытию частных ломбардных учреждений способствовало проведение «великих реформ» Александра II, когда свое развитие получили новые организационно-правовые формы юридических лиц. Было учреждено большое количество частных ссудных касс и ломбардов в виде акционерных обществ и товариществ.

Условия кредитования и в частных кассах не являлись выгодными для населения. Клиенты могли получить деньги лишь под высокие ссудные проценты, которые составляли не менее 60 % годовых, а залог оценивался в несколько раз ниже реальной стоимости. В 1840 г. в Петербурге была учреждена «Компания для хранения и залога разной движимости и товаров» [Базарнова 2008: 43–44]. До 1869 г. это была единственная подобная компания, осуществлявшая свою деятельность в Российском государстве. Новые компании учреждались в крупных городах России, положение же бедноты в небольших городах оставалось плачевным, люди были вынуждены обращаться к ростовщикам. Ситуация стала изменяться к 1888 г., когда для помощи беднякам городское самоуправление начало учреждать городские ломбарды. Они выдавали ссуды от 1 рубля, а в залог принимали все вещи, которые имели какую-либо ценность. Цена кредита в городских ломбардах, как правило, не превышала 20 % годовых. К 1909 г. насчитывалось 83 городских ломбарда [Кириллов: 48].

Стоит отметить, что городское самоуправление старалось поддерживать малоимущих граждан, что

не всегда положительно сказывалось на работе городских ломбардов. К примеру, в 1915 г. произошло резкое падение прибыли Костромского городского ломбарда, что отражено в отчете о его деятельности. Распорядитель ломбарда Н. Вознесенский в своем докладе связал это с двумя причинами: уменьшением выданного капитала в ссуду и прекращением взимания пени с просроченных залогов по постановлению Городской думы. Данное требование Городской думы привело к тому, что большое число клиентов уплатило проценты не через 4 месяца после получения ссуды, а через 6 и 7 месяцев, и доходная часть бюджета ломбарда снизилась⁶.

Советский период развития ломбардной деятельности начинается с Социалистической революции 1917 г.

В ходе Октябрьского переворота власть национализировала частные коммерческие банки. Декретом ВЦИК от 14 декабря 1917 г. «О национализации банков» банковское дело было объявлено государственной монополией. Все частные банки были объединены с Государственным банком⁷.

В декабре 1917 г. прекратили свою деятельность Дворянский, Земельный и крестьянские банки, 10 октября 1918 г. были упразднены общества взаимного кредитования, в 1919 г. – частные земельные банки и городские кредитные общества.

Специальных распоряжений, касающихся деятельности ломбардов, не было. Вероятно, частные ломбарды были упразднены наряду с частными коммерческими банками, а городские ломбарды прекратили свою деятельность по распоряжению местных властей.

Ситуация изменилась в начале 1920-х гг. В.И. Ленин считал, что банковская система необходима для общественного распределения и учета, поэтому в рамках реализации новой экономической политики ломбардная деятельность была возрождена. В 1922 г. в советском государстве началась организация открытия ломбардов. Первым открытым ломбардом стал Московский городской ломбард, учрежденный постановлением Народного комиссариата финансов РСФСР от 5 июля 1924 г.

В соответствии с положениями декрета СНК РСФСР от 11 октября 1922 г. «Об учреждении ломбардов (ссудных касс)» для удовлетворения потребностей городского населения в доступном кредитовании разрешалось создание при коммунальных хозяйствах ломбардов для выдачи ссуд под ручные заклады. При этом предметом залога не могли быть процентные и ценные бумаги. Допускалось использование частного капитала при организации ломбардов, то есть открытие ломбардов смешанного типа⁸. 11 ноября 1922 г. был утвержден образцовый устав Коммунального ломбарда⁹, а 16 сентября 1926 г. ЭКОСО РСФСР постановил перевести все ломбарды, действующие на территории республики, на нормальный

устав коммунальных ломбардов. Однако это постановление не распространялась на ломбарды, осуществлявшие свою деятельность в виде акционерных обществ¹⁰.

Таким образом, ломбарды стали осуществлять свою деятельность в системе органов бытового обслуживания. Работа ломбардов основывалась на выдаче ссуд под ручные залого, «а именно: под заклад драгоценных металлов в слитках и изделиях, драгоценных камней, жемчуга, платья, мебели» и др. Кроме того, ломбарды имели право принимать на хранение вещи и поручения по продаже с аукционного торга или по вольной цене¹¹.

17 июля 1928 г. постановлением СНК РСФСР в отмену постановления от 11 октября 1922 г. были учреждены коммунальные и акционерные ломбарды. Ломбарды учреждались городскими советами и местными исполнительными комитетами: коммунальные – при отделах коммунального хозяйства, акционерные – в виде смешанных акционерных обществ с основным капиталом не менее двадцати пяти тысяч рублей. При этом доля участия городских советов, местных исполкомов и государственных предприятий в основном капитале акционерного ломбарда должна была составлять не менее 50 %, а частным лицам не могло принадлежать более 25 % акций¹².

Постановлением СНК РСФСР того же дня коммунальные и акционерные ломбарды освобождались от промыслового и подоходного налога и от местных налогов и сборов¹³.

С 1934 г. горсоветы могли учреждать коммунальные ломбарды лишь с согласия НКФ РСФСР¹⁴.

15 декабря 1939 г. СНК РСФСР вынес постановление «Об улучшении работы городских ломбардов». Постановлением был утвержден типовой устав городского ломбарда, установлены основные задачи, стоящие перед городскими ломбардами (хранение имущества и выдача срочных ссуд под залог имущества), внесены предложения по оптимизации их работы. В частности, было рекомендовано направлять прибыль ломбардов на их дальнейшее развитие, а городским советам было предписано организовывать при ломбардах приемочные пункты и бюро обслуживания по приему вещей на дому. Примечательно, что было предложено ликвидировать специальные магазины при ломбардах и аукционные торги, то есть реализация невостребованного имущества согласно рекомендациям должна была осуществляться магазинами торговой сети¹⁵.

В начале Великой Отечественной войны деятельность ломбардов по осуществлению привычных операций была прекращена. Известно, что в них представителями райжилотделов сдавались мебель и домашняя утварь эвакуированных граждан. К примеру, Московский городской ломбард приостановил

прием ценностей, однако его сотрудники не призывались в армию. Они охраняли ранее принятые вещи, чтобы после войны вернуть их собственникам¹⁶. Безусловно, не все вещи оставались в сохранности, что было обусловлено обстановкой военного времени, поэтому 19 мая 1944 г. было вынесено постановление, согласно которому ломбарды не несли ответственности за утраченные ценности, если местность была оккупирована врагом, а вещи не были эвакуированы или было установлено, что ценности погибли или повреждены вследствие бомбардировки. В случаях реализации вещей в силу военной необходимости ответственность ломбарда была ограничена «суммой, вырученной от реализации, за вычетом выданной ссуды с процентами и платы за хранение и страхование»¹⁷.

В 1962 г. в целях улучшения бытового обслуживания населения было принято постановление, которым утверждалось решение об организации в течение двух лет не менее 32 городских ломбардов¹⁸.

В 1966 г. ломбарды были переданы в ведение Министерства бытового обслуживания¹⁹.

Постановлением Совмина РСФСР от 7 июня 1968 г. был утвержден Типовой устав ломбарда. Ломбарды являлись государственными предприятиями. Ломбард за принятые вещи нес материальную ответственность, отвечал по своим обязательствам имуществом, на которое могло быть обращено взыскание. Ломбарды были обязаны страховать принимаемые вещи за счет залогодателя. Деятельность ломбардов имела поддержку со стороны государства, поэтому они имели право пользоваться ссудами Госбанка.

Ломбарды могли производить операции двух видов: прием на хранение предметов личного пользования и домашнего потребления и выдачу ссуд под залог этих предметов. Не допускался залог иностранной валюты и ценных бумаг. Примечательно, что приоритетной была операция по приему вещей на хранение. Стоит отметить, что плата за хранение вещей взималась из расчета 4,7 % годовых от суммы оценки, установленной по соглашению сторон, а если речь шла об изделиях из драгоценных металлов – по государственным расценкам. При приеме вещей на хранение плата взималась вперед за весь срок хранения, в залог – при погашении ссуды. Ссуды выдавались на срок до трех месяцев, который мог быть продлен при наличии уважительных причин. Размер выдаваемых ссуд под залог не мог превышать 75 % от суммы оценки заложенных вещей, а под залог изделий из драгоценных камней, металлов, жемчуга и часов в золотом корпусе допускалась выдача ссуд не более 90 % от суммы их оценки. Типовым уставом был установлен предельный размер ссуды. Срок хранения вещей при уклонении клиента от их обратного получения составлял 3 месяца, льготный срок хране-

ния при уклонении от получения предмета залога составлял 1 месяц. Невостребованные вещи передавались торговым организациям по договорам комиссии для их дальнейшей реализации, драгоценности реализовывались ломбардом самостоятельно²⁰.

Таким образом, анализируя становление ломбардной деятельности в Российском государстве, мы приходим к выводу, что ломбарды создавались как учреждения, призванные облегчить финансовое положение населения и избавить его от ростовщического гнета. Подотчетность государству, небольшое количество ссудных казн вместе с высокой востребованностью их услуг населением приводили к невозможности удовлетворить потребности всех, кто нуждался в кредитовании. В связи с этим в XIX в. распространение получили частные и городские ломбарды. В советское время отношение государства к ломбардам неоднократно менялось, но в итоге власть осознала их важность для бытового обслуживания населения. Развитие ломбардной деятельности после Великой Отечественной войны нельзя назвать интенсивным. Ее возрождение началось в конце 1980-х гг., когда осуществлялась реставрация рыночных отношений. Исторический опыт формирования ломбардной деятельности показывает, что эти учреждения имеют не только экономическое, но и социальное значение, призваны оказывать финансовую помощь населению. Их долгое существование и постоянное развитие указывают на важность ломбардной деятельности и необходимость ее поддержки в современных условиях.

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина: официальный сайт. Т. 9: 1733–1736 гг. URL: <https://www.prlib.ru/item/358649> (дата обращения: 01.10.2020).

² Об учреждении Государственного Заемного Банка; о порядке выдачи из него денег и о наказании ростовщиков: Именной указ от 13 мая 1754 г. // Гарант: справ. правовая система. URL: <https://base.garant.ru/55005295/> (дата обращения: 29.09.2020).

³ Ссудная и сохранный кассы // Runivers.ru: сайт. URL: https://runivers.ru/new-encyclopedia/material-culture/katalog_statey/592753/ (дата обращения: 29.09.2020).

⁴ Историческая справка о ссудных казнах за все время их существования. Санкт-Петербург: Типо-лит. Руманова, 1912. 39 с.

⁵ О подчинении Министерству Финансов Ссудных Казен и Сберегательных Касс, учрежденных при Приказах Общественного призрения: Именной Указ, объявленный Сенату Министром Финансов от 9 и 10 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2-е.

Т. 35. № 35895. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=263 (дата обращения: 01.10.2020).

⁶ Костромской городской ломбард. Отчет Костромского городского ломбарда за 1915 год: 20-й год существования. Кострома: Губерн. Тип. 1916. 59 с.

⁷ О национализации банков: Декрет ВЦИК от 14 дек. 1917 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4305#043874150889516694> (дата обращения: 07.10.2020).

⁸ Об учреждении ломбардов (ссудных касс): Декрет СНК РСФСР от 11 окт. 1922 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=10806#010823960841651092> (дата обращения: 07.10.2020).

⁹ Образцовый устав Коммунального ломбарда // Вестник Финансов, 1922. № 43.

¹⁰ Ломбард: финансовая энциклопедия // Sainfo.ru: сайт. URL: <http://sainfo.ru/finance/12/6.html> (дата обращения: 07.10.2020).

¹¹ Об утверждении нормального устава коммунальных ломбардов: Постановление Экономического совещания РСФСР от 16 сент. 1926 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&dst=100005&n=6560&req=doc#07113392312574875> (дата обращения: 07.10.2020).

¹² О коммунальных и акционерных ломбардах: Постановление СНК РСФСР от 17 июля 1928 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8208#036970187243968256> (дата обращения: 08.10.2020).

¹³ Об освобождении коммунальных и акционерных ломбардов от промыслового и подоходного налогов и от местных налогов и сборов: Постановление СНК РСФСР от 17 июля 1928 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8209#07285651477681567> (дата обращения: 08.10.2020).

¹⁴ О коммунальных ломбардах: Постановление СНК РСФСР от 02 апр. 1934 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=24456#09101487667999313> (дата обращения: 09.10.2020).

¹⁵ Об улучшении работы городских ломбардов: Постановление СНК РСФСР от 15 дек. 1939 г. № 704 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=28273&dst=100001#0006685400880894532> (дата обращения: 09.10.2020).

¹⁶ История компании «Мосгорломбард» // Mosgorlombard.ru: сайт. URL: <https://www.mosgorlombard.ru/o-kompanii/istoriya-kompanii/> (дата обращения: 09.10.2020).

¹⁷ Об ответственности ломбардов за ценности, утраченные или поврежденные в результате военных действий: Постановление СНК СССР от 19 мая 1944 г. № 556 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=48147#028685141198981223> (дата обращения: 09.10.2020).

¹⁸ О дальнейшем улучшении бытового обслуживания населения: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 10 авг. 1962 г. № 847 (в ред. от 20 окт. 1987 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=27779#00008372506870257812> (дата обращения: 11.10.2020).

¹⁹ О передаче ломбардов и справочно-информационной службы в ведение Министерства бытового обслуживания населения РСФСР: Постановление Совмина РСФСР от 27 июня 1966 г. № 557 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=42091#014055647137467098> (дата обращения: 11.10.2020).

²⁰ Об утверждении Типового устава ломбарда: Постановление Совмина РСФСР от 07 июня 1968 г. № 358 (в ред. от 31 авг. 1972 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337/ (дата обращения: 11.10.2020).

Список литературы

Алеев Э.А. Ломбарды и перспективы их развития в России // Сервис в России и за рубежом. 2007. № 4. С. 17–18.

Базарнова А.А. Проблемы правового регулирования деятельности городских ломбардов в Российской империи // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 12. С. 43–44.

Базарнова А.А. Юридическое обеспечение деятельности ломбардов в Российской Империи: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 191 с.

Исинский К.А. История ломбардов в России (на примере Пензенского городского ломбарда) // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 428–431.

Кириллов И.А. Ломбарды в России. М.: Финансово-экономическое бюро, 1922. 68 с.

References

Aleev E.A. *Lombardy i perspektivy ikh razvitiia v Rossii* [Pawnshops and prospects for their development in Russia]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad], 2007, № 4, pp. 17–18. (In Russ.)

Bazarnova A.A. *Problemy pravovogo regulirovaniia deiatel'nosti gorodskikh lombardov v Rossiiskoi imperii* [Problems of legal regulation of urban pawnshops in the Russian Empire]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2008, № 12, pp. 43–44. (In Russ.)

Bazarnova A.A. *Iuridicheskoe obespechenie deiatel'nosti lombardov v Rossiiskoi Imperii: dis. ... kand. iurid. nauk* [Legal support for the activities of pawnshops in the Russian Empire: PhD thesis]. Moscow, 2011, 191 p. (In Russ.)

Isinskiĭ K.A. *Istoriia lombardov v Rossii (na primere Penzenskogo gorodskogo lombarda)* [The history of pawnshops in Russia (on the example of the Penza city pawnshop)]. *Izvestiia PGU im. V.G. Belinskogo* [Izvestiya PGPU named after V.G. Belinsky], 2011, № 23, pp. 428–431. (In Russ.)

Kirillov I.A. *Lombardy v Rossii* [Pawnshops in Russia]. Moscow, Finansovo-ekonomicheskoe biuro Publ., 1922, 68 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 30.10.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 30.10.2021; accepted for publication 15.11.2021.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 204–208. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 204–208. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470.317)

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-204-208>

К 77-ЛЕТИЮ ВОССОЗДАНИЯ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ (круглый стол в информационном центре Администрации Костромской области)

Белов Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор Костромской государственной университет, Кострома, Россия, belovi_1957@mail.ru

Белова Наталья Андреевна, кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, belovanatalia86@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7675-7419>

Аннотация. В статье представлены итоги круглого стола, посвященного 77-летию воссоздания Костромской области как самостоятельного региона, который состоялся 27 августа 2021 г. в информационном центре Администрации Костромской области. Участники круглого стола рассматривали исторические предпосылки и достижения Костромской земли, попытались сделать исторический обзор развития Костромской области и определить ее перспективы. В работе обобщаются самые существенные тезисы прозвучавших докладов, делается акцент на важнейших вехах в истории развития области и их нынешнем осмыслении, на усвоении современными учеными и общественным деятелями предшествующего опыта в решении остро стоящих ныне проблем.

Ключевые слова: круглый стол, Костромская область, история края, экономическое развитие, социальное развитие, общество.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-31820

Для цитирования: Белов А.М., Белова Н.А. К 77-летию воссоздания Костромской области (круглый стол в информационном центре Администрации Костромской области) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 204–208. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-204-208>

Research Article

ON THE 77TH ANNIVERSARY OF KOSTROMA REGION RESTORATION (scientific discussion in the information centre of Kostroma Region administration)

Andrey M. Belov, Doctor of Historical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, belovi_1957@mail.ru

Natalya A. Belova, Candidate of Historical Sciences, Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, belovanatalia86@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7675-7419>

Abstract. The article presents the results of a round table dedicated to the 77th anniversary of the restoration of Kostroma Region (in 1920s and 30s, the region's territories belonged to nearby major cities); the meeting took place on August 27, 2021 at the information centre of the Administration of Kostroma Region. The participants of the round table considered the historical background and achievements of Kostroma Region, tried to make a historical overview of the development of the Kostroma Region and determine its prospects. The work summarises the most significant theses of the reports heard, we focus on the most important milestones in the region development history and the milestones' current understanding, on the assimilation of previous experience by modern scientists and public figures in solving topical problems.

Keywords: round table, Kostroma Region, regional history, economic development, social development, society.

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 27-011-31820

For citation: Belov A.M., Belova N.A. On the 77th anniversary of Kostroma Region restoration (scientific discussion in the information centre of Kostroma Region administration). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 204–208 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-204-208>

27 августа 2021 г. состоялось заседание круглого стола, посвященное 77-летию (1944 г.) воссоздания Костромской области как самостоятельного региона. В нем приняли участие ученые Костромского государственного университета представители Администрации Костромской области, общественности и ветеранских организаций.

В выступлении доктора исторических наук, профессора Костромского государственного университета А.М. Белова были определены вехи развития Костромского края. Автор подчеркнул, что наш край заселялся с древности. В его освоении активную роль сыграли правившие в XII в. князья – основатель Костромы князь Юрий Долгорукий и его потомки, а также Русская православная церковь. Начиная с XIV в. последователи Сергия Радонежского вместе с монастырями и селившимися вокруг них крестьянами продвигали русскую земледельческую культуру на северо-восток, пока она не достигла своих природных пределов на границе с Вологодской землей. Разные виды деятельности населения и невозможность обеспечения достаточного для жизни продовольствия определяли издревле занятия костромичей, а также начавшиеся с XIX в. миграционные процессы. Вынужденное из-за долгой зимы безделье побуждало крестьян к развитию промыслов и отходничеству в города и промышленные центры России. До 400 тыс. костромичей в год уходило в российские столицы – Санкт-Петербург, Москву, а также в губернские промышленные города и села Верхнего Поволжья, чтобы заработать необходимые средства для проживания. Во многом это предопределило историческую специализацию Костромского края, связанную с развитием текстильного производства, а также промыслов (бондарных, каретных, тележных, колесных и т. п.) и ювелирных. А.М. Белов также отметил, что в развитии Костромской губернии в начале XX в. определяющую роль играла политика правительства по защите внутреннего рынка, сильное государство, ограждавшее товаропроизводителей от конкуренции извне – в основном от проникновения текстильных товаров из Германии. Поэтому революционные потрясения 1917 г. да и 1991–1992 гг. приводили к резкому падению промышленного производства, сокращению занятости и усилению миграционного оттока костромичей в более развитые регионы России. Во многом депопуляции костромского села способствовала антирелигиозная политика большевиков, разрушивших жизнь христианских приходов и, как следствие, многовековые традиции православной жизни. В значительной степени из-за недоверия и опасения антисоветских мятежей были ликвидированы при проведении административно-территориальной реформы в 1929 г. русские губернии России – Ярославская, Костромская, Влади-

мирская, вошедшие в Ивановскую промышленную область и целый ряд других.

Вместе с тем, несмотря на потерю самостоятельности, развитие Костромы продолжалось.

В докладе заместителя директора Новой Костромской льняной мануфактуры В.В. Афанасина шла речь о промышленном развитии Костромы в 1930–1940-е гг. В 1936 г. был введен льнокомбинат по проекту талантливого костромского инженера И.Д. Зворыкина. В этом же году новый завод «Красная маевка» перешел к выпуску игольно-планочной гарнитуры для текстильной промышленности. Завод имени Красина перешел к выпуску полнокомплектного оборудования для резино-асбестовой промышленности, ранее ввозимого из-за границы. Важным инфраструктурным проектом стало завершение строительства в 1932 г. железнодорожного моста через р. Волгу.

Большой вклад внес Костромской край в победу страны в Великой Отечественной войне. В течение 1941–1945 гг. из Костромского края было призвано около 260 тыс. человек, что составляло 25 % от всего населения. По переписи 1939 г. здесь проживало около 1 млн. 48 тыс. человек, из них 807 тыс. (77 %) в сельской местности. По сравнению с общесоюзным показателем процент мобилизованных костромичей был в 1,5 раза выше. Это объясняется отсутствием у сельского населения брони от призыва в армию, тогда как рабочие, занятые на оборонных предприятиях, освобождались от мобилизации. В.В. Афанасин отметил, что целый ряд воинских соединений, сформированных на Костромской земле – 234, 285, 328 стрелковые дивизии и ряд других – отличились в боях по защите и освобождению от фашистов оккупированных западных областей СССР.

Следующее выступление на Круглом столе было посвящено большому вкладу костромичей на трудовом фронте Великой Отечественной войны. Оно было подготовлено председателем совета ветеранов г. Костромы Т.В. Гачиной и руководителем Костромской районной организации ветеранов Г.В. Ивановой. Докладчики отметили, что в самый сложный начальный период войны, осенью 1941 г. тысячи женщин и подростков ломали кирками и лопатами рыли противотанковый ров, протянувшийся от села Саметь до Костромы (около 10 км). В Костромском крае в годы войны были развернуто 49 эвакуационных госпиталей, из них 34 — в Костроме, остальные в Костромском районе, Буе, Галиче, Мантурове, Нее, Нерехте, Шарье, Яхшанге. Хорошо поставленная медицинская служба, самоотверженный труд врачей, медсестер, санитаров, шефская помощь трудовых коллективов, молодежи обеспечили возвращение в строй 73 % раненых воинов. Только в костромских госпиталях за годы войны прошли лечение 50 тыс. солдат и офицеров. На предприятиях Костромы, Нерехты, Буя, Галича и др., был

налажен выпуск военной продукции – авиационных бомб, мин, корпусов снарядов. Костромской судомеханический завод за годы войны дал военно-морскому флоту более 120 катеров-тральщиков. В выступлении председателя совета ветеранов Костромского района Г.В. Ивановой было обращено внимание, что ушедших на фронт мужчин – шоферов, трактористов, механизаторов, агрономов заменяли старики и подростки. На многие участки сельского труда вместо мужчин вышли женщины: все было подчинено нуждам фронта. Несмотря на трудности, в Костромском районе расширяются посевные площади, растет урожайность по зерновым культурам, овощам, картофелю. В годы войны прославился на всю страну высокими урожаями и продуктивностью скота костромской породы колхоз «12 Октябрь», где трудилась знаменитая Прасковья Андреевна Малинина. Как отметила докладчица, в годы войны состоялось официальное признание костромской породы скота¹.

За время войны среди Героев Советского Союза было 160 костромичей, а также 30 полных кавалеров ордена Славы. Прославились костромские военачальники – маршалы, дважды герои Советского Союза А.М. Василевский и А.А. Новиков, десятки адмиралов и генералов. Всей стране стали известны подвиги героев СССР Юрия Смирнова и Вадима Князева, отдавших жизнь за свободу и независимость Родины. Основной докладчик круглого стола доктор исторических наук, профессор А.М. Белов отметил большой вклад историков, ветеранов войны, краеведов в создание многотомной «Книги Памяти», подготовленной к 50-летию победы и дополненной в последующие годы. Данные о погибших, умерших от ран и пропавших без вести теперь закреплены на памятной плите, недавно открытой в «Парке Победы» Костромы. А.М. Белов обратил внимание участников круглого стола на тот факт, что при общей цифре потерь в 115441 самой большой из них оказалась доля пропавших без вести воинов – 53204. В выступлении А.М. Белова было отмечено также, что в условиях освобождения западных административных центров и незавершившихся боевых действий перед властью встал вопрос восстановления областных административных центров. На волне патриотических настроений в условиях победоносного завершения войны Президиум Верховного Совета СССР 13 августа 1944 г. опубликовал указ о восстановлении Костромской области в качестве самостоятельного региона.

Приятное событие для всех костромичей произошло в начале осени. 10 сентября 2021 г. президент В.В. Путин подписал указ о присвоении почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести» городу Костроме «за значительный вклад жителей в достижение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., обеспечение бесперебой-

ного производства военной и гражданской продукции на промышленных предприятиях, проявленный при этом массовый трудовой героизм и самоотверженность».

Активное развитие Костромской края продолжилось и в послевоенное время, особенно в 1950-е гг., когда область руководил Л.Я. Флорентьев. В это время строятся новые промышленные предприятия: заводы текстильного машиностроения, автоматических линий, красильно-отделочного оборудования, деревообрабатывающих станков и др. Было начато строительство крупнейшей в Европе Костромской ГРЭС, автопешеходного моста через р. Волгу. В эти же годы была полностью электрифицирована территория всей области. Одной из проблем развития, а также доступности для костромичей были пути сообщения в Костромской области. С древности здесь главными путями были реки – Волга, Унжа, Ветлуга, Кострома. Только в 1956 г. была построена железная дорога, соединившая Кострому и Галич.

В выступлении заместителя председателя Костромского регионального отделения Совета ветеранов В.Ф. Мойсюк была раскрыта малоизвестная страница истории, связанная с развертыванием в Костромской области ракетных войск стратегического назначения и, как следствие, большим инфраструктурным, а также социальным строительством Министерством обороны СССР. Для решения поставленной задачи создается также и сеть социальных объектов, дорог, трубопроводов природного газа, объектов дополнительного электропитания и др. В результате были построены дороги асфальтно-бетонного покрытия в Костромском, Сусанинском, Буйском, Судиславском, Галичском, Красносельском районах. Всего в области с 1961 г. по 1980 г. было построено: дорог с твердым покрытием – более 250 км, сборных железобетонных колеинового типа – более 240 км, 14 мостовых переходов и др. В Костроме появились новые микрорайоны и новые улицы, построены две школы, три детских сада, котельные, дом культуры «Патриот» с плавательным бассейном, десятки многоэтажных кирпичных и панельных домов. Ряд жилищно-социальных комплексов были возведены и в селах области, расположенных вблизи военных объектов.

Вместе с тем, за последние полвека, как указали участники круглого стола, наблюдается значительное² сокращение населения Костромской области. В выступлении директора Департамента экономического развития Костромской области А.А. Свистунова было отмечено, что руководство региона предпринимает усилия по преодолению негативных тенденций в развитии. Костромская область является самой богатой лесами территорией Центральной России: почти три четверти области покрыты лесами. Общий запас древесины составляет более 700 млн. куб. м.,

что позволяет реализовать в регионе проекты по глубокой переработке древесины. В 2020 г. успешно завершили реализацию ряда крупных инвестиционных проектов ОАО «Цвет», ООО «Резилюкс-Волга», НАО «СВЕЗА Мантурово», АО «Костромской завод автокомпонентов». Общий объем инвестиций в экономику региона за период их реализации составил 3,6 млрд. рублей, было создано 500 новых рабочих мест. В 2021 г. один из лидеров российского лесопромышленного комплекса холдинг «СЕГЕЖА Групп» открывает в Костромской области крупнейший в России завод по производству большеформатной фанеры с объемом выпуска 125 тыс. кубических метров в год (объем инвестиций более 130 млн. долларов США). Наряду с крупными, масштабными производствами большой вклад в развитие региональной экономики и производственной кооперации вносят малые предприятия. В Костромской области более 25 тыс. хозяйствующих субъектов или 73 % всех зарегистрированных в регионе предприятия. Данный сектор создает рабочие места для 110 тыс. человек – это треть от занятых в региональной экономике. На малый и средний бизнес приходится порядка 60 % от общего оборота продукции и услуг, производимых предприятиями региона. Наибольший удельный вес в структуре оборота занимает оптовая и розничная торговля, производство мебели, ювелирных изделий, пищевых продуктов. В валовом региональном продукте вклад малого и среднего бизнеса оценивается на уровне 30 %. Как отметил А.А. Сви-стуннов, несмотря на сложность экономической и геополитической ситуации в стране, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции и высокую степень неопределенности, губернатором Костромской области в июле текущего года утверждена «Стратегия социально-экономического развития Костромской области до 2035 года», определившая приоритеты, цели и задачи социально-экономической политики в долгосрочной перспективе. Среди приоритетов – человек, развитие человеческого капитала, социальные проекты, внедрение инноваций и технологий во все сферы жизнедеятельности. В целях народосбережения поставлены задачи снижения уровня бедности с 12,7 % в 2018 г. до 5,8 % в 2035 г.; замедление темпов убыли и достижения прироста населения; увеличение ожидаемой продолжительности жизни с 71,8 в 2018 г. до 79,2 лет в 2035 г. Реализация этих целей требует непрерывных материальных вложений в медицину, образование, экологию, безопасность, социальную инфраструктуру. Основным источником финансирования станут национальные проекты, в бюджет которых заложено на период до 2025 г. более 25 млрд.

Подвел итоги заседания руководитель региональной Общероссийской организации ветеранов войны,

правоохранительных органов и труда Д.Л. Бодрин, отметивший, что, несмотря на многие трудности последнего времени, Костромская область поступательно развивается в XXI в.

Одной из главных нерешенных проблем, к которой вышла дискуссия участников Круглого стола, является проблема депопуляции Центральной России. Указанные достижения и сложные вопросы в жизни Костромской области подводят нас к главному выводу. Современная мировая ситуация, влияние экономических процессов приводят к депопуляции Центральной России. Эти проблемы сложно преодолеть без государственной поддержки, развития промышленного производства, возрождения сельского хозяйства, развития малого бизнеса, а также грамотного руководства. За последние 30 лет в демографическом плане мы наблюдаем весьма тяжелую картину. Естественная убыль населения наблюдается в области с 1990 г., как мы уже указывали выше, согласно статистическим отчетам Костромской службы статистики, население области за половину века сократилось на четверть. Уже сейчас многие деревни заброшены жителями, сельское население переезжает в города не только потому, что отсутствует возможность достойного заработка. Еще одной причиной является полное уничтожение социальной инфраструктуры – детям негде учиться, у стариков нет возможности посещать врачей, а взрослое население не может найти достойную работу. Разброс среднего заработка по области в 2014 г. составил от 7 тыс. руб. до 30 тыс. руб. Как сообщают «РИА Новости», аналитики составили очередной рейтинг зарплат по регионам, однако на этот раз использовали другую методику. Они исключили из списка большие города и подсчитали оплату труда в малых городах, деревнях и селах. Выяснилось, что Костромская область оказалась на 63 месте (из 85 субъектов России). Судя по подсчетам, в регионе средняя зарплата в малых населенных пунктах составляет 28 тысяч рублей. При этом отношения реальной зарплаты к ценам на еду и услуги оказалось очень низким, что говорит об одном — на эти деньги жители не могут купить многие вещи³. А если рассчитать медианную зарплату (т.е. ту, которую получает большинство, которая реально отражает действительный доход населения), получится еще более скромная сумма, которая едва ли превысит 15–20 тыс. рублей. Согласно данным наших массовых опросов 2021 г., которые были проведены в малых городах области, последняя указанная цифра подтверждает наши предположения, подтверждает их и мониторинг сайтов вакансий Костромской области. Например, имеется вакансия доярки в колхозе им. Чапаева в Поназырево: требуется «осуществлять ручное доение коров с продуктивностью до 3,5 тыс. кг. молока в год; выполнять

мероприятия по улучшению содержания животных», заработная плата за этот труд предполагается в размере 12 792 руб.⁴ В Костроме такой специалист получит от 20–25 тыс. руб., что тоже существенно ниже среднего заработка в областном центре.

В итоге хотелось бы отметить, что главной и приоритетной задачей сейчас необходимо сделать достойную заработную плату в области и минимальный размер труда не ниже прожиточного минимума, поскольку только достойный оклад и уровень жизни сможет остановить миграцию местного населения из села в город, повысить рождаемость и остановить вымирание одного из древнейших и стратегически важных регионов в стране.

Примечания

¹ Костромская порода — порода крупного рогатого скота молочно-мясного или мясо-молочного направления. Выведена зоотехниками под руководством С.И. Штеймана, В.А. Шамяна и Н.А. Горского в пле-

менных хозяйствах Костромской области РСФСР путём скрещивания местного скота с альгаузской и швицкой породами. Порода утверждена в 1944 г.

² В целом население области сократилось почти на 25 % (с 921,2 тыс. до 637,3 тыс.).

³ Зарплата в деревнях и селах Костромской области удивила всех. *Kostroma. Today*, 29 Марта 2021. URL: <https://kostroma.today/news/zarplata-v-derevnyax-i-selax-kostromskoj-oblasti-udivila-vsex> (дата обращения: 11.09.2021)

⁴ Job Filter.ru. Вакансии рынка труда РФ, Костромская область. Работа доярка в Костромской области URL: <https://ponazyrevo.jobfilter.ru/vacancy/62611975>, опубликовано: 25.02.2021 (дата обращения: 11.09.2021)

Статья поступила в редакцию 14.09.2021; одобрена после рецензирования 09.10.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 14.09.2021; approved after reviewing 09.10.2021; accepted for publication 12.11.2021.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ.)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Бориллов синодик. София: Паблшинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn* and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с

Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoričeskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Непомнящий В.С. *Pushkin v svete očevidnosti* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoebrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskii mifo Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. *Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.*
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2021 – Т. 27 – № 4

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 24.11.2021.
Дата выхода в свет 23.12.2021.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 26,8.
Уч.-изд. 27,8 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 218.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна